КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА

1853
1883
M.O.B.

ВЕЛИКІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ, ОДНОТОМНЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ

Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ:

А. С. ПУШКИНА

въ одномъ томѣ, подъ редакціей П. Н. Краснова. Съ жизнеописан. поэта, портретами и рисунк, относящимися къ его жизни, и съ 35 отд. картинами худ. И. В. Симакова. Ц. въ одномъ изящн. коленк. переплетѣ и въ футлярѣ 3 р.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 2-хъ томахъ (въ одной книгѣ). Подъ редакціей В. В. Чуйко. Съ портр. поэта, его біографіей и 41 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

Н. В. ГОГОЛЯ

въ одномъ томѣ, подъ редакціей П. В. Быкова. Съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни, и съ 32 отдѣльными картинами худ. В. А. Табурина. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

В. А. ЖУКОВСКАГО

въ одномъ томѣ, подъ редакціей П. Н. Краснова. Съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни, и съ 32 отдѣльными картинами художниковъ: И. П. Гурьева, В. Кауль-Баха, А. Лиценъ-Мейера и др. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

В. Г. БѢЛИНСКАГО

въ одномъ томѣ, подъ редакціей Н. Д. Носкова. Съ жизнеописаніемъ писателя, портретами, рисунками, относящимися къ его жизни, и пр. Ц. въ изящн. коленк. перепл. и въ футлярѣ 3 р.

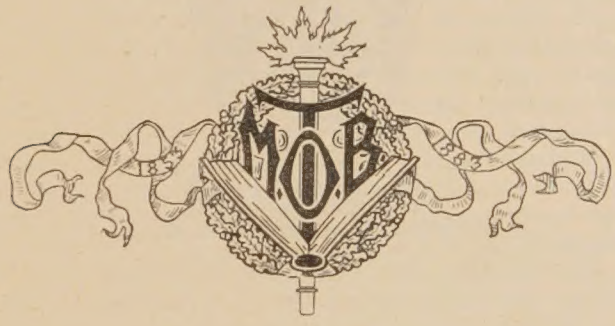
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

Подъ редакціей В. В. ЧУЙКО

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЛЕРМОНТОВА, ЕГО БІОГРАФІЕЙ И 41 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ ХУДОЖНИКА В. А. ПОЛЯКОВА



ПЯТОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНІЕ

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный Дворъ, 18 и Невскій, 13.
МОСКВА.
Кузнецкій Мостъ, 12 и Моховая, 22.

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Бас· остр· 16 линія соб· домъ

Архив № 1626/1

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

Лермонтовы ведутъ свой родъ отъ шотландской фамиліи Лермонтъ. Одинъ изъ этихъ Лермонтовъ переселился изъ Шотландіи въ Россію въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Потомки его были стольниками и воеводами, а позднѣйшіе служили въ военной службѣ. Отецъ нашего поэта точно также служилъ въ военной службѣ, но не долго: въ 1811 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и по большей части жилъ въ деревнѣ. Онъ женился на Маріѣ Михайловнѣ Арсеньевой, которая вышла за него замужъ по любви. Отъ нея у Юрія Петровича родился сынъ Михаилъ 3 го октября 1814 года. Его мать, Марья Михайловна, черезъ два съ половиною года послѣ рожденія поэта, умерла отъ изнурительной чахотки, на двадцать первомъ году жизни.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ воспитывался у своей бабушки, Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой, рожденной Столыпиной, которая обожала своего внука и имѣла несчастіе пережить его. Это была женщина богатая и не жалѣла средствъ на воспитаніе внука; особенное вниманіе,—по условіямъ тогдашняго времени,—было обращено на изученіе новѣйшихъ языковъ, — французскаго, нѣмецкаго, англійскаго; молодой Лермонтовъ учился также и греческому языку. Французскимъ языкомъ онъ владѣлъ превосходно, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его французскіе стихи. Подобно Данте и Байрону ему не было еще и десяти лѣтъ, какъ онъ былъ уже влюбленъ не на шутку. Въ одной изъ своихъ тетрадей онъ, между прочимъ, писалъ: «Кто повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя десять лѣтъ отъ роду? Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушки, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собой она была или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей; онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ,—я помню,—я вбѣжалъ въ комнату: она была тутъ и играла съ кузиной въ куклы; мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь. Съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ... И такъ рано! Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила,—я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату. Я не хотѣлъ говорить съ ней и избѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ-бы страшась, чтобы біенье сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда; и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые... нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видѣлъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ этотъ разъ. Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано, въ десять лѣтъ!.. О! это загадка, этотъ потерянный рай до могилы будетъ терзать мой умъ!.. Иногда мнѣ странно, и я готовъ смѣяться надъ этой страстью—но чаще плакать! Говорятъ (Байронъ), что «ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки».

Разумѣется, эта ранняя страсть скоро прошла. Около этого времени, въ 1826 году, молодой Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ онъ пробылъ 2 года. Съ августа мѣсяца 1830 года онъ сталъ слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ. Курса въ университетѣ онъ не окончилъ и вышелъ въ 1832 году, по причинѣ, которая до сихъ поръ окончательно не выяснена. Одинъ изъ его товарищей по университету разсказываетъ, что Лермонтовъ имѣлъ столкновеніе съ однимъ изъ профессоровъ, который будто бы обидѣлся тѣмъ, что студентъ зналъ больше самого

профессора. Это едва-ли вѣроятно. Гораздо правдоподобнѣе то, что сообщаетъ Дудышкинъ въ біографіи Лермонтова. Онъ имѣлъ письмо одного изъ близкихъ къ Лермонтову лицъ. Вотъ это письмо: «A. S. écrit à P. que vous avez un désagrement à l'université, et que ma tante en est malade; de grâce écrivez-moi ce que c'est. У насъ всѣ дѣлаютъ изъ мухи слона. tranquillisez—moi de grâce,—pour mon malheur je vous connais trop pour pouvoir être tranquille; je sais, que vous êtes capable de vous couper la gorge avec le premier venu et pour la prémière sottise—fi! C'est une honte: vous ne serez jamais heureux avec ce vilain caractére». Кромѣ того, Дудышкинъ слышалъ отъ одного изъ товарищей Лермонтова слѣдующій разсказъ объ этомъ событіи: у профессора П. былъ адъюнктъ М., читавшій теорію уголовнаго права. Любимой темой лекцій М. было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ лекціи М. начиналъ словами: «человѣкъ, который...». М. заставлялъ и студентовъ поочередно писать на эту тему. Всѣ писали неохотно и начинали словами: «человѣкъ, который...» Студенты не любили профессора. Однажды, едва М. вошелъ на каѳедру и началъ обычное: «человѣкъ, который...»—студенты зааплодировали и крикнули: «fora!» «прекрасно!»... Это повторялось каждый разъ, какъ только М. раскрывалъ ротъ. М., обращаясь къ студентамъ, говоритъ: «Гг.! я долженъ буду уйти!»—а ему кричатъ: «прекрасно!» М. идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, а студенты идутъ за нимъ крича: «человѣкъ, который... bis! прекрасно...» И проводили его такимъ образомъ довольно далеко. По жалобѣ М., въ числѣ исключенныхъ былъ и Лермонтовъ.

Этотъ разсказъ въ сопоставленіи съ французскимъ письмомъ, приведеннымъ нами, дѣйствительно, правдоподобенъ, потому что находится въ согласіи съ характеромъ Лермонтова, — рѣзкимъ, нетерпимымъ, дерзкимъ. Эти индивидуальныя черты еще болѣе опредѣлились въ юнкерской школѣ, куда Лермонтовъ поступилъ въ 1832 году, вопреки желанію своей бабушки. Въ школѣ онъ пріобрѣлъ грубыя манеры, употреблялъ самыя неприличныя выраженія, помѣщалъ въ школьномъ журналѣ циническіе стихи и, вообще, велъ себя какъ большинство его товарищей. «Справедливо замѣчаютъ,—читаемъ мы въ біографіи Лермонтова, помѣщенной въ изданіи г. Ефремова,—что пребываніе въ школѣ внесло новыя, крайне не

Село Тарханы.
Рисунокъ И. С. Панова.

Домикъ Лермонтова въ Пятигорскѣ.
Рисунокъ И. С. Панова.

симпатичныя черты въ характерѣ поэта,—фальшивое и непріятное удальство, страсть выдаваться впередъ, отталкивающую назойливость, и что только внутренній инстинктъ оберегалъ Лермонтова и не далъ ему вполнѣ подчиниться тѣмъ вліяніямъ, которыя способны были бы совершенно погубить его талантъ. Это подтверждается и разсказомъ одного изъ товарищей Лермонтова, который говоритъ, что «по вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами». Эти черты характера, къ сожалѣнію, остались и впослѣдствіи и многихъ отталкивали отъ поэта. Это видно между прочимъ и изъ воспоминаній о Лермонтовѣ Боденштедта: «Мы были за шампанскимъ,—описываетъ свою встрѣчу съ Лермонтовымъ Боденштедтъ.—Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ, и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты. Въ то время мнѣ не было еще и двадцати-двухъ лѣтъ; я былъ свѣжій и толстощекій, довольно неловкій и сентиментальный юноша, и больше слушалъ, чѣмъ говорилъ и, вѣроятно, казался нѣсколько страннымъ среди этой блестящей, уже порядочно пожившей молодежи.—Al Михаилъ Юрьевичъ!—вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ, при видѣ только-что вошедшаго молодого офицера. Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ: «здравствуйте!», слегка потрепалъ О. по плечу и обратился къ князю со словами: «Ну, какъ поживаешь, умникъ?» У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и при этомъ нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки. Гладкіе, бѣлокурые, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодого человѣка. Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не доверху застегнутъ, и изъ-подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было. Мы говорили до тѣхъ поръ по-французски и О. представилъ меня на томъ же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами за обѣдъ. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи съ прислугой онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ,— чтобы не сказать у всѣхъ,—русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали меня, поражали потому, что гость этотъ былъ — Лермонтовъ. Эти выраженія иностранецъ прежде всего выучиваетъ въ Россіи, потому что слышитъ ихъ повсюду и безпрестанно; но ни одинъ порядочный человѣкъ, — кромѣ

развѣ грека или турка, у которыхъ въ ходу точь-въ-точь такія-же выраженія,—не рѣшится написать ихъ въ переводѣ на свой родной языкъ. Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ кушаньевъ и осушивъ два стакана вина онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острилъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію для меня его остроты остались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по-русски и, къ тому-же чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ О., онъ почелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ. Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова, но, наконецъ, и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что, при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ-же, гдѣ и у другихъ людей. Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя своего товарища, и онъ всѣми силами старался примириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ. Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова, по собранію его стихотвореній, вышедшему въ 1840 году; но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу. Я никогда не могъ,—можетъ быть ко вреду моему,—сдѣлать новый шагъ къ сближенію съ задорнымъ человѣкомъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто въ обществѣ; никогда не могъ извинять шалостей знаменитыхъ и геніальныхъ людей, только во имя ихъ знаменитости и геніальности. Я часто убѣждался, что можно быть основательнымъ ученымъ, поэтомъ или писателемъ, и въ то же время невыносимымъ человѣкомъ въ обществѣ. У меня правило: основывать мое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи Лермонтова, мое первое, непріятное впечатлѣніе совершенно изгладилось пріятнымъ».

Лермонтовъ былъ до крайности самолюбивъ, но въ то же время былъ дуренъ собой, неуклюжъ, дурно сложенъ, незнатнаго происхожденія, не богатъ. А между тѣмъ, онъ хотѣлъ быть красавцемъ, побѣждать сердца женщинъ, ему хотѣлось попасть въ люди, лишь-бы никому въ этомъ не быть обязаннымъ. Все это его очень мучило. Отсюда его внѣшній байронизмъ, щегольство, постоянно рѣзкая или грубая на-

Гроть Лермонтова въ Пятигорскѣ.
Рисунокъ И. С. Панова.

смѣшка, вѣчное желаніе рисоваться, плоскія шутки, цинизмъ въ выраженіяхъ. Будучи въ школѣ, онъ много писалъ, но почти всѣ эти его ранніе поэтическіе пробы не отличались яркимъ и скромностью («Уланша», «Монго», «Праздникъ въ Петергофѣ»). Къ этому же періоду принадлежитъ также и поэма «Хаджи-Абрекъ», которая тайкомъ отъ автора передана была Сенковскому и напечатана имъ въ 1835 году въ «Библіотекѣ для чтенія», безъ вѣдома Лермонтова. Надъ своимъ поэтическимъ талантомъ онъ много работалъ, будучи въ юнкерской школѣ; онъ увлекался Пушкинымъ и изучалъ Байрона. Его тогдашніе поэтическіе произведенія по фактурѣ стиха напоминаютъ Пушкина, а по содержанію и по тону—Байрона. Въ 1834 году онъ вышелъ изъ юнкерской школы и поступилъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ корнетомъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ вести свѣтскую, разсѣянную жизнь; зимой проводилъ время въ высшемъ кругу петербургскаго общества и въ Царскомъ Селѣ, среди товарищей-гусаровъ, а лѣтомъ—на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Къ этому же времени относятся и первыя его литературныя знакомства. Первое такое знакомство было съ А. Н. Муравьевымъ. «Однажды, — разсказываетъ Муравьевъ, — его товарищъ по школѣ, гусаръ Цейдлеръ, приноситъ мнѣ тетрадь стиховъ неизвѣстнаго поэта и, не называя его по имени, проситъ только сказать мое мнѣніе о самыхъ стихахъ. Это была первая поэма Лермонтова «Демонъ». Я былъ изумленъ живостью разсказа и звучностью стиховъ и просилъ передать это неизвѣстному поэту. Тогда лишь, съ его дозволенія, рѣшился онъ мнѣ назвать Лермонтова, и когда гусарскій юнкеръ надѣлъ эполеты, онъ не замедлилъ ко мнѣ явиться... Лермонтовъ просиживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ; живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха, какъ бывало и у Хомякова, съ которымъ во многомъ онъ имѣлъ сходство... Пришло ему на мысль написать комедію, въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ произведеніемъ Грибоѣдова. Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III-го отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника этого отдѣленія, моего двоюроднаго брата Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагопріятное мнѣніе о заносчивости писателя, что ему вскорѣ отозвалось...»

Домъ Реброва въ Кисловодскѣ, — мѣсто дѣйствія романа „Княжна Мери". Съ литографіи Тимма.

Спустя нѣкоторое время, Лермонтовъ познакомился съ Краевскимъ и Бѣлинскимъ. Панаевъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ исторію знакомства поэта съ Бѣлинскимъ: «Бѣлинскій часто встрѣчался съ Лермонтовымъ у г. Краевскаго. Бѣлинскій пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ

но изъ этого никогда ничего не выходило: Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или, просто, прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе. «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ,—говорилъ Бѣлинскій,—было бы довольно странно; но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою». И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое, пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбки, старался показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бретёра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то по крайней мѣрѣ—идеалъ, сильно тревожившій его въ то время и на который онъ очень желалъ походить. Когда онъ сидѣлъ въ ордонансъ-гаузѣ послѣ дуэли съ Барантомъ, Бѣлинскій навѣстилъ его; онъ провелъ съ нимъ часа четыре глазъ-на-глазъ и отъ него прямо пришелъ ко мнѣ. Я взглянулъ на Бѣлинскаго и тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ необыкновенно пріятномъ настроеніи духа. Бѣлинскій не могъ скрывать своихъ ощущеній и впечатлѣній и никогда не драпировался. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенный контрастъ Лермонтову. «Знаете-ли, откуда я?—спросилъ Бѣлинскій.—Я былъ въ ордонансъ-гаузѣ у Лермонтова, и попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!.. Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я вошелъ къ нему и сконфузился, по обыкновенію. Думаю себѣ: «ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая? Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного—такъ это любовь къ искусству, но онъ не поддается на серьезные разговоры...» Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не больше четверти часа. Первыя минуты мнѣ было неловко, но погомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ Скоттѣ... «Я не люблю Вальтеръ Скотта»,—сказалъ мнѣ Лермонтовъ: «въ немъ мало поэзіи, онъ сухъ», — и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь... Я смотрѣлъ на него и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе; онъ былъ въ эту минуту самимъ собой. Въ его словахъ было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ Скотта къ Куперу и, говоря о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ—и что удивило меня—даже съ увлеченіемъ! Боже мой! сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная, поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ-же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хоть на минуту быть самимъ собой—я увѣренъ

«Воспоминаніе о Кавказѣ». Съ картины М. Ю. Лермонтова, писанной имъ масляными красками въ Новгородѣ, въ 1838—39 гг.

Балконъ дома Умана, гдѣ жилъ Лермонтовъ въ Пятигорскѣ, въ іюлѣ 1841 г.
Съ литографіи Тимма.

въ этомъ...» Въ другомъ мѣстѣ Панаевъ прибавляетъ «Наклонность къ такъ-называемой великосвѣтскости, которой были подвержены нѣкоторые литературные дѣятели 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ годовъ, дѣйствовала на нихъ и на ихъ произведенія весьма неблаготворно. Этой наклонности были подвержены даже такіе могучіе таланты, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Лермонтовъ хотѣлъ слыть, во что бы то ни стало и прежде всего, за свѣтскаго человѣка и оскорблялся точно также какъ Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его какъ литератора. Несмотря на сознаніе, что причиною гибели Пушкина была, между прочимъ, наклонность его къ великосвѣтскости, несмотря на то, что Лермонтову хотѣлось иногда бросить на свѣтскихъ людей желѣзный стихъ, «облитый горечью и злостью», онъ никогда не могъ отрѣшиться отъ свѣтскихъ предразсудковъ, и высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно. Конечно, отчасти предразсудки среды, въ которой Лермонтовъ взросъ и воспитывался, отчасти увлеченіе молодости и истекавшее отсюда его желаніе эффектно драпироваться въ байроновскій плащъ, непріятно дѣйствовали на многихъ, дѣйствительно серьезныхъ людей, и придали Лермонтову непріятный, неестественный колоритъ. Но можно-ли строго судить за это Лермонтова? Онъ умеръ еще такъ молодъ!»

До самой смерти Пушкина (1837 годъ), литературная дѣятельность Лермонтова ограничивалась тѣснымъ кружкомъ близкихъ знакомыхъ. Онъ кое-что изъ своихъ стихотвореній помѣщалъ въ журналахъ, но вообще Лермонтовъ былъ мало извѣстенъ. Его извѣстность начинается съ стихотворенія «На смерть Пушкина», вслѣдствіе котораго онъ былъ сосланъ на Кавказъ. Смерть Пушкина произвела сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Это несчастное событіе чрезвычайно взволновало также и Лермонтова, который къ Пушкину съ самыхъ юныхъ лѣтъ относился съ особеннымъ благоговѣніемъ. Онъ написалъ «На смерть Пушкина». Стихотвореніе ходило по рукамъ и надѣлало много шуму! Многіе въ Петербургѣ винили Пушкина—и отчасти оправдывали его противника Дантеса. Лермонтовъ былъ сильно возмущенъ этими толками и прибавилъ шестнадцать заключительныхъ строкъ: «А вы, надменные потомки» и пр. Вскорѣ послѣ этого, извѣстная въ то время старуха и большая сплетница, А. М. Хитрово, встрѣтившись на одномъ вечерѣ съ гр. Бенкендорфомъ, сказала ему: «Слышали вы, Александръ Христофоровичъ, что написалъ про насъ Лермонтовъ?» Бенкендорфъ, конечно, слышалъ, но не находилъ ничего особеннаго въ стихотвореніи. Говорятъ, что онъ отвѣтилъ: «Ужъ если Анна Михайловна знаетъ про эти стихи, то я долженъ о нихъ доложить Государю». Дѣйствительно, Бенкендорфъ доложилъ Государю и Лермонтовъ былъ арестованъ, его бумаги задержаны и въ заключеніе онъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказѣ. «Ссылка Лермонтова на Кавказъ,—говоритъ А. М.

Муравьевъ,—надѣлала много шума; на него смотрѣли какъ на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія». Однако, не всѣ произведенія могли безпрепятственно попадать въ печать. «Пѣснь о Калашниковѣ», напримѣръ, была напечатана только вслѣдствіе заступничества Жуковскаго, который далъ письмо Краевскому къ министру народнаго просвѣщенія, Уварову. Тѣмъ не менѣе, фамилія Лермонтова была замѣнена начальными буквами.

Однако, ссылка продолжалась недолго. Хлопоты и просьбы его бабушки, Е. А. Арсеньевой, положили конецъ его изгнанію въ томъ-же, 1837 году, а на

комѣрнаго чувства независимости, которое мѣшало ему высказаться, отчасти увлекаясь тономъ своего товарищества, довольно беззаботнаго насчетъ литературы».

Въ 1840 году, на одномъ изъ петербургскихъ баловъ, Лермонтовъ, за какую-то колкость, сказанную имъ, былъ вызванъ на дуэль Барантомъ, сыномъ извѣстнаго историка и французскаго посланника при русскомъ дворѣ. Узнавъ объ этой дуэли по городскимъ слухамъ, начальникъ Лермонтова, генералъ маіоръ Плаутинъ потребовалъ у поэта объясненій. Лермонтовъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «Получивъ отъ вашего превосходительства приказаніе объяснить вамъ обстоятельство поединка моего съ го-

Мѣсто дуэли Лермонтова близъ Пятигорска.
Картина Г. И. Кондратенко.

слѣдующій годъ онъ снова былъ переведенъ въ гвардію. «О литературныхъ отношеніяхъ его за это время (говорится въ біографіи изданія г. Ефремова) неизвѣстно ничего опредѣленнаго; близкихъ отношеній этого рода у него было вѣроятно очень мало, потому ли, что онъ, какъ и Пушкинъ, желалъ слыть за свѣтскаго человѣка и не любилъ, когда на него смотрѣли какъ на литератора, или потому, что предпочиталъ свою офицерскую компанію съ ея препровожденіемъ времени, или наконецъ потому, что и въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ не измѣнялъ своей обыкновенной манеръ, т. е. не сближался съ литературнымъ кругомъ, отчасти изъ нѣсколько высо-

сподиномъ Барантомъ, честь имѣю донести, что 16-го февраля, на балѣ у графини Лаваль, господинъ Барантъ сталъ требовать у меня объясненія насчетъ (будто-бы) мною сказаннаго. Я отвѣчалъ, что все ему передано несправедливо; но такъ какъ онъ былъ этимъ недоволенъ, то я прибавилъ, что дальнѣйшаго объясненія давать ему не намѣренъ. На колкій его отвѣтъ, я возразилъ такою-же колкостью, на что онъ сказалъ, что еслибъ онъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ-бы, какъ кончить дѣло. Тогда я отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы не меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно

Тогда онъ меня вызвалъ, и мы, условившись, разстались. 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, съѣхались мы за Черной рѣчкой близъ Парголовской деревни. Его секундантомъ былъ французъ, имени котораго я не помню и котораго никогда доселѣ не видалъ. Такъ какъ господинъ Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я и предоставилъ ему выборъ оружія. Онъ избралъ шпаги, но съ нами были и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, и онъ слегка оцарапалъ мнѣ грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подалъ мнѣ руку и мы разстались. Вотъ подробный отчетъ о всемъ, случившемся между нами». Въ дополненіе къ этому письму Лермонтовъ въ комиссіи военнаго суда показалъ, между прочимъ, еще слѣдующее: «находился я въ С.-Петербургѣ 18-го февраля съ позволенія полкового командира; г. Эрнестъ Барантъ, сынъ французскаго посланника при дворѣ Его Императорскаго Величества. Обстоятельства, по которому онъ требовалъ у меня объясненія, состояли въ томъ: правда-ли, что я будто говорилъ на его счетъ невыгодныя вещи извѣстной ему особѣ, которой онъ мнѣ не назвалъ. Колкости же его и мои въ нашемъ разговорѣ заключались въ слѣдующемъ смыслѣ: когда я на упомянутый вопросъ г. Баранта сказалъ, что никому не говорилъ о немъ предосудительнаго, то его отвѣтъ выражалъ недовѣрчивость, ибо онъ прибавилъ, что все-таки, если переданныя ему сплетни справедливы, то я поступалъ весьма дурно; на что я отвѣчалъ, что выговоровъ и совѣтовъ не принимаю, и нахожу его поведеніе весьма смѣшнымъ и дерзкимъ. О нашемъ разговорѣ и о вызовѣ г. Баранта никто изъ бывшихъ на балѣ не слыхалъ, сколько мнѣ извѣстно, равно и объ условіяхъ нашихъ; а далѣе происходило то самое, что я показалъ въ вышеупомянутомъ письмѣ. Секундантомъ при нашемъ поединкѣ, съ моей стороны, былъ отставной поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Столыпинъ, а не донесъ я о семъ происшествіи начальству единственно потому, что дуэль не имѣла никакого пагубнаго послѣдствія».

На этомъ, однако, дѣло не кончилось. Барантъ, узнавъ что въ своемъ объясненіи Лермонтовъ утверждалъ, что выстрѣлилъ въ сторону, выразилъ свое неудовольствіе по этому поводу. Лермонтовъ, находившійся уже подъ арестомъ, пригласилъ Баранта посѣтить его въ ордонансъ-гаузѣ и объясниться объ этомъ дѣлѣ откровенно. «Сего марта 22,—писалъ онъ,—я просилъ письменно графа Бранцкаго 2 го (не служащаго) сказать г. Эрнесту Баранту, что я желаю его видѣть сего же числа, въ 8 часовъ вечера. Ибо до меня дошли слухи, что онъ въ городѣ говоритъ, что я несправедливо показалъ, будто выстрѣлилъ въ сторону, не цѣля, и что онъ этимъ недоволенъ. Въ 8 часовъ вечера я вышелъ въ коридоръ между офицерской и солдатской караульными

Могила Лермонтова на кладбищѣ въ Пятигорскѣ въ первый (1841 г.) годъ кончины поэта.
Съ литографіи Тимма.

компатами, не спрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, какъ всегда дѣлалъ до сего... въ томъ же коридорѣ. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ г. Барантъ и вошелъ въ коридоръ, который же ведетъ и на верхъ въ комиссію. Я спросилъ его, правда-ли, что онъ недоволенъ моимъ показаніемъ? Онъ отвѣчалъ: «Точно, и не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли, не цѣля, на воздухъ». Тогда я отвѣчалъ, что говорилъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему непріятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу; но что если онъ недоволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то, когда я буду освобожденъ и когда онъ возвратится, я готовъ буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ этого пожелаетъ. Послѣ сего, г. Барантъ, отвѣчавъ мнѣ, что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ, уѣхалъ.

Военный судъ приговорилъ Лермонтова, на основаніи военно-уголовнаго устава, лишить чиновъ и правъ состоянія, а прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, подвергнуть отвѣтственности на основаніи того же военно-уголовнаго устава. Императоръ Николай, прочитавъ докладъ о дуэли Лермонтова, написалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, поручика же Столыпина и графа Браницкаго освободить отъ подлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть праздными. Исполнить сегодня же».

На Кавказѣ Лермонтовъ совершенно преобразился. Въ крѣпости Грозной расположился отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Галафѣева. Между прочимъ, тутъ находился партизанскій отрядъ подъ командой Дорохова; но Дороховъ былъ раненъ, и команду онъ передалъ Лермонтову. По свидѣтельству Тургенева, Лермонтовъ тогда глубоко скучалъ. Опасность, удальство казались ему выходомъ изъ этого положенія, или по крайней мѣрѣ развлеченіемъ. «Щегольской лейбъ-гусаръ,—пишетъ г. Висковатый, — преобразился. Онъ носилъ бурку на разстегнутомъ сюртукѣ безъ эполетъ, зачастую отгибая мягкій воротникъ его. Красная, почти без-

Памятникъ Лермонтова въ с. Тарханы, Пензенск. губ.
Рисунокъ съ натуры Б. Подбѣльскаго.

смѣнная, канаусовая рубашка видѣлась изъ-подъ откинутыхъ бортовъ. Смуглое лицо, съ пронзительными черными глазами и довольно длинными, темно каштановыми волосами, глядѣла изъ-подъ бѣлой холщевой фуражки, надѣтой на затылокъ». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лопухину, слѣдующимъ образомъ описываетъ онъ стычки, бывшія въ то время: «У насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часовъ сряду. Насъ было всего 2,000 пѣхоты, а ихъ (черкесовъ) до шести тысячъ, и все время дрались штыками У насъ было 30 офицеровъ и до 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ. Кажется, хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебѣ

разскажу подробности, очень интересныя. Только, Богъ знаетъ, когда мы увидимся». «Дѣло», на которое намекаетъ здѣсь Лермонтовъ, было дѣло подъ Валерикомъ (рѣчка смерти), воспѣтое Лермонтовымъ въ одномъ изъ лучшихъ его поэтическихъ произведеній. Въ альбомѣ Лермонтова, хранящемся въ Императорской публичной библіотекѣ, находится на-скоро набросанный поэтомъ на мѣстѣ эскизъ дѣла подъ Валерикомъ,—собственно начало этого дѣла, когда горцы внезапно напали на аріергардъ.

«Однажды, — разсказываетъ г. Висковатый, — во время стоянки, Лермонтовъ предложилъ находящимся въ отрядѣ Льву Пушкину, Глѣбову, Палену, Сергѣю Долгорукову, Баумгартену и нѣкоторымъ другимъ пойти поужинать за черту лагеря. Это было не безопасно и собственно даже запрещено. Непріятель окружалъ лагерь и выслѣживалъ неосторожно отъ него удалявшихся. Взяли съ собой деньщиковъ и расположились въ ложбинѣ за холмомъ. Лермонтовъ, руководившій всѣмъ, увѣрялъ, что, напередъ избравъ мѣсто, выставилъ часовыхъ, и указалъ на одного казака, фигура коего виднѣлась сквозь вечерній туманъ. Огонь былъ разведенъ съ предосторожностями, при чемъ особенно желали сдѣлать его незамѣтнымъ со стороны лагеря. Небольшая группа смѣльчаковъ пили и ѣли, разговаривая о возможности нападенія со стороны горцевъ. Левъ Пушкинъ и Лермонтовъ сыпали остротами и комическими разсказами, при чемъ не обходилось безъ рѣзкихъ насмѣшекъ на разныхъ, извѣстныхъ всѣмъ присутствующимъ, личностей. Особенно въ ударѣ и весельѣ былъ Лермонтовъ, такъ что отъ словъ его катались со смѣху, забывая всякую предосторожность. Однако, все обошлось благополучно. Подъ утро, возвращаясь въ лагерь, Лермонтовъ признался, что виднѣвшійся часовой былъ не что иное, какъ поставленное имъ чучело. Такимъ образомъ, оказалось, что всѣ пировали безъ всякаго прикрытія, и слѣдовательно подвергались великой опасности, которую сознавалъ только Лермонтовъ. Но это ему нравилось, можетъ быть, потому, что отвлекало отъ тяжкихъ думъ».

Могила Лермонтова въ с. Тарханы.

Въ концѣ 1840 года, Лермонтову было разрѣшено

пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ бабушкой. Все это время онъ находился въ мрачномъ расположеніи духа и въ апрѣлѣ 1841 года отправился назадъ на Кавказъ. Проѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ Боденштедтомъ,—впослѣдствіи нѣмецкимъ переводчикомъ его стихотвореній. Въ переводѣ Боденштедта сохранились нѣсколько стихотвореній Лермонтова, русскій оригиналъ которыхъ до сихъ поръ не былъ отысканъ. По пріѣздѣ на Кавказъ, онъ на нѣкоторое время поселился въ Пятигорскѣ и жилъ въ кружкѣ своихъ пріятелей: Столыпина, Глѣбова, Трубецкого и Васильчикова.

Князь Васильчиковъ разсказываетъ слѣдующее о характерѣ Лермонтова, какъ онъ проявлялся въ послѣдніе дни его жизни: «Въ Лермонтовѣ было два человѣка: одинъ добродушный для небольшого кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой—запосчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Къ этому первому разряду принадлежали въ послѣднее время его жизни прежде всѣхъ Столыпинъ (прозванный имъ-же Монго), Глѣбовъ, бывшій его товарищъ по гусарскому полку, впослѣдствіи то-же убитый на дуэли, князь Алекс. Ник. Долгорукій, декабристъ М. А. Назимовъ и нѣсколько другихъ ближайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежалъ, по его понятіямъ, весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмѣшками». Князь Васильчиковъ прибавляетъ: «Лермонтовъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины, между серьезными занятіями и чтеніемъ, и такими шалостями, какія могутъ придти въ голову развѣ только 15-тилѣтнему школьному мальчику».

Исторія его послѣдней дуэли, на которой онъ былъ убитъ, до сихъ поръ вполнѣ невыяснена. Мы только знаемъ, что поводомъ къ дуэли была ссора Лермонтова съ отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ, однимъ изъ его знакомыхъ; но въ чемъ состояла эта ссора, съ чего она началась—мы не знаемъ. Мартыновъ умеръ въ февралѣ 1876 года, но въ теченіе всей своей жизни онъ отказывался приступить къ какимъ бы то ни было объясненіямъ; онъ только ссылался на князя Васильчикова, какъ на одного изъ ближайшихъ свидѣтелей дѣла, который, дѣйствительно, напечаталъ защитительную статью въ пользу Мартынова. Въ статьѣ этой, однакожъ, нѣтъ никакихъ подробностей и указаній, по которымъ можно было бы судить о поводахъ къ дуэли. А. П. Арнольдъ писалъ по этому поводу: «Страшно подумать, что поводъ къ дуэли, а слѣдственно и причиной смерти нашего незабвеннаго поэта было одно пустое, мимоходомъ сказанное имъ слово сослуживцу своему М. Изъ-за этого слова завязался крупный разговоръ, кончившійся вызовомъ со стороны Лермонтова. По другимъ разсказамъ можно заключить, что Лермонтовъ познакомился съ Мартыновымъ въ домѣ г-жи Верзилиной, жившей въ Пятигорскѣ съ тремя дочерьми. На одномъ изъ вечеровъ у г-жи Верзилиной, на которомъ находились Лермонтовъ и Мартыновъ, нашъ поэтъ позволилъ себѣ сказать насчетъ Мартынова какую-то остроту въ присутствіи дамъ. Лермонтовъ угощалъ Мартынова такими остротами не въ первый уже разъ, и Мартыновъ предупредилъ поэта, что подобныя шутки ему не нравятся. Но въ чемъ состояла острота, оскорбившая Мартынова? Князь Васильчиковъ, по собственному его признанію, не разслышалъ ея, точно такъ же какъ и другіе. Онъ, однако, прибавляетъ, что, по выходѣ изъ дома, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему очень тихимъ и ровнымъ голосомъ по-французски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ». Лермонтовъ такимъ-же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «Если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія». — По другимъ разсказамъ, Лермонтовъ интересовался одной изъ дочерей г-жи Верзилиной, которая, однакожъ, отдавала предпочтеніе Мартынову. Мартыновъ «выдавался изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя такъ часто нравятся женщинамъ, а именно: высокимъ ростомъ, выразительными чертами лица и стройностію фигуры; носилъ бѣлый шелковый бешметъ и суконную черкеску, рукава которой любилъ засучивать; взглядъ его былъ смѣлъ, вся фигура, манеры и жесты полны были удали и молодечества, а можетъ быть и простого нахальства. Нисколько не удивительно, если Лермонтовъ, при всемъ дружественномъ къ нему расположеніи, всей силой своего сарказма нещадно бичевалъ его невыносимую запосчивость... Мартыновъ, говорятъ, долго искалъ случая придраться къ Лермонтову—и случай выпалъ: сказанная послѣднимъ на роковомъ вечерѣ у Верзилиныхъ острота, по поводу пристрастія Мартынова къ засученнымъ рукавамъ, была признана имъ за casus belli.

На судѣ Матрыновъ показывалъ, что «при выходѣ изъ того дома, онъ удержалъ Лермонтова за руку и пошелъ съ нимъ рядомъ; тутъ онъ сказалъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти несносныя шутки и теперь предупреждаетъ, что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, заставитъ его перестать. Лермонтовъ, не давъ ему кончить, сказалъ, что ему тонъ этой проповѣди не нравится, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говорить про него то, что онъ хочетъ, и въ заключеніе сказалъ: «вмѣсто пустыхъ угрозъ ты гораздо-бы лучше сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно ты никого этимъ не

испугаетъ». Дуэль состоялась. Оружіемъ выбраны были пистолеты, а секундантами — Васильчиковъ (Лермонтова) и Глѣбовъ (Мартынова). Друзья Лермонтова надѣялись, однако, какъ-нибудь уладить дѣло и потому упросили поэта отправиться на нѣсколько дней въ Желѣзноводскъ (въ 17 верстахъ отъ Пятигорска). Но противникъ не соглашался на мировую, и Лермонтовъ возвратился въ Пятигорскъ. Въ самый день дуэли (15-го іюля) поэтъ танцовалъ еще на пикникѣ въ колоніи Шотландка, находящейся между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ. Въ шесть съ половиной часовъ вечера между горами Машукомъ и Бештау разразилась ужасная буря съ громомъ и молніей; въ это самое время, въ полуторахъ верстахъ отъ Пятигорска, сошлись противники у подошвы Машука. Барьеръ былъ отмѣренъ въ 15 шаговъ и отъ него въ обѣ стороны еще по 10 шаговъ. Противники стали въ крайнихъ точкахъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ, или подходя къ барьеру. Когда секунданты скомандовали сходиться, Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ. Мартыновъ же, быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и такъ долго цѣлился, что секунданты закричали ему: «Стрѣляйте, или мы васъ разведемъ». Мартыновъ выстрѣлилъ; Лермонтовъ былъ раненъ подъ самое сердце, упалъ и, вздохнувъ два раза, скончался. Не было ни экипажа, ни доктора; поэтому Глѣбовъ остался при убитомъ, а князь Васильчиковъ отправился за экипажемъ и докторомъ; однако, доктора онъ не привезъ, — всѣ ссылались на дурную погоду. На другой день послѣ смерти Лермонтова, художникъ Шведе снялъ съ него портретъ, который составляетъ собственность княгини С. И. Ухтомской. Мартыновъ, прямо съ дуэли, отправился къ коменданту объявить о случившемся.

Лермонтовъ на смертномъ одрѣ.
Съ литографіи Тимма.

Пятигорское духовенство сначала затруднялось относительно погребенія Лермонтова по христіанскому обряду, какъ говорятъ, потому, что нѣсколько вліятельныхъ личностей, находившихся тогда въ Пятигорскѣ и не любившихъ Лермонтова за его злой языкъ, внушали, что убитый на дуэли тотъ-же са-

моубійца, и что едва-ли высшее начальство взглянетъ благопріятно на похороны такого человѣка. Разсказываютъ также, что когда, въ день дуэли, привезли тѣло Лермонтова на квартиру, дворъ и домъ переполнились народомъ; было слышно даже нѣсколько такихъ озлобленныхъ голосовъ противъ Мартынова, что, не будь онъ арестованъ, ему грозила-бы опасность. Это чувство раздѣлялъ и А. П. Ермоловъ, который много лѣтъ спустя говорилъ Погодину, что отправилъ бы Мартынова въ экспедицію и по часамъ разсчиталъ бы, сколько ему осталось жить».

Лермонтовъ былъ похороненъ въ Пятигорскѣ, на городскомъ кладбищѣ, но мѣсто его погребенія тамъ было забыто. По всей вѣроятности, это мѣсто впослѣдствіи отошло подъ выстроенную церковь. Камень, лежавшій на этой могилѣ, тоже исчезъ. Въ мартѣ 1842 года, тѣло Лермонтова было перевезено въ деревню, село Тарханы, Пензенской губерніи, не далеко отъ Чембаръ, гдѣ и былъ воздвигнутъ поэту памятникъ. Надпись на памятникѣ гласитъ, что поэтъ жилъ 26 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ.

Этотъ краткій біографическій очеркъ закончимъ словами Бѣлинскаго: «Лермонтовъ не много писалъ, безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жадное до впечатлѣній бытіе, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій,—отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начинала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ отъ этой жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замышлялъ написать романтическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣкъ Екатерины II, Александра I и Николая I-го), имѣющіе между собой связь и нѣкоторое сходство, по примѣру Куперовой трилогіи, начинающейся «Послѣднимъ изъ Могиканъ», продолжающейся «Путеводителемъ въ пустынѣ» и «Піонеромъ», оканчивающейся «Степями», какъ вдругъ онъ умеръ»...

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1831—1841).

АНГЕЛЪ

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ...

АНГЕЛЪ (1

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ — и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

ПАРУСЪ

Бѣлѣетъ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ-будто въ буряхъ есть покой!

ДВА ВЕЛИКАНА

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И померяться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

ЖЕЛАНІЕ (2)

Отворите мнѣ темницу
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,

Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море,
Беззаботенъ и одинъ;
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
И меня, въ мечтаньяхъ рая
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

. . .

Гляжу на будущность съ болзнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!...
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей;
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла...
Я въ мірѣ не оставлю брата
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

. . .

Она поетъ — и звуки таютъ,
Какъ поцѣлуи на устахъ;
Глядитъ — и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ,
Идетъ ли — всѣ ея движенья,
Иль молвитъ слово — всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!

. . .

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой;
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.

За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ,
Я радъ отдать красавца сѣчи —
Грузинскій мой булатъ...

И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ;
При звукѣ томъ душа трепещетъ
И въ сердцѣ кровь кипитъ,

Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжный
И встрѣтилъ милый взоръ

МОЛИТВА

Я. Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, въ свѣтѣ безроднаго:
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія;
Молодость свѣтлую, старость покойную
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА (3)

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта

Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ.
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Чтожъ? Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, онъ вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравленъ его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Тантесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный Судія, Онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла Онъ знаетъ наперед.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

— —

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны!

И пальма та жива-ль поныпѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ,
Передъ людьми и божествомъ?...

Заботой тайною хранима
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

БОРОДИНО (4)

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были-жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

— Да, были люди въ наше время
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Чтожъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою
Ужь мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужь постоимъ [illegible]
[illegible]

Два дня мы [illegible]
Что толку въ [illegible]?
Мы [illegible] день.

Повсюду стали слышны рѣчи;
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой
Какъ наши братья умирали!»
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ!... Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

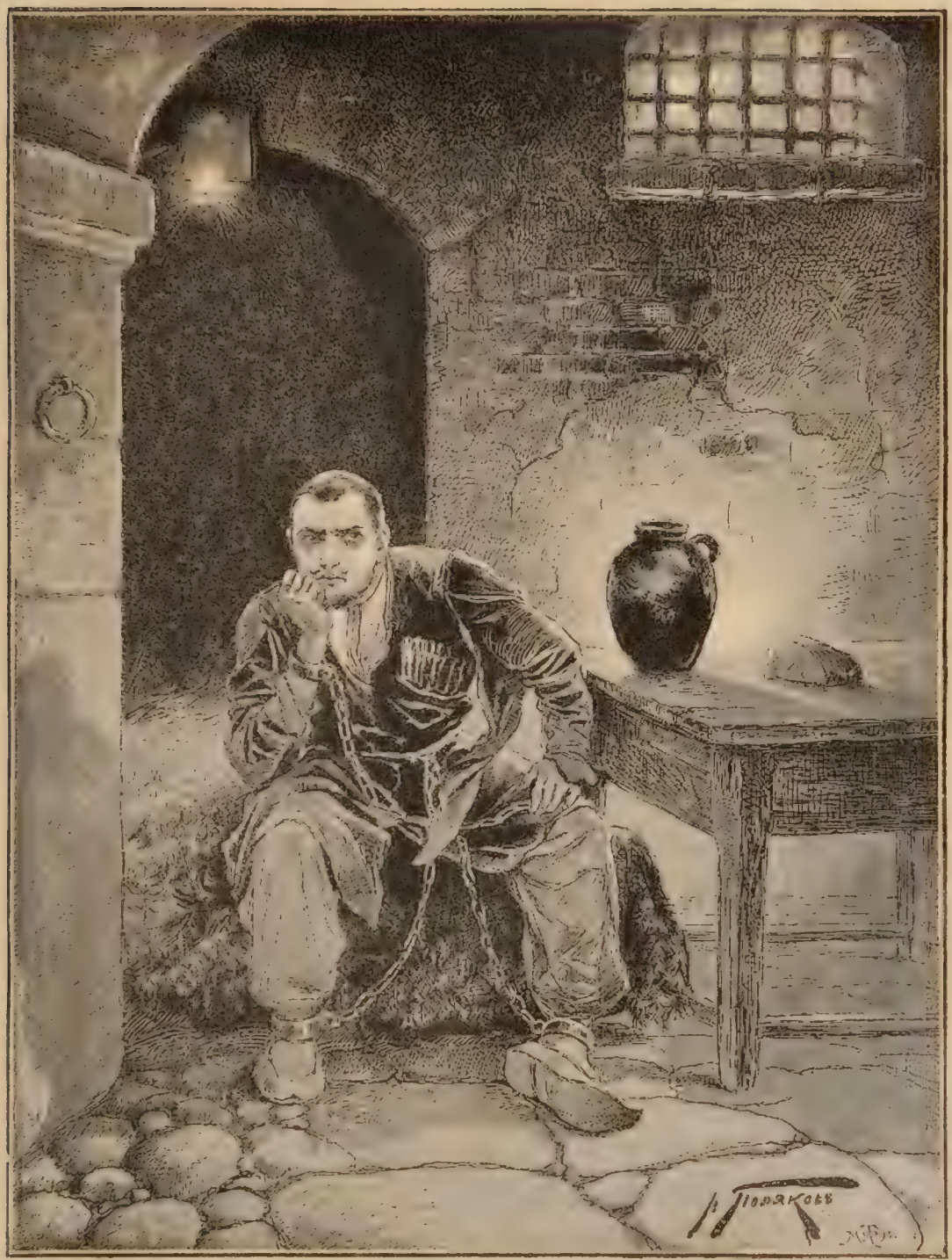
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
[illegible]...

[illegible]
Заутра [illegible]
И [illegible]...

БОРОДИНО

—Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя...



УЗНИКЪ

«Одинокъ я—нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ...»

Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда-бъ на то не Божья воля,
Не отдали-бъ Москвы!

УЗНИКЪ

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.

Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вѣтеръ, улечу.

Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я—нѣтъ отрады
Стѣны голыя кругомъ;
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ,
Только слышно: за дверями
Звучномѣрными шагами,
Ходитъ въ тишинѣ [illegible]
Безотвѣтный часовой.

* * *

Разстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню:
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.

И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ!

ОТРЫВОКЪ

. . . . . .

Такъ нѣкогда въ степи безводной
Премудрый пастырь Ааронъ
Услышалъ плачъ и вопль народный,
И жезлъ священный поднялъ онъ;
И на челѣ его угрюмомъ
Надежды лучъ блеснулъ живой,
И тронулъ камень онъ нѣмой,
И брызнулъ ключъ съ привѣтнымъ шумомъ
Новорожденною струей.

---

* * *

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ,—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

СОСѢДЪ

Кто-бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь—а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И опершись на звучное ружье,
[illegible], про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ—

Тогда чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются,
О [illegible]

Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются..

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь—
Въ груди моей все ожидаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и поздними ихъ умомъ,
И жизнь ужь насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли,
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайны,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

РЕБЕНКУ

О грѣзахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если-бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ!—Не правда-ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто-ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла-ль?
Смотри-жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...

Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней—скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не проклянн!

МОЛИТВА

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,

И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ

> Que nous font après tous les vulgaires adoís
> De tous ces charlatans, qui donnent de la voix
> Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
> Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?
> A. Barbier.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.

А между тѣмъ изъ нихъ едва-ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ
Махающій мечемъ картоннымъ.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕВСКАГО

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья... Но, безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

И было-ль то—привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Иль тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,

И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чудное ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы и и вѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ не умолкая.

КАЗОТЪ

На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
Одинъ, покинутый безумными друзьями,
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И помню я, исполнены печали,
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: «Ликуйте, о друзья!
Что вамъ судьба дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира,
Но чтожъ?... изъ васъ одинъ ее увижу я...
. . . . . .

ПОЭТЪ

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ;
Клинокъ надежный безъ пор[illegible]:
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ:
Въ тѣ дни была-бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы, безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

* * *

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ониміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ зат[illegible],
Мелькаютъ образы бездуш[illegible]—
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]—

Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужь грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ:
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда-жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незваную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого-же?... на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго пѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти!—вѣдь, рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка.
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

ОТЧЕГО

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ

БЛАГОДАРНОСТЬ

За все, за все Тебя благодарю я
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

ТУЧИ

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшенье?
Зависть ли тайная? злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ—
И тосковалъ,

Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ.

Что мнѣ сіянье Божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ тобой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.

Коснется-ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.
Случиться-ль—шепчешь, засыпая
Ты о другомъ;
Твои слова текутъ, пылая,
Но мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другова
Нѣтъ, не должна;
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя, мира и забвенья
Не надо мнѣ!

* * *

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый—
Какъ птичка въ клѣткѣ
Сердце запрыгаетъ.

Встрѣчу-ль глаза твои
Лазурью глубокіе—
Душа на встрѣчу имъ
Изъ груди просится.

И какъ-то весело!
И плакать хочется...
И такъ на шею-бы
Тебѣ я кинулся...

* * *

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно;
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскова
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;

Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

ЗАВѢЩАНІЕ

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри-жъ... да что! моей судьбой
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто-бы ни спросилъ—
Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лѣкаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва-ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было-бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустаго сердца не жалѣй—
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!

ОПРАВДАНІЕ

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей—

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя,—

Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни!

Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ

Между тѣмъ какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Между тѣмъ какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Поднявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча—
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой онъ васъ одѣвалъ.
Одинъ—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы продали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

Но годы протекли, и вѣтренное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Останки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

*

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

КИНЖАЛЪ

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на месть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ черкесъ свободный.

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза—жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.

Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой,
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный!

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ

Молча сижу подъ окошкомъ темницы,
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ все вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно, и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нету ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшетка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

СОСѢДКА

Не дождаться мнѣ, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко надъ землей,
А у двери стоитъ часовой.

Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ
Кабы не было милой сосѣдки...
Мы проснулись сегодня съ зарей;
Я кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ насъ, сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно,
Да съ двойною рѣшеткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду—
Вотъ напротивъ окошечко стукъ!
Занавѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая
И сидитъ она долго, вздыхая;
Видно, буйную думу тая,
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

КИНЖАЛЪ

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла,
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья...

Не грусти, дорогая сосѣдка!
Захоти лишь—отворится клѣтка
И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А ужь съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмельнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ—

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви;

Какъ ты, кружусь въ веселья шумномъ
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ;
Людей привыкли мы цѣнить:
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали

* * *

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужь догорали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И между тѣмъ какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними!...

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбался лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ, и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньѣ
По легкимъ призракамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя!
Не стоитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало-ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою,
Онъ ищетъ славы и войны—
И что-жъ онъ могъ найти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ;
Онъ ласки дорого цѣнилъ,
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

КАЗБЕКУ

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Привезъ я—странникъ—свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не возмутитъ.

Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье-
Къ престолу вѣчному Аллы.

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельи мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть одно еще желанье..
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ?

Найду-ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ
Дѣлившихъ молодость со мной?

О, если такъ!... своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

. . .

И день насталъ—и совершилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы.

. . .

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ;
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья—
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ:

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не вѣритъ думы

. . .

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый.
Пускай! я имъ не дорожилъ!...
. . . . . .

. . .

Великій мужъ! здѣсь нѣтъ награды
Достойной доблести твоей!
Ее на небѣ сыщутъ взгляды
И не найдутъ среди людей.
Но безпристрастное преданье
Твой славный подвигъ сохранитъ
И, услыхавъ твое названье,
Твой сынъ душою закипитъ
. . . . . .

Свершитъ блистательную тризну
Потомокъ поздній надъ тобой,
И съ непритворною слезой
Промолвитъ: «онъ любилъ отчизну!»

СПОРЪ

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ

СОНЪ

Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я...

У Казбека съ Шатъ-горою *)
Былъ великій споръ.
«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лошата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужь проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ поспались лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть .. груденъ
Первый былъ скачекъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»

—Не боюся я Востока!—
Отвѣчалъ Казбекъ,—
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужь девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ:
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Мостъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ набѣги
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—

«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ,
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромны
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вьютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены.
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ,
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

СОНЪ

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня—но спалъ я мертвымъ сномъ.

*) Эльбрусъ

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчива одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

УТЕСЪ

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

* * *

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю—

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей

* * *

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ

Въ небесахъ торжественно и чудно.
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ...
Что-же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду-ль чего? жалѣю ли о чемъ?

Ужь не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я-бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

ПРОРОКЪ

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда-же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

«Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его?»

ПРОРОКЪ

— Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!..

ЮНОШЕСКІЯ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

(1829—1833).

ЦѢВНИЦА

На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій,
зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ акацій:
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ и граціи;
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной,
Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млечной
Струилъ свой ароматъ; шумя съ прибрежной ивой
Шутилъ подчасъ зефиръ и рѣзвый и игривой;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь!
Сокрылось все теперь, какъ поутру туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь поляны.
Исчезло все теперь! но ты осталась мнѣ,
Утѣха страждущихъ, спасенье въ тишинѣ,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебѣ-жъ, о мирный кровъ, тѣхъ дней, когда
страданье
Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ—
Который умертвить не можетъ грозный рокъ—
Мое веселіе, ужь взятое гробницей,
И ржавый предковъ мечъ съ задумчивой цѣв-
ницей.

ПОРТРЕТЪ

Онъ не красивъ, онъ не высокъ;
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ, какъ смоль, черны;
Блѣдны всегда его уста,
Открыты-ль, сомкнуты-ль они,
Лютъ безъ словъ языкъ боговъ!..
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще—вновь
Клянетъ онъ міръ, гдѣ вѣчно сиръ,
Коварность, зависть и любовь
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!

КЪ ГЕНІЮ

Когда во тьмѣ ночей мой, не смыкаясь, взоръ,
Безъ цѣли бродитъ вкругъ; прошедшихъ
дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!...
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней, и любви свидѣтелей!... «Люблю!»
Твержу, забывшись, имъ. Но полный весь то
скою,
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...
Такъ, счастье вѣдалъ я—и сладкій мигъ исчезъ,
Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь не-
бесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній;
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохновеній
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда...
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы.
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ зналъ любви живыя упоенья!..
. . . И я приду сюда, и не узнаю васъ,
О, струны звонкія! *) . . . . . .
. . . . . .
Но ты забыла другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,

---

*) Точки въ рукописи.

Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я, подъ длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонялъ—
И былъ отвѣтомъ вздохъ! твою я руку жалъ—
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ!...
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ...
Забудь любовь мою! покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!
Забудь!... Пускай другой твою украситъ младость,
Ты-жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ странъ,
Гдѣ стелется эѳиръ, какъ вѣчный океанъ;
И совѣсть чистая съ безпечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ милыхъ лѣтъ!...

ПИСЬМО

Свѣча горитъ! [illegible] рукою
Я окончалъ [illegible] черты.
Болѣзнь и [illegible] надо мною,
И много въ грудь [illegible]. И ты
Напрасно [illegible] здоровья
[Такъ чудилось], съ [illegible] въ глазахъ
Напрасно стала здѣсь у [illegible],
И поцѣлуй любви горѣлъ въ устахъ...
Прости навѣкъ! Но [illegible]:
Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній разъ,
Чтобъ усладить предсмертное страданье,
Чтобъ [illegible] глазъ
Чтобъ [illegible] руку...
Далеко ты! не слышишь голосъ мой!
Не при тебѣ узнаю смерти муку,
Не при тебѣ [illegible] міръ [illegible]!
[illegible]
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть можетъ, я при пѣсняхъ погребальныхъ
Сойду въ мой домъ поздемный навсегда!...
Но ты не плачь, мы ближе другъ отъ друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать
Или въ часы безпечнаго досуга
Сокрыты прелести твои лобзать.
Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья
И къ ложу тайному придешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и паръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнетъ огнь на дѣвственны ланиты,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный духъ,
И надъ главой мелькнетъ призракъ забытый,
И звукъ влетитъ въ твой удивленный слухъ.
Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
На мрачное свиданье прилетѣлъ:
Такъ! душная земли нѣмой утроба
Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ!
Когда-жъ въ саняхъ, въ блистательномъ катаньи,
Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ,
И за тобой въ любви живомъ страданьи
Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ;
И по груди обоихъ васъ промчится
Невольный хладъ, и сердце закипитъ,
И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
Онъ черный усъ рукою закрутитъ;
Услышишь звукъ военнаго металла,
Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый взоръ на путь вашъ навела!...
Ахъ! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабѣетъ жизни духъ,
И чувствую, что къ смерти подступаю,
И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ...
Прости!... Я бѣгалъ за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любилъ,
Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!...

РУССКАЯ МЕЛОДІЯ

1

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ [illegible].
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой.
И рушилось невѣрное созданье!...

2

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный и свободный!...

3

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ,
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной—
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни, но напрасно...
Никто конца ея не допоетъ!...

ПАНЪ

[въ древнемъ родѣ]

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшися лѣсовъ въ таинственную сѣнь,
Или подъ вѣтвями пустынныя рябины
Смотрѣть на синія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ
И пляшетъ вкругъ меня на бархатѣ луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмель,
Въ одной рукѣ его—стаканъ, въ другой свирѣль;
Онъ учитъ пѣть меня, а я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

ЖАЛОБА ТУРКА

[отрывокъ]

Ты зналъ-ли дикій край, подъ знойными лучами,
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ,
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ,
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,
И гдѣ являются порой
Умы и хладные и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень?
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!..
Другъ! этотъ край—моя отчизна!.
. . . . . .

ДВА СОКОЛА

Степь, синѣя, разстилалась
Близъ азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ, и ночь спускалась;
Вихрь сквозилъ между холмовъ.
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
«Братецъ, братецъ, что ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!»
—Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей.
«Чтожъ ты видѣлъ тамъ худова?»
—Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ—смѣхъ тоска милова,
Для дѣтей—тиранъ отецъ.
Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся, какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!..
Братецъ, братецъ, ты чтожъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй,
«Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей.
Полонъ обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,
Вспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной
Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной—
Ножъ для сердца вѣковой!..»

МОЙ ДЕМОНЪ

Собранье золъ—его стихія.
Посядь межъ дымныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ..
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь.
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей

МОНОЛОГЪ

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!..
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужь ничто души не веселитъ.

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ Тебѣ-жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукамъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не Тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень—
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь;
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь.

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ [illegible]—гордый, хоть презрѣнный—
Я [illegible];
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что смерть? Лишь ты не измѣнись душою—
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда-же [illegible] кровавая промчится
О [illegible] моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... [illegible]
[illegible] холодный прахъ
Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

К. Д.

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ—она оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
На глазахъ, то она упадетъ.

Есть слова, объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.
О, повѣрь мнѣ, холодное слово
И уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодова
Ядовитое жало змѣи!

СИЛУЭТЪ

Есть у меня твой силуэтъ.
На память я его чертилъ,
И мнится, этотъ черный цвѣтъ
Родня съ моей душою былъ.
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.

Души въ глазахъ, ланитъ огня
Не различите вы на немъ,
Зато онъ вѣчно близъ меня
И взоръ его не на другомъ.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа—твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;

Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.

* * *

Я не люблю тебя: страстей
И мукъ умчался пламенный сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ;
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все богъ!

* * *

Люблю я цѣпи снѣжныхъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ—угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... Двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено.—
Кто не зналъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ иль средь степей?
Однажды, при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ,
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня,
И гриву и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ;
Я чувствовалъ, какъ конь дышалъ,
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ былъ землей;
И я, въ чудесномъ забытьи,
Движенья сковывалъ свои,
И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ...
И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та-же степь, все та-жъ луна...
Свой взоръ ко мнѣ склонивъ, она.
Казалось, упрекала въ томъ,
Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспаривать у ней!.

* * *

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужь не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть надъ нимъ ужь бури нѣтъ!..
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты угасить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть...

* * *

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятьяхъ вотъ ужь цѣлый часъ
Лежишь—а страха все не превозмогъ...
Не лучше-ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою...
Что злато?—Я тебя люблю! люблю!..

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна...
И мимо ты идешь бывало... Да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ,
И я гордилась тѣмъ, что, наконецъ,
Соперница моя—небесъ жилецъ.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ...
Но справедливъ-ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье—но позоръ?
Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ,
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младыхъ
И даже не гордилась красотой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана злодѣю... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня...
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну день отъ дня!

Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ далъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! ты мой господинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятьяхъ задушить—
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
Мой другъ, чего не вынесешь, любя!..

[ОТРЫВОКЪ]

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ,
Или большія очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ никто любить не могъ,
Взоръ безъ огня—безъ запаха цвѣтокъ!

Она была свѣжа, какъ розы Леля,
Она была похожа на портретъ
Мадонны—и Мадонны Рафаэля,
И врядъ-ли было ей осьмнадцать лѣтъ
Лишь святости черты не выражали:
Глаза сіяли непорочнымъ пламенемъ,
И грудь, волнуясь, поцѣлуи звала:

* * *

Какъ [illegible] надучей пламени
Не нуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все-таки пылаетъ въ немъ

Моя свобода [illegible]
Отъ жалкихъ [illegible] суетъ;
Но въ [illegible] души спокойной
И въ сферѣ счастія [illegible]

Молю о счастіи [illegible]...
Дождусь, [illegible]—
И тягостно мнѣ счастье [illegible],
Какъ для царя вѣнецъ.

И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ.
Какъ замка мрачнаго, пустого
Ничтожный властелинъ.

* * *

Какъ лучъ зари, какъ розы Леля,
Прекраснѣ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадонны Рафаэля
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

КАВКАЗЪ

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

* * *

Воздухъ [illegible], какъ молитва ребенка,
И люди, какъ вольныя птицы, живутъ безъ заботно;
Войны ихъ [illegible], и въ смуглыхъ чертахъ ихъ душа говоритъ.
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣвы и чистятъ оружье,
И шьютъ серебромъ, въ тишинѣ увядая...

СМЕРТЬ

[ночь II]

Погасулъ день! И тьма ночная своды
Небесные какъ саваномъ покрыла.
Кой-гдѣ на немъ вертѣлись и мелькали
Свѣтящіяся точки,
И между нихъ земля вертѣлась наша;
На ней, спокойствіемъ объятой тихимъ,
Уснуло все—и я одинъ лишь не спалъ.
Одинъ я не спалъ... Страшнымъ полусвѣтомъ—
Межъ радостью и горестью срединой—
Мое тѣснилось сердце, и желалъ я
Веселіе или печаль умножить
Воспоминаньемъ о убитой жизни.
Послѣднее, однако, было легче!...

Вотъ съ запада скелетъ неизмѣримый
По мрачнымъ сводамъ началъ подниматься.
И звѣзды заслонилъ собою...
И цѣлые міры предъ нимъ уничтожались,
И все трещало подъ его ногами,
Ничтожество за ними оставалось!
И вотъ приблизился къ земному шару
Гигантъ всесильный.—Все на ней уснуло
Ничто встревожиться не мыслило; единый,
Единый смертный видѣлъ, что не дай Богъ
Созданію живому видѣть...

И вотъ онъ поднялъ костяныя руки—
И въ каждой онъ держалъ по человѣку
Дрожащему—и мнѣ они знакомы были—
И кинулъ взоръ на нихъ я—и заплакалъ!...
И страшный голосъ вдругъ раздался: «Малодушный!
Сынъ праха и забвенія, не ты ли,
Изнемогая въ мукахъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ?... Я здѣсь: я смерть!...
Мое владычество безбрежно!...
Вотъ двое. Ты ихъ знаешь—ты любилъ ихъ—
Одинъ изъ нихъ погибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...
И ты умрешь, и въ вѣчности погибнешь.
И ихъ нигдѣ, нигдѣ вторично не увидишь...
Знай, какъ исчезаетъ время, такъ и люди—
Его рожденье—только Богъ лишь вѣченъ...
Рѣшись, несчастный!...»
Тутъ невольный трепетъ
По мнѣ мгновенно началъ разливаться,
И зубы, крѣпко застучавъ, мѣшали
Словамъ жестокимъ вырваться изъ груди;
И, наконецъ, преодолѣвъ свой ужасъ,
Къ скелету я воскликнулъ: «оба! оба!...
Я вѣрю: нѣтъ свиданья—нѣтъ разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вѣчно
Продлился ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми—земного червя,
И землю раздроби—гнѣздо разврата,
Безумства и печали!...
Все, все беретъ она у насъ обманомъ
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья!...
Проклятье этому подарку!...
Мы безъ него тебя бы не знавали.
Поэтому и тщетной, бѣдной жизни,
Гдѣ нѣтъ надеждъ—и всюду опасенья.
Да гибнутъ же друзья мои, да гибнутъ!...
Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти!...»
И видѣлъ я, какъ руки костяныя
Моихъ друзей сдавили—ихъ не стало—
Не стало даже призраковъ и тѣней...
Туманомъ облачился образъ смерти,
И такъ пошелъ на сѣверъ. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптalъ, страшась молиться!...

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ, и серебряный прахъ
Отъ нея, разсыпаясь, бѣжитъ.

Но поймать ты не льстись, и ловить берегись
Обманчивы лучъ и волна...
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней
Отойдешь—и заблещетъ она!

Свѣтской радости такъ безпокойный призракъ
Насъ манитъ подъ хладною мглой.
Ты къ нему—онъ, шутя, убѣжитъ отъ тебя,
Ты обманутъ—онъ вновь предъ тобой!

[отрывокъ]

...Теперь я вижу: нашей свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ—нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ, станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,

И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!..

Къ нимъ стануть [какъ всегда могли]
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной.

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКѢ

[написано на стѣнахъ жилища инока]

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой,
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ;
Но колоколъ растреснувшій молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братью къ всенощной въ сей мирный часъ.
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленные ставни и кругомъ
Высокая полынь—все, все безъ словъ
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ...
. . . . . .
Таковъ старикъ: надъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ:
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ.

ЭЛЕГІЯ

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ.
Я здѣсь стою близъ моря на скалѣ,
Стою, задумчивость питая,
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для людей,
И никому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимный
Семья [illegible] сидитъ вкругъ огонька
И, внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымный!
Но я далекъ отъ счастья ихъ душой:
Я помню блескъ обманчивой столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой...
И чтожъ? Слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь;
Года погибшіе являются всечастно...
И этотъ взоръ, задумчивый и ясный...
Твержу, твержу душѣ: забудь!
Онъ все передо мной! я все твержу напрасно!
О, если-бъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность,
Какъ много-бы я былъ судьбою одолженъ—
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность!..
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину линію для стараго чела
И, отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала...
Кто чувствовалъ, какъ я, чтобъ чувствовать страданья,
Кто рано свѣтъ узналъ и съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!..

КЪ [illegible]

[прочитавъ жизнь Байрона, написанную муромъ]

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя слова мои печальны—нѣтъ!
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья—
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.

Я молодъ: но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, одни и тѣже муки,
О, если-бъ одинаковъ былъ удѣлъ!..

Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужь я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной,
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

[къ трагедіи]

Взгляни на тихую луну! О, какъ прекрасна!
И облака вокругъ нея!.. Луна!
Луна!.. Ахъ, сколько въ этомъ звукѣ чувствъ!
Что будетъ, что теперь, и что прошло—все въ немъ
Соединяется—и что прошло!..
И кто-бъ подумать могъ, что та-жъ луна,
Которая была нѣмой свидѣтель
Минуты первой, у ручья, въ горахъ — ты помнишь—
Что та-жъ луна свидѣтель будетъ
Разлуки, нѣжная Эмилія!..
Взгляни опять: подобная Армидѣ,

Подъ дымкою сребристой мглы ночной
Она идетъ въ волшебный замокъ свой.
Вокругъ нея и слѣдомъ — тучки
Теснятся, будто рыцари, вожди,
Горящіе любовью; и когда
Чело ихъ обращается къ прекрасной —
Оно блеститъ; когда-же отвернутъ
Къ соперникамъ — то ревность и досада
Его покроетъ тотчасъ... Посмотри,
Какъ шлемы ихъ чернѣются, какъ перья
Колеблются во мракѣ... Помнишь, помнишь
Тотъ вечеръ? Все, какъ было — кромѣ
Судьбы Фернандо?... Небо и земля
Все тѣже... только люди!... Если-бъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я-бъ ихъ проклялъ!

1830 ГОДА ІЮЛЯ 15-го

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.
Какъ ужасы плѣняли юный духъ!
Какъ я рвался на волю къ облакамъ!
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,
Не посмотрѣвъ, не скрыта-ль въ нихъ змѣя.

Но въ общество иные я вступилъ,
Узналъ людей и дружескій обманъ,
Сталъ подозрителенъ и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ,
Чтобы никто теперь не говорилъ:
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ
Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

Ахъ! я любилъ, когда я былъ счастливъ,
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить.
Но эту грудь страданьемъ напоивъ,
Скажите мнѣ, возможно-ли любить?
Страшусь, въ объятьяхъ дѣву заключивъ,
Живую душу ядомъ напоить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня.

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь:
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть;
И что молва кричитъ о мнѣ... боюсь!
Когда-бъ я зналъ, не могъ бы перенесть.
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старался они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Согбенный лукъ, порвавши тетиву,
Гремитъ, но вновь не будетъ прямъ, какъ былъ.
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я, поднявъ главу,
Послѣднее усиліе свершилъ:
Чтожъ? Пыпѣ, жалкій, грустный, я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣдпѣй чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.

10-го ІЮЛЯ 1830 ГОДА

Понять вы, гордые, возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Тиранства низкіе сыны.
И снова знамя вольности кровавой
Явилося—побѣды мрачной знакъ;
Оно любимо прежде было славой;
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ...

* * *

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель. Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взираль на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя столѣтій перемѣны
Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И столько гордыхъ думъ увлекъ въ своемъ паденьѣ!
Скажи мнѣ, Новгородъ, ужель ихъ больше нѣтъ?
Ужели Волховъ твой не Волховъ прежнихъ лѣтъ?
. . . . . .

БЛАГОДАРЮ

Благодарю!... вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла—
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся на вѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

Я-бъ не желалъ умножить въ свѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О! пусть холодность мнѣ твой [illegible],
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты

И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю!

* * *

У врать обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
Навѣкъ обмануты тобою.

ВЕСНА

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля:
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу—природа молодѣетъ,
Не молодѣть лишь только ей:
Ланитъ спокойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ

* * *

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду—истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ нескрытъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.

ВАРІАНТЪ ПРЕДЫДУЩАГО СТИХОТВОРЕНІЯ

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Не вѣрь, о вѣрь моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты неспособна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того.

ПАРИЖЪ 30 ІЮЛЯ 1830 ГОДА

[отрывокъ]

Ты могъ быть лучшимъ королемъ,
Ты не хотѣлъ—ты полагалъ
Народъ унизить подъ ярмомъ,
Но ты французовъ не узналъ!..

И загорѣлся страшный бой...
И пламя вольности, какъ духъ,
Идетъ предъ гордою толпой—
И звукъ одинъ наполнилъ слухъ,
И брызнула въ Парижѣ кровь...

Когда архангела труба
Судъ страшный съ неба возвѣститъ,
Когда откроются гроба
И прахъ твой прежній приметъ видъ,
Твои дѣянья на вѣсы
Положитъ Вѣчный Судія..

. . . . . .

* * *

Не говори: однимъ высокимъ
Я на землѣ воспламененъ—
Къ нему лишь съ чувствомъ я глубокимъ
Бужу забытой лиры звонъ.
Повѣрь—великое земное
Различно съ мыслями людей.
Свершилъ съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злодѣй.
Среди дружинъ необозримыхъ
Былъ чуть не Богъ Наполеонъ;
Разбитый на снѣгахъ родимыхъ—
Безумцемъ парицаемъ онъ!
Внимая шумъ волны прибрежной,
Въ изгнаньи дальнемъ онъ погасъ
И чтожъ? Конецъ его мятежный
Не отуманилъ нашихъ глазъ.

СТАНСЫ

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы свѣтлыхъ дней!
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужь не придетъ, какъ прошлый часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.

Смѣялась надо мною ты,
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ мнѣ подчасъ.
«Я не могу любить другой!»

Я жертвовалъ другимъ страстямъ
Но если первыя мечты
Служить не могутъ снова намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю,
А можетъ быть и въ небесахъ?

* * *

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя, и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказалъ
Увы! то были не мечты,
И если только, наконецъ,
Моя лишь грудь поражена,
То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена

* * *

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой,
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ.

* * *

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья:
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ—зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ! я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный,
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать;
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать!

* * *

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай!—шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ быть... какъ знать... въ послѣдній
разъ.

МОГИЛА БОЙЦА

Онъ спитъ послѣднимъ сномъ давно,
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ;
Надъ нимъ бугоръ насыпанъ былъ,
Зеленый дернъ кругомъ.

Сѣдые кудри старика
Смѣшалися съ землей:
Они взвѣвались по плечамъ
За чашей пировой,

Они бѣлы, какъ пѣна волнъ
Біющихся у скалъ;
Уста любимыя бесѣдъ
Впервые хладъ сковалъ.

И блѣдны щеки мертвеца,
Какъ ликъ его враговъ
Блѣдиѣлъ, когда являлся онъ
Одинъ средь ихъ рядовъ.

Сырой землей покрыта грудь,
Но сей не тяжело;
И червь, движенья не боясь,
Ползетъ черезъ чело.

На то-жь онъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слеталися на холмъ его
Пустынные орлы?

Хотя пѣвецъ родной страны
Не разъ ужъ пѣлъ объ немъ;
Но пѣснь—все пѣснь, а жизнь—все жизнь!...
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ.

СМЕРТЬ

Закатъ горитъ огнистой полосою;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
То мысль объ ней... О! далеко она;
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуетъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ тебя любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

ПРЕДЧУВСТВІЕ

[отрывокъ]

Боюсь не смерти я. О, нѣтъ!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный
Когда-нибудь увидѣлъ свѣтъ,
Хочу—и снова затрудненье!..
Зачѣмъ... что пользы..

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Въ ребячествѣ моемъ тоску любви змѣиной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной:
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ, во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ, какъ ледъ,
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій:
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану — можетъ быть!
Когда-же улеталъ мой призракъ драгоцѣнный,
Я въ одиночествѣ кидалъ мои взгляды смущенны
На стѣны желтыя и, мнилось, тѣни съ нихъ
Сходили медленно до самыхъ ногъ моихъ...
И мрачно, какъ онѣ, воспоминанье было
О томъ, что лишь мечта, и между тѣмъ такъ мило!

* * *

Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала...
Казалось, мнѣ она понравиться желала;
Очей привѣтливость, движеній быстрота,
Природный блескъ ланитъ и груди полнота—
Все, все наполнило-бъ мнѣ умъ очарованьемъ,
Когда-бъ совсѣмъ инымъ, безсмысленнымъ желаньемъ
Я не былъ угнетенъ, когда-бъ передо мной
Не пролетала тѣнь съ насмѣшкою пустой,
Когда-бъ я только могъ забыть черты другія,
Лицо безцвѣтное и взоры ледяные!..

ЗВУКИ

Что за звуки! Неподвижно внемлю
Сладкимъ звукамъ я.
Забываю небо, вѣчность, землю,
Самого себя...
Всемогущій, что за звуки! Жадно
Сердце ловитъ ихъ,
Какъ въ пустынѣ путникъ безотрадный
Каплю водъ живыхъ...
И въ душѣ опять они рождаютъ
Сны веселыхъ лѣтъ,
И въ одежду жизни одѣваютъ
Все, чего ужь нѣтъ.
Принимаютъ образъ эти звуки,
Образъ милый мнѣ;
Мнится, слышу тихій плачъ разлуки,
И душа въ огнѣ...
И опять безумно упиваюсь
Ядомъ прежнихъ дней,
И опять я въ мысляхъ полагаюсь
На слова людей.

РАСКАЯНІЕ

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?..
Она была добра къ тебѣ—
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безсмысленный! ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,
Всеобщимъ зломъ не зараженной—
И этотъ кладъ ты потерялъ!

Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшился зародить
И долѣе не могъ любить,
Достигнувъ цѣли сей печальной;
Ты презрѣлъ все; между людей
Стоишь, какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій плачъ любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.

ТРОСТНИКЪ

И будто оживленный,
Тростникъ заговорилъ...

Не дважды Богъ даетъ намъ радость:
Взаимной страстью веселя;
Безъ утѣшенія, томя,
Пройдетъ и жизнь твоя, какъ младость
Ея лобзанья встрѣтилъ ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будутъ предъ тобой всечасно
Предмета перваго черты.

О! вымоли ея прощенье,
Падн, падн къ ея ногамъ!
Не то—ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврату:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ силахъ замѣнить.

* * *

Вверху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Меня зоветъ.
Таковъ же былъ
Тотъ свѣтлый взоръ,
Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ;
Какъ та звѣзда
Онъ былъ высокъ.
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ,
И безъ надеждъ
Къ нему взывалъ.

* * *

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Тайть отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней;
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой-нибудь остался слѣдъ.

Быть можетъ, нѣкогда случится,
Что, всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится,
И вы промолвите: онъ правъ!
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца—памятникъ могилы.

ТОЛПѢ

Безумецъ я! вы правы, правы!
Смѣшно безсмертье на земли!
Какъ смѣлъ желать я громкой славы,
Когда вы счастливы въ пыли?
Какъ могъ я цѣнь предубѣжденій
Умомъ свободнымъ потрясать,
И пламень тайныхъ угрызеній
За жаръ поэзіи принять!
Нѣтъ, не похожъ я на поэта!
Я обманулся, вижу самъ;
Пускай, какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ зато и небесамъ!
Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять,
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!
Нѣтъ... мнѣ ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я надъ вами,
Но удалюсь ли отъ себя,
И позабуду-ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я вѣрилъ страстно,
Чему не смѣю вѣрить вновь?...

ТРОСТНИКЪ

Сидѣлъ рыбакъ веселый
На берегу рѣки,
И передъ нимъ по вѣтру
Качались тростники.
Сухой тростникъ онъ срѣзалъ
И скважины проткнулъ,
Одинъ конецъ зажалъ онъ,
Въ другой конецъ подулъ.
И будто оживленный,
Тростникъ заговорилъ—
То голосъ человѣка
И голосъ вѣтра былъ.
И пѣлъ тростникъ печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Терзаешь ты меня!
И я была дѣвицей,
Красавица была,
У мачехи въ темницѣ
Я нѣкогда цвѣла.

И много слезъ горючихъ
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И былъ сынокъ, любимецъ
У мачехи моей:
Обманывалъ красавицъ,
Пугалъ честныхъ людей.
И разъ пошли подъ-вечеръ
Мы на берегъ крутой —
Смотрѣть на сини волны,
На западъ золотой.
Моей любви просилъ онъ —
Любить я не могла,
И деньги мнѣ дарилъ онъ —
Я денегъ не брала;
Несчастную сгубилъ онъ
Ударомъ въ грудь ножомъ,
И здѣсь мой трупъ зарылъ онъ
На берегу крутомъ.
И надъ моей могилой
Взошелъ тростникъ большой,
И въ немъ живутъ печали
Души моей младой.
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Оставь же свой тростникъ!
Ты мнѣ помочь не въ силахъ.
А плакать не привыкъ!»

1831 ГОДА, ІЮНЯ 11

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженной печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ,
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3.

[illegible] буквой трудно объяснить
[illegible] Нѣтъ звуковъ у [illegible],
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ-нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.

4.

Извѣстность, слава, что онѣ? — А есть
У нихъ и надо мною власть: они
Велятъ себѣ на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ;
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой —
Я смерти отдалъ все, что̀ даръ земной.

5.

Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

6.

Къ погибшимъ люди справедливы; сынъ
Боготворитъ, что проклиналъ отецъ.
Чтобъ въ этомъ убѣдиться, до сѣдинъ
Дожить не нужно: есть всему конецъ;
Немного долголѣтнѣй человѣкъ
Цвѣтка; въ сравненьи съ вѣчностью ихъ вѣкъ
Равно ничтоженъ. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна,

7.

Такъ и ея созданье. Иногда
На берегу рѣки, одинъ, забытъ,
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода,
Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой:
И я глядѣлъ и мыслію иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣивалъ толпу глубокихъ думъ.

8.

Тутъ былъ я счастливъ... О, когда-бъ я могъ
Забыть, что незабвенно... женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить — и небеса молю
О новыхъ мукахъ; но въ груди моей
[illegible] печальный призракъ прежнихъ дней.

9.

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ — ей все равно!

10.

Гемна проходитъ туча въ небесахъ,
И въ ней таится пламень роковой;
Онъ, вырываясь, обращаетъ въ прахъ
Все, что ни встрѣтитъ. Съ дивной быстротой
Блеснетъ — и снова въ облакъ укрытъ,
И кто его источникъ объяснитъ,
И кто заглянетъ въ нѣдра облаковъ?
Зачѣмъ? Они исчезнутъ безъ слѣдовъ.

11.

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?..
Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ — и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить какъ я — порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ

12.

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая!—Любить
Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ

13.

И отучить меня не могъ обманъ.
Пустое сердце было безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней;
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза вырастаетъ — молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ.

14.

И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣетъ. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ,
Увянетъ преждевременно она;
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

15.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
Съ такой душой ты — богъ или злодѣй...

16.

Какъ нравились всегда пустыни мнѣ!
Люблю я вѣтеръ межъ нагихъ холмовъ,
И коршуна въ небесной вышинѣ,
И на равнинѣ тѣни облаковъ.
Ярма не знаетъ рѣзвый здѣсь табунъ;
И кровожадный тѣшится летунъ
Подъ синевой, и облако степей
Свободнѣй какъ-то мчится и свѣтлѣй.

17.

И мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости — для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день;
На западѣ свѣтило видитъ взоръ
И на востокѣ блѣдной ночи тѣнь;
Внизу туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури облака стоятъ,
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводитъ въ жизнь — минувшаго скелетъ,
И въ немъ почти все та-же красота.
Такъ любитъ мать глядѣть на свой портретъ.
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей
Погасшихъ отъ время и страстей.

20.

Что за земля [illegible]
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ [illegible]

Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ;
Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать,

23.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что-жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

24.

Есть время—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

25.

Я къ состоянью этому привыкъ.
Но ясно выразить его-бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ.
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому вполнѣ счастливый данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ—
Увидитъ онъ, что могъ счастливѣй быть,
Когда бы не успѣла отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться несильна.

27.

Когда гонима бурей роковой
Шипитъ и мчится съ пѣною своей...
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,
Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей,
И, можетъ быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себѣ покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ,
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

29.

Всѣ!.. нѣтъ, не всѣ!.. Созданье есть одно,
Способное любить—хоть не меня;
До этихъ поръ не вѣритъ мнѣ оно,
Однако, сердце, полное огня,
Не увлечется мнѣньемъ, и мое
Пророчество припомнитъ умъ ее,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.

31.

И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду въ сердце не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль

Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,

32.

И мой курганъ! — Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ — только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна, какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей!

ОДИННАДЦАТАГО ІЮЛЯ

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечеромъ свѣтило,
За снѣжной цѣпію холмовъ,
Краснѣя ярко, заходило.
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье!
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды,
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады?
Нѣтъ! только счастье ослѣпить
Умѣетъ мысли и желанья,
И сномъ никакъ не можетъ быть
Все, въ чемъ хоть искра есть страданья!

---

* * *

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала; я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ —
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями; но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!
Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ. Но созданія мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ,
О, нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ.
Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ. И ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь,
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое... На что намъ мертвыхъ разлучать?

ЖЕЛАНІЕ

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ —
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ —
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но нездѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!..

СВ. ЕЛЕНА

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокой,
Гдѣ часто, въ думу погруженъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.

Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ — безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный — но герой!

Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря мимо насъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной
День возвышенья—и паденья часъ!

7-го АВГУСТА

[въ деревнѣ, на холмѣ, у забора]

Блистая, пробѣгаютъ облака
По голубому небу. Холмъ крутой
Осеннимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
Бѣжитъ внизу по камнямъ съ быстротой,
И на холмѣ пришлецъ молодой,
Завернутъ въ плащъ, недвижимо сидитъ
Подъ старою березой. Онъ молчитъ;
Но грудь его подъемлется порой,
Но блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ.
Чего онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? О нѣтъ!

Онъ смотритъ вдаль: тутъ лѣсъ пестрѣетъ, тамъ
Поля и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ
Опять дубраву, или по кустамъ
Разсѣянныя сосны. Міръ какъ садъ
Цвѣтетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ:
Поблекнувшіе листья... Жалокъ міръ!
Въ немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,
И люди всѣ къ ничтожеству спѣшатъ;
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.

И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она змѣю
Согрѣла. «О, когда бъ одно «люблю»
Изъ устъ прекрасныхъ могъ подслушать я
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
И [illegible]бъ въ новый блескъ одѣлось!» такъ мечталъ
[illegible] не желалъ!

АТАМАНЪ

Горе тебѣ, [illegible]!
Бѣжитъ толпа удальцовъ
Сбирать невольную дань
Съ твоихъ беззащитныхъ купцовъ.
Вдоль по Волгѣ широкой,
На лодкѣ плывутъ,
И веслами дружными плещутъ,
И пѣсни поютъ.

Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;
Хоть его лихая семья
Какъ волны шумна—онъ молчитъ.
И краса молодая,
Какъ сайнъ блѣдна,
Передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ
И молвитъ она:

«Горе мнѣ, бѣдной дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой?
Ты повѣрилъ злой клеветницѣ;
Любимъ мною не былъ другой.
Мнѣ жребій неволи
Судьбинушкой данъ;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаманъ!»

«Горе дѣвицѣ лукавой!»
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ
«У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
Отъ глазъ моихъ трудно
Проступокъ укрыть —
Все знаю!.. и вновь не могу я,
Дѣвица, любить!..

«Но лѣкарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!.. лѣкарство то—месть!
На что же я здѣсь атаманъ?
И заплачу ль, какъ плачетъ
Любовникъ другой?..
И смягчишь ли меня ты, дѣвица,
Своею слезой?

Горе тебѣ, гроза-атаманъ,
Ты свой произнесъ приговоръ!
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?..
Остался ль ты хладенъ
И твердъ, какъ въ бою,
Когда бросили въ пѣнныя волны
Красотку твою?

Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣсть совсѣмъ удалить?
Отмыть онъ чистой водой
Боится ужъ руки умыть.
Умывать онъ ихъ любитъ,
Съ дружиной своей,
Слезами вдовицъ беззащитныхъ
И кровью дѣтей!

ИСПОВѢДЬ

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить

И жить, какъ клятвой обѣщалъ;
Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лечитъ отъ страданья,
Что міръ для счастья сотворенъ;
Что добродѣтель не названье
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!...

Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде безотрадный,
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній,
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ;
Его ничто не испугаетъ,
И то, что было-бъ ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.

ЧАША ЖИЗНИ

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ.

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она—не наша!

ВОЛЯ

Моя мать—злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная.

Съ ней нашлись другіе у меня
Мать, отецъ и семья;
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья въ лѣсахъ—
Березы да сосны...
Несусь ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой—
Небо свѣтитъ мнѣ луной;
Мои братья въ лѣтній день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
И вольность мнѣ гибкій свила,
Какъ міръ необъятное!

СЕНТЯБРЬ 28

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой.

Къ чему?.. Другой лобзаетъ эти очи
И руку жметъ твою;
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердитъ: люблю, люблю!

Откройся мнѣ: ужели непритворны
Лобзанія твои?
Они правамъ супружества покорны,
Но не правамъ любви.

Онъ для тебя не созданъ; ты родилась
Для пламенныхъ страстей;
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!

Онъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?

Встрѣчалъ ли онъ съ молчаньемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими ль онъ жертвовалъ годами—
Мгновеніямъ съ тобой?

Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Одни въ тебѣ найдетъ.

Такъ!.. ты его не любишь!.. Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь.

* * *

Метель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорвавшися, гудитъ—
То отголосокъ похоронъ,

То звукъ могилы надъ землей,
Умершимъ—вѣсть, живымъ—укоръ,
Цвѣтокъ поблекшій гробовой,
Который не плѣнятъ взоръ.

Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще—новыхъ первый часъ...

НЕБО И ЗВѢЗДЫ

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка;
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!

Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ.
Добрые люди, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо!—а я человѣкъ!..

Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.

* * *

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться;
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать!

Но чувство есть у насъ святое—
Надежда, богъ грядущихъ дней;
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

ПОТОКЪ

Источникъ страсти есть во мнѣ—
Великій и чудесный:
Песокъ серебряный на днѣ,
Поверхность—ликъ небесный;
Но безпрестанно быстрый токъ
Воротитъ и крутитъ песокъ,
И небо надъ водами
Одѣто облаками.

Родится съ жизнью этотъ ключъ
И съ жизнью исчезаетъ;
Въ иномъ онъ слабъ, въ другомъ могучъ,
Но всѣхъ онъ увлекаетъ;
И первый счастливъ, но такой
Я праздный отдалъ бы покой
За нѣсколько мгновеній
Блаженства иль мученій.

Пускай же мчится мой потокъ,
Пенистый и бурный,
Пускай отъ берега цвѣтокъ
Отмоетъ онъ лазурный,
И увлечетъ съ собою въ путь
И съ нимъ погибнетъ гдѣ-нибудь,
Вдвоемъ, забытъ вселенной,
Въ пустынѣ отдаленной.

* * *

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.
Быть можетъ, манитъ только издали
Оно надежду; получивъ—какъ знать?—
Быть можетъ, я бъ его сталъ презирать;
И увидалъ бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье, ложное какъ звукъ.

Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? что душа
Не смотритъ изъ живыхъ ея очей,
Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,

Какъ ангелъ сказки, Богомъ создана?
Нѣтъ! чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть пятно тоски въ умѣ моемъ.

И съ каждымъ годомъ шире то пятно,
И скоро все поглотитъ, и тогда
Узнаю я спокойствіе; оно,
Навѣрно, много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
Зато безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже—если рабъ страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что чуждо ей,
То чуждо мнѣ; я родину люблю
И больше многихъ; средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горесть началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда мой прахъ, смѣшавшися съ землей,
Навѣки прежній видъ оставитъ свой.

О, мой Отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ Твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный, звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ—и въ немъ-то адъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ искать отраду бытія.

* * *

Ужасная судьба отца и сына—
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
Постигнутъ ты желанною кончиной!
Дай Богъ, чтобы, какъ твой, спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ! Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
Однакожъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ?
Ты свѣтомъ осужденъ... А что такое свѣтъ!
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столькихъ же насмѣшливыхъ клеветъ.
Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей;
Ты счастливѣй меня: передъ тобой,
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалѣешь нынѣ
О дняхъ, потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,
О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ искалъ ты, какъ въ пустынѣ,
Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?..
О, если такъ! то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
Но крайней мѣрѣ я—люблю!

СТАНСЫ

Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ,
Сквозь лучъ надеждъ, которымъ нѣтъ
Опредѣленья, и они
Мнѣ обѣщаютъ годы, дни,
Подобные минувшимъ днямъ:
Ни мукъ, ни радостей, а тамъ
Конецъ—ожиданный конецъ...
Какая будущность, Творецъ!

Пусть я кого-нибудь люблю,
Любовь не краситъ жизнь мою:
Она, какъ чумное пятно
На сердцѣ, жжетъ—хотя темно...
Враждебной силою гонимъ,
Я тѣмъ живу, что смерть другимъ,
Живу—какъ неба властелинъ—
Въ прекрасномъ мірѣ—но одинъ!

Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена
Дочь смерти—смерть ей суждена.

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА

Ты понималъ, о мрачный геній!
Тотъ грустный, безотчетный тонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то, чѣмъ удивлялъ Байронъ.
Я вижу—ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой...
То не бѣглецъ ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?
Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ
Высокій умъ его убитъ;
Все темно вкругъ; тоской, сомнѣньемъ

Надменный взглядъ его горитъ.
Быть можетъ, ты писалъ съ природы,
И этотъ ликъ не идеалъ;
Или въ страдальческіе годы
Ты самъ себя изображалъ? —
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ.

ВОЛНЫ И ЛЮДИ

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ — волнъ холодѣй!

---

* * *

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
Не уступаетъ цвѣту ночи;
Какъ день твои блестаютъ очи
При встрѣчѣ радостныхъ очей.

Ты, отъ души смѣясь смѣшному,
Какъ скуку гонишь прочь печаль;
Что бредъ ребяческій другому,
То все тебѣ покинуть жаль.

Волною жизни унесенный
Далеко отъ надеждъ былыхъ,
Какъ путешественникъ забвенный,
Я чужимъ сталъ между родныхъ.

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И, не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю.

И время ихъ не измѣнило:
Они все тѣ же: — я не тотъ!
Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило,
А что жалѣетъ, то живетъ?

* * *

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ — или никто!..

МОРЯКЪ

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны,
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны.
О дѣтствѣ говорить не стану.
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И какъ змѣю мы тончемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ,
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
Я съ кораблемъ не разставался,
Я, какъ сѣтей, земли боялся;
Не вѣдалъ счету я друзьямъ;
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья!
Въ немъ были ласки и укоръ —
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный,
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена?..
Безумны были эти лѣта!
Но чтожъ? ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?..
Всѣ чувства тайной мукой полны —
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ ли онъ морскія волны,
Иль сердце женщинамъ дарилъ!
Покрывшись пѣною, рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ

Не слушая, не понимая
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ;
А волны, волны все одне!..
Я, обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы—
Богъ вѣсть откуда и куда!
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И бездны безконечный шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ бурный ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну,
Съ другой стихіей—съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!..
[Sic transit gloria mundi].

* * *

Когда надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить;
Когда былое ежечасно
Очамъ являлося моимъ
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мнѣ чужимъ—
Тогда молитвой безразсудной
Я долго неба докучалъ,
И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
«Чего ты просишь?» онъ вѣщалъ.
«Ты, бѣдный, палъ, но я ль виновенъ?
Смири страстей своихъ порывъ,
Будь какъ другіе хладнокровенъ,
Будь какъ другіе терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебѣ такъ жаль.
Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся въ даль,
Пойдешь ли ты черезъ пустыню
Иль городъ пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!..»

* * *

Посреди небесныхъ тѣлъ
Ликъ луны туманной:
Какъ онъ кругелъ и какъ онъ бѣлъ,
Будто блинъ съ сметаной.

Кажду ночь она въ лучахъ
Путь проходитъ млечной:
Видно, тамъ, на небесахъ,
Масленица вѣчно!

* * *

Онъ былъ въ краю святомъ,
На холмахъ Палестины;
Стальной его шеломъ
Изсѣкли сарацины.

Понесъ онъ въ край святой
Цвѣтущія лапты;
Вернулся онъ домой
Плѣшивый и избитый.

Невѣрныхъ онъ громилъ
Обѣими руками—
Ни женъ ихъ не щадилъ
Ни малыхъ съ стариками,

Встрѣчаясь съ нимъ, подчасъ,
Смущалися красотки:
Онъ ихъ ласкалъ не разъ
Перебирая чотки.

Вернулся онъ въ свой домъ
Безъ славы и безъ злата;
Глядитъ—дѣтей содомъ,
Жена его брюхата.

Пришибло старика...

* * *

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.

Что это: вызовъ ли надменный,
На битву бѣшеный призывъ?
Иль голосъ зависти смущенной,
Безсилья злобнаго порывъ?
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ; вамъ обидна
Величья нашего заря;

Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!

Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вы мните грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный шитъ
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранитъ!

Безумцы жалкіе! вы правы,
Мы чужды ложнаго стыда:
Такъ, нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.
Велѣньямъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!

. . . . . .

Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни вонственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабриціи
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!

ГРОЗА

Реветъ гроза, дымятся тучи
Надъ темной бездною морской,
И плещутъ пѣною кипучей,
Толпяся, волны межъ собой.
Вкругъ скалъ огнистой лентой вьется
Печальной молніи змѣя,
Стихій тревожный рой мятется —
И здѣсь стою недвижимъ я.

Стою, — ужель тому ужасно
Стремленье всѣхъ подземныхъ силъ,
Кто въ жизни чувствовалъ напрасно
И жизнію обманутъ былъ?
Вокругъ кого — сей ядъ сердечный —
Вились сужденья клеветы,
Какъ вкругъ скалы остроконечной,
Губитель пламень, вьешься ты?
О, пѣтъ? летай, огонь воздушный,
Свистите, вѣтры, надъ главой!
Я здѣсь, холодный, равнодушный,
И трепетъ не знакомъ со мной.

НАДЕЖДА

Есть птичка рая у меня:
На кипарисѣ молодомъ
Она сидитъ во время дня,
Но пѣть никакъ не станетъ днемъ.
Лазурь небесъ — ея спина,
Головка — пурпуръ, на крылахъ
Пыль золотистая видна,
Какъ отблескъ утра въ облакахъ.
И только что земля уснетъ,
Одѣта мглой въ ночной тиши,
Она на вѣткѣ ужъ поетъ
Такъ сладко, сладко для души,
Что поневолѣ тягость мукъ
Забудешь, внемля пѣснѣ той,
И сердцу каждый тихій звукъ —
Какъ гость пріятель дорогой.
И часто въ бурѣ я слыхалъ
Тотъ звукъ, который такъ люблю,
И я всегда надеждой звалъ
Пѣвицу мирную мою.

СТАНСЫ

Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено,
Но по волѣ того-же Творца
Все, что любитъ меня, то погибнуть должно,
Иль, какъ я же, страдать до конца.
Моя воля надеждамъ противна моимъ,
Я люблю и страшусь быть взаимно любимъ.

На пустынной скалѣ незабудка весной
Одна безъ подругъ расцвѣла,
И ударила буря, и дождь проливной,—
И, какъ прежде, недвижна скала;
Но красивый цвѣтокъ ужъ на ней не блеститъ,
Онъ вѣтромъ подломленъ и градомъ убитъ.

Такъ точно и я подъ ударомъ судьбы,
Какъ утесъ неподвиженъ стою,
Но не мысли никто перенесть сей борьбы,
Если руку пожметъ онъ мою.
Я не чувствъ, но поступковъ своихъ властелинъ,
Я несчастливъ пусть буду, — несчастливъ одинъ.

СМЕРТЬ

Ласкаемый цвѣтущими мечтами,
Я тихо спалъ и вдругъ я пробудился,
Но пробужденье тоже было сонъ;
И думая, что цѣпь обманчивыхъ
Видѣній мной разрушена, я вдвое

Обманутъ былъ воображеньемъ, если
Одно воображеніе творитъ
Тотъ новый міръ, который заставляетъ
Насъ презирать безчувственную землю.
Казалось мнѣ, что смерть дыханьемъ хладнымъ
Ужъ начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билося, но крѣпко
Съ болѣзненнымъ какимъ-то содроганьемъ,
И тѣло, видя свой конецъ, старалось
Вновь удержать души нетерпѣливой
Порывы, по товарищу былому
Съ досадою душа внимала, и укоры
Ихъ разставанье сдѣлали печальнымъ.
Между двухъ жизней, въ страшномъ промежуткѣ,
Надеждъ и сожалѣній, ни объ той,
Ни объ другой не мыслилъ я,—одно
Сомнѣнье волновало грудь мою,
Послѣднее сомнѣнье! Я не могъ
Понять, какъ можно чувствовать блаженство
Иль горькія страданья далеко
Отъ той земли, гдѣ въ первый разъ я понялъ,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Гдѣ жадно я искалъ самопознанья,
Гдѣ столько я любилъ и потерялъ,
Любилъ согласно съ этимъ бреннымъ тѣломъ,
Безъ коего любви не понималъ я..
Такъ думалъ я и вдругъ забылся,
И чрезъ мгновенье снова жилъ я,-
Но не видалъ вокругъ себя предметовъ
Земныхъ, и болѣе не помнилъ я
Ни боли, ни тяжелыхъ безпокойствъ
О будущей судьбѣ моей и смерти:
Все было мнѣ такъ ясно и понятно,
И ни о чемъ себя не вопрошалъ я,
Какъ будто бы вернулся я туда,
Гдѣ долго жилъ, гдѣ все извѣстно мнѣ,
И лишь едва чувствительная тягость
Въ моемъ полетѣ мнѣ напоминала
Мое земное краткое изгнанье.
Вдругъ передъ мной въ пространствѣ безконечномъ
Съ великимъ шумомъ развернулась книга
Подъ неизвѣстною рукой, и много
Написано въ ней было, но лишь мой
Ужасный жребій, ясно для меня,
Начертанъ былъ кровавыми словами:
«Безплотный духъ, иди и возвратись
На землю!»—Вдругъ передъ мной исчезла книга,
И опустѣло небо голубое,
Ни ангелъ, ни печальный демонъ ада
Не разсѣкалъ крыломъ полей воздушныхъ,
Лишь тусклыя планеты, пробѣгая,
Едва кидали искру на пути.
Я вздрогнулъ, прочитавъ свой жребій—
Какъ?! Мнѣ летѣть опять на эту землю,
Чтобъ увидать ряды тѣхъ золъ, которымъ
Причиной были дѣтскія ошибки?
Увижу я страданія людей
И тайныхъ мукъ ничтожныя причины,
И къ счастію людей увижу средство
И невозможно будетъ научить ихъ...
Но такъ и быть, лечу на землю... Первый
Предметъ — могила съ пышнымъ мавзолеемъ,
Подъ коимъ трупъ мой люди хоронили.
И захотѣлось мнѣ во гробъ проникнуть,
И я вошелъ въ темницу — длинный гробъ,
Гдѣ гнилъ мой трупъ, и тамъ остался я.
Здѣсь кость была уже видна, здѣсь мясо
Кусками синее висѣло, жилы тамъ
Я примѣчалъ съ засохшею въ нихъ кровью.
Съ отчаяньемъ сидѣлъ я и взиралъ,
Какъ быстро насѣкомыя ронялись
И съ жадностью глодали пищу смерти.
Червякъ то выползалъ изъ впадинъ глазъ
То вновь скрывался въ безобразный черепъ.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я долженъ былъ смотрѣть на гибель друга
Такъ долго жившаго съ моей душою,
Послѣдняго, единственнаго друга,
Дѣлившаго ея печаль и радость,—
И я помочь желалъ, но тщетно, тщетно...
Уничтоженья быстрые слѣды
Текли по немъ — и черви умножались,
Они дрались за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли...
Остались кости — и онѣ исчезли,
И прахъ одинъ лежалъ на мѣсто тѣла.
Одной исполненъ мрачною надеждой,
Я припадалъ на бренные остатки,
Стараясь ихъ дыханіемъ согрѣть,
Иль оживить моей безсмертной жизнью:
О, сколько-бъ отдалъ я тогда земныхъ
Блаженствъ, чтобы хотя одну, одну минуту
Почувствовать въ нихъ теплоту — напрасно!
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны, какъ презрѣнье!
Тогда изрекъ я дикія проклятья
На моего отца и мать, на всѣхъ людей...
Съ отчаяньемъ безсмертья, долго, долго,
Жестокаго свидѣтель разрушенья,
Я на Творца роптalъ, страшась молиться,
И я хотѣлъ изречь хулы на небо,
Хотѣлъ сказать...
Но замеръ голосъ мой, и я проснулся.

СМЕРТЬ

Оборвана цѣпь жизни молодой,
Оконченъ путь, билъ часъ,—пора домой,
Пора туда, гдѣ будущаго нѣтъ.

Ни прошлаго, ни вѣчности, ни лѣтъ;
Гдѣ нѣтъ ни ожиданій, ни страстей,
Ни горькихъ слезъ, ни славы, ни честей;
Гдѣ вспоминанье спитъ глубокимъ сномъ
И сердце, въ тѣсномъ домѣ гробовомъ,
Не чувствуетъ, что червь его грызетъ.
Пора!—усталъ я отъ земныхъ заботъ...
Ужель бездушныхъ удовольствій шумъ,
Ужели пытки безполезныхъ думъ,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая отъ мудрости глупа,
Ужели дѣвъ коварная любовь
Прельстятъ меня передъ кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой попрежнему страдать
И столько же любить?—Всесильный Богъ!
Ты зналъ: я долѣе терпѣть не могъ...
Пускай меня обхватитъ цѣлый адъ,
Пусть буду мучиться,—я радъ, я радъ,—
Хотя бы вдвое противъ прошлыхъ дней,
Но только дальше, дальше отъ людей!

СОНЪ

Я видѣлъ сонъ: прохладный гаснулъ день,
Отъ дома длинная тянулась тѣнь,
Луна, взойдя на небѣ голубомъ,
Играла въ стеклахъ радужнымъ огнемъ.
Все было тихо, какъ луна и ночь,
И вѣтръ не могъ дремоты превозмочь.
И на большомъ крыльцѣ, межъ двухъ колоннъ,
Я видѣлъ дѣву: какъ послѣдній сонъ
Души, на небо призванной, она
Сидѣла тутъ, плѣнительна, грустна;
Хоть, можетъ быть, притворная печаль
Блестѣла въ этомъ взорѣ,—но едва-ль...
Ея рука такъ трепетна была
И грудь ея младая такъ тепла;
У ногъ ея (ребенокъ, можетъ быть)
Сидѣлъ... Ахъ! рано началъ онъ любить,
Во цвѣтѣ лѣтъ съ привязчивой душой.
Зачѣмъ ты здѣсь, страдалецъ молодой?..
И онъ сидѣлъ, и съ страхомъ руку жалъ
И глазъ ея движенья провожалъ
И не [illegible] онъ [illegible] нихъ судьбы завѣтъ,
Мученіе, заботы [illegible] лѣтъ,
Болѣзнь души, потоки горькихъ слезъ.
Все, что оставилъ, все, что перенесъ,—
И дорожилъ онъ [illegible] тѣхъ очей,
Причиною погибели своей...

АРФА

I

Когда зеленый дернъ мой скро[illegible]
Когда, простясь съ недолги[illegible] бытіемъ,
Буду только звукъ въ твоихъ устахъ
Лишь тѣнь въ воображеніи твоемъ;
Когда друзья младые на пирахъ
Меня не станутъ поминать виномъ,—
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой другъ и другъ мечты.

II

Повѣсь ее къ дому противъ окна,
Чтобъ вѣтеръ осени игралъ подъ ней,
И чтобъ ему отвѣтила она
Хоть отголоскомъ пѣсенъ прошлыхъ дней;
Но не проснется звонкая струна
Подъ бѣлоснѣжною рукой твоей,
Затѣмъ, что тотъ, кто пѣлъ твою любовь,
Ужъ будетъ спать, чтобъ не проснуться вновь.

---

* * *

Она не гордой красотою
Прельщаетъ юношей живыхъ,
Она не видитъ за собою
Толпу вздыхателей нѣмыхъ.
И станъ ея не станъ богини,
И грудь волною не встаетъ;
И въ ней никто своей святыни,
Припавъ къ землѣ, не признаетъ.
Однако, всѣ ея движенья,
Улыбки, рѣчи и черты
Такъ полны жизни, вдохновенья,
Такъ полны чудной простоты,
И голосъ душу проникаетъ,
Какъ вспоминанье лучшихъ дней;—
И сердце любитъ и страдаетъ,
Почти стыдясь любви своей.

---

* * *

Слова разлуки повторяя,
Полна надеждъ душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смѣло вѣришь ей... но я?

Оставь страдальца—будь покойна:
Гдѣ-бъ ни былъ этотъ міръ святой,
Двухъ жизней сердцемъ ты достойна,
А мнѣ довольно и одной!

Тому-ль пускаться въ безконечность,
Кого измучилъ краткій путь?
Меня раздавитъ эта вѣчность,
Мнѣ страшно здѣсь не отдохнуть.

Я схоронилъ навѣкъ былое,
И нѣтъ о будущемъ заботъ:

Земля взяла свое земное,
Она назадъ не отдастъ!..

* * *

Смѣло вѣрь тому, что вѣчно,
Безначально, безконечно,
Что прошло и что настанетъ,
Обмануло иль обманетъ.
Если сердце молодое
Встрѣтитъ пылкое другое,
При разлукѣ, при свиданьѣ
Закажи ему молчанье.
Все на свѣтѣ рѣдко стало,—
Есть надежды—счастья мало.
Не забвеніе разлуки:
То—блаженство, это—муки.
Если счастьемъ дорожилъ ты,
То зачѣмъ его дѣлилъ ты?
Для чего не жилъ въ пустынѣ,
Иль объ этомъ вспомнилъ нынѣ?

БОЙ

Сыны небесъ однажды надо мною
Свѣтилися—воздушныхъ два бойца;
Одинъ—серебряной обвѣянъ бахромою,
Другой—въ одеждѣ чернеца.
И, видя злость противника второва,
Я пожалѣлъ о воинѣ младомъ:
Вдругъ поднялъ онъ концы покрова,
И я подъ нимъ замѣтилъ громъ.
И кони ихъ ударились крылами
И ярко брызнулъ изъ ноздрей огонь;
Но вскорѣ отступилъ передъ громами
И палъ на землю черный конь.

* * *

Поцѣлуями прежде считалъ
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я отъ счастья усталъ,
Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считалъ
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любилъ и желалъ,
А теперь никого не люблю.

И я счетъ своихъ лѣтъ потерялъ
И крылья забвенья ловлю:
Какъ имъ сердце унесть бы я далъ!
Какъ бы вѣчность имъ бросилъ мою!

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно,
Хоть счастье земное и меньше въ сто разъ,
Но мы знаемъ, какое оно.

О надеждахъ и мукахъ былыхъ вспоминать
Въ насъ тайная склонность кипитъ;
Насъ тревожитъ невѣрность надежды земной,
А краткость печали смѣшитъ.

Страшна въ настоящемъ бываетъ душѣ
Грядущаго темная даль,
Мы блаженство желали-бъ вкусить въ небесахъ,
Но съ міромъ разстаться намъ жаль.

Что во власти у насъ, то пріятнѣе намъ,
Хоть мы ищемъ другого порой,
Но въ часъ разставанья мы видимъ ясней,
Какъ оно породнилось съ душой.

СЛАВА

Къ чему ищу такъ славы я?
Извѣстно, въ славѣ нѣтъ блаженства
Но хочетъ все душа моя
Во всемъ дойти до совершенства.
Проникая будущаго мракъ,
Она безсильная страдаетъ,
И въ настоящемъ все не такъ,
Какъ бы хотѣлось ей, встрѣчаетъ.
Я не страшился бы суда,
Когда-бъ увѣренъ былъ вѣками,
Что вдохновеннаго труда
Міръ не обидитъ клеветами;
Что станутъ вѣрить и внимать
Повѣствованью горькой муки
И не осмѣлятся равнять
Съ земнымъ небесъ живые звуки.
Но не достигну я ни въ чемъ
Того, что такъ меня тревожитъ,
Все кратко на шару земномъ
И вѣчно слава жить не можетъ.
Пускай поэта грустный прахъ
Хвалою освятитъ потомство,—
Гдѣ жъ слава въ краткихъ похвалахъ?
Людей извѣстно вѣроломство:
Другой зас[illegible]
Своею пѣснію вы[illegible]
Ш[illegible]
Г[illegible]

* * *

Пускай поэта обвиняетъ
Насмѣшливый, безумный свѣтъ,
Никто ему не помѣшаетъ,
Онъ не услышитъ мой отвѣтъ.
Я самъ собою жилъ довольнѣ,
Свободно мчится пѣснь моя,
Какъ птица дикая въ пустынѣ,
Какъ вдоль по озеру ладья.
И что за дѣло мнѣ до свѣта,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрѣта
Твоей волшебною рукой;
Когда съ тобой, о дѣва рая!
Я провожу небесный часъ,
Не безпокоясь, не страдая,
Не отворачивая глазъ!

СОЛНЦЕ ОСЕНИ

Люблю я солнце осени, когда,
Межъ тучекъ и тумановъ пробираясь,
Оно глядитъ блѣдный, мертвый лучъ
На дерево, колеблемое вѣтромъ,
И на сырую стень. Люблю я солнце,—
Есть что-то схожее въ прощальномъ взглядѣ
Великаго свѣтила съ тайной грустью
Обманутой любви: не холодитъ
Оно само собою, но природа
И все, что можетъ чувствовать и видѣть,
Не могутъ быть согрѣтыми; такъ точно
И сердце—въ немъ все живъ огонь, но люди
Его понять однажды не умѣли,
И онъ въ глазахъ блеснуть не долженъ вновь
И до лица онъ вѣчно не коснется...
Зачѣмъ вторично сердцу подвергать
Себя насмѣшкамъ и словамъ сомнѣнья?

МОЙ ДОМЪ

Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсенъ,
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ живетъ,
Но для поэта онъ не тѣсенъ.

До самыхъ звѣздъ онъ кровлей досягаетъ,
И отъ одной стѣны къ другой —
Далекій путь, который измѣряетъ
Жилецъ не взоромъ, но душой.

Есть чувство правды въ сердцѣ человѣка,
Святое вѣчности зерно:
Пространство безъ границъ, теченье вѣка
Объемлетъ въ краткій мигъ оно.

И Всемогущимъ мой прекрасный домъ
Для чувства этого построенъ,—
И осужденъ страдать я долго въ немъ
И въ немъ лишь буду я спокоенъ.

* * *

На зеленой скалѣ, надъ шумящимъ Днѣпромъ
Растетъ деревцо молодое;
Деревцо мое вѣтеръ ни ночью, ни днемъ
Не можетъ оставить въ покоѣ,
И, листъ обрывая, ломаетъ и гнетъ,
Но съ берега въ волны никакъ не сорветъ.

Таковъ несчастливецъ, гонимый судьбой:
Хоть взяты желанья могилой,
Онъ долженъ влачить одинокъ подъ луной
Обломки сей жизни остылой;
Онъ долженъ надежды свои пережить
И, съ любовію въ сердцѣ, бояться любить!

НОЧЬ

Одинъ я въ тишинѣ ночной;
Свѣча сгорѣвшая трещитъ,
Перо въ тетрадкѣ записной
Головку женскую чертитъ.
Воспоминанье о быломъ,
Какъ тѣнь въ кровавой пеленѣ,
Спѣшитъ указывать перстомъ
На то, что было мило мнѣ.

Слова, которыя могли
Меня тревожить въ тѣ года,
Пылаютъ предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И тамъ скелеты прошлыхъ лѣтъ
Стоятъ унылою толпой,
Межъ ними есть одинъ скелетъ,—
Онъ обладалъ моей душой.

Какъ могъ я не любить тотъ взоръ?
Презрѣнья женскаго кинжалъ
Меня пронзилъ, но нѣтъ! съ тѣхъ поръ
Я все любилъ и все страдалъ...
Сей взоръ невыносимый—онъ
Бѣжитъ за мною, какъ призракъ,
И я до гроба осужденъ
Другого не любить никакъ.

О, я завидую другимъ
Въ кругу семейственномъ, въ тиши,
Смѣяться просто можно имъ
И веселиться отъ души.
Мой смѣхъ тяжелъ мнѣ, какъ свинецъ,
Онъ плодъ сердечной пустоты,—

О, Боже! вотъ что—наконецъ
Я вижу—мнѣ готовилъ Ты.

Возможно-ль первую любовь
Такою горечью облить?
Притворствомъ волновать мнѣ кровь,
Хотѣть насмѣшкой остудить?
Желалъ я на другой предметъ
Излить огонь страстей своихъ—
Но память? слезы первыхъ лѣтъ?
Кто устоитъ противу нихъ?!

ВЕНЕЦІЯ

1.

Поверхностью морей отражена,
Богатая Венеція почила.
Сырой туманъ дымился, и луна
Высокія твердыни осребрила.
Чуть виденъ бѣгъ далекаго вѣтрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумитъ подъ веслами гондолы
И повторяетъ звуки баркаролы.

2.

Мнѣ чудится, что это ночи стонъ,
Какъ мы, своимъ покоемъ недовольной!..
Но снова—пѣснь! и вновь гитары звонъ!
О, бойтеся, мужья, сей пѣсни вольной!
Совѣтую, хотя мнѣ это больно,
Не выпускать красавицъ вашихъ женъ;
Но если вы въ сей мигъ не вѣрны сами,
Тогда друзья, да будетъ миръ межъ вами!
И миръ съ тобой, прекрасный Чичизбей,
И миръ съ тобой, лукавая Мелина,
Несится по прихоти морей:
Любовь нередко бережетъ пучина.
Хоть и надъ моремъ царствуетъ судьбина,
Гонитель вѣчный счастливыхъ людей,
Но талисманъ пустыннаго лобзанья
Уводитъ сердца темныя мечтанья.

3.

Рука съ рукой, свободу давъ очамъ,
Сидятъ въ ладьѣ и шепчутъ межъ собою;
Она вѣряетъ мѣсячнымъ лучамъ
Младую грудь съ плѣнительной рукою,
Укрытыя досель подъ епанчою,
Чтобъ юношу сильнѣй прижать къ устамъ;
Межъ тѣмъ вдали, то грустный, то веселый,
Раздался звукъ обычный баркаролы:
«Какъ въ дальнемъ морѣ вѣтерокъ,
Свободенъ вѣчно мой челнокъ;
Какъ рѣчки быстрое русло,
Не устаетъ мое весло.
Гондола по водѣ скользитъ,
А время по любви летитъ.
Опять сровняется вода,
Страсть не воскреснетъ никогда».

---

* * *

Послушай, быть можетъ, когда мы покинемъ
На вѣкъ этотъ міръ, гдѣ душою мы стынемъ,
Быть можетъ, въ странѣ, гдѣ не знаютъ обману,
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежняго друга все счастіе рая!
Пусть мрачный изгнанникъ, судьбой осужденный,
Тебѣ будетъ раемъ, а ты мнѣ—вселенной!

СОНЕТЪ

Я памятью живу съ увядшими мечтами,
Видѣнья прежнихъ лѣтъ толпятся предо мной,
И образъ твой межъ нихъ, какъ мѣсяцъ въ часъ ночной,
Между бродящими блистаетъ облаками.

Мнѣ тягостно твое владычество порой—
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощенъ мой духъ и скованъ, какъ цѣпями,
Чтожъ пользы для меня?—я не любимъ тобой...

Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ея моленіямъ внимаешь;
Такъ мраморный кумиръ на берегу морскомъ

Стоитъ,—у ногъ его волна кипитъ, клокочетъ,
А онъ, безчувственнымъ исполненъ божествомъ,
Не внемлетъ, хоть ея отталкивать не хочетъ.

ЗВУКИ И ВЗОРЪ

О, полно ударять рукой
По струнамъ арфы золотой!
Смотри, какъ сердце воли проситъ,
Слеза катится изъ очей;
Мнѣ каждый звукъ опять приноситъ
Печали пролетѣвшихъ дней.
Нѣтъ, лучше съ трепетомъ любви
Свой взоръ на мнѣ остановi,
Чтобъ роковое вспоминанье
Я въ настоящемъ утопилъ
И все свое существованье
Въ единый мигъ переселилъ.

---

* * *

Душа моя должна прожить въ земной неволѣ
Не долго, можетъ быть,—я не увижу болѣ
Твой взоръ, твой милый взоръ, столь нѣжный для другихъ,
Звѣзду привѣтную соперниковъ моихъ;
Должно счастья имъ—тебя винить безбожно
За то, что мнѣ нельзя все, все, что имъ возможно;
Но если ты до мнѣ любовь хотѣла скрыть,
Казаться хладною и не умѣя любить,
Но если ты при мнѣ смѣялась надо мною,
Тогда какъ внутренно полна была тоскою,
То мрачный мой тебѣ пускай покажетъ взглядъ,
Кто болѣе страдалъ, кто болѣ виноватъ.

КЪ СЕБѢ

Какъ я хотѣлъ себя увѣрить,
Что не люблю тебя,—хотѣлъ
Неизмѣримое измѣрить,
Любви безбрежной дать предѣлъ.

Мгновенное пренебреженье
Ея могущества опять
Мнѣ доказало, что ученье
Души нельзя вамъ избѣжать;

Что ядъ мой несокрушима;
Что мой мятежный покой
Лишь тогда залетный херувима
Надъ собою демоновъ толпой.

---

* * *

Вопьется въ груди моей! и пѣть мнѣ исцѣленья,
Я умираю въ полномъ цвѣтѣ!
Пускай! я не былъ рабъ земного наслажденья,
Не для людей я жилъ на свѣтѣ.
Мою душу яркостью лучей моихъ видѣнья
Не въ рѣзвый путь влекли за собой,
И мнѣ разсказывать, и небу знакомо,
Чтобъ не сочтенъ онъ былъ за грѣхъ;
Стану въ блаженныя на звѣзды: заговоритъ,
Красноръ, горячо сойдемся;
Имъ хочется о нимъ—сего, быть можетъ, хочетъ,
Какъ встрѣтимъ все то, что было.
Быть можетъ, отыщетъ отмѣтъ его пламя,
Я къ ней на время возвращу
Волшебные глаза (и поцѣлуи свои),
За мной блуждше повсюду.

СТАНСЫ

Не могу на родинѣ томиться,
Прочь отсель, туда—въ кровавый бой!
Тамъ, быть можетъ, перестанетъ биться
Это сердце, полное тобой.

Нѣтъ, я не прошу твоей любови,
Нѣтъ, не знай губительныхъ страстей;
Видѣть смерть мнѣ надо, надо крови,
Чтобъ залить огонь въ груди моей.

Пусть паду, какъ ратникъ въ бранномъ полѣ,—
Не оплачетъ свѣтомъ буду я,
Никому не будетъ въ тягость болѣ
Буря чувствъ моихъ и жизнь моя.

Юныхъ лѣтъ святыя обѣщанья
Прекратитъ судьба на мѣстѣ томъ,
Гдѣ безъ думъ, безъ воспоминанья
Я усну давно желаннымъ сномъ.

Такъ, но если я не позабуду
Въ этомъ снѣ любви печальный сонъ,
Если образъ твой всегда повсюду
Я носить съ собою осужденъ?

Если тамъ, въ предѣлахъ отдаленныхъ,
Гдѣ душа должна блаженство пить,
Тяжкихъ лавъ, на ней напечатлѣнныхъ,
Невозможно будетъ исцѣлить?

О, взгляни привѣтно въ часъ разлуки
На того, кто съ гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умретъ за честь страны родной;

Кто, бывало, въ тайномъ упоеньи
На тебя вперивъ свой влажный взоръ,
Возбуждалъ людское сожалѣнье
И твоей улыбкѣ былъ такъ радъ.

---

* * *

Хоть было рано мнѣ разлюбить
Весь шумъ, весь суетный обманъ,
И неприглядную правду, съ измальства
Сознало сердце мое;
Но судьбу я и миръ проклинаю
Но нельзя имъ унизить меня,
И я хладно приходъ ожидаю
Кончины, иль лучшаго дня.
Словамъ моимъ вѣрить не станутъ,
Но клянуся въ неложности ихъ,
Кто самъ былъ такъ часто обманутъ,
Обмануть не захочетъ другихъ.

Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно—
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.

ВЕЧЕРЪ

Когда садится алый день
За синій край земли,
Когда туманъ встаетъ и тѣнь
Скрываетъ все вдали,
Тогда я мыслю въ тишинѣ
Про вѣчность и любовь,
И чей-то голосъ шепчетъ мнѣ:
Не будешь счастливъ вновь!
И я гляжу на небеса
Съ покорною душой,—
Они свершали чудеса,
Но не для насъ съ тобой,
Не для ничтожнаго глупца,
Которому твой взглядъ
Дороже будетъ до конца
Небесныхъ всѣхъ наградъ.

1831 ЯНВАРЯ.

Рядѣютъ блѣдные туманы
Надъ бездной смерти роковой,
И вновь стоятъ передо мной
Вѣковъ протекшихъ великаны.
Они зовутъ, они манятъ,
Поютъ—и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядѣть назадъ,—

Чтобъ бытія земного звуки—
Не замѣшались въ пѣснь мою,
Чтобъ лучшей жизни на краю
Не вспомнилъ я людей и муки;
Чтобъ я не вспомнилъ этотъ свѣтъ,
Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ.

МОЙ ДЕМОНЪ

1.

Собранье золъ его стихія...
Носясь межъ темныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя,
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ;
Онъ любитъ пасмурныя ночи,
Туманы, блѣдную луну,
Улыбки горькія и очи,
Безвѣстныя слезамъ и сну.

2.

Къ ничтожнымъ, хладнымъ толкамъ свѣта
Привыкъ прислушиваться онъ,
Ему смѣшны слова привѣта
И всякій вѣрящій смѣшонъ;
Онъ чуждъ любви и сожалѣнья,
Живетъ онъ пищею земной,
Глотаетъ жадно дымъ сраженья
И паръ отъ крови пролитой.

3.

Родится ли страдалецъ новый,
Онъ безпокоитъ духъ отца,
Онъ тутъ съ насмѣшкою суровой
И съ дикой важностью лица.
Когда же кто-нибудь исходитъ
Въ могилу съ трепетной душой,
Онъ часъ послѣдній съ нимъ проводитъ,
Но не утѣшенъ имъ больной.

4.

И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня,
И умъ мой озарять онъ станетъ
Лучомъ чудеснаго огня;
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметъ навсегда,
И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда.

СОСѢДЪ

Погасилъ день на вышинахъ небесныхъ;
Звѣзда вечерняя лістъ свой тихій свѣтъ,—
Чѣмъ занятъ бѣдный мой сосѣдъ?
Чрезъ садикъ небольшой, между вѣтвей древесныхъ
Могу замѣтить я—въ его окнѣ
Блеститъ огонь—его простая келья
Чужда заботъ и свѣтскаго веселья,
И этимъ нравится онъ мнѣ.
Прохожіе о немъ различно судятъ
И всѣ его готовы порицать,
Но ихъ слова сосѣда не принудятъ
Лампаду ранѣе иль позже зажигать.
И только я увижу свѣтъ лампады,
Сажусь тотчасъ у своего окна,
И въ этотъ мигъ таинственой отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мнѣ, что мы другъ друга понимаемъ,
Что я и бѣдный мой сосѣдъ,

Подъ бременемъ однимъ страдая, увидаемъ
Что мы знакомы съ давнихъ лѣтъ.

ИЗЪ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

За дѣло общее, быть можетъ, я паду,
Иль жизнь въ изгнаніи безплодно проведу;
Быть можетъ, клеветой лукавой пораженный,
Предъ небомъ и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдомъ сплетаемый вѣнецъ
И самъ себѣ сыщу безвременный конецъ;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмѣшливаго слова.
Ужасный жребій мой твоихъ достоинъ слезъ,
Я никому не сдѣлалъ зла, но больше перенесъ.
Пускай виновенъ я предъ гордыми врагами,
Пускай отмстятъ... Въ душѣ клянуся небесами,
Я не злодѣй, о нѣтъ! судьба—губитель мой;
Я грудью шелъ впередъ, я жертвовалъ собой;
Наскучивъ суетой обманчиваго свѣта,
Торжественно не могъ я не сдержать обѣта;
Хоть много причинилъ я обществу вреда,
Но вѣренъ былъ тебѣ всегда, мой другъ, всегда,—
Въ уединеніи, среди толпы мятежной,
И все тебя любилъ и все любилъ такъ нѣжно.

---

* * *

Унылый колокола звонъ
Въ вечерній часъ мой слухъ невольно потрясаетъ,
Обманутой душѣ моей напоминаетъ
И вѣчность, и надежду онъ.
И если вѣтеръ, путникъ одинокій,
Вдругъ по травѣ кладбища пробѣжитъ,
Онъ сердца моего не холодитъ —
Что въ немъ живетъ, то въ немъ глубоко,
Я чувствую—судьбу не умертвитъ
Во мнѣ возросшій дѣятельный геній;
Но что его на свѣтѣ сохранитъ
Отъ хитрой клеветы, отъ скучныхъ наслажденій,
Отъ истощительныхъ страстей,
Отъ языка ласкателей развратныхъ
И отъ желаній, непонятныхъ
Умамъ посредственныхъ людей?
Безъ пищи долженъ яркій пламень
Погаснуть на скалѣ сырой,—
Холодный слушатель есть камень,
Попробуй разъ, попробуй и открой
Ему источникъ сердечнаго блаженства.
Онъ станетъ толковать, что должно ощутить;
Въ простомъ не видя совершенства,
Онъ не привыкъ прекрасное цѣнить,
Какъ тотъ, кто въ грудь втѣснить желалъ бы всю природу,
Кто силится купить страданіемъ своимъ
И гордою побѣдой надъ земнымъ
Божественной души безбрежную свободу.

НОЧЬ

Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ,—
Одинъ я внемлю. Глухо лаютъ
Вдали собаки. Мраченъ сводъ
Небесъ, и тучи пробѣгаютъ
Одна безмольно за другой,
Сливаясь подъ ночною мглой.
Колеблетъ вѣтеръ влажный, душный
Верхи деревъ, и съ восемъ онъ
Стучитъ въ оконницы. Мнѣ скучно,
Мнѣ тяжко бдѣнье, страшенъ сонъ;
Я не хочу, чтобъ сновидѣнье
Являло мнѣ ея черты,—
Нѣтъ, я не рабъ моей мечты;
Я въ силахъ перенесть мученье
Глубокихъ думъ, сердечныхъ ранъ,
Все—только не ея обманъ.
Я не скажу: прости! надеждѣ,
Молвѣ не вѣрю,—если прежде
Она могла меня любить,
То ей-ли можно измѣнить?
Но отчего-же? Развѣ нѣту
Примѣровъ—первый ли урокъ
Во мнѣ теперь дается свѣту...
Какъ я забытъ, какъ одинокъ!
Шуми-же, вѣтеръ ночи,
Играй свободно въ небесахъ
И освѣжи мнѣ грудь и очи!
Въ груди огонь, слеза въ очахъ,—
Давно безъ пищи этотъ пламень
И слезы падаютъ на камень.

ПѢСНИ. РОМАНСЫ. БАЛЛАДЫ.

ПѢСНЯ

I.

Не знаю, обманутъ ли былъ я,
Осмѣянъ тобой или нѣтъ,
Но кланусь, что самъ любилъ я
И остался отъ этого слѣдъ.
Заклинаю тебя всѣмъ небеснымъ,
И всѣмъ, что не сбудется вновь,
И счастьемъ моимъ неизвѣстнымъ,—
О, прости мнѣ мою любовь!

II.

Ты не вѣришь словамъ безъ искусства,
Но современемъ эти листы
Тебѣ объяснятъ мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, можетъ статься,
Со слезою на ясныхъ очахъ,
О томъ, кто не будетъ нуждаться
Ни въ печали чужой, ни въ слезахъ.

III.

И міръ не увидитъ холодный
Ни желанья, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной
Съ тѣхъ поръ, какъ не видишь ихъ ты.
Но если бы я возвратился
Ко днямъ позабытыхъ тревогъ,
Вновь также страдать я-бъ рѣшился
И любить бы иначе не могъ.

ПѢСНЯ

Колоколъ стонетъ,
Дѣвушка плачетъ
И слезы по четкамъ бѣгутъ.
Насильно,
Насильно
Отъ міра въ обители скрыта она,
Гдѣ жизнь безъ надежды и ночи безъ сна.
Такъ мое сердце
Грудь безпокоитъ,
И бьется, бьется, бьется.
Велѣла,
Велѣла
Судьба мнѣ любовь отъ него оторвать
И дѣву забыть, хоть тому не бывать.
Смерть и безсмертье,
Жизнь и погибель
И дѣвѣ, и сердцу—ничто:
У сердца,
У дѣвы
Одно лишь страданье, одинъ лишь предметъ—
Ему счастья надо, ей надобенъ свѣтъ,

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Клоками бѣлый снѣгъ валится,
Что-жъ дѣва красная боится
Съ крыльца сойти,
Воды снести?
Какъ попъ, когда онъ гробъ несетъ
Такъ пѣснь мятелица поетъ.
Играетъ,
И у тесовыхъ у воротъ
Дворовый песъ все цѣпь грызетъ
И лаетъ,
Но не собаки лай печальный,
Не вой мятели погребальный
Рождаютъ скорбь
Въ ея глазахъ:
Недавно милый схороненъ,—
Блѣдный снѣговъ предстанетъ онъ
И скажетъ:
«Ты измѣнила!» ей въ лицо,
И ей завѣтное кольцо
Покажетъ.

ПѢСНЯ

Желтый листъ о стебель бьетс
Передъ бурей;

Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.

Что за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокой
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ ли объ немъ
Вѣтка сирая?

Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ ли объ немъ
Красна дѣвица?

ПѢСНЯ

Что въ полѣ за пыль пылитъ?...
Что за пыль пылитъ, столбомъ валитъ?..
Злы татаровья полонъ дѣлятъ:
То тому, то сему—по добру коню;
А какъ зятю тещи доставалася,
Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
А первое дѣло—гусей пасти,
А второе дѣло—бѣлъ кудель прясти
А третье дѣло—дитя качать.

И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бѣлъ кудель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-баю, мило дитятко!
Ты по батюшкѣ—злой татаренокъ,
А по матушкѣ—родной внученокъ;
У меня вѣдь есть примѣточка
На бѣлой груди что конѣчка.

Какъ услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
«Ты родная моя матушка!
Ахъ, ты что давно не скатилася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованы ларцы
И бери казны сколько хочешь,
Жемчугу, [illegible]

Ахъ, ты, мило мое дитятко!
Мнѣ не надо твоей золотой казны:
Отпусти меня на святую Русь;
Не слыхать мнѣ здѣсь пѣнья церковнаго,
Не слыхать звону колокольнаго.

РОМАНСЪ КЪ [illegible]

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей
На мѣсто славнаго названья
Твой другъ оставитъ у людей.

Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ грусть его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?

Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда;
Но хоть виновенъ передъ ними,
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.

Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ;
Вѣрь! не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ!

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

[отрывокъ]

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая;
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
Скатился.
Ахъ! ей старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристаллъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день...
. . . . . .

РОМАНСЪ

Стояла сѣрая скала
На берегу морскомъ.
Однажды на чело ея
Слетѣлъ небесный громъ,
И раздвоилъ ее ударъ—
И новою тропой
Между разрозненныхъ камней
Течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись,
Но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды—
Глубокихъ трещинъ рядъ.
Такъ мы съ тобой разлучены
Злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда
Не сдѣлаюсь чужимъ.

И мы не встрѣтимся опять,
И если предъ тобой
Меня случайно назовутъ,
Ты спросишь: кто такой?
И, проклиная жизнь мою,
На память приведешь
Былое... и одну себя
Невольно проклянешь,
И не изгладишь ты никакъ
Изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ—
Минуты прежнихъ дней!..

РОМАНСЪ

1.

Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мнѣ.
Если другъ тебя обманетъ,
Если сердце жить устанетъ,
И душа твоя увянетъ
Въ дальней сторонѣ,
Вспомни обо мнѣ!

2.

Если кто тебѣ укажетъ
На могилу и разскажетъ,
При ночномъ огнѣ,
О дѣвицѣ обольщенной,
Позабытой и презрѣнной,
О, тогда, мой другъ безцѣнный,
Ты въ чужой странѣ
Вспомни обо мнѣ!

3.

Время прежнее, быть можетъ,
Посѣтитъ тебя, встревожитъ
Въ мрачномъ, тяжкомъ снѣ;
Ты услышишь плачъ разлуки,
Пѣснь любви и вопли муки,
Иль подобные имъ звуки...
О, хотя во снѣ
Вспомни обо мнѣ!

ПѢСНЬ БАРДА

1.

Я долго былъ въ чужой странѣ,
Дружинъ Днѣпра сѣдой пѣвецъ,
И вдругъ пришло на мысли мнѣ
Къ нимъ возвратиться наконецъ.
Пришелъ съ гуслями за спиной.
Былую пѣсню заигралъ—
Напрасно!.. князь земли родной
Приказу ханскому внималъ.

2.

Въ пустыни, гдѣ являлся врагъ,
Понесъ я строгую главу,
И попиралъ я каждый шагъ
Окровавленную траву.
Сходились къ брошеннымъ костямъ
Толпы звѣрей и птицъ лѣсныхъ,
За тѣмъ, что больше было тамъ
Число убитыхъ, чѣмъ живыхъ.

3.

Кто могъ бы пѣсню спѣть одну?
Отчаяннымъ движеньемъ рукъ
Задѣвъ дрожащую струну,
Случалось, исторгалъ я звукъ,
Но умиралъ такъ скоро онъ,
И если-бъ слышалъ сынъ степей,
То гибнущей свободы стонъ
Не тронулъ бы его ушей.

4.

Вдругъ кто то у меня спросилъ,
Зачѣмъ я часто слезы лью,
Гдѣ человѣкъ такъ вольно жилъ?
О комъ бренчу, о комъ пою?
Пронзила эта рѣчь меня,
Надеждъ пропалъ послѣдній рой,
На землю гусли бросилъ я
И молча раздавилъ ногой.

БАЛЛАДА

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ
И, къ другу ласкаяся, такъ говоритъ
Достань ожерелье, спустися на дно—
Сегодня въ пучину упало оно.
Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!»
Вскипѣла младая у юноши кровь,
И умъ его обнялъ невольный недугъ...
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ
Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ и о берегъ бьютъ,
Вотъ милаго друга онѣ принесутъ.
О счастье! онъ живъ, онъ скалу ухватилъ.
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ какъ былъ!..
Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ,
И влажныя кудри бѣгутъ по плечамъ...
Скажи, не люблю иль люблю я тебя?
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя,
По слову, спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно,

Возьми!» И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.
Отвѣтъ былъ: «О милый! о юноша мой!
Достань, если любишь, кораллъ дорогой».
Съ душой безнадежной младой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль кораллъ иль конецъ.
Изъ бездны перловыя брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ и о берегъ бьютъ,
Но милаго друга онѣ не несутъ.

РУСАЛКА

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.

И шумя и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла русалка—и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

И пѣла русалка: «На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;
Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.

«И тамъ на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.

«Расчесывать кольца шелковыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей,
И въ чело и въ уста мы въ полуденный часъ
Цѣловали красавца не разъ.

«Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
Онъ спитъ—и, склонившись на перси ко мнѣ,
Онъ не дышитъ, не шепчетъ во снѣ!..»

Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

ТРИ ПАЛЬМЫ

[ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНІЕ.]

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
И странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то-ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ?...
Неправъ твой, о небо, святой приговоръ!...»

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Шестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, наполнялися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной

ТРИ ПАЛЬМЫ

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ...

Видѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.
И пынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:

«Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ, имъ на славу,
Стадо цѣлое пригналъ».

Но склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:

«Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.

«Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ наколотникахъ стальныхъ:
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный.
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною косой».

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:

«Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Что другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.

«Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
Но красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.

«Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложилъ голову свою».

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаясь, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

ТАМАРА

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ рется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.
Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,

Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ—коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой.
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары—
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный свинухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страстные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ—

Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.

Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину;
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онъ унести...
Въ окно тогда что то бѣлѣло,
Звучало оттуда: «прости!

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ...

СВИДАНІЕ

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ,
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ;
Въ ушельѣ мгла и дымъ;
Летаютъ сны-мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

Тамъ, за твердыней старою,
На сумрачной горѣ,
Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ—
Лежу одинъ и думаю.
Ужели не во снѣ
Свиданье въ ночь угрюмую
Назначила ты мнѣ?
И въ этотъ часъ таинственный,
Но сладкій для любви,
Тебя, мой другъ единственный
Зовутъ мечты мои.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни черныя
Какъ сторожи стоятъ;
И поступью несмѣлою
Изъ бань со всѣхъ сторонъ
Выходятъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ женъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя..
Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!

Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ виденъ вдалекѣ,
Крыльцо съ ступенью шаткою
Купается въ рѣкѣ.
Среди прохлады, вѣющей
Надъ синею Курой,
Онъ свѣтью зеленѣющей
Окутанъ плющевой.
За тополью высокою
Я вижу тамъ окно...
Но свѣчкой одинокою
Не свѣтится оно!

Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ;
Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ
Я жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело...

ТАМАРА

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...

Вотъ сыростью холодною
Съ востока понесло,
Краснѣютъ за туманами
Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ караванами
Изъ города купцы...

Прочь, прочь, слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна черная
Понятна мнѣ, змѣя!
Я знаю, чѣмъ утѣшенный,
Но звонкой мостовой
Вчера скакалъ, какъ бѣшеный,
Татаринъ молодой.
Недаромъ онъ красуется
Передъ твоимъ окномъ,
И твой отецъ любуется
Персидскимъ жеребцомъ!

Возьму винтовку длинную,
Пойду я изъ воротъ:
Тамъ, подъ скалой пустынною
Есть узкій поворотъ.
До полдня за могильною
Часовней подожду,
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я легъ между камней...
Чу! близкій топотъ слышится,
А! это ты, злодѣй!

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

«Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ твоихъ изумрудныхъ
Немало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ».

— На что мнѣ тебя!—отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
Но небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «Царевичъ, взгляни на меня!»

Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ; «Я царская дочь;
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу вплелася морская трава,

Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожатъ.

Мыслитъ царевичъ: «добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой.

Держитъ. Рука боевая сильна...
Плачетъ, и молитъ, и бется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Вынылъ, товарищей громко зоветъ:

«Эй, вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...

«Что-жъ вы стоите смущенной толпой?
Аль красы не видали такой?»

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ:
Ахнулъ!—померкъ торжествующій взглядъ.

Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь, дрожитъ.

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ...

Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ,
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою,
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узденей [illegible] будетъ [illegible]
Бранные [illegible];
Сядетъ [illegible] на [illegible]
И [illegible] руки.
Я [illegible]
[illegible]...
Спи, дитя мое [illegible],
Баюшки-баю.

Вынесетъ тебя [illegible] коню
И [illegible] душу;
Пр[illegible] тебя [illegible]
Ты [illegible]...
Сколько горныхъ [illegible] увидишь
Я въ ту ночь [illegible]...

Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

РОМАНСЪ

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ,
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.
Слеза по щекѣ огневая катится,
Она не изъ сердца идетъ:
Что въ сердцѣ обманутомъ жизнью хранится,
То въ немъ навсегда и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ!
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?
Умрѣвшей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать,
Я-бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
Но я не люблю вспоминать!
Нѣтъ плакать [illegible] увѣнчанныя гѣни,
Кровавыя [illegible];
Онъ [illegible] [illegible] погасшемъ [illegible],
Какъ [illegible] [illegible] маякъ,
Когда ураганъ по [illegible],
[illegible] [illegible],
И съ [illegible] — безъ надеждъ воротиться —
Жалѣетъ о краѣ родномъ.

СКАЗКИ

НЕЗАБУДКА

Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей...

НЕЗАБУДКА

[СКАЗКА]

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни;
[Коль въ мірѣ есть любовь] любили
Чистосердечнѣе они.
О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ нибудь и вы;
Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ.

У влаги ручейка холодной,
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Не опасаясь злыхъ очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Бесѣда мирная текла.

«Другъ, не клянися мнѣ напрасно!»
Сказала дѣва: «вѣрю я —
Ясна, чиста любовь твоя,
Какъ эта звонкая струя,
Какъ этотъ сводъ надъ нами ясный;
Но какъ она въ тебѣ сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика,
Но, нѣтъ! гвоздика не нужна!
Подалѣе, какъ ты, унылый,
Чуть виденъ голубой цвѣтокъ.
Сорви же мнѣ его, мой милый:
Онъ для любви не такъ далекъ!»

Вскочилъ мой рыцарь, восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей прыгнувъ, стрѣлой
летитъ онъ — цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать поспѣшною рукой...
Ужь близко цѣль его стремленья,
Какъ вдругъ подъ нимъ [ужасный видъ]
Земля невѣрная дрожитъ;
Онъ вязнетъ, нѣтъ ему спасенья!..
Взоръ кинувъ полный весь огня
Своей красавицѣ безгласной,
«Прости! не позабудь меня!..»
Воскликнулъ юноша несчастный —
И мигомъ пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной
И сердца пылкаго въ залогъ
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.

Цвѣтокъ печальный съ этихъ поръ
Любови дорогъ; сердце бьется,
Когда его примѣтитъ взоръ;
Онъ незабудкою зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,
Какъ бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья,

Вотъ повѣсти конецъ моей —
Судите, быль иль небылица.
А виновата ли дѣвица,
Сказала, вѣрно, совѣсть ей!

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ
[Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ].
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужь я не знаю
А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ — смѣшно жъ терять для звучныхъ
строфъ

Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.

Стиховъ я не читаю, но люблю
Марать, шутя, бумаги листъ летучій;
Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
И влажныхъ рифмъ, какъ напримѣръ, на ю.
Вотъ почему пишу я эту сказку.
Ея волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
За то конецъ не будетъ безъ морали,
Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ,
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона иного:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ.
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ея листовъ и слышно c'est joli!..
Иль мышь надъ ней старается въ пыли?
Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта —
Аристократъ и не похожъ на чорта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
За мною въ спальню: розовыя шторы
Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
Слѣдить ковра восточные узоры;
Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
Рисуется младой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ —
Не знаю. Если бъ имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью
Я могъ бы сволочь различить со знатью.
Но духъ — извѣстно, что такое духъ:
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ,
И мысль безъ тѣла — часто въ видахъ разныхъ
[Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася — и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался — стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется ль друзьямъ?
Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужь вамъ,
Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ;
Невинным сномъ былъ тронутъ не совсѣмъ
онъ —
Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчь его коварныхъ искушеній
Была полна — вѣдь онъ не даромъ геній!

«Не знаешь ты, кто я, но ужь давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчаньѣ.
Пускай! зачѣмъ тебѣ мое названье?
Ты съ ужасомъ отвергнула бъ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему: терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцѣлуя.

«Когда ты спишь, о ангелъ мой земной!
И шибко бьется дѣвственною кровью
Младая грудь подъ грёзою ночной,
Знай — это я, склонившись къ изголовью,
Любуюся и говорю съ тобой;
И, въ тишинѣ, наставникъ твой случайный
Чудесныя разсказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связанъ
И вѣчностью и знаніемъ наказанъ...

«Тому назадъ еще не много лѣтъ,
Я пролеталъ надъ сонною столицей;
Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
Румяный западъ съ новою денницей
На сѣверѣ сливались — какъ привѣтъ
Свиданія съ моленіемъ разлуки;
Надъ городомъ таинственные звуки,
Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,
Неясно раздавались — и Нева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ

На кисеѣ подушекъ кружевныхъ
Рисуется младой, но строгій профиль...

«Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ пѣнѣ водъ — гранитныхъ крылецъ ихъ
Купалися широкія ступени;
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна слѣды смывала роковые..
И улыбались звѣзды голубыя,
Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже.

«И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ;
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой,
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвѣ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви — безстыдное желанье;
Вездѣ обманъ, безумство, иль страданье.

«По близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полнъ священной тишиною.
Все важностью наслѣдственною въ немъ
И роскошью дышало вѣковою:
Украшенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ;
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьёй,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзьбой,
И оконъ рядъ, всегда прозрачно темныхъ,
Манилъ, пугая, взоръ очей нескромныхъ.

«Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои —
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
Музыкой тутъ гремѣли вечера,
Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
Напудренный мелькалъ и вился локонъ,
И часто ножка съ краснымъ каблучкомъ
Давала знакъ условный подъ столомъ;
И старики въ звѣздахъ и брилліантахъ,
Судили рѣзко о тогдашнихъ франтахъ.

«Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли;
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостиной,
Забытые, тускнѣли; поросли
Дворы травой, и, блескъ смѣнивъ бывалой
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ
Казался пустъ; но жилъ хозяинъ въ немъ —
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новый вѣкъ и правы.

«Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый
Безсонницей, собранье острыхъ словъ
Перебиралъ или читалъ Вольтера.
Какъ быть! — сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра...
Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
Но съ ней видался рѣдко; за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо.

«Всегда одна, запугана отцомъ
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,
Или скорѣй, какъ бѣлый цвѣтъ подснѣжный.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большіе стали глазки;
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окна —
И вдалекѣ мечты ея летали,
Пока ее играть не посылали.

«Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то страшно было,
И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Между колоннъ. Разрытою могилой
Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ,
И въ зеркалахъ являлися предметы
Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То загремитъ, то снова тише, тише..,
[То были тѣни предковъ или мыши].

«И чтожъ? — Она привыкла толковать
По-своему развалинъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головкой, и туманный,
Воздушный рой видѣній навѣвать.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ
Подслушивать, невинной груди трепетъ
Слѣдить, ея дыханіемъ съ нѣмой,
Мучительной и жадною тоской,
Какъ жизнью, упиваться... это было
Смѣшно — но мнѣ такъ ново и такъ мило!

«Влюбился я... И точно хороша
Была не въ шутку маленькая Нина.
Нѣтъ, никогда свинецъ карандаша

Рафаэля, иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенемъ дыша,
Подобный профиль. Всѣ ея движенья
Особаго, казалось, выраженья
Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,
Тая равно надежду, радость, горе—
И было темно въ нихъ, какъ въ синемъ морѣ.

«Я понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ!

«Ее смущали странныя мечты.
Порой, она среди пустого зала
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты.
На платьицѣ чудесные узоры
Видѣлись ей — и вотъ гремѣли шпоры:
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
И, утомясь, на кресла упадала...

«И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала онъ былъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ;
Но подъ конецъ зато какъ милъ и нѣженъ!..
Что дѣлать ей? Притворно-строгій взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
И сердце билось въ ней такъ шибко, шибко...
И по устамъ змѣилася улыбка.

«Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладитъ, то красивый
Цвѣтокъ пришпилитъ къ нимъ; движенью глазъ,
Головкѣ наклоненной видъ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый·
Но умъ ея, и смѣтливый и здравый,
Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой,
И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ.

«То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшоткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!..
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И съѣхались родные на совѣтъ:
Ихъ затруднялъ удачный выборъ бала..
Что, будетъ дворъ, иль нѣтъ? Иныхъ пугала
Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,
Что это видъ ей дастъ оригинальный.
Потомъ нарядъ осматривали бальный.

«Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
Она съ утра была какъ въ лихорадкѣ,
Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала; въ суетахъ перчатки
Разорвала... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла, и дорогой
Была полна мучительной тревогой,
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ
Вступила въ залу... Странный шопотъ встрѣтилъ
Ея явленье — свѣтъ ее замѣтилъ.

«Кипѣлъ, сіялъ ужь въ полномъ блескѣ балъ,
Тутъ было все что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.
Своихъ друзей я тутъ бы не узналъ:
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я; но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова
Отрывки безыменныхъ чувствъ и мнѣній—
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!..
, ... x

ПОСВЯЩЕНІЯ

ПОСВЯЩЕНІЕ

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ
Я много плакалъ. Не придутъ
Вновь эти слезы — вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катился онъ,
Я думалъ, думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!
Ужь нѣтъ ея, и слезъ ужь нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ
И гордыхъ думъ не постигалъ:
Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ.
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ любви;
Принесть тебѣ лишь можетъ онъ
Любимые труды свои.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Тебѣ я нѣкогда взѣрялъ
Души взволнованной мечты;
Я бѣденъ былъ — ты это зналъ,
И бѣдняка не кинулъ ты.

Ты примирилъ меня съ судьбой,
Съ мятежной властію страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.

И муза, по моей мольбѣ,
Сошла опять съ святой горы;
Но вѣрь, принадлежитъ тебѣ
Ея вѣнокъ, ея дары!

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ПОЭМѢ «ДЕМОНЪ» (6)

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной,
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.
Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ;
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружій зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ПОЭМѢ «ДЕМОНЪ»

Прими мой даръ, моя Мадона!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;

Ты не способна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!
Скажу ли?—преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я тебѣ.
Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.
Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ПОЭМѢ «ДЕМОНЪ»

Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?
Пробудится-ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты—только мертваго, пустого одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать,
И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ,
И примешь за игру, иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ!

ПОСЛАНІЯ. НАДПИСИ. ЭКСПРОМТЫ. СЦЕНЫ.

КЪ А. С.

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!..
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной!..
Но я теперь, какъ нищій, сиръ;
Брожу одинъ, какъ отчужденный!
Такъ путникъ въ темнотѣ ночной,
Когда узритъ огонь блудящій,
Бѣжитъ за нимъ... схватилъ рукой...
И пропасть подъ ногой скользящей!..

КЪ ГРУЗИНОВУ

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной,
Ты музъ прилежный обожатель —
Имъ даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый другъ! коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ:
Вѣдь музы — женщины... итакъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

КЪ ДРУГУ

[отрывокъ]

...Стремится медленно толпа людей
До гроба самаго отъ самой колыбели,
Игралищемъ и рока и страстей,
Къ одной святой, непзъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя —
Я къ нимъ привыкъ, я не оставлю ихъ

КЪ НЭЕРѢ

Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри вплетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?
Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ;
Смѣешься надъ временемъ, будто
Нэеру оно обойдетъ...
Ужель ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ: ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ
Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О, лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
«Кто былъ этой дѣвы милѣе?
Кто раньше ея умиралъ?..»

ПИРЪ

[къ сабурову]

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и граціи.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блеснутъ въ стаканѣ пришлеца!
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и она;
А снѣдь — кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

ТРУБЕЦКОМУ

Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ:
Обиняковъ не понимаютъ.
Скажи не просто: «ты дуракъ»,
За комплиментъ ужь принимаютъ!
Все то, на чемъ ума печать
Они привыкли ненавидѣть!
Такъ стану жъ умнымъ называть,
Когда захочется обидѣть.

АЛЯБЬЕВОЙ

Вамъ красота, чтобъ блеснуть
Дана;
Въ глазахъ душа, чтобъ обмануть,
Видна!..
Но звалъ ли васъ хоть кто-нибудь:
О н а?

Л. НАРЫШКИНОЙ

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали,
Вы не хотѣли танцовать —
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ наконецъ не перестать?.
Но если бъ всѣ цѣнить умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ,
Клянусь безсмертіемъ боговъ,
Тогда бъ мазурки опустѣли

ТОЛСТОЙ

Не даромъ она, не даромъ
Съ отставнымъ гусаромъ.

МАРТЫНОВОЙ

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ.

ДОДО

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить;
Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица
И умника унизить тайно,
Взявъ шилко сторону глупца!
Какъ въ талисманѣ стихъ небрежной,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ челнока —
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный,
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

ВАШИЛОВУ

Вы старшина собранья, вѣрно,
Такъ я прошу васъ объявить,
Могу ль я здѣсь немногомѣрно
Въ глаза всѣмъ правду говорить?
Авось, авось займетъ насъ дѣломъ
Иль хоть забавитъ новый годъ,
Когда одинъ въ собраньи нѣмомъ
Ему на встрѣчу не солжетъ.
Итакъ, я васъ не поздравляю:
Что годъ сей дастъ вамъ — знаетъ Богъ!
Зато мишувшій, увѣряю,
Отмстилъ за васъ, какъ только могъ.

БУЛГАКОВУ

На вздоръ и шалости ты хватъ
И мастеръ на бездѣлки,
И шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.
За службу долгую и трудъ,
Авось на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяса.

* * *

Вы не знавали-ль князь Петра?
Танцуетъ, пишетъ онъ порою;
Отъ ногъ его и отъ пера
Московскимъ дурамъ нѣтъ покою.
Ему устать бы ужь пора
Ногами—но не головою.

КЪ * * *

Я не унижусь предъ тобою·
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,

И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать? Быть-можетъ, тѣ мгновенья,
Что протекли у ногъ твоихъ,
Я отнималъ у вдохновенья!
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?..
Быть-можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я далъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то — безсмертье онъ?..
Зачѣмъ такъ нѣжно обѣщала
Ты замѣнить его вѣнецъ,
Зачѣмъ ты не была сначала,
Какою стала наконецъ!..

. . . . . .

Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумецъ! — лишній разъ пожать.
Не зная коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты знала — я тебя не зналъ.

ПРЕЛЕСТНИЦѢ

Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета,
Ни сильной злобы, ни любви;
Какъ ты, кружусь въ веселья шумномъ
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И не тревожимый ничѣмъ;
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы брань ихъ — смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ — какъ хотятъ!..

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY

Если бъ мы не дѣти были,
Если бъ слѣпо не любили,
Не встрѣчались, не прощались —
Мы съ страданьемъ бы не знались.

ЭПИТАФІЯ

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земного?
Какъ знать! Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ,
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда, рыдая,
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

И. Ф. И . . . ВОЙ

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Боялся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя.

Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и буйными страстями;

Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился. Изумленной
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.

Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однакоже нашелъ я тамъ,

Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремился;

Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ,
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленіе и годы.

Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели..
И въ жизни зло лишь испытавъ,
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ печальной цѣли.

ЧЕРНООКОЙ

Твои [illegible]ныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ,
Не билось сердце у меня:

И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно, можетъ-быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.

Къ чему жъ разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ:
Я не люблю! зачѣмъ страдать?

Однакоже, хоть день, хоть часъ,
Желалъ бы дольше здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить.

Н. Ф. И.

Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали,
Что значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали
Отъ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,
Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ и шпоры и усы!

БУХАРИНОЙ

Не чудно-ль, что зовутъ васъ Вѣра?
Ужели можно вѣрить вамъ?
Нѣтъ, я не дамъ своимъ друзьямъ
Такого страннаго примѣра!..
Повѣрить стоитъ разъ... но чтожъ?
Вѣдь самъ раскаиваться будешь,
Закона вѣры не забудешь,
И старовѣромъ прослывешь?

ЭКСПРОМИТЪ

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы... все три, а не четыре!

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ АРСЕНЬЕВУ

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытія,
Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
Чтобъ не изсякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будетъ надъ тобой,
Чтобъ умъ твой не вскружили вины
И взоръ красавицы младой.
Ланиты и вино нерѣдко
Фальшивой краскою блестятъ:
Вино поддѣльное, кокетка —
Для головы и сердца ядъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. И. ПОЛИВАНОВУ

Послушай, вспомни обо мнѣ
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ—
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.
И будешь ты когда-нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчей... И тайно грудь
Вздохнетъ, и вдругъ заплачутъ очи
И молвишь ты: когда-то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье
Сидѣлъ тоскою удрученъ
И ждалъ судьбы своей рѣшенья.

КЪ ***

Всевышній произнесъ свой приговоръ—
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ,
И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно, пламенно любилъ я,
Какъ безотвѣтно все, что только могъ отдать,
Тебѣ на жертву приносилъ я.

Во зло употребила ты права,
Пріобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила — Богъ съ тобою!
О, нѣтъ! я-бъ не рѣшился проклянуть!..
Все для меня въ тебѣ святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья:
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ
Непринужденное лобзанье;
Я зналъ: то не любовь — и перенесъ;
Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ, и слезъ
Веселый мигъ тебѣ дороже!
Будь счастлива несчастіемъ моимъ
И услыхавъ, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньемъ пустымъ.
Прости! — вотъ все, что я желаю..
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху пріучить себя нужнѣй:
Вѣдь жизнь смѣется же надъ нами!

КЪ ДРУГУ В. Ш.

„До лучшихъ дней!“ передъ прощаньемъ,
Пожавъ мнѣ руку, ты сказалъ;
И долго эти дни я ждалъ,
Но былъ обманутъ ожиданьемъ!

Мой милый, не придутъ они!
Въ грядущемъ счастія такъ мало!..
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.

Былое безполезно намъ —
Таковъ маякъ порой ночною
Надъ бурной бездною морскою,
Манящій къ вѣрнымъ берегамъ,

Когда на лодкѣ одинокой
Несется трепетный иловецъ,
И видитъ берегъ недалекой
И ближе видитъ свой конецъ.

Нѣтъ! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено:
Едва исходитъ сонъ прекрасный,
Ужь просыпается оно!

КЪ ПРІЯТЕЛЮ

Мой другъ, не плачь передъ разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь:
Ты самъ же послѣ осмѣешь
Тоску любови легковѣрной,
Которая закралась въ грудь.
Что разъ потеряно, то, вѣрно,
Вернется къ намъ когда-нибудь.
Но невиновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ неглубоко,
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко;
Что, получивъ опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаемъ мы ихъ примѣты,
Не прельщены ихъ красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не вѣримъ слабою душой,
И даже то относимъ къ счастью,
Что намъ казалося бѣдой.

А. А. Ѳ—ЕВУ

[ОТРЫВОКЪ]

...Есть подлецы, которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ;
Но, униженные, они
Во тьмѣ свои скрываютъ дни.
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ..

КЪ ПОРТРЕТУ СТАРАГО ГУСАРА

[П. В. БУХАРОВУ]

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая,
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

КЪ БУХАРОВУ

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ,
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей-гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ,

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья.
Намъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя.

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомковъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

КЪ КН. Л. Г—ОЙ

Когда ты холодно внимаешь
Разсказамъ горести чужой,
И недовѣрчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящіе наряды
Безумно радуютъ тебя,
Иль отъ ребяческой досады
Душа волнуется твоя;
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно,
Все—даже люди, жизнь и свѣтъ;
Тогда, измученъ вспоминаньемъ,
Я говорю душѣ своей:
Счастливъ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтъ дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ—какъ она,
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
А для другихъ—не рождена.
Такъ мысль великая хранилась
Въ тебѣ донынѣ, какъ зерно:
Съ тобою въ міръ она родилась;
Погибнуть ей не суждено!

ЭПИГРАММЫ

1.

Поэтомъ [хоть и это бремя]
Изъ журналистовъ быть тебѣ не суждено:
Ругать, и льстить, и лгать въ одно и то же время—
Признаться—очень мудрено!..

2.

Стыдить лжена, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной—все то же,
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ трохъ избавь насъ, Боже!

ЭПИТАФІЯ

Простосердечный сынъ свободы,
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ
И вѣрныя черты природы
Онъ часто списывать любилъ.

Онъ вѣрилъ темнымъ предсказаньямъ,
И талисманамъ, и любви—
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.
И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей.

ПРОЩАНЬЕ

Прости, прости!
О, сколько мукъ
Произвести
Сей можетъ звукъ.
Въ далекій край
Уносишь ты
Мой адъ, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
Отъ устъ моихъ
Такъ далека,—
О, лишь на мигъ,
Прошу, приди
И оживи
Въ моей груди
Огонь любви.
Я здѣсь больной,
Одинъ, одинъ
Съ моей тоской.
Какъ властелинъ
Разлуку я
Переживу-ль?
И ждать тебя
Назадъ могу-ль?
Пусть я прижму
Уста къ тебѣ
И такъ умру
На зло судьбѣ.
Что за нужда?
Прощанья часъ
Пускай тогда
Застанетъ насъ.

ЖУРНАЛИСТЪ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Le poète ressemble aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit.

Комната писателя, опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель съ сигарой стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ,

ЖУРНАЛИСТЪ

Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта

Терлетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны.
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать зрѣлое твореньe?..
За то какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болѣзнь:
Тотчасъ въ его уединеньѣ
Раздастся сладостная пѣснь!
Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? Нельзя-ль
Узнать?

ПИСАТЕЛЬ

Да ничего...

ЖУРНАЛИСТЪ

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты;
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ;
Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красѣ,—
И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ

И я скажу—нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
(Онъ мнѣ ужь руки обломалъ):
Во-первыхъ, сѣрая бумага;
Она, быть-можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь — сотни опечатокъ!
Стихи — такая пустота:
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ;
Притомъ — сказать ли по секрету?
И въ рифмахъ часто недочетъ.
Возьмешь ли прозу — переводъ,
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются
Или чиновниковъ бранятъ
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ

Я точно то же говорю;
Какъ вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ

Читалъ я. Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя-бъ забавно было свѣту!...
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И желчи ѣдкой даже нѣту,
А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ

И съ этимъ надо согласиться.
Но, вѣрьте мнѣ, душевно радъ
Я былъ бы вовсе не браниться—
Да какъ-же быть?... меня бранятъ!
Войдите въ наше положенье!
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ—все такъ условно;
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно!
Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги—
И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ ненадобно читать!...

ЧИТАТЕЛЬ

За то какое наслажденье,
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
Коль попадется какъ-нибудь
Живое, свѣтлое твореньe!
Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
Владѣетъ онъ изрядным слогомъ;
И чувствъ и мыслей полнотой
Онъ одаренъ Всевышнимъ Богомъ.

ЖЕЛАНІЕ

Все это такъ, да быть бѣдѣ:
Не рождъ эти годы.

ИСПОВѢДЬ

О чемъ писать?... Бываетъ время,
Когда забот спокоенъ бремя,
Дни однозвучно трудъ,
Любовь и умъ и сердце дремлютъ,
И рвемся грезы, сны лелѣя,
Сорвать, сами не зная зачѣмъ,
Цвѣтокъ нельзя сорвать.
Исчезнетъ чудное видѣнье
Въ дали прошлаго сокрыто:
Не жаль, нѣтъ жизни сожалѣнья,
Нѣтъ даже горькаго стыда...
Такъ спокойствію свободной
Я часто не дивлюсь глупцу,
И часто жалкою бесѣдой
Смущаю очень и обижу.
Въ эти странныя мгновенья
Читаетъ вся онъ свиткѣ,
И имя всѣхъ, безъ исключенья,
Онъ можетъ свой заучить.
Умѣетъ ребячески чувствъ,
Пустынный, безпечальный сбредъ
Назвать страстью вакуумъ?
Нѣтъ спѣть, забудетъ сѣять...

Бываютъ тягостныя ночи,
Безъ сна, безъ мысли я влачу очи,
Передо мной—бѣлѣетъ день;
Тогда, холодныя руки
Подъ голову горячую обвивая,
Подушка страхъ мнѣ навѣваетъ,
Воображенье, безумный врагъ
Въ груди ростетъ—и давитъ
Дыханье грудь, безъ содроганья,
Безъ слезъ, безъ жалобы стенанья,
Безъ искры мысли
Передъ тѣмъ грозно мукой
Могутъ пытать палачи.
Въ тѣ поры, въ устахъ сѣмя,
И горечь мнѣ не сладка,
И жизнь, и смерть мнѣ равно,
Тревожатъ сны страхъ ростъ...
Тогда поэтъ. Двоится въ немъ,
Играетъ страсть мыслью тѣмъ:
То вдохновенья пробѣгаетъ
Сверкнетъ огонь и вдохновенья грезъ;
Порывъ слезъ ищетъ разрѣшенья,
Пробѣгаетъ дрожь по всѣмъ членамъ,
Сомнѣнья, мысли и желанья
Волнуютъ, какъ морскія струи,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безстрастный и случайный,
И дорожа тѣмъ тайно,
Привычкемъ скрашенный порокъ
И свѣтло предаю позору;
Шучу молчанъ я и холоденъ...
Но право этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному міру
Я не рѣшуся показать...
Скажите-жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью клеветы коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ стрѣлы моей
Смутилъ ребенка сонъ невинный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О, нѣтъ! преступною мечтою
Не осквернюсь мысль мою,
Такъ тяжело пятно
Я вашей славы не сдѣлю...

КЪ ***

О, полно вамъ разрѣзать!
Хватъ злобамъ пить...?
Пусть ихъ глупецъ болтаетъ,
Пусть имъ забудетъ другъ лгать:
Но не оставимъ, братъ,—
Хватъ имъ пить не намъ пить.

И пожалѣемъ ихъ страны родной
Хватъ пожалѣемъ, хоть слабы!
Высокой мысли и души
Ты имъ открой природой:
Ты имъ дай то и вѣрь свѣтъ
Ты сердцемъ не знаетъ человѣкъ.

Ты видѣлъ о вѣковѣкъ дѣтей
Тяжелой прозой сердцемъ
Ты имъ дай другой судъ
И прежде не знаетъ ихъ
Ты имъ дай то и вѣрь свѣтъ

КЪ ***

Нѣтъ, не судьба моимъ бѣдамъ,
Что скоро не мнѣ спокойно,
Они всѣ тяжкой мыслью дамъ,
Въ моей душѣ огонь таятся.

Какъ въ морѣ широкомъ слѣды челнока,
Мгновенье—его впечатлѣнья,
Любовь для него, какъ веселье, легка,
А горе не стоитъ мгновенья.

Но въ часъ свой урочный узнаетъ оно
Цѣной неизбѣжное бремя.
Прости! намъ разстаться теперь суждено,
Разстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь предъ тобой,
И рѣчь моя умъ твой встревожитъ,
И пусть я услышу отвѣтъ роковой,
Тогда ничего не поможетъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Милый голосъ и ласковый взоръ
Тогда своей власти лишатся;
Вослѣдъ за тобой побѣжитъ мой укоръ
И въ душу онъ будетъ вливаться.

И мщенье, напомнивъ, что́ я перенесъ,
Уста мои къ смѣху принудитъ,
Хоть эта улыбка всѣхъ, всѣхъ твоихъ слезъ
Гораздо мучительнѣй будетъ.

КЪ ***

Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта,
Свою судьбу соедини съ моей,—
Какъ ты, мой другъ, я не рожденъ для свѣта
И не умѣю жить среди людей;
Я не имѣлъ ни время, ни охоты
Дѣлить ихъ шумъ, ихъ мелкія заботы,
Любовь мое все сердце заняла,
И чтожъ?—взгляни на блѣдный цвѣтъ чела!...

На немъ ты видишь слѣдъ страстей усыпувшихъ,
Такъ рано обуявшихъ жизнь мою:
Но льститъ мнѣ вспоминанье дней минувшихъ,
Я одинокъ надъ пропастью стою,
Гдѣ все мое подавлено судьбою,—
Такъ кустъ растетъ надъ бездною морскою
И листъ, грозой оборванный, плыветъ
По произволу странствующихъ водъ.

КЪ ***

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли одинъ въ другомъ,
И душа сдружилася съ душою.
Хоть пути не кончить намъ вдвоемъ!
Такъ потокъ весенній отражаетъ
Сводъ небесъ далекій, голубой,
И виолинъ спокойный онъ сіяетъ
И трепещетъ съ бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищъ грозныхъ бурь моихъ,
Пусть тогда гремятъ они межъ нами,
Я рожденъ, чтобы не жить безъ нихъ,
Я рожденъ, чтобъ цѣлый міръ былъ зритель
Торжества иль гибели моей,
Но съ тобой, мой лучъ-путеводитель,
Что́ хвала иль гордый смѣхъ людей!
Души ихъ пѣвца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторговъ раздѣлить.

КЪ ДУРНОВУ

Довольно любилъ я, чтобъ вѣчно грустить,
Для счастья же мало любилъ,
Но полно! что пользы мнѣ душу открыть?
Зачѣмъ я не то, что я былъ?

Въ вечернее время, въ часъ перваго сна,
Какъ блещетъ туманъ средь долинъ,
На мѣстѣ, гдѣ прежде бывала она,
Брожу безпокоенъ, одинъ.

Тогда ты глаза и лицо примѣчай,
Движенья спѣши понимать,
И если тебѣ удалось... то ступай,
Я больше не могъ бы сказать.

КЪ ***

Оставь напрасныя заботы,
Не обнажай минувшихъ дней,
Въ нихъ не откроешь ничего ты,
За что-бъ меня любить сильнѣй.
Ты люби ь—вѣрю, и довольно!—
Кого?—ты вѣдать не должна,
Тебѣ открыть мнѣ было-бъ больно,
Какъ жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души, и не скажу,
Что недостоинъ я участья,
Что самъ ничѣмъ не дорожу,
Что все, чѣмъ сердце дорожило,
Теперь мнѣ сердца стало жаль,
Что для него страдать мило,
[illegible]
Промолвивъ ласковое слово,
Въ награду тре[illegible]
Но, другъ мой, [illegible]—
Я мукъ своихъ [illegible]

КЪ ***

Печаль въ моихъ пѣсняхъ, но что за нужда?
Тебѣ не внимать имъ, мой другъ, никогда.
Онѣ не прогонятъ улыбку святую
Съ тѣхъ устъ, для которыхъ живу и тоскую;
Къ тебѣ не домчится ни слово, ни звукъ,
Отзывъ безпокойный невѣдомыхъ мукъ.
Пѣвца твоя ласка утѣшить не можетъ,
Зачѣмъ же онъ сердце твое потревожитъ?
О, нѣтъ! одна мысль, что слеза омрачитъ
Тотъ взоръ несравненный, гдѣ счастье горитъ,
Безумные-бъ звуки въ груди подавила,
Хоть прежде за нихъ лишь пѣвца ты любила.

КЪ ***

1.

Прости! мы не встрѣтимся болѣ,
Другъ другу руки не пожмемъ;
Прости! твое сердце на волѣ,
Но счастья не сыщетъ въ другомъ.
Я знаю: съ порывомъ страданья
Опять затрепещетъ оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погибъ такъ давно!

2.

Есть звуки—значенье ничтожно
И презрѣно гордой толпой,
Но ихъ позабыть невозможно,—
Какъ жизнь они слиты съ душой;
Какъ въ гробѣ зарыто былое
На днѣ этихъ звуковъ святыхъ,
И въ мірѣ поймутъ ихъ лишь двое,
И двое лишь вздрогнутъ отъ нихъ!

3.

Мгновенье вмѣстѣ мы были,
Но вѣчность ничто передъ нимъ:
Всѣ чувства мы вдругъ истощили,
Сожгли поцѣлуемъ однимъ.
Прости! не жалѣй безразсудно,
О краткой любви не жалѣй:
Разстаться казалось намъ трудно,
Но встрѣтиться-бъ было трудней!

КЪ ***

О, не скрывай, ты плакала о немъ,
И я его люблю, онъ заслужилъ
Твою слезу, и еслибъ былъ врагомъ
Моимъ, то я-бъ съ тѣхъ поръ его любилъ.
И я бы могъ быть счастливъ, но зачѣмъ
Искать условій счастія въ быломъ?
Нѣтъ, я доволенъ долженъ быть и тѣмъ,
Что зрѣлъ, какъ ты жалѣла о другомъ.

КЪ ***

Мой другъ, напрасное старанье!
Скрывалъ ли я свои мечты?
Обыкновенный звукъ, названье—
Вотъ все, чего не знаешь ты.
Пусть въ этомъ имени хранится,
Быть можетъ, цѣлый міръ любви,
Но мнѣ-ль надеждами дѣлиться?
Надежды... О, онѣ—мои,
Мои, онѣ—святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страхъ, ни ласки, ни коварство,
Ни горькій смѣхъ, ни плачъ людей—
Дай мнѣ сокровища вселенной—
Ужь никогда не долетятъ
Въ тотъ уголъ сердца отдаленный,
Куда запряталъ я мой кладъ.
Какъ помню, счастье прежде жило
И слезы крылись въ мѣстѣ томъ,
Но счастье скоро измѣнило,
А слезы вытекли потомъ.
Беречь сокровища святыя
Теперь я выученъ судьбой,
Но встрѣтятъ ихъ глаза чужіе,
Они умрутъ во мнѣ, со мной.

КЪ ***

Не медли въ дальней сторонѣ,
Молю, мой другъ, спѣши сюда!
Ты взглядъ мгновенный кинешь мнѣ,
А тамъ простимся навсегда.

И я, поймавши этотъ взоръ
И рѣчь послѣднюю твою,
Хотя-бъ она была укоръ,
Ихъ вмѣстѣ въ сердцѣ схороню.

И въ дни печали роковой
Твой взоръ, умѣющій язвить,
Воображу передъ собой
И стану рѣчь твою твердить.

И вновь мечтанье сблизитъ насъ,
И вспомню, вспомню я тогда,
Какъ встрѣтились мы въ первый разъ
И какъ разстались навсегда.

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА

Царю небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежъ
Алехинъ гласъ
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ.
Еще моленье
Прошу принять:
Въ то воскресенье
Мнѣ опоздать!
Я, Царь Всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ.

МОЯ МОЛЬБА

[послѣ разговора со старушкой, плакавшей надъ грандисономъ]

Да сохранюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ, не знающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной, и—
Отъ романтическихъ старушекъ.

SENTENZ

Когда бы могъ весь свѣтъ узнать,
Что жизнь съ надеждами, мечтами—
Не что иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами.

ГРОБЪ ОССІАНА

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей.
Летитъ къ ней духъ мой усыпленной
Родимымъ вѣтромъ подышать
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять...

КЪ М. П. ЦЕЙДЛЕРУ

Русскій нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной сталью,
Мысли юноши полны.

РЕБЕНКУ

[въ альбомъ арк. павл. петрову]

Ну, что скажу тебѣ я спросту?
Мнѣ не съ-руки хвала и лесть:
Дай Богъ тебѣ побольше росту—
Другія качества всѣ есть.

ПО ПОВОДУ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ДРАМЫ КУКОЛЬНИКА «СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ»

Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ,
Давали Скопина. Я слушалъ и смотрѣлъ.
Когда же занавѣсъ при плескахъ опустился,
Тогда сказалъ знакомый мнѣ одинъ:
Что, братецъ, жаль! вотъ умеръ и Скопинъ!
Ну, право, лучше-бъ не родился.

ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ НА КАВКАЗЪ

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И вы, имъ преданный народъ.
Быть можетъ, за стѣной Кавказа
Сокроюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей.

КНЯГИНѢ МАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

ЩЕРБАТОВОЙ

На свѣтскія цѣни,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія стени
Украйны она промѣняла.

По юга родного
На ней сохранилась примѣта

Среди ледянаго,
Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ—
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ, и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей силы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ;
Полюбитъ не скоро,
За то не разлюбитъ ужь даромъ.

АЛЕКСАНДРѢ ОСИПОВНѢ СМИРНОВОЙ

Въ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я, въ смущеніи, молчу.
Чтожъ дѣлать?... Рѣчью нескусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦІЯ ПРЕДЫДУЩАГО СТИХОТВОРЕНІЯ

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать васъ я желалъ,
Но эти сладкія надежды
Теперь я вовсе потерялъ.
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ—я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я, въ смущеніи, молчу.
Стѣсняемъ робостію дѣтской—
Нѣтъ, не винwinу я ничего
Въ альбомѣ жизни вашей свѣтской,
Ни даже имя своего.
Мое вранье такъ нескусно,
Что имъ тревожить васъ грѣшно...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

КЪ ПОРТРЕТУ

гр. А. К. воронцовой-дашковой

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустого слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.

Такъ молодое чело
Но волѣ—и радость и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

То истиной дышитъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
За то не любить невозможно.

МАРЬѢ ПАВЛОВНѢ СОЛОМИРСКОЙ

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой;

И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой

Такъ, разбирая въ заточеньѣ
Досель мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной,
Лучомъ надежды въ морѣ бѣдъ

Мнѣ сталъ тогда вашъ безымянный,
Но вѣчно-памятный привѣтъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ АВТОРУ «КУРДЮКОВОЙ»

[нв. петр. миллеру]

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю;
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ,
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame de-Курдюковъ.

КЪ ГР. Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ

Графиня Эмилія
Бѣлѣе, чѣмъ лилія;
Стройнѣй ея таліи
На свѣтѣ не встрѣтится,
И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи.

ИЗЪ АЛЬБОМА

СОФЬИ НИКОЛАЕВНЫ КАРАМЗИНОЙ

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подъ вечеръ—тихій разговоръ...

. . . . . .

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули [illegible]
Но чтожъ?—Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вѣрять...

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный;
Но ихъ разрознитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный
И ласки вѣчныя свои.

АННѢ ГРИГОРЬЕВНѢ

ХОМУТОВОЙ

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ *),
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
Навстрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить, какъ тайной,
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли—
Все, что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.

---

*) Поэтъ-слѣпецъ Ив. Ив. [illegible].

Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

СТАНСЫ КЪ Д***

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть;
Суди-жъ, какъ тяжко это слово
Мнѣ услыхать въ устахъ другого!

Какое право имъ дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, ужель они искали
Свой рай въ тебѣ одной?—едва-ли!

Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна.
То гордости была-бъ измѣна;
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поникну я главою,
Хотя-бъ то было предъ судьбою!

Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви;
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!

Улыбку я твою видалъ:
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей—такъ думалъ я сначала—
Подобной нѣтъ; но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.

Я видѣлъ ихъ, и былъ вполнѣ
Счастливъ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась;
Она принадлежала мнѣ.
Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ—мнѣ больше чѣмъ родное.

Когда-бъ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастіемъ не могъ:
Ему страшны мольвы сужденья,
Оно—цвѣтокъ уединенья.

Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда въ бесѣдкѣ одинокой
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я-бъ не взялъ вѣчность.

Такъ за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ:
Закону строгому послушный,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

A MADAME HOMMAIRE DE HELL

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement,—j'écoute
La grande voix du silence.
De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.
C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tournoie;
La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avançant à petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.
Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout à coup tremblant je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

ПЕРЕВОДЫ. ПОДРАЖАНІЯ. ЗАИМСТВОВАНІЯ

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ

[изъ Байрона]

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ —
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ —
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она;
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

ВЪ АЛЬБОМЪ

изъ Байрона]

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужь нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ

[подражаніе Байрону]

I see before me the gladiator lie...
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена —
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ.
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?..
Онъ прѣзрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!
И кровь его течетъ — послѣднія мгновенья
Мелькаютъ — близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина нѣтетъ — свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ! — прости, о край родной!»

* * *

Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ — игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

[изъ зейдлица]

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ.
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры —
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына —
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ —

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

ИЗЪ ГЕТЕ

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

СОСНА

[изъ гейне]

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,

И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

[ИЗЪ «КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ» МИЦКЕВИЧА]

ПИЛИГРИМЪ

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ;
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

МИРЗА

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
Бушуетъ вѣчная метель;
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ—и мерзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда—
То Чатырдагъ былъ...

ПИЛИГРИМЪ

А!...

[ИЗЪ ГЕЙНЕ]

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье—
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

ПРОСТИ

[ИЗЪ БАЙРОНА]

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ,
И даже улетитъ за нихъ.
Напрасно плакать и вздыхать:
Кровавыхъ капли слезъ порой
Не могутъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!..

Уста молчатъ, засохъ мой взоръ,
Но одавили грудь и умъ
Непроходимыхъ мукъ соборъ,
Съ толпой неусыпимыхъ думъ.
О страсти не жалѣю вновь:
Лишь знаю я—и могъ снести,—
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую... прости! прости!

ТРИ ВѢДЬМЫ

[ИЗЪ МАКБЕТА, ФР. ШИЛЛЕРА]

ПЕРВАЯ

Попался мнѣ одинъ рыбакъ:
Чинилъ онъ, веселъ, сѣти;
Какъ будто въ рубищѣ бѣднякъ
Имѣлъ златыя горы!
И съ пѣснью день и ночи мракъ
Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ...
Я-жъ поклялась ему давно,
Что сердитъ все меня одно...
Однажды рыбу онъ ловилъ
И кладъ ему попался;
Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ—
Ядъ черный въ немъ скрывался.
Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ:
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ДРУГІЯ ДВѢ

Онъ взялъ врага къ себѣ на дворъ:
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ПЕРВАЯ

И вотъ, гдѣ онъ — тамъ пиръ горой,
Толпа увеселеній!

И время, какъ съ крыльями, покой
Быстрѣй умчался тѣни...
Но знаешь безумецъ молодой,
Что нѣтъ вѣдьмы — прахъ пустой!

ВТОРАЯ ИГРОКА

Не знаю глупецъ сего нѣтъ знаютъ,
Что всѣ они живы и ждутъ!

ВТОРАЯ

Но спѣшить скоро ночь бѣжитъ;
Другія дѣвчата ждутъ:
Онѣ прибѣжали, чтобъ скрыть свой стыдъ,
Въ кругу людей, безбожныя!
И на дорогѣ ужь больной
Творилъ убійство и разбой...
Я вамъ близъ рѣки шу
Свободно минуты —
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой.
Онъ говорилъ: «мнѣ жизнь пуста.
Вы, отвращенный помощь,
Блаженство, знаю!... но мечта!..»
И забѣжали волны...

КЪ НИНѢ

[изъ пиѣсы]

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастія сторонка мнѣ!...
На свой путь я презрѣнный
Жить, бѣдняя скорѣй...
Но, какъ близъ звѣзды моей,
Люблю счастье прежнихъ дней.
Пусть не вѣкъ — съ тобой мечтаешь —
Пусть на день твой закрыт...
Сердцу я отрадою:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! не любишь ты —
И любви моей нѣтъ цѣны!
Знаю, я тебѣ чужой,
Кто я? какъ прійти?
Буду ль я, холодная
Чувствъ порывъ увижу?
Или грусть роковой змѣи
Какъ она, мятежной, вдругъ?...

ВСТРѢЧА

[изъ поэмы]

Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.
Что я почувствовалъ въ сей мигъ чудесный!
И что я пѣлъ — напрасно вновь пою...
Я звукъ извлекъ дотолѣ неизвѣстный,
И звѣздной чистую волнуя струю:
Душа отъ чувствъ плѣнныхъ стала пѣть
И жить они восторги имѣли все:
Въ ней пробудили забытыя медвѣдя,
И страсти юныя, и вдохновенья.

ПЕРЧАТКА

[изъ пиѣсы]

Вельможи рядомъ стояли
И молча зрѣлища ждали.
Между ихъ сидѣлъ
Боровъ, свирѣпо на всѣхъ
Бросая взоры, на которомъ блестѣлъ
Хорь дорогой, прекрасный блестѣлъ.
Всѣ нарядному звѣрку дивятся,
Страшную дверь отворяютъ —
И левъ выходитъ сердитый
Тихими шагами.
И молча вокругъ
Глядитъ вокругъ;
Хвостомъ машетъ,
Гривой трясетъ;
И, всѣхъ обойдя,
Ложится тутъ.
И вдругъ хватаетъ онъ —
И скоро кровью
Съ зубовъ струится,
Ѣстъ съ жадностью,
И, оглянувъ съ высока,
Лижетъ усы:
Онъ былъ голоденъ,
Онъ
Тихо опять обходитъ,
Глазъ кровавыхъ не опуститъ...
Но робко [illegible]
Смотритъ и ждетъ,
И дѣлаетъ видъ
Что радъ [illegible]
Сидитъ тутъ умно
Передъ [illegible] руки,
Судьбу [illegible]
Между [illegible]
И въ [illegible] вдругъ [illegible]
Изогнувъ спину, лукаво [illegible]
Говоритъ, виляя [illegible]

Если сильна такъ любовь у васъ,
Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
То подымите перчатку мою!»
И рыцарь съ балкона въ минуту бѣжитъ,
И [illegible]ко въ кругъ онъ вступаетъ,
[illegible] перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ,
И смѣлой рукой подымаетъ.
И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ молчаньи;
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ;
Отвсюду хвала вылетаетъ;
И нѣжный, пылающій [illegible] —
Недальняго сч[illegible] —
Съ рукой дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но, досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
«Благодарности вашей не надобно мнѣ!»
И гордую тотчасъ покинулъ.

ДИТЯ ВЪ ЛЮЛЬКѢ

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему; но дай время
Сдѣлаться мужемъ — и тѣсенъ покажется міръ.

КЪ ***

[ИЗЪ ШИЛЛЕРА

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь,
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь —
На кой мнѣ чортъ душа твоя!

КЪ Л***

[ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ]

У [illegible] другихъ не [illegible]
Я [illegible]
[illegible] другихъ, я [illegible] страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Тамъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,
И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной;
Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!
И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ;
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ;
И гдѣ бы я ни ста[illegible]
Былую тишину,
[illegible] будетъ мнѣ [illegible]:
Люблю, люблю одну!

ИЗЪ БАЙРОНОВА

МАЗЕПЫ

Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ!
Меня друзья бы не узнали,
И на челѣ тогда моемъ
Власы сѣдые не блистали.
Я былъ еще совсѣмъ не старъ,
А изсушилъ мнѣ сердце жаръ
Страстей; явились морщины
И ненавистныя сѣдины;
Но и теперь преклонныхъ лѣтъ
Я презираю тяготѣнье.
Я зналъ еще души волненье —
Любви минувшей грозный слѣдъ.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь, среди полночной грезы,
Мнѣ кажется: идетъ она
Между каштановъ и черешенъ...
Катится по небу луна...
Какъ я доволенъ и утѣшенъ!
Я вижу кудри... взоръ живой
Горячей влагою одѣлся...
Какъ жемчугъ перси бѣлизной...
Такъ живо образъ дорогой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!
Станъ невысокій помню я
И азіатскія движенья,
Уста пурпурныя [illegible],
Стыда румяненъ и смятенье...
Но полно, полно! я любилъ,
Я чувствъ своихъ не [illegible]...
. . . . . .
Любовь, сокр[illegible]
Въ [illegible]
И вѣчно [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ

Не смѣйся, другъ, надъ жертвою страстей,
Вѣнецъ терновый я сужденъ влачить;
Не быть ей вѣчно у груди моей,
И чтожъ... я не могу другой любить!
Какъ цѣпь гремитъ за узникомъ, за мной
Такъ мысль о будущемъ, и нѣтъ иной.
Я вижу длинный рядъ тяжелыхъ лѣтъ,
А тамъ людьми презрѣнный гробъ, — онъ ждетъ
И до него надежды нѣтъ, и нѣтъ
За нимъ того, что ожидаетъ тотъ,
Кто жилъ одной любовью, погубилъ
Все въ жизни для нея и все любилъ.
И вынесть могъ сей взоръ ледяный я,
И могъ тогда ей тѣмъ-же отвѣчать!..
Увижу на рукахъ ея дитя
И стану я при ней его ласкать,
И въ каждой ласкѣ мать узнаетъ вновь,
Что время не могло унесть любовь.

ПОЭМЫ

ЧЕРКЕСЫ

Уж солнце въ горахъ исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря, блистая, угасаетъ,
Вдали гудитъ протяжный звонъ;
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ,
И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры.
Въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ
Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу.
За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу
Съ ружьемъ охотникъ; пара псовъ
На сворахъ рвутся съ нетерпѣньемъ.
Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
Не слышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги; лишь тамъ
Весенній вѣтерокъ играетъ,
Перелетая по кустамъ;
Въ глуши кукушка занываетъ,
И на дуплѣ, какъ тѣнь, сидитъ
Полночный воронъ и кричитъ.
Межъ дикихъ скалъ крутитъ, сверкаетъ
Подалѣ Терекъ за горой;
Высокій берегъ подмываетъ,
Крутяся пѣною сѣдой.

II

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ,
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На холмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ;
Ихъ копья острыя блестятъ;
Другъ друга громко окликаютъ:
«Не спитъ казакъ во тьмѣ почной;
«Чеченцы ходятъ за рѣкой!»
Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,—
Взвилась! и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана;
Въ очахъ его смертельный мракъ:
Ему не зрѣть родного Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью.
Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою...

III

Въ густомъ лѣсу видна поляна,
Чуть освѣщенная луной;
Мелькаютъ будто изъ тумана
Огни на крѣпости большой.
Вдругъ слышенъ шорохъ за кустами,
Въѣзжаютъ нѣсколько людей;
Окинувъ все кругомъ очами,
Они слѣзаютъ съ лошадей.
На каждомъ шашка, за плечами
Ружье заряжено виситъ,
Два пистолета, борзы кони,
По буркѣ на сѣдлѣ лежитъ.
Огонь черкесы зажигаютъ,
И всѣ садятся тутъ кругомъ,
Привязанные къ деревамъ
Въ лѣсу кони траву щипаютъ;
Клубится дымъ, огонь трещитъ,
Кругомъ поляна вся блеститъ.

IV

Одинъ черкесъ одѣтъ въ кольчугу,
Изъ серебра его нарядъ;
Уздени вкругъ него сидятъ,
Другіе-жъ всѣ лежатъ по лугу.
Иные чистятъ шашки остры,
Иль навостряютъ стрѣлы быстры.
Кругомъ все тихо, все молчитъ.
Возсталъ вдругъ князь и говоритъ:
«Черкесы, мой народъ военный,
Готовы будьте всякій часъ

На жертву смерти;—смерти славной
Не всякъ достоинъ здѣсь изъ насъ.
Взгляните: въ крѣпости высокой,
Въ цѣпяхъ, въ тюрьмѣ мой братъ сидитъ,
Въ печали, въ скорби, одинокой;
Его спасу, иль мнѣ не жить.

V

«Вчера я спалъ подъ хладной мглой,
И вдругъ увидѣлъ будто брата,
Что онъ стоялъ передо мной
И мнѣ сказалъ: «минуты трата,
И я погибъ; спаси меня!»
Но призракъ легкій вдругъ сокрылся.
Съ сырой земли поднялся я,
Его спасти я устремился,—
И вотъ ищу и ночь и день,
И призракъ легкій не являлся
Съ тѣхъ поръ, какъ брата блѣдна тѣнь
Меня звала, и я старался
Его избавить отъ оковъ:
И я на смерть всегда готовъ!
Теперь клянуся Магометомъ,
Клянусь, клянуся цѣлымъ свѣтомъ!...
Насталъ неизбѣжимый часъ:
Для русскихъ смерть или мученье,
Иль мнѣ взглянуть въ послѣдній разъ
На ярко солнца восхожденье».
Умолкнулъ князь. И всѣ трикратно
Повторили его слова:—
«Погибнуть русскимъ невозвратно,
Иль съ тѣла свалится глава».

VI

Востокъ, алѣя, пламенѣетъ,
И день заботливый свѣтлѣетъ;
Уже въ селахъ кричитъ пѣтухъ;
Ужь мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
Денница, тихо поднимаясь,
Златитъ холмы и тихій боръ;
И юный лучъ, со тьмой сражаясь,
Вдругъ показался изъ-за горъ.
Колосья въ полѣ подъ серпами
Ложатся желтыми рядами.
Все утромъ дышитъ; вѣтерокъ
Играетъ въ Терекѣ на волнахъ,
Вздымаетъ зыблемый песокъ.
Сводъ неба синій тихъ и чистъ;
Прохлада съ рѣчки повѣваетъ,
Прелестный запахъ юный листъ
Съ весенней свѣжестью сливаетъ.
Вездѣ кругомъ сгустился лѣсъ,
Повсюду тихое молчанье;
Струей сквозь темный сводъ древесъ
Прокравшись, дневное сіянье
Верхи и корни золотитъ.
Лишь, вѣтра тихимъ дуновеньемъ
Сорванъ, листокъ летитъ, блеститъ,
Смущая тишину паденьемъ.
Но вотъ, примѣтя свѣтъ дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрѣе стрѣлъ по лѣсу мчатся,
Какъ пчелъ неутомимый рой—
Сокрылися въ тѣни густой.

VII

О, если-бъ ты, прекрасный день,
Гналъ также горесть, страхъ, смятенья,
Какъ гонишь ты ночную тѣнь
И сновъ обманчивыхъ видѣнья!...
Заутренъ въ градѣ дальній звонъ
Но рощѣ вѣтромъ разнесенъ:
И на горѣ стоитъ высокой
Прекрасный градъ, тамъ слышенъ громкій
Стукъ барабановъ, и войска,
Закинувъ ружья на плеча,
Стоятъ на площади въ парадѣ;
Народъ весь въ праздничномъ нарядѣ
Идетъ изъ церкви; стукъ каретъ,
Колясокъ, дрожекъ раздается;
На небѣ стая галокъ вьется;
Всякъ въ домъ свой завтракать идетъ;
Тамъ тихо ставни растворяютъ;
[А] тамъ по улицѣ гуляютъ,
Иль идутъ войско посмотрѣть
Въ большую крѣпость.—Но черитъ
Ужь стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце съ высоты,
И вѣтръ бѣжалъ черезъ кусты.

VIII

Ужь войско хочетъ расходиться
Въ большую крѣпость на горѣ;
Но топотъ слышенъ въ тишинѣ;
Вдали густая пыль клубится
И видятъ, кто-то на конѣ
Съ оглядкой боязливой мчится.
Но вотъ онъ здѣсь ужь, вотъ слѣзаетъ,
Къ начальнику онъ подбѣгаетъ
И говоритъ: «погибель намъ!
Вели готовиться войскамъ:
Черкесы мчатся за горами.
Насъ было двое, и за нами
Они пустились на коняхъ;
Меня объялъ внезапный страхъ,—
Насилу я отъ нихъ умчался,
Да конь хорошъ, а то-бъ попался».

IX

Начальникъ всѣмъ полкамъ велѣлъ
Собраться къ бою; зазвенѣлъ

Набатный колоколъ; толпятся,
Мятутся, строятся, дѣлятся;
Ворота крѣпости сперлись,
Иные вихремъ понеслись
Остановить черкесску силу,
Иль съ славою вкусить могилу;
И видно зарево кругомъ.
Черкесы поле покрываютъ,
Ряды, какъ львы, перебѣгаютъ;
Со звономъ сшибся мечъ съ мечомъ,—
И разомъ храбраго не стало.
Ядро во мракѣ прожужжало,—
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ;
Но всѣ смѣшались въ дымѣ черномъ.
Здѣсь бурный конь съ копьемъ вонзенным,
Вскочивши на дыбы, заржалъ,
Сквозь русскіе ряды несется,
Упалъ на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой.
Повсюду слышенъ стонъ и вой.

X

[И] пушекъ громъ вездѣ грохочетъ;
А здѣсь изрубленный герой
Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ,—
И голосъ замеръ на устахъ.
Другой бѣжитъ на полѣ ратномъ,
Бѣжитъ, глотая пыль и прахъ;
Трикратъ сверкнулъ мечомъ булатнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечъ...
Звеня, падетъ кольчуга съ плечъ,
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой.
Несчастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой;
Еще ружье свое онъ ищетъ.
Повсюду стукъ и пули свищутъ,
Повсюду слышенъ пушекъ вой,
Повсюду смерть и ужасъ мечетъ—
Въ горахъ, и въ долахъ, и въ лѣсахъ;
Во градѣ жители трепещутъ,
И гулъ несется въ небесахъ.
Иной черкеса поражаетъ,—
Безплодно мечъ его сверкаетъ;
Махнулъ еще,—его рука,
Подъята вверхъ, окостенѣла;
Бѣжать хотѣлъ,—его нога
Дрожитъ недвижима, замлѣла;
Встаетъ—и палъ. Но вотъ несется
На лошади черкесъ лихой
Сквозь рядъ штыковъ; онъ сильно рвется
И держитъ мечъ надъ головой;
Онъ съ казакомъ вступаетъ въ бой:
Ихъ сабли остры ярко блещутъ,
Ужь лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
Ударъ несется роковой;
Стрѣла блеститъ, свиститъ, мелькаетъ,
И вмигъ казака убиваетъ.
Но вдругъ, толпою окруженъ,
Копьями острыми пронженъ,
Князь самъ отъ раны издыхаетъ;
Падетъ съ коня,—и всѣ бѣгутъ
И бранно поле оставляютъ.
Лишь ядра русскія ревутъ
Надъ ихъ ужасно головой.
Но-малу тихнетъ шумный бой;
Лишь подъ горами пыль клубится.
Черкесы побѣжденны мчатся,
Преслѣдуваемы толпой
Сыновъ неустрашимыхъ Дона,
Которыхъ Рейнъ, Лоаръ и Рона
Видали на своихъ брегахъ;
Несутъ за ними смерть и страхъ

XI

Утихло все; лишь изрѣдка
Услышишь выстрѣлъ за горою;
[Иль] рѣдко видно казака,
Несущагося прямо къ бою.
И въ станѣ русскомъ ужь покой;
Спасенъ и градъ, и надъ рѣкой
Маякъ блеститъ, и сторожъ бродитъ,
Въ окружность быстрымъ окомъ смотритъ,
И на плечѣ ружье несетъ.
Лишь только слышно: «кто идетъ?»
Лишь громко «слушай!» раздается;
Лишь только рѣдко пронесется
Лихой казакъ чрезъ русскій станъ;
Лишь рѣдко крикнетъ черный вранъ,
Голодный, трупы пожирая;
Лишь изрѣдка мелькнетъ, блистая,
Огонь въ палаткѣ у солдатъ,
И рѣдко чуть блеснетъ булатъ,
Заржавый отъ крови въ сраженьи,
Иль крикнетъ вдругъ въ уединеньи
Близъ стана русскій часовой.
Вездѣ господствуетъ покой.

ХАДЖИ АБРЕКЪ

Великъ, богатъ аулъ Джематъ,
Онъ никому не платитъ дани;
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани;
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горячихъ паръ струится;
Орелъ, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣетъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведетъ переговоры
Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
До крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ—только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрытъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящимъ окомъ
Печально водитъ онъ порой.
Разсказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
«Три нѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
Но бури злыя разразились,
И вѣтви древа обвалились,
И я стою теперь одинъ,
Какъ голый пень среди долинъ.
Увы, я старъ! мои сѣдины
Бѣлѣе снѣга той вершины,
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!..
Сюда, наѣзднички Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
Въ плѣну сестры ея увяли,
Въ бою неравномъ братья пали:
Въ чужбинѣ двое, а меньшой
Пронзенъ штыкомъ передо мной.
Онъ улыбался, умирая!
Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая
Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радужнымъ крыломъ...
И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей.
Ее хранилъ я, какъ святыню;
Все, что имѣлъ я, было въ ней;
Я взялъ съ собою лишь ее
Да неизмѣнное ружье.
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хижины лишенъ;
Къ бѣдѣ я скоро пріучился,
Давно былъ къ волѣ пріученъ.
Но часъ ударилъ неизбѣжный—
И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный...
Однажды ночь была глухая,
Я спалъ... Безмолвно надо мной,
Зеленой вѣткою махая,
Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
Вдругъ просыпаюсь... слышу: шопотъ—
И слабый крикъ — и конскій топотъ...
Бѣгу и вижу — подъ горой
Несется всадникъ съ быстротой,
Схвативъ ее въ свои объятья.
Я къ нимъ послалъ свои проклятья
О, для чего второй гонецъ
Настичь не могъ ихъ — мой свинецъ!
Съ кровавымъ міценьемъ, вотъ здѣсь [illegible]
[illegible],
Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
И нѣтъ покоя для меня
Съ того мучительнаго дня...
Сюда, наѣзднички Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою.
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

«Я!» молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій,
И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

«Я знаю князя. Я рѣшился!..
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня;
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,
И о душѣ моей Пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь».

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ;

Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;
И дальній отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣснѣ той.

Есть поворотъ — и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты
Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ
Оттуда онъ, какъ подъ ногами
Смиренный различитъ аулъ,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гулъ;
И на краю крутого ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата,
И, какъ орелъ, съ вершины горъ
Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ.
Въ тѣни прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидитъ.
Предъ нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядитъ.
Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
Съ заботой нѣжною такой?
Не другъ ли будетъ издалёка?
Не братъ ли съ битвы роковой?
Отъ зноя утомясь дневнова,
Твоя головка ужъ готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колѣна;
И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;
Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
Покрывшись влагою жемчужной;
Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
Играетъ пламя крови южной;
Уста волшебныя твои
Зовутъ лобзаніе любви.
Нѣмымъ встревожена желаньемъ,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабымъ трепетаньемъ
Хотятъ покровы оттолкнуть.
О, гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!..
Но вотъ и топотъ отдаленный,
И пыль знакомая взвилась —
И дѣва шепчетъ: «это князь!»

Легко надежда утѣшаетъ;
Легко обманываетъ глазъ;
Ужь близко путникъ подъѣзжаетъ...
Увы! она его не знаетъ,
И видитъ только въ первый разъ.
То странникъ, въ полѣ запоздалый,
Гостеприимный ищетъ кровъ;
Дымится конь его усталый,
И онъ спрыгнуть уже готовъ...
Спрыгни же, всадникъ!... Что же онъ
Какъ будто крова испугался?
Онъ смотритъ... Краткій, грустный стонъ
Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
Какъ листъ отъ вѣтки молодой,
Измятый лѣтнею грозой.

«Что медлишь, путникъ, у порога?
Слѣзай съ походнаго коня.
Случайный гость — подарокъ Бога.
Кумысъ и медъ есть у меня.
Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
Почти же кровью Бей-Булата!
Когда опять поѣдешь въ путь,
Въ молитвѣ насъ не позабудь!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Аллахъ спаси тебя, Лейла!
Ты гостя лаской подарила,
И отъ отца тебѣ поклонъ
За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕЙЛА

Какъ! мой отецъ? Меня понынѣ
Въ разлукѣ долгой не забылъ?
Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Гдѣ прежде жилъ —
То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

ЛЕЙЛА

Скажи, онъ веселъ, онъ счастливъ?
Скорѣй отвѣтствуй мнѣ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Онъ живъ,
Хотя порой дождямъ и стужѣ
Открыта голова его...
Но ты?..

ЛЕЙЛА

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ [тихо]

Тѣмъ хуже!

ЛЕЙЛА

А? что ты молвилъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Ничего!

Сидитъ пришлецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоятъ. Онъ страненъ въ самомъ дѣлѣ
Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онѣ по немъ?

Развеселить его желая,
Лейла бубенъ свой беретъ
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза, какъ звѣзды, блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ
Душа невинная объята.
Она кружится передъ нимъ,
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката,
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ — и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе — все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Довольно! перестань, Лейла!
На мигъ веселье позабудь;
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣчай!

ЛЕЙЛА

Нѣтъ! Что мнѣ хладная могила
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Еще вопросъ: ты не грустишь
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕЙЛА

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка, вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ — счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ [illegible], гдѣ вѣрятъ намъ.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любови,
И только хочетъ слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда, безсмѣнно;
То мучитъ, то ласкаетъ насъ..
Нѣтъ, за единый миѳенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной

ЛЕЙЛА

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ — такъ было суждено —
Погибъ отъ пули Бей-Булата;
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной — врага не [illegible],
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ:
И занесенъ былъ мой кинжалъ,
Но я подумалъ: «Это-ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что-нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!»
Свершилось наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужь блещетъ лучъ заката!..
Пора! я слышу голосъ брата ..
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, какъ адомъ, вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
[illegible]лахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни:
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
«Ахъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
Нѣтъ, не смотри такъ, отверпись!

Но мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Отвѣтствуй! ничего не значутъ
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжалься!.. Говори — какъ плачутъ
Въ твоей родимой сторонѣ?.
Погибнуть рано, рано мнѣ!..
Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
Любимъ, какъ я? О, вѣрно, нѣтъ!»

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья
Ни слезъ, жестокій, не видать...
Ахъ!.. Боже!.. Ай!.. дай подождать
Хоть часъ одинъ.. одно мгновенье!.

Блеснула шашка. Разъ—и два.
И покатилась голова...
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвее
Обтеръ волнистою косою,
Потомъ, бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и нѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ
И мчится въ горы, какъ стрѣла

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заводятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится—мутный, сѣрый;
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,
Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы—теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ...
То змѣй блистаетъ чешуей...
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ.
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ
Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжко дышишь подо мной?
Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
Верхи деревъ осеребритъ,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ.
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джематскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подъѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вкругъ тебя столпятся...
Но стоитъ мнѣ лишь приподняться —
Они въ испугѣ захрапятъ
И всѣ шарахнутся назадъ:
Они почуютъ издалека,
Что мы съ тобою дѣти рока!..»

Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ,
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ.
Одинъ, какъ памятникъ могильный,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ.
Его глаза на путь далекой
Устремлены съ тоской глубокой.

«Кто этотъ всадникъ? Бережливо
Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
Его товарищъ долгогривый
Поникъ усталой головой.
Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
Онъ что-то держитъ осторожно,
И бережетъ, какъ свѣтъ очей».
И думаетъ старикъ согбенный:
«Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнный
Отъ милой дочери моей!

Ужь всадникъ близокъ; подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;

Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ,
Открылъ — и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ — Боже правый!
Своей Лейлы голову!.
И онъ въ безумномъ восхищеньи
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя черты
Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:
Взглянулъ на шашку, на коня,
И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой ущелье
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ.
Обнявшись крѣпко, на землѣ
Они лежали, костенѣя,
Два друга съ виду — два злодѣя!
Быть-можетъ, то одна мечта, —
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лицо порой мѣнялось,
Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата,
Башлыкъ ихъ шапки [illegible];
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другого не узналъ.

ПРЕСТУПНИКЪ

«Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной?
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ.
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!»
— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ,
Она — красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ..
Перетерпѣвши лѣтъ удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять —
Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна;
Но вдругъ увидѣла другого,
Не стараго, а молодого —
Лишь первая приходитъ ночь,
Она, безъ всякаго зазрѣнья,
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь!..
. . . . . *)
Пиры веселья забывая,
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно;
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣняхъ мачихи моей,
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца, среди ночей...
Ея пронзительныхъ лобзаній
Огонь вшивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній
Мольбы, угрозъ и заклинаній,
Но слезы злобы только лью!..
Богъ вѣсть, меня она любила,
Иль это былъ притворный жаръ,
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ;
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?
Кто знаетъ! Женская душа
Какъ океанъ непзмѣримa!
И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужь грѣховодникъ въ дни младые
Я какъ предъ казнію дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя;
Я принужденъ, какъ нѣкій тать
Изъ дому отчаго бѣжать.
О, сколько мукъ! Потеря чести!
Любовь, и стыдъ, и нищета!
Вражда непримиримой мести,
И гнѣвъ отца! За ворота
Бѣжалъ я, сирый, одинокій,
И обратившись, бросилъ взоръ,
Съ проклятіемъ, на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!..

*) Точки въ этомъ стихотвореніи — всѣ и [illegible]

Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ, за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и пѣгъ,
И рѣчки безыменной брегъ,
Всегда покрытый табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышонныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины
Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя...
И грудь, и плечи молодыя,
И сладость тайную отрадъ,
И устъ неизлечимый ядъ;
И ту зеленую аллею;
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ,
И ложе то, гдѣ я — и съ нею,
И съ этой мачихой лежалъ!
Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принятъ я:
Одинъ — властями недовольный
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой — служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ,
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ; лихой
На поцѣлуи сладострастья;
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!..
Придетъ ли ночь и мракъ печальный —
Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны проѣзжій дальной
Летитъ на тройкѣ почтовой.
Раздался выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной;
Ударъ губительный и вѣрной!..
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ — подозрительно блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами
Лежалъ застрѣленный пришлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ,
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого жъ при трепетной лунѣ
Я узнаю... великій Боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому же рости могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!.. други!.. Это мой отецъ!..
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда жъ потомъ очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ...
Гляжу, сырой еще бугоръ...
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ,
И два жида считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ...

. . . . . .

. . . . . .

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ утонулъ,
Пошло житье-бытье плохое:
Пріему не было въ корчмахъ,
Жить было негдѣ, отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывался. Безъ страха
Не могъ я спать, мечтались мнѣ
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!..
Исчезли средства прокормленья.
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья
И въ суматохѣ пировать.
Среди сѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ:
Вдругъ вижу, раздраженный жидъ
Младую женщину тащитъ.
Ея ланиты обгорѣли
И шелкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій,
И ужь въ груди ея торчалъ
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!..
Увы! дрожатъ ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пѣни
Съ устъ посинѣлыхъ проneслись.
Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ;
То я увидѣлъ — на соснѣ

Виситъ скелетъ полуистлѣвшій;
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлетѣвшій
Тащилъ руки его кусокъ...
Бѣгутъ года, умчалась младость
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки:
Любовь къ свободѣ золотой
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Помники юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамолъ—
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!...

АНГЕЛЪ СМЕРТИ

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. М. ВЕРЕЩАГИНОЙ

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньемъ и—тобой!

Среди безчувственныхъ тоскуя,
Въ душѣ все прежнее храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня!

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья
И поцѣлуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видалъ
Твоихъ красавицъ, не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей,
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.

Есть Ангелъ Смерти: въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его лобзанья
И страшенъ видъ его для глазъ
Безсильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались—сладостный удѣлъ:
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ-нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангелъ молодой;
На все, что только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный;
Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Какъ полуночная звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда,
И провожалъ онъ къ дверямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ,
И самъ былъ счастливъ.—Почему жъ
Теперь томитъ его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье?

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ.
Прикрыта дикими кустами,
На немъ пещера есть одна—
Жилище змѣй—хладна, темна,
Какъ умъ, обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада—мѣсяцъ полный;

АНГЕЛЪ СМЕРТИ

Стоитъ колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ...

Съ ней говорятъ морскія волны
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнанникъ,
Пришлецъ, юный Зораимъ.
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьми и небомъ былъ гонимъ
Онъ могъ быть счастливъ—но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ;
Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ—самъ не былъ лучше ихъ;
Искалъ великаго въ ничтожномъ:
Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
И все въ природѣ... и людей...
Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ
Заставить также охладиться:
Любовь насилья не боится.
Она хоть—презрѣна—все богъ.
Одно сокровище—святыню
Имѣлъ подъ небесами онъ:
Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
Но чтожъ?—Всегда ли вѣренъ сонъ?

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтки плюща обвились
Вокругъ его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій—
Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!...
Такъ, міру чуждый, Зораимъ
Не вовсе бѣденъ—Ада съ нимъ!
Она рѣзва, какъ лань степная,
Мила, какъ цвѣтъ душистый рая;
Все страстно въ ней—и грудь, и станъ;
Глаза—два солнца южныхъ странъ.
И дѣвѣ было все забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье—
Огонь въ очахъ его родить
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье.
И удалось ей. Зораимъ
Любилъ—съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
Судьбина ихъ соединила,
А разлучитъ—одна могила!..

На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальними сіятъ,
Лучомъ въ пещеру ударяетъ;
И безпокойная волна.
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
Я помню—въ этотъ самый часъ
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:
Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?...

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжитъ ея ланиты,
И томный взоръ, полузакрытый,
Напрасно смотритъ на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнца ужь не нужно намъ.

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣетъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣетъ.
«Но смерть», онъ мыслитъ, «не близка!
Рука—не жизнь; болѣзнь простая—
Все не кончина роковая!»
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужь нѣтъ;
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачъ любви... и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады,
Или, быть-можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ...
Но скоро при огнѣ лампады

Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангелъ Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу ли?—даже въ преступленьѣ
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнялъ все у Зорайма:
Одна была лишь имъ любима
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакалъ... Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангелъ зналъ—и какъ не знать?—
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!..

И Ангелъ мыслью пораженъ
Достойною небесъ: желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кипитъ;
И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангелъ Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила,
Но умъ границамъ подчинился,
И власть—не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ.
Ихъ появленье Адѣ странно,
Какъ ночью—метеора свѣтъ,
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно.
И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои—
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!.

Однажды на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.

Большіе, черные глаза
На друга дѣва устремляла—
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
И обратившись къ ней, сказалъ:
«Нѣтъ! не могу въ пустынѣ долѣ
Однообразно дни влачить;
Я воленъ—но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что жизнь?—давай мнѣ чашу славы,
Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ
Я не вздрогну—я выпить радъ:
Не всѣ ль блаженства—лишь отравы?
Когда-нибудь все долженъ я
Оставить пошу бытія...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
И мнѣ спокойну быть?—о, нѣтъ!..
Взгляни: за этими горами
Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами
Стоятъ два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
Труба войны и звукъ мечей
Въ пустынѣ нашей раздадутся.
И къ одному изъ тѣхъ царей
Идти, какъ воинъ, я рѣшился;
Но ты не жди, чтобъ возвратился
Я побѣжденнымъ—нѣтъ, скорѣй
Волна, гонимая волнами
По безконечности морей,
Въ пріютъ родимыхъ камышей
Воротится. Но если съ нами
Побѣда будетъ, я принесть
Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
Себѣ оставлю только честь...
И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройскій мечъ не презирала;
Но если бъ даже ты желала...
Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!
Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь?.. слезы! слезы
О чемъ же плакать, ангелъ мой?»
И Ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
«Видалъ-ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
Когда вода не шевелится,
Онъ неподвижно въ ней глядится;

Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожитъ,
И всколебается волна —
Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.
Волна — твой образъ, мой — цвѣтокъ
Ты грустенъ — я грустна съ тобою
Какъ знать? — быть-можетъ, этотъ часъ
Послѣдній счастливый для насъ!..

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышитъ ароматъ?
Зачѣмъ?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Другихъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день какъ ночь спокоенъ.
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ
И обагрить не можетъ кровь.

Чу!.. топотъ... пыль клубится тучей
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны;
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе — и сразились;
И треску копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье, — царь въ душахъ людей
И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
Подобна встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
И все тѣснилось. Кровь рѣкой
Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни знамена блуждали
Надъ каждой темною толпой,
И съ крикомъ смерти роковой
На трупы трупы упадали...
Но отступаетъ наконецъ
Одна толпа... и побѣжденный
Уже не противится боецъ,
И по травѣ окровавленной
Скользитъ испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...
И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь ниль царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда
И гордой важностью чела. —
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя младова,
И шумно навзничь онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,
Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полныя печали...
О, Боже! для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой.
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки — путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ;
Не вѣдалъ ты, что Ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить,
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье. — Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты.
Возможно ль? Ангелъ красоты —
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядитъ и ждетъ... но что же?
Давно ужь въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...
Увы! гдѣ Ангелъ утѣшенья?..
Гдѣ вѣстникъ рая молодой? —
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!
Ужь солнце низко... Ада ждетъ!..
Все тихо вкругъ... онъ все пойдетъ!..

Она спускается въ долину
И видитъ страшную картину;
Идетъ межъ труповъ, чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,
Надеждой, смѣшанной съ боязнью
Ея волнуется душа;
Она предчувствовать страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бъ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь·
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
И вотъ недвижна! — Такова
Была бъ лилея надъ могилой!..
Гдѣ Зораимъ? — Что, если онъ
Убитъ? — Но чей раздался стонъ?..
Кто этотъ, раненный стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ...
Онъ мертвыхъ окруженъ грядою,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто жъ онъ? — Свершилось! — Зораимъ!

«Ты здѣсь? теперь? — и ты ли, Ада?
О, твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ?.. Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы.
Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишняя любовь
Зела сюда... что пользы въ этомъ?..
Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь,
И вижу... и приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнія...
Я жертва сѣни гробовой,
Я гибну! — Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.
Не бойся крови. Дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
И даже... на груди другова
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?

«Мой другъ! къ чему твои лобзанья
Теперь, столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
О, если бъ, если бъ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую къ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ...
О, кто бъ подумалъ! какъ я молодъ!
Какъ много я провелъ бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,
Когда бъ сегодня рокъ жестокой
Не обманулъ надеждъ моихъ!..

«Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ —
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тутъ, какъ арфы дальній звонъ,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужь нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцѣлуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаритъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.
Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна какъ всегда,
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Что на землѣ онъ озаритъ;
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И Зораимъ хотѣлъ напрасно
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать.
Все, все, что можетъ онъ сказать —
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужь пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя, какъ ледъ,
Ужь тихо канетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаетъ коршунъ, гость незваный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ — и вздрогнулъ — и вздохнулъ —
И умеръ. — Съ синими губами
И съ побѣлѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,

И долго виденъ свѣтъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденныій!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!...

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнила ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ нему.
Все тотъ же онъ—и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней простотой;
Людей узналъ онъ: «состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть!
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣтъ?...

Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ:
Тревожитъ насъ, какъ злой укоръ,
Его привѣтственныя рѣчи,
И мраченъ неподвижный взоръ,
И льда хладнѣй его объятье!...
И поцѣлуй его—проклятье!..

ИЗМАИЛЪ-БЕЙ

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

ПОСВЯЩЕНІЕ

Рѣшенъ явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.
Такъ посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,
Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай ревутъ, бушуетъ вьюга,
Она поетъ лишь объ одномъ—
Она поетъ о солнцѣ юга...
И ты, звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ.
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки:
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты въ другихъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:
Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ спѣшя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья—и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Какъ стражи окликаются ночные,
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,
Блистаетъ, какъ цвѣты небесъ и рая...
Въ вечерній часъ,—дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ:
Лиловыя, съ багряными краями
Они еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
Другъ черезъ друга свѣтлыя глядятъ
Такъ весело, такъ пышно и безпечно,
Какъ будто жить и нравится имъ вѣчно!...

III

И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье;
Тамъ за добро—добро, и кровь—за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

IV

Темны преданья ихъ. Старикъ-чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбека,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою;
И не боясь, что камень упадетъ,
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ,
Растетъ воспоминанія цвѣтокъ.
И подъ столѣтней, мшистою скалою,
Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть можетъ, онъ о родинѣ молился;
И, странникъ чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ.

V

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенесть на сѣверъ дальный:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы какъ тайна онъ погибъ со мною;
Пускай ему не внемлютъ—до конца
Я доскажу. Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила...

VI

Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,
Гдѣ за Машукомъ день встаетъ,
А за крутымъ Бешту садится,
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли,
Гордились дружбою взаимной.
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный.
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ;
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ;
Веселымъ пѣсни ихъ дышали!—
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали.

VII

Не все судьба голубитъ насъ:
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды—солнце закатилось,
Туманъ бѣлѣлъ ужь подъ горой,
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли;
Трепеща, жены близъ мужей
Держали плачущихъ дѣтей;
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на кострѣ высокомъ жгли,
Что взять съ собою не могли.
Когда же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ
И мокрый утренній туманъ
Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,
Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле,
Едва дымящійся костеръ
И свѣжій слѣдъ колесъ—не болѣ.

VIII

Но что могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Магомета? пророчанье?
О, нѣтъ! Примчалась какъ-то вѣсть,
Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзя и счесть.—
Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣетъ умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть—кинжалъ двойной;

И страхъ насилья и могилы
Не могъ бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы.
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
«Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
Оставимъ мы утесы горъ;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуютъ надѣть оковы!»
Такъ думалъ каждый, и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ,
Иль облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту.

IX

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы,
Готовятъ мщеніе народы,
И пятый годъ ужь настаетъ,
А кровь джауровъ не течетъ.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесъ бродящій отдохнулъ,
Построенъ новый былъ аулъ
[Его слѣдовъ не видно нынѣ],
Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой.
Ужь Росламбекъ съ береговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ;
Лезгинецъ, слыша голосъ брани,
Готовитъ стрѣлы и кинжалъ.
Скопилась мести ихъ роковая
Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ:
Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
Цвѣтами радуги блистая,
Виситъ, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ.

X

Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ,
Между Желѣзной и Змѣиной,
Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ,
Цвѣтущей, узкою долиной
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ, налѣво и направо,
Какъ бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,
Гора изъ-за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной.

XI

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило;
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью пораженъ,
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ—
Чего-то, мнится, не находитъ.
То пуститъ онъ коня стремглавъ,
То остановитъ и, привставъ
На стремена, дрожитъ, пылаетъ—
Все пусто! Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу-ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлый!...

XII

Кто-жъ этотъ путникъ? Русскій? Нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой;
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенитъ на немъ;
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ;
И какъ же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся—онъ черкесъ.
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и вьюга
И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что онъ черкесъ.
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны.
Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
Не сбрилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у береговъ.
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной заражонъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ неспокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

XIII

Какъ наши юноши, онъ молодъ,
Но хладенъ блескъ его очей;
Поверхность темную морей
Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ:
Пусть будетъ это сердце камень—
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ!

XIV

И все прошедшее явилось,
Какъ тѣнь умершаго, ему,
Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
Богъ вѣсть, и какъ и почему.
Онъ въ полѣ выѣхалъ пустое—
Вдругъ слышитъ выстрѣлъ—что такое?
Какъ будто на смѣхъ, звукъ одинъ,
Жилецъ ущелій и стремнинъ,
Трикраты отзывъ повторяетъ.
Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ
И вотъ съ винтовкой безъ штыка
Въ кустахъ онъ видитъ казака;
Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
Росою съ листьевъ окропленный,
Блистая радужнымъ хвостомъ,
Лежалъ въ травѣ пробитъ свинцомъ.
И ближе путникъ подъѣзжаетъ
И чистымъ русскимъ языкомъ:
«Казакъ, скажи мнѣ,—вопрошаетъ,—
Давно ли пусто здѣсь кругомъ?»
— Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
Неустрашимый твой народъ!
Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся
Тому сегодня пятый годъ.

XV

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою,
Черкесъ? Зачѣмъ твоя рука
Подъята съ шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказанье:
Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья
Лежитъ насмѣшливый казакъ.
Черкесъ глядитъ на ликъ холодный,
Въ немъ пробудился духъ природный,
Онъ пощадить не могъ никакъ,
Онъ удержать не могъ удара.
Какъ въ тучахъ зарево пожара,
Какъ лава Этны по полямъ,
Больной румянецъ по щекамъ
Его разлился; и блистали,
Какъ лезвіе кровавой стали,
Глаза его—и въ этотъ мигъ
Душа и адъ—все было въ нихъ!
Оборотясь съ улыбкой злобной,
Черкесъ на сѣверъ кинулъ взглядъ—
Ничто, ничто смертельный ядъ
Передъ улыбкою подобной.
Волною поднялася грудь;
Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
Холодный потъ съ чела крутова
Катился, но изъ устъ—ни слова.

XVI

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
Къ лукѣ припалъ, коня толкнулъ,
Одно мгновенье на курганѣ
Онъ черной птицею мелькнулъ,
И скоро скрылся весь въ туманѣ.
Чрезъ камни конь его несетъ,
Онъ не глядитъ и не боится.
Такъ быстро скачетъ только тотъ,
За кѣмъ раскаяніе мчится.

XVII

Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненье?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть:
Ужели отдыхаетъ мщенье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ селъ—
Все уничтожилъ русскій воинъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ онъ спокоенъ,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей
И такъ отметитъ за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю васъ,—онъ шепчетъ,—знаю!
И вы узнаете меня;
Давно ужь васъ я презираю,
Но вашу кровь пролить желаю
Я только съ нынѣшняго дня...»
Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ, какъ вѣтеръ степи;
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужь въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ
И Шатъ подъемлется за ними
Съ двумя главами снѣговыми,
И путникъ мнитъ: «Недалеко;
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко».

XVIII

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны, какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужь часъ прошелъ, и двухъ ужь нѣтъ —
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣтъ.
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужь солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады,
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй,
Еще загадка для очей.

XIX

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:
Шестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй;
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился.
Межъ скалъ незыблемыхъ, одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

XX

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучомъ зари освѣщены:
Давно разсѣлины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистыя листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, нѣжится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною;
Такъ сталь кольчуги иль копья
[Когда забыты послѣ бою
Они на полѣ роковомъ],
Въ кустахъ найденная луною,
Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI

Ужь поздно. Путникъ одинокой
Одѣлся буркою широкой.
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась; вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И сталъ... Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ [слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной].
Въ недоумѣніи надъ скалой
Остался странникъ утомленный;
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ—и снова
Садится на коня лихова;
И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII

Не духъ коварства и обмана
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтилися въ ущельи томъ—
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ;
Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя;
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обвѣтшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено—
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой;
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ.—«Великій Магометъ

Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?»—Я, странникъ!—былъ отвѣтъ.
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вкругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII

Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Проѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый,
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, къ былому;
Проходитъ непримѣтно часъ—
Они сидятъ, и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV

Онъ самъ лезгинецъ; ужь давно
[Такъ было небомъ суждено]
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ.
При нихъ молчитъ еще кручина
И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихіе сыновья:
Живетъ добычей вся семья.
Они повсюду страхъ приносятъ;
Украсть, отнять—имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна ли, изъ станицы
Любого уведутъ коня;
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы.
Сегодня дома лишь одинъ,
Его любимый, старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришлецъ; онъ почти не дышитъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая,
Стояла пери молодая.

XXV

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, движеньи черныхъ глазъ—
Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ—
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей.
Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ:
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ лаптахъ кровь,
Но только удалится образъ милый—
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что было,
И заблужденью онъ повѣритъ вновь.

XXVI

Нѣжна—какъ пери молодая,
Созданіе земли и рая,
Мила—какъ намъ въ краю чужомъ
Межъ звуковъ языка чужова
Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
Такъ утѣшительно-мила,
Какъ древле узнику была
На сумрачномъ окнѣ темницы
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно
Бѣгутъ—ужь вѣрно часъ она
Ихъ расплетала, заплетала;
Она поправиться желала—
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII

Рукой дрожащей, торопливой,
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйти хотѣла и не знала—
Идти ли? Грудь ея порой
Покровъ примѣтно поднимала;

ИЗМАИЛЪ-БЕЙ

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала...

Она послушать бы желала,
Что̀ скажетъ путникъ молодой,
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвее
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ... Смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неоконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ,
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней.
Смѣется, шутитъ онъ, но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ—ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ;
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились,
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились,—
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!..
Довольно! этого удара
Вторично дѣва не снесетъ:
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ...

XXVIII

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ,
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей—
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужь за счастье,
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой
Слезу старается встрѣчать,
Улыбкѣ хладно отвѣчать;
Коль обласкаетъ, такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужь и себѣ не вѣритъ онъ;
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ юности своей;
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла;
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла:
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ;
И часто думаютъ они,
Что ихъ излечитъ край далекой,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни;
Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все внѣшнее подвластно!

XXIX

Ужь милой Зары въ саклѣ нѣтъ
Черкесъ глядитъ ей долго вслѣдъ
И мыслитъ: «Нѣжное созданье!
Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
А есть ужь слезы и желанья!
Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
На темной тучѣ не гори:
На ней твой блескъ лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится.

XXX

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобой
Хранитель, вѣрно, неземной;
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя ли станутъ цѣловать
Уста, привыкшія къ проклятьямъ?..»
. . . . . .

XXXI

Пора! яснѣетъ ужь востокъ;
Черкесъ проснулся, въ путь готовый.
На пепелищѣ огонекъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ,
Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога
Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ,
Печалью тайной угнетенъ:
О юной дѣвѣ мыслитъ онъ...
И кто жъ коня ему подводитъ?

XXXII

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:

«Твой конь готовъ; моей рукой
Надѣта бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блеститъ кубанская насѣчка
И бурку черную ремнемъ
Я привязала за сѣдломъ;
Мнѣ это дѣло вѣдь не ново,
Любезный странникъ,—все готово.
Твой конь прекраснъ; не страшна
Ему утесовъ крутизна;
Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
Въ немъ дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Какъ камень сглаженный потокомъ;
Какъ уголь взоръ его блеститъ;
Лишь наклонись—онъ полетитъ;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
Отъ вражьей шашки и кинжала
Въ стѣни глухой, въ недобрый часъ.

XXXIII

«Но погоди въ стальное стремя
Ступать поспѣшною ногой:
Послушай, странникъ молодой,
Какъ знать? быть можетъ, будетъ время
И ты на милой сторонѣ
Случайно вспомнишь обо мнѣ;
И если чаша пированья
Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони отъ сердца поскорѣй;
Но если эта мысль родится,
Но если образъ мой приснится
Тебѣ въ страдальческую ночь—
Услышь, услышь мое моленье:
Не презирай то сновидѣнье,
Не отгоняй тѣ мысли прочь.

XXXIV

«Пріютъ нашъ малъ, зато спокоенъ;
Его не тронетъ русскій воинъ.
И что имъ взять?—пять-шесть коней
Да наши грубыя одежды?..
Повѣрь ты скромности моей,
Откроюся тебѣ: куда надежды
Тебя коварныя влекутъ?
Чего искать?—Останься тутъ,
Останься съ нами, добрый странникъ!
Я вижу ясно: ты изгнанникъ,
Ты отъ земли своей отвыкъ,
Ты позабылъ ея языкъ.
Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
И что тамъ ждетъ тебя—не знаю.
Пусть мой отецъ твердитъ порой,
Что безъ малѣйшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны—
Но мнѣ отчизна только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ.

XXXV

«Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
Опасенъ ранній хладъ вершинъ..
Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
Послушай, часъ одинъ, не болѣ
Пробудь, жестокій, близъ меня;
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжетъ,
Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ;
А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
Главу мнѣ на руку склони.
Твоихъ рѣчей услышать звуки
Еще желала бъ я хоть разъ;
Не удержу вѣдь счастья часъ,
Не прогоню вѣдь часъ разлуки?..»
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,
Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужь ѣхать онъ приготовлялся,
Но обернулся—испугался
И, состраданьемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI

«Не обвиняй меня такъ строго;
Скажи, чего ты хочешь?—слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ.
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что меня хоть малость любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ;
Щадить—мнѣ власти не дано.
И не простого человѣка
[Хотя въ одеждѣ я простой],
Утѣшься, Зара, предъ собой
Ты видишь брата Росламбека.
Я въ жертву счастье долженъ принести...
О, не жалѣй о томъ... Прости, прости!..»

XXXVII

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подковъ
Раздался, въ отдаленьи умирая.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ
Она стоитъ, безчувственно внимая,

Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою.
О Зара, Зара, краткою мечтою
Ты дорожила—гдѣ-жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другова;
Все, что прошло, ты оживляешь снова!..
По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣзда;
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ,
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожитъ и ждетъ его она—
И постепенно вѣтромъ разносимый
Все ближе, ближе топотъ—и все мимо...
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь—и близокъ онъ—и вдругъ погасъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится,
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ—волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь.

II

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно новый изгнанный народъ
Аулъ построилъ свой и ждалъ мгновенье,
Когда свершить придуманное мщенье.
Черкесъ готовитъ дерзостный набѣгъ,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбекъ,
Склонился передъ русскими смиренно;
А между тѣмъ съ отважною толпою
Станицы разорялъ во тьмѣ ночной;
И, возвратясь въ аулъ, на пиръ кровавый
Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ,
И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы.

III

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,
Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ равняться;
Не должно мыслей открывать своихъ,
Иль спрашивать у подданныхъ совѣта,
И забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта...
Старайся первымъ быть вездѣ всегда;
Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
Не трогай суевѣрій никогда
И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
Страшись сначала много успѣвать,
Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,
Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
И почиталъ нуждою—принужденья;
Умѣй отважно пользоваться всѣмъ,
И не проси никакъ вознагражденья;
Народъ ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
Не покушайся вырвать—но украдь.

IV

У Росламбека братъ когда-то былъ:
О немъ жалѣютъ шайки удалыя;
Отцомъ въ Россію посланъ Измаилъ,
И ихъ надежду отняла Россія.
Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ
Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,
Чтобъ знать законы и права чужія.
Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ
Родился Измаилъ, не пѣсенью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ:
Его баюкалъ бури вой мятежной;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза;
Въ пещерѣ темной—гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ—
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ.

V

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ,
Онъ материнской ласки не зналъ:
Не у груди—подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣты;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,

И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ;
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою...
Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстья нѣтъ о немъ..

VI

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;
И облака родныхъ небесъ
Въ мечтаньяхъ видитъ ужь черкесъ:
Тамъ лугъ душистѣй, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе;
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы...

VII

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ,
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII

Ужь скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула: темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.
На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему не нуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ—онъ пѣвецъ.
Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужь забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

IX

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ

Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жить—завидная доля
Но еще милѣе воля.
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣлъ;
Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ
Отъ него?—жена заплачетъ!
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня

Не измѣнитъ добрый конь:
Съ нимъ—и въ воду и въ огонь;
Онъ—какъ вихрь въ степи широкой
Съ нимъ—все близко, что далеко
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

X

Откуда шумъ? Кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ князь
И рядомъ съ нимъ лицо чужое.

Три уздени за ними вслѣдъ.
«Великъ Алла и Магометъ!»
Воскликнулъ князь. «Сама могила
Покорна имъ! Въ странѣ чужой
Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой.
Вы узнаете-ль Измаила?..
Между врагами онъ возросъ,
Но не призналъ онъ ихъ святыни,
И въ наши сонія пустыни
Одну лишь ненависть принесъ».

XI

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ:
Благословляя часъ свиданья,
Вкругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
На плечи маленькихъ ребятъ,
Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
На князя новаго глядятъ.
Гдѣ-жъ Росламбекъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода?—
Одинъ, забытъ, передъ огнемъ,
Поодаль, съ пасмурнымъ челомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно ли по его слѣдамъ
Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
Давно ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла?
И что же вышло?—Измаилъ,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ пріѣздомъ—и властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Вниманья черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ.
Ей все плѣнительно, что ново
«Простынетъ!» мыслитъ Росламбекъ.
Но если злобный человѣкъ
Узналъ ужь зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ее никакъ:
Ея пасмѣшливый призракъ
И днемъ и ночью духъ тревожитъ.

XII

Война! знакомый людямъ звукъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена;
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана—
Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
Вотъ удовольствія байрана!
«Смотри, какъ всякій биться радъ
За дѣло чести и свободы!..
Такъ точно было въ наши годы,
Когда насъ велъ Ахметъ-Булатъ!»
Съ улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Пора! кипятъ они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

XIII

Зима проходитъ; облака
Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
Крутясь какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего,
И бѣлыхъ путниковъ его,
Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце; такъ, порой,
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженный
Льстецовъ толпою униженной,
Груститъ о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему.

XIV

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той:
Изъ камней и деревъ громада
Аргуну давитъ подъ собой.
Къ аулу нѣтъ пути иного;
И мыслятъ горцы: «Врагъ лихой!
Тебѣ могила ужь готова!»
Но прямо врагъ идетъ на нихъ,
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играетъ.
— И Росламбекъ совѣтъ сзываетъ.
Онъ говоритъ: «Въ тиши ночной
Мы нападемъ на ихъ отряды,
Какъ упадаютъ водопады
Въ долину сонную весной...
Погибнутъ молча наши гости

И ихъ разбросанныя кости,
Добыча врановъ и волковъ,
Сгніютъ, лишенныя гробовъ.
Межъ тѣмъ, съ боязнію лукавой
Начнемъ о мирѣ договоръ,
И втайнѣ местію кровавой
Омоемъ долгій нашъ позоръ...»

XV

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но не согласенъ Измаилъ.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я не разбойникъ потаенный;
Я видѣть, видѣть кровь люблю;
Хочу, чтобъ мною пораженный
Зналъ руку грозную мою!
Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
И даже болѣе, чѣмъ ты;
Но подъ покровомъ темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной странѣ,
Иную славу надо мнѣ!..»
И поединка ожидали
Межъ братьевъ молча удени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ—всѣ еще молчали...

XVI

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;
Тебя злой духъ, гласитъ преданье,
Построилъ дерзостной рукой.
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межъ небомъ и землей.
Здѣсь, три столѣтья очарованъ,
Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
Когда, надменный, съ новыхъ скалъ
Стрѣлой Пророку угрожалъ.
Какъ буркой, сѣдинкомъ покрыта,
Сосѣднихъ горъ она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохомъ, ни кустами
Не зарастаетъ никогда;
Нестрѣя чудными слѣдами,
Она ведетъ Богъ-вѣсть куда.
Олень съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хмѣлемъ и плющомъ,
Лежитъ полуобъятый сномъ;
И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
И чуетъ близкаго врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свѣжестью подышитъ,
Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ
И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
Черезъ утесъ—и вотъ онъ мчится,
Терновъ колючихъ не боится
И хмѣль коварный грудью рветъ—
Но, вольный путь пересѣкая,
Предъ нимъ тропинка роковая...
Никѣмъ незримая рука
Царя лѣсовъ остановляетъ,
И онъ, какъ гибель ни близка,
Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII

Кто жъ подъ ужасною горой
Зажегъ огонь сторожевой?
Треща, краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ.
На камень голову склоняя,
Лежитъ подаль Измаилъ.
Его приверженцы хотѣли
Идти за нимъ—но не посмѣли.

XVIII

Вотъ что ему родной готовилъ край!
Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата,
Но люди, люди—что природа имъ?
Едва успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
Ужь клевета и зависть—все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За что бъ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья ль созданъ Измаилъ?
Бываютъ люди: чувства—имъ страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ;
Но гордый камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами...
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ—и сгладится ихъ слѣдъ.
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

ИЗМАИЛЪ-БЕЙ

Свой путь въ горахъ я потерялъ,
Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили...

XIX

«Безсмысленный! зачѣмъ отвергнутъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?
Все прежнее, незнаемый мой волей,
Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ,
Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ—и нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходятъ укоряющей толпой.
Ты жмешь ей руку; грудь ея и плечи
Цѣлуешь въ упоеньи; ласки, рѣчи,
Исполненныя счастья и любви.
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
Волшебный взоръ—все предъ тобой, какъ было
Еще недавно; всѣ мечты твои
Такъ вѣроятны, что душа боится,
Не вѣря имъ, вторично ошибиться...
А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?»
Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
Вдругъ выстрѣлъ, два, и много... онъ вскочилъ,
И слушаетъ... но все утихло снова...
И говоритъ онъ: «это сонъ больнова!»

XX

Души волненьемъ утомленъ,
Опять на землю князь ложится,
Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что же? Призракъ видитъ онъ:
Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой,
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
Печальный, блѣдный и худой.
Спросить хотѣлось Измаилу:
Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
И свѣтъ дрожащаго огня,
Упавъ на смуглыя ланиты,
Черкесу придалъ видъ сердитый.
— Чего ты хочешь отъ меня?
«Гостепріимства и защиты!»
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
«Свой путь въ горахъ я потерялъ,
Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
И казаковъ моихъ убили,
И вѣрный конь подъ мною палъ.
Спасти, убить врага почнова
Равно ты можешь. Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!»
— Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь—садись и грѣйся.

XXI

Тиха, прозрачна ночь была,
Свѣтила на небѣ блистали,
Луна за облакомъ спала,
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали
У князя новыя мечты:
Онѣ ему напоминали
Давно знакомыя черты.
То не игра воображенья!
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
— Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой.
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бѣдны мы, и волю,
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши парядной;
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смѣлѣй:
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ,
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?

XXII

«Ты ошибаешься, черкесъ!»
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
«Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
И водопадъ, и темный лѣсъ;
Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
Встрѣчаю пышную зарю;
И ваше племя я люблю,
Но одного я ненавижу:
Черкесъ онъ родомъ, не душой,
Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой—
Себѣ, иль князю Измаилу
Клялся я здѣсь найти могилу...
Къ чему опять ты мрачный взоръ
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мнѣ укоръ;
Но выслушай, ты все узнаешь,
И самъ досадой запылаешь...

XXIII

«Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ;
Но, образованный, межъ нами,
Родными бродилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ виденъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной негой отзывался;

Для нашихъ женщинъ онъ былъ ядъ!
Воспламенивъ ихъ воображенье,
Повелѣвалъ онъ безъ труда,
И за проступокъ—наслажденье
Не почиталъ онъ никогда;
Не знаю, было то презрѣнье
Къ законамъ стороны чужой,
Или испорченныя чувства...
Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился, какъ игрой;
Но избѣжать его искусства
Не удалося ни одной.

XXIV

«Черкесъ! видалъ я зрѣлъ прекрасныхъ
Свободы нѣжныхъ дочерей:
Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
Ты не любилъ!.. Ни словъ опасныхъ
Ни устъ волшебныхъ не знавалъ;
Кудрями дѣвы золотыми
Ты въ упоеньи не игралъ;
Ты клятвамъ страсти не внималъ
И не былъ ты обманутъ ими...
Но я любилъ! судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно къ безднѣ подводила...
И ждалъ я счастливаго дня!
Своей невѣстой дорогою
Я смѣлъ ужь ангела назвать,
Невинными ласкамъ отвѣчать
И съ райской дѣвой забывать,
Что рая нѣтъ ужь подъ луною.
И вдругъ ударилъ страшный часъ—
Причина долголѣтней муки:
Призывъ войны, отчизны гласъ,
Раздался вѣстникомъ разлуки.
Какъ дымъ, разсѣялись мечты...
Тотъ день я буду помнить вѣчно...
Черкесъ, черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
Ни съ кѣмъ не разставался ты...

XXV

«Въ то время Измаилъ случайно
Невѣсту увидалъ мою,
И страстью запылалъ онъ тайно.
Межъ тѣмъ, какъ въ дальнемъ я краю
Искалъ въ бояхъ конца иль славы—
Сластолюбивый и лукавый,
Онъ сердце дѣвы молодой
Опуталъ сѣтью роковой.
Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
Къ себѣ довѣренность вселять,
Насмѣшкой скромность побѣждать
И, побѣждая, видъ покорный
Хранить—иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать предъ ней!..
Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
Ея желанья; вѣдалъ онъ,
Что быть не могъ ея супругомъ,
Что раздѣлятъ ихъ нашъ законъ—
И обольщенная упала
На грудь убійцы своего!
Кромѣ любви, она не знала,
Она не знала ничего...

XXVI

«Но скоро скуку пресыщенья
Постигъ виновный Измаилъ.
Таиться не было терпѣнья,
Когда погасъ минутный пылъ;
Оставилъ жертву обольститель
И удалился въ край родной,
Забывъ, что есть на небѣ мститель,
А на землѣ еще другой!
Моя рука его отыщетъ
Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой
И казни грозной мечъ просвищетъ
Надъ непреклонной головой.
Пусть ликъ одежда измѣнятъ:
Не взоръ—душа врага узнаетъ!..

XXVII

«Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
Какъ справедлива месть моя.
Ужь на устахъ твоихъ проклятья!
Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ!..
О, если бъ могъ пересказать я,
Изобразить ужасный часъ,
Когда прелестное созданье
Я въ униженьи увидалъ
И безотчетное страданье
Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!..
Она разсудокъ потеряла:
Рядилась, пѣла и плясала,
Иль, сидя молча у окна,
По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,
Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
Ждала измѣнника она.
Вся жизнь погибшей дѣвы милой
Остановилась на быломъ;
Ея безумье даже было
Любовь къ нему и мысль о немъ...
Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!..»
И долго русскій говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну.
Его не слушалъ Измаилъ.
Лишь знаетъ онъ да Богъ единый,
Что подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
[Хоть сердце гордое и взгляды

Не ждали отъ небесъ отрады],
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ та земля и мрачный и нѣмой.

XXVIII

Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные:
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?—
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стóятъ тѣхъ минутъ.
Лишь дунетъ вихрь—и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея.
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ:
Все въ мірѣ есть—забвенья только нѣтъ..

XXIX

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана,
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарей,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечтою...
И по челу провелъ рукою;
Но грусть—жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

XXX

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ.
Не зная думать что о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожитъ все: то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица
Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ,
Они все ниже, ниже сходятъ
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ, нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли—
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужь вдали.
Тогда черкесъ остановился,
За руку путника схватилъ—
И—кто-бы, кто не удивился!—
По-русски съ нимъ заговорилъ.

XXXI

«Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти въ шатры свои;
Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
Ты хочешь потопить въ крови
Свою печаль! Страшись; быть можетъ,
Раскаянье прибавишь къ ней,
Болѣзни этой не поможетъ
Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ
Ты губишь прелесть юныхъ дней.
Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужь рокомъ!
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя-бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбой;
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри-жъ: онъ здѣсь, передъ тобой!»
И съ видомъ гордаго презрѣнья
Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скалъ...
И долго русскій безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопанный, стоялъ.

XXXII

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ,
Расположась военнымъ станомъ,
Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вкругъ огней своихъ.
Они любили Измаила:
Съ нимъ вмѣстѣ слава, иль могила,
Имъ все равно, лишь только бъ съ нимъ!
Но не могла бъ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбекъ
[Таковъ повсюду человѣкъ]!

XXXIII

Сидятъ наѣздники безпечно,
Курятъ турецкій свой табакъ,
И князя ждутъ они. «Конечно,
Когда исчезнетъ ночи мракъ,
Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
Смиритъ враждебныя дружины,
И вздрогнутъ передъ нимъ они,
Какъ Росламбекъ и уздени!»

Такъ, пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

XXXIV

Безмолвно, грустно, въ сторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ—
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ тайный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,
Не разъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,
Чтобъ раздѣлить съ нимъ—хоть могилу.
Увы! такая ли рука
Въ куски изрубитъ казака?
Такой ли взоръ, стыдливый, скромный,
Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
Зачѣмъ онъ здѣсь, и ночью темной
Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Но трудно бъ было отгадать,
Когда бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже
Хранитъ причину отъ людей
Своихъ надеждъ, своихъ страстей.
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланитъ, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесъ! и западъ и востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ—и скажешь самъ надменно:
«Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
Настанетъ часъ—и новый, грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ.

II

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты,
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей;
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою;
Но жены горъ не съ женскою душою:
За пояѣлуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ—
Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ.
«Отмсти, товарищъ!»—и въ одно мгновенье
[Достойное за смерть убійцѣ мщенье]
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ—черкесской вольности костеръ.

III

Въ аулѣ дальнемъ Росламбекъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объятъ,
Но у него коварныя есть думы—
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жъ Измаилъ?—Безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ полки ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;
Но отдохнуть черкесы не даютъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Они, какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то жъ мгновенье.

IV

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ,
И не плѣнялся именемъ героя:
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ.
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его бы не желалъ онъ воскресить:
И не родной аулъ—родныя скалы
Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить.

V

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...
Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцвѣтной;
Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могилъ
Передъ кончиной разыгрался,
И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ
Скользнулъ огнистой полосою,

Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ,
Недвижныхъ также — но живыхъ...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI

Одинъ... такъ точно — Измаилъ.
Безвѣстной думой угнетаемъ,
Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ,
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота, ни пени
Не слышалъ на его устахъ...
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ —
И веселъ трудъ ему и страхъ.

VII

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой;
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жестко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ,
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса, иль конь сомнетъ

VIII

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Взволнована; полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ онъ склонился:
Быть-можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.
«Ты могъ забыть?.. Любви ненужно...
Одной лишь нѣжности наружной...
Оставь же!» сонный говорилъ.
— Кого оставить? — князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
Онъ продолжалъ: «Къ чему сомнѣнье?
На всемъ лежитъ его презрѣнье...
Увы! что значатъ передъ нимъ
Простая дѣва, иль Селимъ?
Такъ будетъ вѣчно между нами...
Зачѣмъ безцѣнными устами
Онъ это имя освятилъ?»
— Не я ль? — подумалъ Измаилъ;
И, погодя, онъ слышитъ снова:
«Ужасно, Боже! для дѣтей
Проклятіе отца роднова,
Когда на склонѣ позднихъ дней
Оставленъ ими... но страшнѣй
Его слеза!..» Еще два слова
Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощанья,
И улетѣлъ. — Изъ состраданья,
Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX

И, вздрогнувъ, юноша проснулся,
Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,
Когда онъ ясно увидалъ,
Что на колѣняхъ друга спалъ.
Но, покраснѣвши, сновидѣнье
Пересказать стыдился онъ,
Какъ будто бы лукавый сонъ
Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
Не отвѣчая на вопросъ
[Примѣта явная печали],
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ
И, наконецъ, двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблистали:
И, съ быстротой отворотясь,
Онъ слезы осушилъ рукою...
Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
Но не смутился онъ душою,
И приписалъ онъ простотѣ,
Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ
Печалей сладостныхъ любви,
И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои?

X

Не знаю... но въ другихъ онъ чувствъ
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.

Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ — и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему...
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль — все призракъ ложный;
Гдѣ память о добрѣ и злѣ — все ядъ;
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ...

XI

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ..
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль,
Желтѣя, поднялась въ лощинѣ,
И крикъ черкесовъ по зарѣ
Гудитъ, теряясь въ пустынѣ...
Селимъ все слышалъ на горѣ;
Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:
«Они! они!» онъ восклицаетъ,
И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой —
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, если бъ два копя столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли бъ впередъ идти.

XII

Толпа джигитовъ *) удалая,
Передъ горой остановясь,
Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь —
И все утихло; уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе — не страхъ;
Не власть его основа — мнѣнье.
«Какія вѣсти?» — Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю;
Имъ льститъ и бѣдность нашихъ странъ!
Ихъ много! «Кто не любитъ волю?»
Молчатъ. «Такъ дайте жъ отдохнуть
Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
Въ бою мы рады лечь костями;
Чего же лучшаго намъ ждать?
Но въ цвѣтѣ жизни умирать...
Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!..»

*) Наѣздники.

XIII

Блѣднѣетъ юноша, и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
«Нѣтъ, говоритъ онъ, я повсюду,
Въ изгнаньѣ, въ битвѣ — спутникъ твой;
Нѣтъ! клятвы я не позабуду —
Угаснуть или жить съ тобой.
Не робокъ я подъ свистомъ пули —
Ты видѣлъ это, Измаилъ!
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною былъ.
И съ твоего чела не я ли
Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бѣжали,
Чьи рѣчи, ласки прогоняли
Суровый мракъ твоей печали?
Мои слова, моя любовь...
Возьми, возьми меня съ собою!
Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
Могу... И что мнѣ смерть! О, нѣтъ!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;
Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ, —
Но не оставлю Измаила!»

XIV

Взглянулъ на небо молча князь,
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ.
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда бъ не скрылся онъ опять...

XV

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони
Въ пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ, красивѣя; погруженъ
Въ мечтанье горестное онъ —
И отъ страстей, какъ отъ недуга,

Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: «Наверно,
Тебя терзаетъ духъ пещерной!
Дай, пѣсню я тебѣ спою;
Нерѣдко дѣва молодая
Ее поетъ въ моемъ краю,
На битву друга отпуская.
Она печальна; но другой
Я не слыхалъ въ странѣ родной;
Ее пѣвала мать родная
Надъ колыбелью моей.
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навѣютъ звуки
Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней».
Селимъ запѣлъ—и ночь кругомъ внимаетъ,
И пѣсню ей пустыня повторяетъ:

ПѢСНЯ СЕЛИМА

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:

«Мой милый! смѣлѣе
Ввѣряйся ты року,
Молися востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Любви будь вѣрнѣе!

«Всегда награжденъ,
Кто любитъ до гроба;
Ни зависть, ни злоба
Ему не законъ;
Пускай его смертъ и погубитъ:
Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!

«Любви измѣнившій—
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши—
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ
И звѣри костей не зароютъ!»

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.

—

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
Воскликнулъ князь: «зачѣмъ упрекъ?..
Тебя ль послушаетъ Пророкъ?..
Тамъ, облитъ кровью, въ битвѣ шумной,
Твои слова я заглушу,
И разорву ея оковы,
И память въ сердцѣ удушу...
Вставайте!.. Какъ? Вы не готовы?..
Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!..
Друзья, коней!.. Вы не слыхали?
Удары, топотъ, визгъ ядра,
И крикъ, и трескъ разбитой стали
Я слышалъ... О, не пой, не пой!
Тронь сердце, какъ дрожитъ! И что же?
Ты недовольна?.. Боже, Боже!..
Зачѣмъ казнить ея рукой?..»
Такъ рѣчь его оторвалася
Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.
Неровнымъ трепетнымъ огнемъ
До половины освѣщенный,
Ужасенъ съ шашкой обнаженной,
Стоялъ недвижимъ Измаилъ,
Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
Волшебнымъ словомъ пробужденный.
Онъ взоръ всей силой устремилъ
Въ пустую степь, грозилъ рукою,
Чему-то страшному грозилъ:
Иначе, какъ бы Измаилъ
Смутиться твердой могъ душою?—
И понялъ, наконецъ, Селимъ,
Что витязь говорилъ не съ нимъ...
Неосторожный! онъ коснулся
Душевныхъ струнъ—и звукъ проснулся,
Разторгнувъ хладную тюрьму...
И самъ искусству своему
Селимъ невольно ужаснулся...

XVI

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей...
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье—
Все дышитъ буйствомъ и войной;
Во всемъ приличія незнанье,
Отвага дерзости слѣпой.

XVII

Свѣтлѣетъ небо полосами;
Заря межъ синими рядами
Ревнивыхъ тучъ ужь занялась.
Вдоль по лощинѣ ѣдетъ князь;
За нимъ черкесы цѣпью длинной.
Признаться, конь по сѣдоку:
Бѣжитъ—и будто вѣтръ пустынный,
Скользящій шумно по песку,—

Крутится, вьется на-скаку;
Онъ бѣлъ какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтить могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворный ѣдетъ рядомъ,
На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойной
Плыветъ отважно и спокойно
И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимый,
Какъ черный лоскутъ мчится мимо;
Но какъ ни бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ.

XVIII

Ужь близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?..
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
И пушекъ голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою:
«Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»
Сказалъ и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель;
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой,
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ,
Ихъ часовые увидали—
И пушка грянула по нимъ.
И витязи спѣшатъ навстрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ
Они поддерживали сѣчу,
Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужь становился:
Одинъ подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось—надежды нѣтъ;
Черкесъ, читай свои молитвы!
Въ крови твой шелковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы...
Вдругъ пыль и крикъ—онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не безполезный!
Глядятъ, и видятъ—надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX

Недолго Измаилъ стоялъ:
Вздохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами виденъ сталъ,
Вездѣ, налѣво и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ:
Не видятъ блескъ ея враги
И беззащитно умираютъ.
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь;
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули,
Но чтожъ? Его хранитъ Пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ, погибель разсыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той...

XXI

Далеко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлый трамскихъ табуновъ,
Разсѣдланный, хладѣя постепенно,
Лежалъ издохшій конь—и передъ нимъ,
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесъ. Соратника лишенный,
Крестомъ сжавъ руки и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ.
Его печаль—была печаль героя.
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подскакалъ Селимъ
[Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы].

XXII

— Бѣда,—сказалъ онъ:—князя не видать!
Куда онъ скрылся? «Если хочешь знать,
Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
Гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе,
Гдѣ кровью облитъ мертвый и живой,
Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.

ИЗМАИЛЪ-БЕЙ

— Свидѣтель Богъ—не я тому виной!..—
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла...

Онъ тамъ... Смотри: летитъ какъ съ неба пламя.
Его шишакъ и конь—вотъ наше знамя!
Онъ тамъ, какъ духъ, разитъ и невредимъ,
И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!»
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лесть была чужда стезей свободы.

XXIII

Кто этотъ русскій съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ;
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И казаковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила—и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ... напрасно; обманулся
Его свинецъ!—но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: «Ты вновь передо мной!..
Свидѣтель Богъ—не я тому виной!..»
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла,
И отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова, и конь ретивый,
Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало,
И миръ ему! въ единый мигъ оно
Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено.

XXIV

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки;
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки.
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ вослѣдъ,
И никому пощады нѣтъ.
Но чтожъ? Побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ нежданый громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услышавъ издалеча,
Направя синіе штыки,
Спѣшатъ ширванскіе полки...
На встрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за поводъ коня схватилъ
Черкесъ, и съ горы за собою—
Какъ ни противился сѣдокъ—
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго движенья
Среди всеобщаго смятенья
Не упустилъ младой Селимъ:
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызетъ.
Жизнь побѣжденнымъ не награда...
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнится, ихъ не узнаетъ.

XXV

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастье
Къ другому міру, хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластье,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
Душа и мысли улетаютъ
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣни прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣньемъ охлажденный,
И споритъ съ рокомъ пріученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ,
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ—побѣдить.
И, зная собственную силу,
Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу.

XXVI

Онъ раненъ; кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышитъ;
Одинъ Селимъ не отстаетъ:
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
Боязни блѣдность на челѣ;
Онъ очи, полныя слезами,

Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее «прости»
Его бы съ жизнью разлучило.
Будь передъ міромъ онъ злодѣй —
Что для любви слова людей?
Что ей небесъ опредѣленье?
Нѣтъ, охладить любовь—гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло.

XXVII

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони
Между проваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой;
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И безполезная рука
Ужь не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шапки задѣвая;
И съ неприступной высоты,
На новыхъ путниковъ взирая,
Черпѣетъ серна молодая...
Налѣво—пропасть; по краямъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Внизу, свирѣпъ и одинокъ,
Никѣмъ невѣдомый потокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремучею волной;
То блещетъ бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Какъ двѣ семьи враждебный геній—
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синій небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желаніе и взглядъ
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ:
Змѣиная въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И, мнится, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ.

XXVIII

Ужь полдень. Измаилъ слабѣетъ...
Палитъ солнце высоко...
Но есть надежда: дымъ спѣетъ.
Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ кустарникомъ прикрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то мрачнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
Аргуны воды голубыя,
Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
Достигнутъ поворотъ желанный;
Вотъ и вѣнецъ горы туманной,
Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой,
И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упалъ всей тяжестью своей.

XXIX

И всадникъ, кровью истекая,
Лежалъ безъ чувства на землѣ;
Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ;
Казалось, часъ его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать прахъ.
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
Склонясь въ отчаяньи надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ падшимъ гнется алтаремъ—
Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
Но сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одномъ.
И еслибъ страшное мгновенье
Всѣ мысли не убило въ немъ,
Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ бы Провидѣнье...

XXX

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ
Все неподвижно передъ нимъ.
Зоветъ—и тучка дождевая
Летитъ на зовъ его одна,
Но вѣтру крылья простирая,
Какъ смерть темна и холодна.
Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
Одѣла путниковъ она,
И юноша въ испугѣ новомъ!
Прижавшись къ другу съ быстротой:
«О, пощади его... постой!»

Воскликнулъ онъ: «я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишить
Того, кого люблю такъ страстно,
Кого слабѣй нельзя любить;
Ступай, ищи другихъ по свѣту;
Всѣ жертвы бога твоего!..
Ужель меня несчастнѣй нѣту,
И нѣтъ виновнѣе его?»

XXXI

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
Хотя не понялъ онъ моленій,
Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ —
Онъ былъ далеко. Освѣженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся блѣдный Измаилъ,
Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
Онъ слабъ: другую ищетъ руку
Его дрожащая рука;
И, каждому внимая звуку,
Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
И все, что близко, отдаленно,
Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...
Гдѣ жъ другъ послѣдній, гдѣ Селимъ?
Глядитъ... и что же передъ нимъ?
Глядитъ... уста оледенѣли,
И мысли зрѣньемъ овладѣли...
Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!

XXXII

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ:
Раскрылась грудь, на шелковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ —
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ.
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О, небо, небо! есть ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
Оставить — страшно, уничтожить — жаль?
Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая
Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ ли она,
И любитъ ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцѣловалъ онъ нѣжныя ланиты —
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила;
Смущаютъ Зару ласки Измаила;
Но сердцу — какъ ума не соблазнить?
И какъ любви — стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи — пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли — святыня
И только для людей порокъ она;
Во всей природѣ дышитъ сладострастье
И только люди покупаютъ счастье.

Прошло два года. Все кипитъ война;
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знойный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.
Казалося, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь.
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуетъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная сокрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось
Какимъ владѣть онъ недостоинъ былъ
Измѣна ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости» съ слезами муки
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ —
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ?
Кто бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?

Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ, на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?
О чемъ бы онъ ни думалъ — Западъ дальній
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія воспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...

Но что за выстрѣлъ?.. Дымъ [illegible] бѣлый,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злод[illegible]
Съ свинцомъ въ груди, простер[illegible],

Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окруженъ, любимецъ брани
Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На насмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ; и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа оторгнулась отъ тѣла—
Его лица оставить не успѣла.
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный;
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой:
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной...

Гремучій ключъ катился невдали.
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнутъ ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотятъ...
Но почему ихъ омрачился взглядъ?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отвернулись?
Зачѣмъ?.. Какой-то локонъ золотой
[Конечно талисманъ земли чужой]
Подъ грубою одеждою измятый,
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
Блистали на груди у мертвеца...
— «И кто бы отгадалъ!—джяуръ проклятый!
Чѣтъ, ты не стоилъ лучшаго конца;
Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный—Измаилу
Отступнику, не выроетъ могилу!..
Того, кто презиралъ людей и рокъ
Кто смертію игралъ такъ своенравно,
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой Пророкъ!
Пусть, не оплаканъ, онъ сгніетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!..»

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Въ большомъ аулѣ подъ горою
Близъ саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою
Сидятъ.—О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,
И съ ними какъ дрался казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали
Курятъ безпечно свой табакъ,
И дымъ, вія, летитъ надъ ними...
Иль стукнувъ шашками своими,
Пѣснь горцевъ громко запоютъ.
Иные на коней садятся,
Но передъ тѣмъ какъ разставаться,
Другъ другу руку подаютъ.

II

Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ: но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль;
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутитъ,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. Лѣсъ молчитъ,
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ,
Или коней табунъ игривый
Молчанье дола возмутитъ.

III

Лежалъ цвѣтовъ коверъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по кремнямъ.
Черкешенки къ нему сбѣжались,
Водою чистой умывались;
Со смѣхомъ младости простымъ
На дно прозрачное иныя
Бросали кольца дорогія,
И къ волосамъ своимъ густымъ
Цвѣты весенніе вплетали;
Глядѣлися въ зерцало водъ,—
И лица ихъ въ немъ трепетали;
Сплетаясь въ тихой хороводъ
Восточны пѣсни напѣвали;
И близъ аула, подъ горой
Сидѣли рѣзвою толпой.
И звуки пѣсни произвольной
Ушелья вторили невольно.

IV

Послѣдній солнца лучъ златой
На льдахъ сребристыхъ догораетъ,
И Эльборусъ своей главой
Его, какъ туча, закрываетъ
Ужъ раздалось мычанье стадъ,
И ржанье табуновъ веселыхъ,
Они съ полей идутъ назадъ.
Но что за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! то плѣнники младые!
Утративъ годы золотые,

Въ пустынѣ горъ, въ глуши лѣсовъ,
Близъ Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Воспоминая то, что было,
И что не будетъ никогда!
Какъ счастье тщетно ихъ ласкало
Какъ оставляло наконецъ,
И какъ оно мечтою стало...
И нѣтъ къ нимъ жалостныхъ сердецъ!
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Слилось все, какъ въ мутномъ снѣ.
Души не чувствуя, они
Ужь видятъ гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!
Исчезли сердца упованья!
Въ однѣхъ слезахъ, въ одномъ страданьи
Отраду зоятъ они свою.

V

Надежды нѣтъ имъ возвратиться;
Но сердце поневолѣ мчится
Въ родимый край. Они душой
Тонули въ думѣ роковой.
. . . . . .
Но пыль взвивалась надъ холмами
Отъ стадъ и борзыхъ табуновъ;
Они усталыми шагами
Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула,
Природа шумная уснула;
Лишь слышенъ дѣвъ издалека
Напѣвъ унылый. Вторятъ горы
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтный ручейка:

ПѢСНЯ

Какъ сильной грозою
Сосну вдругъ согнетъ,
Произенный стрѣлою
Какъ левъ зареветъ:
Такъ русскій средь бою
Предъ нашимъ надетъ,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшнѣй не трепещетъ
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.

Внимали плѣнники уныло
Печальной пѣснѣ сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно ныло..,
Ведутъ черкесы къ саклѣ ихъ
И, привязавши у забора,
Ушли. Межъ нихъ огонь трещитъ;
Но не смыкаетъ сонъ ихъ взора,
Не могутъ горесть дня забыть...

VI

Льетъ мѣсяцъ томное сіянье.
Черкесы храбрые не спятъ, —
У нихъ шумливое собранье:
На русскихъ нападать хотятъ.
Вокругъ осѣдланные кони,
Серебряныя блещутъ брони;
На каждомъ лукъ, кинжалъ, колчанъ,
И шашка на ремняхъ наборныхъ,
Два пистолета и арканъ,
Ружье; и въ буркахъ, въ шапкахъ черныхъ
Къ набѣгу старъ и младъ готовъ,
И слышенъ топотъ табуновъ.
Вдругъ пыль взвилася надъ горами,
И слышенъ стукъ издалека;
Черкесы смотрятъ: межъ кустами
Гирея видно, ѣздока!

VII

Онъ понуждалъ рукой могучей
Коня, приталкивалъ ногой,
И влекъ за нимъ арканъ летучій
Младова плѣнника собой.
Гирей приблизился. Веревкой
Былъ связанъ русскій, чуть живой;
Черкесъ спрыгнулъ; рукою ловкой
Разрѣзывалъ канатъ. Но онъ
Лежалъ на камнѣ, — смертный сонъ
Леталъ надъ юной головою...
. . . . . .
Черкесы скачутъ ужь — какъ разъ
Сокрылись за горой крутою;
Урокомъ бьетъ полночный часъ.

VIII

Отъ смерти лишь изъ сожалѣнья
Младова русскаго спасли;
Его къ товарищамъ снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидѣли близъ него всю ночь...
. . . . . .
И блѣдный ликъ, въ крови омытый,
Горѣлъ въ щекахъ. Онъ чуть дышалъ,
И, смертнымъ холодомъ облитый,
Протянувшись на травѣ лежалъ.

IX

Ужъ полдень, прямо надъ аломъ,
На свѣтло-синей высотѣ,
Сіялъ въ обычной красотѣ.
Сливался съ протяжнымъ гуломъ
Стадовъ черкесскихъ по полямъ
Дыханье вѣтерковъ проворныхъ
И ропотъ ручейковъ нагорныхъ,
И пѣнье птичекъ по кустамъ.
Хребта Кавказскаго вершины
Пронзали синеву небесъ,
И оперялъ дремучій лѣсъ
Его зубчатыя стремнины.
Обложенъ ступенями горъ,
Расцвѣлъ узорчатый коверъ;
Тамъ подъ столѣтними дубами,
Въ тѣни, окованный цѣпями,
Лежалъ нашъ плѣнникъ на травѣ.
Въ слезахъ склонясь къ младой главѣ,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить.
(Но ахъ! утраченнаго счастья
Никто не могъ ужъ возвратить!..)
. . . . . .
Вотъ онъ, вздохнувши, приподнялся
И взоръ его ужъ открывался!
Вотъ онъ взглянувъ, затрепеталъ...
Онъ съ незабытыми друзьями!
Онъ, вспыхнувъ, загремѣлъ цѣпями
Ужасный звукъ все, все сказалъ!
Несчастный залился слезами,
На грудь къ товарищамъ упалъ
И горько плакалъ и рыдалъ.

X

Счастливъ еще: его мученья
Друзья готовы раздѣлять
И вмѣстѣ плакать и страдать.
Но кто сего ужъ утѣшенья
Лишенъ всей жизни слезъ и бѣдъ,
Кто въ цвѣтѣ юныхъ пылкихъ лѣтъ
Лишенъ того, чѣмъ сердце льстило,
Чѣмъ счастье издали манило
(И если годы унесли
Пору цвѣтовъ) искать какъ прежде
Минутной радости въ надеждѣ,—
Пусть не живетъ тотъ на землѣ.

XI

Такъ плѣнникъ мой съ родной страною
Почти навѣкъ «прости!» сказалъ,
Терзался прошлою мечтою,
Ея мѣста воспоминалъ:
Гдѣ онъ провелъ златую младость,
Гдѣ испыталъ и жизни сладость.
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ зналъ веселье и страданье,
Гдѣ онъ, несчастный, погубилъ
Святыя сердца упованья...
. . . . . .

XII

Онъ слышалъ слово: навсегда!
И, обреченный тяжкой долѣ,
Почти дружился онъ съ неволей.
Съ товарищами иногда
Онъ пасъ черкесскія стада;
Глядѣлъ онъ съ ними, какъ лавины
Катятся съ горъ и какъ шумятъ,
Какъ лавой снѣжною блестятъ,
Какъ ими кроются долины;
Хотя цѣпями скованъ былъ,
Но часто къ Тереку ходилъ.
И слушалъ онъ, какъ волны воютъ,
Подошвы скалъ угрюмыхъ роютъ,
Текутъ средь дебрей и лѣсовъ...
Смотрѣлъ, какъ въ высотѣ холмовъ
Блестятъ огни сторожевые;
И какъ вокругъ нихъ казаки
Глядятъ на мутный токъ рѣки,
Склонясь на копья боевыя.
Ахъ, какъ желалъ бы тамъ онъ быть!
Но цѣпь мѣшала переплыть.

XIII

Когда же полдень надъ главою
Горѣлъ въ лучахъ, то плѣнникъ мой
Сидѣлъ въ пещерѣ, гдѣ отъ зною
Онъ могъ сокрыться. Подъ горой
Ходили табуны. Лежали
Въ тѣни другіе пастухи,
Въ кустахъ, въ травѣ и близъ рѣки,
Въ которой жажду утоляли...
И тамъ-то плѣнникъ мой глядитъ,
Какъ иногда орелъ летитъ,
По вѣтру крылья простираетъ,
И, видя жертвы межъ кустовъ,
Когтьми хватаетъ вдругъ и вновь
Ихъ съ крикомъ кверху поднимаетъ...
Такъ!—думалъ онъ:—я жертва та,
Котора въ пищу имъ взята».

XIV

Смотрѣлъ онъ также, какъ кустами
Иль синей степью, по горамъ,
Сайгаки съ быстрыми ногами
По камнямъ острымъ, по кремнямъ,
Летятъ, стремнины презирая...
Иль какъ олень и лань младая,
Услыша пѣнье птицъ въ кустахъ,

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ

Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой .

Со скалъ, не шевелясь, внимаютъ—
И вдругъ внезапно исчезаютъ,
Взвивая вверхъ песокъ и прахъ.

XV

Смотрѣлъ, какъ горцы мчатся къ бою,
Иль скачутъ смѣло надъ рѣкою.
Остановились. Лошадей
Толкаютъ смѣлою ногою...
И вдругъ, припавъ къ лукѣ своей,
Близъ береговъ они мелькаютъ,
Стремятъ—и, снова поскакавъ,
Съ утеса падаютъ стремглавъ
И шумно въ брызгахъ исчезаютъ.
Потомъ плывутъ и достигаютъ
Уже противныхъ береговъ;
Они ужь тамъ, и въ тьмѣ лѣсовъ
Себя отъ казаковъ скрываютъ...
Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у рѣки
Сѣдою пѣной забѣлѣли!
Смотрите, враны на дубахъ
Вострепенулись, улетѣли,
Сокрылись съ крикомъ на холмахъ!
Черкесы путника арканомъ
Въ свои ущелья завлекутъ
И, скрытые ночнымъ туманомъ,
Оковы, смерть вамъ принесутъ.

XVI

И часто, отгоняя сонъ,
Въ глухую полночь смотритъ онъ,
Какъ иногда черкесъ чрезъ Терекъ
Плыветъ на вѣрномъ тулукѣ.
Бушуютъ волны на рѣкѣ,
Въ туманѣ виденъ дальній берегъ.
На шеѣ предъ нимъ висятъ кругомъ
Его оружія стальныя:
Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевыя;
И шашка острая, ремнемъ
Привязана, звенитъ на немъ.
Какъ точка въ волнахъ онъ мелькаетъ—
То виденъ вдругъ, то исчезаетъ..
Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ:
Бѣда безпечнымъ казакамъ!
Не зрѣть ужь имъ родного Дона,
Не слышать колоколовъ звона!
Уже чеченецъ подъ горой,
Желѣзная кольчуга блещетъ;
Ужь лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
Ударъ несется роковой...
Казакъ! казакъ! увы, несчастный!
Зачѣмъ злодѣй тебя убилъ?
Зачѣмъ же твой свинецъ опасный
Его такъ быстро не сразилъ?..

XVII

Такъ плѣнникъ бѣдный мой унылый,
Хоть самъ подъ бременемъ оковъ,
Смотрѣлъ на гибель казаковъ.
Когда-жъ полночное свѣтило
Восходитъ, близъ забора онъ
Лежитъ въ аулѣ. Тихій сонъ
Лишь рѣдко очи закрываетъ.
Съ товарищами вспоминаетъ
О милой той родной странѣ,
Груститъ, но больше чѣмъ они...
Оставивъ тамъ залогъ прелестный,
Свободу, счастье, что любилъ,
Пустился онъ въ край неизвѣстный,
И... все въ краю томъ погубилъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XVIII

Однажды, погружась въ мечтанье,
Сидѣлъ онъ поздною порой.
На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный,
Лежалъ на зелени холмовъ;
И тѣни шаткія деревъ,
Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
Черкесской сакли прилегли.
Въ ней огонекъ уже зажгли;
Краснѣя, онъ, въ лампадѣ мѣдной,
Чуть освѣщалъ большой заборъ...
Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

XIX

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе, ближе, черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?
Вдругъ видитъ онъ передъ собою:
Съ улыбкой жалости нѣмой
Стоитъ черкешенка младая!
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣна преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ бы смятенный;
Но нищу принялъ русскій плѣнный
И знакомъ ей благодарилъ...

XX

И долго, долго какъ [illegible]
Стояла дѣва молодая.
И взглядъ какъ будто говорилъ:
«Развѣй себя, невольникъ милый,

Еще не все ты погубилъ».
И вздохъ не тяжкій, но унылый
Въ груди раздался молодой;
Потомъ чрезъ валъ она крутой
Домой пошла тропою мшистой,
И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой;
И только дѣвы покрывало
Еще очамъ вдали мелькало.
И долго, долго плѣнникъ мой
Смотрѣлъ ей вслѣдъ. «Она сокрылась,—
Подумалъ онъ: — но почему
Она къ несчастью моему
Съ такою жалостью склонилась?»
Онъ ночь всю не смыкалъ очей,
Уснулъ за часъ лишь предъ зарей.

XXI

Четверту ночь къ нему ходила
Она и пищу приносила;
Но плѣнникъ часто все молчалъ,
Словамъ печальнымъ не внималъ.
Ахъ! сердце полное волненій
Чуждалось новыхъ впечатлѣній:
Онъ не хотѣлъ ее любить.
И что за радости въ чужбинѣ,
Въ его плѣну, въ его судьбинѣ?
Не могъ онъ прежнее забыть...
Хотѣлъ онъ благодарнымъ быть,—
Но сердце жаркое терялось
Въ его страданіи нѣмомъ
И какъ въ туманѣ зыбкомъ, въ немъ
Безъ отголоска поглощалось!..
Оно и въ шумѣ, и въ тиши
Тревожитъ сонъ его души.

XXII

Всегда онъ, съ думою унылой,
Въ ея блистающихъ очахъ
Встрѣчаетъ образъ вѣчно милой;
Въ ея привѣтливыхъ рѣчахъ
Знакомые онъ слышитъ звуки,
И къ призраку стремятся руки...
Онъ вспомнилъ все—ее зоветъ...
Но вдругъ очнулся. Ахъ, несчастный!
Въ какой онъ безднѣ здѣсь ужасной;
Ужь жизнь его не расцвѣтетъ.
Онъ гаснетъ, гаснетъ, увядаетъ,
Какъ цвѣтъ прекрасный на зарѣ;
Какъ пламень юный потухаетъ
На освѣщенномъ алтарѣ!

XXIII

Не понялъ онъ ея стремленья,
Ея печали и волненья;
Не думалъ онъ, чтобы она
Изъ жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думалъ также, что любовь
Точила сердце въ ней и кровь,—
И въ страшномъ былъ недоумѣньи.
Но въ эту ночь ее онъ ждалъ...
Настала ночь ужь роковая,
И, сонъ отъ очей отгоняя,
Въ пещерѣ плѣнникъ мой лежалъ.—

XXIV

Поднялся вѣтеръ той порою,
Качалъ во мракѣ дерева,
И свистъ его подобенъ вою,
Какъ воетъ полночью сова.
Сквозь листья дождикъ пробивался,
Вдали на тучахъ громъ катался;
Блистая, молнія струей
Пещеру темну озаряла,
Гдѣ плѣнникъ бѣдный мой лежалъ.
Онъ весь промокъ и весь дрожалъ...
. . . . . .
Гроза по-малу утихала,
Лишь канала вода съ деревъ;
Кой-гдѣ потоки межъ холмовъ
Струею мутною бѣжали
И въ Терекъ съ брызгами впадали.
Черкесовъ въ темномъ полѣ нѣтъ...
И тучи врозь ужь разбѣгаютъ,
И кой-гдѣ звѣздочки мелькаютъ,—
Проглянетъ скоро лунный свѣтъ.

XXV

И вотъ надъ нимъ луна златая
На легкомъ облакѣ всплыла,
И вверхъ небеснаго стекла,
По сводамъ голубымъ играя,
Блестящій шаръ свой провела.
Покрылись пеленой сребристой
Холмы, лѣса и лугъ съ рѣкой.
Но кто печальною стопой
Идетъ одинъ тропой гористой?
Она... съ кинжаломъ и пилой...
Зачѣмъ же ей кинжалъ булатный?
Ужель идетъ на подвигъ ратный?
Ужель идетъ на тайный бой?..
Ахъ, нѣтъ! наполнена волненій,
Печальныхъ думъ и размышленій,
Къ пещерѣ подошла она;
И голосъ раздался извѣстный...
Очнулся плѣнникъ, какъ отъ сна,
И въ глубинѣ пещеры тѣсной
Садятся... Долго они тамъ
Не смѣли воли дать словамъ...
Вдругъ дѣва шагомъ осторожнымъ
Къ нему, вздохнувши, подошла

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ

Ногою гордой попираетъ
Убитаго...

И, руку взявъ, съ привѣтомъ нѣжнымъ,
Съ горячимъ чувствомъ, но мятежнымъ,
Слова печальны начала:

XXVI

«Ахъ, русскій, русскій! что съ тобою?
Почто ты съ жалостью нѣмою
Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
На мой отчаянный призывъ?
Еще имѣешь въ свѣтѣ друга,
Еще невѣсты не терялъ...
Готова я часы досуга
Съ тобой дѣлить; но ты сказалъ,
Что любишь, русскій, ты другую?
Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
И вотъ объ чемъ и ночь и день
Я плачу, вотъ объ чемъ тоскую!..
Забудь ее! готова я
Съ тобой бѣжать на край вселенной!
Забудь ее! зови меня
Твоей подругой неизмѣнной...»
Но плѣнникъ сердца своего
Не могъ открыть въ тоскѣ глубокой,
И слезы дѣвы черноокой
Души не трогали его...
«Такъ, русскій, ты спасенъ! Но прежде
Скажи мнѣ: жить иль умереть?
Скажи, забыть-ли о надеждѣ,
Иль слезы эти утереть?»

XXVII

Тутъ вдругъ поднялся онъ. Блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупныя мелькнули
На нихъ, какъ свѣтлая роса...
«Ахъ, нѣтъ! оставь восторгъ свой нѣжной,
Спасти меня не льстись надеждой;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь!
Не на останкахъ славныхъ бранныхъ,
Но на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь!»
Онъ замолчалъ. Она рыдала,
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой,
Кинжалъ другою подавала.
И вотъ подъ острою пилой
Скрипитъ желѣзо; распадается,
Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
Она его приподымаетъ,
И такъ, рыдая, говоритъ:

XXVIII

«Да!.. плѣнникъ... ты меня забудешь..
Прости!.. прости же... навсегда;
Прости навѣкъ!.. Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!.. вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть можетъ, ужъ могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть можетъ... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!...»
И дѣвы блѣдныя ланиты,
Почти потухшіе глаза,
Смущенный ликъ, тоской убитый,
Не освѣжитъ одна слеза!
И только рвутся волны муки...
Она беретъ его за руки
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.

XXIX

Идутъ, идутъ, остановились;
Вздохнувъ, назадъ оборотились;
Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ;
Кладетъ на сердце тихо руку...
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Какъ вмѣстѣ съ нимъ поражена,
Безъ чувства падаетъ она;
Какъ будто пуля роковая
Однимъ ударомъ въ одинъ мигъ
Обоихъ вдругъ сразила ихъ.
. . . . . .

XXX

Но очи русскаго смыкаетъ
Ужь смерть холодною рукой,—
Онъ вздохъ послѣдній испускаетъ...
И онъ ужь тамъ — и кровь рѣкой
Застыла въ жилахъ охладѣвшихъ.
Въ его рукахъ онѣпенѣвшихъ
Еще кинжалъ, блестя, лежитъ;
Въ его всѣхъ чувствахъ онѣмѣвшихъ
Навѣки жизнь ужь не горитъ,
Навѣки радость не блеститъ.

XXXI

Межъ тѣмъ черкесъ, съ улыбкой злобной,
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И, волку хищному подобный,
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Ногою гордой попираетъ
Убитаго. Увидѣлъ онъ,
Что тщетно потерялъ патронъ,
И вновь чрезъ горы убѣгаетъ.

XXXII

Но вотъ она очнулась вдругъ
И ищетъ плѣнника очами...

Черкешенка! гдѣ, гдѣ твой другъ?
Его ужь нѣтъ. Она слезами
Не можетъ ужасъ выражать,
Не можетъ крови омывать;
И взоръ ея, какъ бы безумной,
Порывъ любви изобразилъ;
Она страдала. Вѣтеръ шумной,
Свистя, покровъ ея клубилъ...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой
Черезъ поляну,—за холмами
Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

XXXIII

Она ужь къ Тереку подходитъ.
Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
Такъ робко взоромъ вкругъ обводитъ,
Ужасной грустію полна?
И долго на бѣгущи волны
Она глядитъ, и взоръ безмолвный
Блеститъ звѣздой въ полночной тьмѣ.
Она на каменной скалѣ—
«О, русскій, русскій!» восклицаетъ...
Плеснули волны при лунѣ,
Объ берегъ брызнули онѣ!..
И дѣва съ шумомъ исчезаетъ;
Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
Несется по глухимъ волнамъ—
Остатокъ грустный и печальный,
Плыветъ, какъ саванъ погребальный,
И скрылся къ каменнымъ скаламъ...

XXXIV

Но кто убійца ихъ жестокой?
Онъ былъ съ сѣдою бородой.
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глуши лѣсной.
Увы! то былъ отецъ несчастной!
Быть-можетъ, онъ ее сгубилъ,
И тотъ свинецъ его опасной
Дочь вмѣстѣ съ плѣнникомъ убилъ?
Не знаетъ онъ,—она сокрылась
И съ тѣхъ поръ той ужь не явилась.
Черкесъ! гдѣ дочь твоя? глядишь,
Но ужь ея не возвратишь...

XXXV

Поутру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ;
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ.
Узнали все. Но поздно было!
Отецъ, убійца ты ея...
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужь нѣтъ. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги, ищи ее вездѣ...
«Гдѣ дочь моя?» и отзывъ скажетъ:
«Гдѣ?»

КОРСАРЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня.
Моя давно увяла младость;
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ цѣли упованья!
Исчезло все! одни страданья
Еще живутъ въ душѣ моей.
Я не видалъ своихъ родимыхъ,
Чужой семьей воскормленъ я.
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ.
Его я старѣ годомъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ;
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ во тьмѣ ночной,
Равно мы горе повѣряли
Другъ другу жаркою душой...
Намъ очарованное счастье
Мелькало рѣдко иногда!
Увы! не зрѣли мы ненастья,
Намъ угрожавшаго тогда...
. . . . . .
Мой умеръ братъ! передъ очами
Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ погахъ его съ слезами
Сидѣлъ. Ахъ! я не зрѣлъ ни разъ
Столь милой смерти хладной муки:
Сложивъ крестообразно руки,
Несчастный тихо угасалъ,
И блѣдны впалыя ланиты,
И смертный взоръ, тоской убитый,
Въ подушкѣ бѣдный сокрывалъ.
Онъ умеръ!—страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ я вдругъ былъ съ содроганьемъ:
Но сожалѣнье—не любовь
Согрѣли жизнь мою и кровь.
Съ тѣхъ поръ съ обманутой душою
Ко всѣмъ я недовѣрчивъ сталъ.
Ахъ! не подъ кровлею родною
Я былъ тогда—и увядалъ.
Не могъ съ улыбкою смиренья

Съ тѣхъ поръ я все переносилъ:
Насмѣшки гордости, презрѣнья...
Я могъ лишь пламенной любить.
Самимъ собою недоволенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ,
И только тамъ душою жилъ;
Глядѣлъ въ раздумьи глубокомъ,
Когда на деревѣ высокомъ
Пѣвецъ незримый напѣвалъ
Веселье, радость и свободу,
Какъ нѣжно вдругъ ослабѣвалъ,
Какъ онъ, треща, свисталъ и щелкалъ,
Какъ по лазоревому своду
На легкихъ крыліяхъ порхалъ,—
И непонятное волненье
Въ душѣ я сильно ощущалъ.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я; угрюмой
Душа моя смутилась думой...
Не могши болѣе страдать,
Я вдругъ рѣшился убѣжать.
Настала ночь... Я всталъ печально
Съ постели, грустью омраченъ.
Во всемъ дому глубокій сонъ.
Хотѣлось мнѣ хоть взоръ прощальный
На мѣсто бросить то, гдѣ я
Такъ долго жилъ въ тиши безвѣстной,
Гдѣ жизни сѣнь, всегда прелестной,
Безпечно встрѣтила меня.
Я взялъ кинжалъ, два пистолета
На мнѣ за кожанымъ ремнемъ
Звенѣли. Я страшился свѣта
Луны въ безмолвіи ночномъ...
Но вихорь сердца молодого
Меня влачилъ къ сѣдымъ скаламъ,
Гдѣ между берега крутого
Дунай кипѣлъ, ревѣлъ; и тамъ,
Склонясь на камень головою,
Сидѣлъ я озаренъ луною...
Ахъ! какъ она томна, блѣдна,
Лила лучи свои златые
Съ небесъ на рощи береговыя.
Вездѣ знакомыя мѣста,
Все мнѣ напоминало младость,
Все говорило мнѣ, что радость
Навѣки здѣсь погребена.
Хотѣлъ проститься съ той могилой,
Гдѣ прахъ лежалъ столь сердцу милой.
Перебѣжавши черезъ ровъ,
Пошелъ я тихо по кладбищу;
Душѣ моей давало пищу
Спокойствіе нѣмыхъ гробовъ.
И долго, долго я въ молчаньи
Стоялъ надъ камнемъ гробовымъ...
Казалось, вѣяло въ страданьи
Какимъ-то холодомъ сырымъ.
Потомъ невѣрными шагами
Я удалился; но за мной,
Казалось, тѣнь вездѣ бѣжала...
Я ночь провелъ въ глуши лѣсной
Заря багряно освѣщала
Верхи холмовъ; ночная тѣнь
Уже рѣдѣла надо мною.
Съ отягощенною главою
Я тамъ сидѣлъ, склонясь на пень...
Но всталъ, пошелъ къ брегамъ Дуная,
Который издали ревѣлъ.
Я въ Грецію идти хотѣлъ,
Чтобъ турокъ сабля роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ...
Въ душѣ смѣшилося мечтанье
Ярчѣе дневное сіянье,—
И вотъ Дунай ужь предо мной
Синѣлъ съ обычной красотой.
Какъ онъ прекрасный, величавой,
Игралъ въ прибережныхъ скалахъ!
Воспоминанье о дѣлахъ
Живетъ здѣсь, и протекшей славой
Рѣка гордится. Сѣвъ на брегъ,
Я измѣрялъ Дуная бѣгъ.
Потомъ бросаюсь въ быстры волны,—
Онѣ клубятся, но рукой
Я спорилъ съ быстрою рѣкой,
И скоро на берегъ безмолвный
Я вышелъ. Все въ душѣ моей
Мутилось пѣною Дуная;
И, бросивъ взоръ къ странѣ своей,
«Прости, отчизна золотая!»
Сказалъ: «быть можетъ, въ этотъ разъ
Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
Надолго въ сердцѣ сохранится!..»
Потомъ я быстро удалился...
Зачѣмъ вамъ сказывать, друзья,
Что было, какъ потомъ, со мною:
Скажу вамъ только то, что я
Вездѣ съ обманутой душою
Бродилъ одинъ, какъ сирота,
Не смѣя ввѣриться, какъ прежде,
Все измѣняющей надеждѣ.
Міръ былъ чужой мнѣ, жизнь—пуста.
Ужъ я былъ въ Греціи прекрасной,
А для души моей несчастной
Ея лишь видъ отравой былъ.
День приходилъ—день уходилъ...
Уже съ Балканскія вершины
Открылись Греціи долины;

Ужь море синее, блестя
Подъ солнцемъ пламеннымъ Востока
Какъ шумъ нагорнаго потока,
Обрадовало вдругъ меня...
Но какъ спастися намъ отъ рока!—
Я здѣсь нашелъ, здѣсь погубилъ
Почти все то, что я любилъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкій,
Плеская волнами, шумитъ,
Покрытый лѣсомъ, одинокій
Аосъ задумчивый стоитъ.
Вѣнчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окруженъ. Ни быстрыхъ волнъ,
Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бренный челнъ
Порывомъ ихъ къ нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Между стремнинъ, между кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами,
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Аоса,
И башни гордыя Летоса
Встрѣчаетъ удивленный взоръ.
Порою корабли водами
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ
Летали между островами,
Какъ бы на лебедя крылахъ,
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшей истиной живетъ..
Вотъ цареградскій путь идетъ
Чрезъ поле черной полосою...
Я шелъ, не чувствуя себя:
Я былъ въ стремительномъ волненьи,
Увидѣвъ, Греція, тебя!..]
Кустарникъ дикій въ отдаленьи
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ —
Межъ скалъ, гдѣ въ счастьи, упоеньи
Оракіецъ храбрый пировалъ.
Теперь все пусто. Вспоминанье
Почти изгладилъ токъ временъ
И этотъ край обремененъ
Подъ игомъ варваровъ. Страданье
Осталось только въ той странѣ,
Гдѣ прежде греки воспѣвали
Ихъ храбрость, вольность; но они
Той страшной участи не знали.
И дышитъ все здѣсь старниной,
Минувшей славой и войной.
Когда жъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный—
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ будто горные орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую,
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турокъ нападать,
Плѣнить, рубить, въ моряхъ летать—
И часто барка въ тьмѣ у брега
Была готова для побѣга
Отъ непріятельскихъ полковъ;
Не страшенъ былъ имъ плескъ валовъ.
И въ той пещерѣ отдыхая,
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокій свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей,
И сердце юное мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней:
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ
Любить—кого не находилъ...
Друзья мои, я молодъ былъ!
Зачѣмъ губить намъ нашу младость,
Зачѣмъ старѣть душой своей?
Прости навѣкъ тогда ужь радость,
Когда исчезла съ юныхъ дней.
Нашедъ корсаровъ, съ ними въ море
Хотѣлъ я плыть. «Ахъ,—думалъ я,—
Война, могила—но не горе,
Быть-можетъ, встрѣтитъ тамъ меня».
Простясь съ печальными брегами,
Я съ маврскимъ опытнымъ пловцомъ
Стремилъ мой бѣгъ межъ островами,
Цвѣтущими надъ влажнымъ днемъ
Святого старца-океана.
Я видѣлъ ихъ. Но жребій мой,
Гдѣ свелъ насъ съ буйною толпой,
Тамъ власть дана мнѣ атамана;
И такъ ужь было рѣшено,
Что жизнь и смерть — все за одно:
Какъ весело водамъ предаться,
Друзья мои, въ моряхъ летать;
Но долженъ, долженъ я признаться,
Что я готовъ теперь бы дать
Все, что имѣю, за тѣ годы,
Которые ужь я убилъ
И невозвратно погубилъ.
Прекрасней были бы мнѣ воды,
Поля, лѣса, луга, холмы—
И всѣ, всѣ прелести природы...
Но такъ себѣ невѣрны мы!—
Живемъ, томимся и желаемъ,
А получивши, забываемъ
О томъ,—уже предметъ другой
Играетъ въ нашемъ воображеньи,
И въ безпрерывномъ такъ томленьи
Мы тратимъ жизнь, о, Боже мой!

Мы часто на берегъ сходили,
И часто по степямъ бродили,
Гдѣ конь арабскій вороной
Игралъ скачками подо мной,
Летая въ даль степи широкой.
Уже терялся брегъ далекой,
И я, съ веселою толпой,
Какъ въ морѣ, былъ въ степи сухой,
Или въ лѣсу, въ ночи глубокой,
Когда все спитъ, то мы одни,
При полной въ облакахъ лунѣ,
Въ пещерѣ темной, притаивая,
Сидимъ,—и чаша между насъ
Идетъ съ веселымъ круговая;
За нею вслѣдъ за часомъ часъ,
И свѣтитъ пламень, чуть блистая,
Треща, спитья и мелкая...
Потомъ мы часто въ корабли
Опять садились, въ быстры волны
Съ отважной дерзостью текли,
Какой-то гордостію полны.
Мы правы были—д мъ царей
Не такъ великъ, какъ зыбь морей!
Я часто, храбрый, кровожадный,
Носился въ буряхъ боевыхъ,
Но въ сердцѣ юномъ чувствъ иныхъ
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшнаго я ждалъ,
Грустилъ, томился и желалъ.
Я слушалъ пѣсни удалыя
Веселой шайки средь морей,
Тогда, воспомнивъ золотые
Тѣ годы юности моей,
Я слезы лилъ, не зная Бога;
Мнѣ жизни дальняя дорога
Была скользка; я былъ, друзья,
Несчастный прахъ изъ бытія.
Какъ бы сражаяся съ судьбою,
Мятежной яр сти полна,
Душа, терзанью предана,
Живетъ утратою самою.
Узнавъ лишь тѣнь утраты сей,
Я ждалъ ея еще мятежнѣй,
Еще печальнѣй, безнадежнѣй,
Какъ лишь начало страшныхъ дней.
Опять предъ мной все исчезало.
Какъ свѣтъ предъ тѣнію ночной,
И сердце тяжко изнывало.
Исчезъ и кроткій мой покой,
Исчезло милое волненье
И благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Однажды въ ночь сошлися тучи,
Катился громъ издалека,
И гналъ, стоная, вихрь летучій
Порывомъ бурнымъ облака.
Надулись волны, море плещетъ,
И молнія во мракѣ блещетъ;
Но нашихъ храбрыхъ удальцовъ
Ничто-бъ тогда не испугало,
И море синее стонало
Отъ рѣзкихъ корабля слѣдовъ.
Шипящей пѣною бѣлѣетъ
Корабль. Вдругъ рвется къ небесамъ
Волна—качается, чернѣетъ
И возвращается къ волнамъ.
Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море, въ ярости своей,
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стонала отъ зыбей;
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами слетались,
И устремлялся громъ на громъ,
И море билось съ влажнымъ дномъ,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громовъ.
И наше судно воздымалось
То вдругъ до тяжкихъ облаковъ
То вдругъ, треща, внизъ опускалось;
Но храбрость я не потерялъ:
На палубѣ съ моей толпою
Я часто гибель возвѣщалъ
Одною пушкой вѣстовою.
Мы скоро справились! Кругомъ
Лишь дождь шумѣлъ, ревѣлъ лишь громъ.
Вдругъ сквозь выстрѣлъ отдаленный
Блеснулъ фонарь, какъ бы зажженный
На мачтѣ, въ мрачной глубинѣ...
И скрылся онъ въ туманной мглѣ,
И небо страшно разразилось
И блескомъ молній озарилось—
И мы узрѣли: быстро къ намъ
Неслося греческое судно.
Все различить мнѣ было трудно.
Предавшися глухимъ волнамъ,
Они на помощь призывали,
Но вѣтры вопли заглушали.
«Скорѣй ладью, спасите ихъ!»
Раздался голосъ въ этотъ мигъ.
О камень судно ударятъ,
Трещитъ—и съ шумомъ утопаетъ...
Но мы иныхъ еще спасли,
Къ себѣ въ корабль перенесли.
Они, безъ чувствъ, водой покрыты,
Лежали всѣ, какъ бы убиты;
И вѣтеръ буйный утихалъ,

И громъ почаще умолкалъ,
Лишь изрѣдка волна вздымалась,
Какъ бы гора, и опускалась.
. . . . . .
. . . . . .
Все смолкло. Вдругъ корабль волной
Былъ брошенъ къ мели береговой.
Хотѣлъ я видѣть мной спасенныхъ
И къ нимъ поутру я взошелъ.
Тогда на тучахъ озлащенныхъ
Вскатилось солнце. Я узрѣлъ,
Увы! гречанку молодую.
Она почти безъ чувствъ, блѣдна,
Склонившись на руку главою,
Сидѣла, и съ тѣхъ поръ она
Донынѣ въ памяти глубоко...
Она изъ стороны далекой
Была сюда привезена.
Свою весну, златыя лѣта
Воспоминала. Томный взоръ,
Чернѣе тьмы, ярчѣе свѣта,
Глядѣлъ, казалось, съ давнихъ поръ
На небо. Тамъ звѣзда, блистая,
Давала ей о чемъ-то вѣсть,—
О томъ, друзья, что въ сердцѣ есть.
Звѣзду затмила туча злая,
Звѣзда померкла,—и она
Съ тѣхъ поръ печальна и грустна...
Съ тѣхъ поръ, друзья, и я стенаю;
Моя тѣмъ участь рѣшена;
Съ тѣхъ поръ покоя я не знаю,
Но съ тѣхъ же поръ я омертвѣлъ,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

ДЖУЛІО

ВСТУПЛЕНІЕ

Осенній день тихонько угасалъ
На высотѣ гранитныхъ шведскихъ скалъ.
Туманъ облекъ поверхности озеръ,
Такъ что едва замѣтить могъ бы взоръ
Бѣгущій бѣлый парусъ рыбака.
Я выходилъ тогда изъ рудника,
Гдѣ золото—земныхъ трудовъ предметъ—
Тамъ люди достаютъ ужь много лѣтъ.
Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
И вѣчный стукъ тревожитъ тишину;
Между столбовъ гранитныхъ и аркадъ
Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
Кидая свѣтъ безсильный и пустой!..

Но если очи въ безпривѣтной мгл
Угасшія, морщины на челѣ,
Но если блѣдный, вялый цвѣтъ лицъ
И равнодушный, молчаливый видъ,
Но если вздохъ, потерянный въ тиши,
Являютъ грусть глубокую души —
О! не завидуйте судьбѣ такой:
Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточнымъ рѣчей,
Чтобъ описать восторгъ души моей,
Когда я вновь взглянулъ на небеса,
И освѣжила голову роса.
Глянулись цѣпью острыя скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носились, крича средь высоты.
Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
У озера спокойныхъ береговъ
И стебли черные сухихъ дубовъ.
Отъ рудника вился, желтѣя, путь...
Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
Прохладный воздухъ, вольный какъ народъ
Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.

Вожатому подарокъ я вручилъ,
Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
Когда не принялъ денегъ. Я не могъ
Понять зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости онѣ),
Казалося, знакомы были мнѣ.

И подойдя, взявъ за руку меня,
«Напрасно бъ», онъ сказалъ: «скрывался я
Такъ, Джуліо предъ вами,—но не тотъ,
Кто по струямъ венеціанскихъ водъ
Въ украшенной гондолѣ пролеталъ.
Я жилъ, я жилъ и много испыталъ.
Не для корысти я въ странѣ чужой.
Могилы тьма сходна съ моей душой,
Въ которой страсти, лѣта и мечты
Изрыли бездну вѣчной пустоты...
Но я молю васъ только объ одномъ,
Молю: возьмите этотъ свитокъ,—въ немъ,
Въ немъ міръ всю жизнь души моей найдетъ,
И, можетъ-быть, онъ васъ остережетъ!»
Тутъ скрылся быстро пасмурный чудакъ,
И посмѣялся я надъ нимъ; бѣднякъ,
Я полагалъ, разсудокъ потерявъ,
Не потерялъ еще свой пылкій нравъ!
Но, пробѣгая свитокъ (видитъ Богъ),
Я много слезъ остановить не могъ.

Есть край: его Италіей зовутъ.
Какъ Божьи птицы, мнится, тамъ живутъ

Покойно, вольно и безпечно, и пришлецъ,
Германіи иль Англіи жилецъ,
Дивится часто счастію людей,
Скрывающихъ улыбкою очей
Безумныя пылъ и тайный ядъ страстей.
Вамъ, жителямъ холодной стороны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни месть, ни ревность, ни любовь
Не могутъ въ васъ зажечь такъ сильно кровь,
Какъ въ томъ, кто близъ Неаполя рожденъ, —
Для крайностей вашъ духъ не сотворенъ!..
Спокойны вы!.. На вашъ унылый край
Навѣкъ я промѣнялъ сей южный рай,
Гдѣ тополи, обвитые лозой,
Хотятъ шатеръ достигнуть голубой,
Гдѣ любятъ моря синіе валы
Баюкать тѣнь береговой скалы.

Вблизи Неаполя мой пышный домъ
Бѣлѣется на берегу морскомъ,
И вкругъ него веселые сады,
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды —
Я не могу на память перечесть.
И тамъ, у водъ, въ лимонной рощѣ, есть
Бесѣдка; всѣхъ другихъ она милѣй,
Однако вспомнить я боюсь объ ней.
Она душистымъ запахомъ полна,
Уединенна и всегда темна.
Ахъ! здѣсь любовь моя погребена,
Здѣсь крестъ, нагнутый временемъ, торчитъ
Надъ холмикомъ, гдѣ Лоры трупъ сокрытъ.
При вѣрной помощи тѣней ночныхъ,
Бывало мы, укрывшись отъ родныхъ,
Туманною озарены луной,
Спѣшили съ ней туда рука съ рукой;
И Лора, лютню взявъ, пѣвала мнѣ...
Ея плечо горѣло, какъ въ огнѣ,
Когда къ нему я голову склонялъ
И пойманные кудри цѣловалъ.
Какъ гордо волновалась грудь твоя,
Коль, очи въ очи томно устремя,
Твой Джуліо слова любви твердилъ;
Лукаво милый пальчикъ мнѣ грозилъ,
Когда я, у твоихъ склоняясь ногъ,
Восторгъ въ душѣ остановить не могъ..:

Случалось, послѣ я любилъ сильнѣй,
Чѣмъ въ этотъ разъ; но жалость лишь о сей
Любви живетъ, горитъ въ груди моей.
Она прошла, — таковъ судьбы законъ,
Неумолимъ и непреклоненъ онъ;
Хотя щадитъ луны любезной свѣтъ,
Какъ памятникъ всего, чего ужь нѣтъ.

О, тѣнь священная, простишь-ли ты
Тому, кто обманулъ твои мечты,
Кто обольстилъ невинную тебя
И навсегда оставилъ, не скорбя?
Я страсть твою употребилъ во зло...
Но ты взгляни на блѣдное чело,
Которое изрыли не труды:
На немъ раскаянья и мукъ слѣды;
Взгляни на степь, куда я убѣжалъ,
На снѣжныя вершины шведскихъ скалъ,
На эту бездну смрадной темноты,
Гдѣ носятся, какъ дымъ, твои черты,
На ложе, гдѣ съ рыданіемъ, съ тоской
Кляну себя съ минутой роковой...
И сжалься, сжалься, сжалься надо мной!..

Когда мы женщину обманемъ, тайный страхъ
Живетъ для насъ въ младыхъ ея очахъ:
Какъ въ зеркалѣ, вину во взорѣ томъ
Мы, различивъ, укоръ себѣ прочтемъ.
Вотъ отчего, оставя отчій домъ,
Я поспѣшилъ, безсмысленный, бѣжать,
Чтобъ гдѣ-нибудь разсѣянье сыскать!
Но съ Лорой я проститься захотѣлъ.
Я объявилъ, что мнѣ въ чужой предѣлъ
Отправиться на много должно лѣтъ,
Чтобъ осмотрѣть великій Божій свѣтъ.
«Зачѣмъ тебѣ? — воскликнула она, —
Что дастъ тебѣ чужая сторона,
Когда ты здѣсь не хочешь быть счастливъ?..
Подумай, Джуліо!» Тутъ, взоръ склонивъ,
Она меня рукою обняла.
«Ахъ, я почти увѣрена была,
Что не откажешь въ просьбѣ мнѣ одной:
Не покидай меня, возьми съ собой,
Не преступи вторично свой обѣтъ...
Теперь... Ты долженъ знать!..» — Нѣтъ, Лора,
нѣтъ! —
Воскликнулъ я. — Оставь меня, забудь;
Привязанность былую не вдохнуть
Въ холодную къ тебѣ отнынѣ грудь...
Какъ странники на небѣ, облака,
Свободно сердце и любовь легка! —
И, поблѣднѣвъ, какъ будто бы сквозь сна,
Въ отвѣтъ сказала тихо мнѣ она:
«Итакъ, прости навѣкъ, любезный мой;
Жестокій другъ, обманщикъ дорогой,
Когда бы зналъ, что оставляешь ты...
Однако, прочь безумныя мечты!
Надежда! сердце это не смущай...
Ты болѣе не мой... Прощай!.. прощай!..
Желаю, чтобъ тебя въ чужой странѣ
Не мучила бы память обо мнѣ...»

То былъ глубокой, вѣщей скорби гласъ.
Такъ мы разстались. Кто жальчѣй изъ насъ, —
Пускай въ своемъ умѣ разсудитъ тотъ,
Кто нѣкогда сіи листы прочтетъ.

Зачѣмъ цѣпу утраты на землѣ
Мы познаемъ, когда ужь въ вѣчной мглѣ
Сокровище потонетъ, и никакъ
Нельзя разгнать его покрывшій мракъ?
Любовь младыхъ, прелестныхъ женскихъ глазъ,
Но рѣдкости, сокровище для насъ
(Такъ мало дѣвъ, умѣющихъ любить):
Мы день и ночь должны его хранить,—
И горе! если скроется оно:
Навѣкъ блаженства сердце лишено.
Мы только разъ одинъ въ кругу земномъ
Горимъ взаимной нѣжности огнемъ.

Пять цѣлыхъ лѣтъ провелъ въ Парижѣ я:
Шалилъ, имѣнье съ временемъ губя;
Первоначальной страсти жаръ святой
Я называлъ младенческой мечтой.
Дорога славы, заманивъ мой взоръ,
Наскучила мнѣ. Совѣсти укоръ
Убить любовью новой захотѣвъ,
Я сталъ искать бесѣды юныхъ дѣвъ.
Когда же охладѣлъ къ нимъ наконецъ,
Представила мнѣ дружба свой вѣнецъ;
Повеселивъ меня не много дней,
Распался онъ на головѣ моей...
Я сталъ бродить, печаленъ и одинъ,—
Меня увѣрили, что это силинъ;
Когда же надоѣли доктора,
Я хладнокровно ихъ согналъ съ двора.

Душа моя была пуста, жестка,
Я походилъ тогда на бѣдняка:
Надѣясь кладъ найти, глубокій ровъ
Онъ ископалъ среди своихъ садовъ,
Испортить не страшась гряды цвѣтовъ;
Рылъ, рылъ, вдругъ что-то застучало, — онъ
Вздрогнулъ: предметъ трудовъ его найденъ!
Приблизился, торопится, глядитъ...
Что-жъ? — передъ нимъ гнилой скелетъ лежитъ!...
«Заботы вьются въ сумракѣ ночей
«Вкругъ ложа мягкаго, златыхъ кистей;
«У изголовья совѣсть—скорпіонъ
«Отъ вѣжды засохшихъ гонитъ сладкій сонъ;
«Какъ вѣтръ преслѣдуетъ по небу вдаль
«Оторванныя тучки,—такъ печаль,
«Въ одну и ту-же съ нами сѣвъ ладью,
«Не отстаетъ ни въ кущѣ, ни въ бою».
Такъ римскій говоритъ поэтъ-мудрецъ.
Ахъ! это испыталъ я наконецъ,
Отправившись, не зная самъ куда,
И съ Сеною простившись навсегда!..
Ни дикихъ горъ Швейцаріи снѣга,
Ни Рейна вдохновенные брега
Ничѣмъ мнѣ умъ наполнить не могли
И сердцу ничего не принесли...

Венеція! о, какъ прекрасна ты,
Когда, какъ звѣзды, спавши съ высоты,
Огни по влажнымъ улицамъ твоимъ
Скользятъ, и съ блескомъ синимъ, золотымъ,
То затрепещутъ и погаснутъ вдругъ,
То вновь зажгутся. Тамъ далекій звукъ,
Какъ благодарность въ злой душѣ, порой
Раздастся—и умретъ во тьмѣ ночной:
То пѣснь красавицы, съ ней другъ ея;
Они поютъ и мчится ихъ ладья.
Народъ, тѣснясь на берегу, кипитъ.
Оттуда любопытный взоръ слѣдитъ
Какой-нибудь красивый павильонъ,
Который бѣгло въ волнахъ отраженъ.
Разнообразный плескъ и веселъ шумъ
Приводятъ много чувствъ и много думъ,
И много чудныхъ случаевъ рождалъ
Ничѣмъ ненарушимый карнавалъ.

Я прихожу въ гремящій маскарадъ;
Нарядовъ блескъ тамъ ослѣпляетъ взглядъ;
Здѣсь не узнаетъ мужъ жены своей:
Какой-нибудь лукавый чичисбей,
Подъ маской, близъ него проходитъ съ ней,—
И мужъ готовъ божиться, что жена
Лежитъ въ дому отчаянно больна...
Но если все проникъ ревнивый взоръ, —
Тотчасъ кинжалъ рѣшитъ не долгій споръ,
Хотя ненужно пролитая кровь
Ужь не воротитъ женскую любовь!..
Такъ мысля, въ залѣ тихо я блуждалъ
И разныхъ лицъ движенья наблюдалъ;
Но, какъ пустыя грезы сновъ пустыхъ,
Чтобъ разсказать,—я не запомню ихъ.
И вижу маску: мнѣ грозитъ она.
Огонь паровъ застольнаго вина
Смутилъ мой умъ, волнуя кровь мою.
Я въ домино окутался, встаю,
Открылъ лицо, за тайнымъ чудакомъ
Стремлюсь, и покидаю шумный домъ,
Быстрѣе ногъ преслѣдуютъ его
Мои глаза. Не помня ничего,
Вослѣдъ за нимъ, хотя и не хотѣлъ,
На лѣстницу крутую я взлетѣлъ!..

Огромные покои предо мной,
Отдѣланы съ искусственной красой;
Сіяли свѣчи яркія въ углахъ,
И живопись дышала на стѣнахъ.
Ни блескъ, ни сладкій ароматъ цвѣтовъ
Желаньемъ ускоряемыхъ шаговъ
Остановить въ то время не могли:
Они меня съ предчувствіемъ несли
Туда, гдѣ, на диванѣ опустясь,
Мой незнакомецъ, бѣгомъ утомясь,
Сидѣлъ. Уже я близко у дверей...

Вдругъ (изумленіе души моей
Чьи краски на землѣ изобразятъ?)
Съ него упалъ обманчивый нарядъ,—
И женщина единственной красы
Стояла близъ меня. Ея власы
Катились на волнуемую грудь
Съ восточной нѣгой. Я не смѣлъ дохнуть,
Покуда взоръ, весь слитый изъ огня,
На землю томно не упалъ съ меня...
Ахъ! онъ стрѣлой во глубь мою проникъ!
Не выразилъ бы чувствъ моихъ въ сей мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!..
Средь горъ Кавказскихъ есть, слыхалъ я, гротъ,
Откуда Терекъ молодой течетъ,
О скалы неприступныя дробясь;
Съ Казбека въ пропасть иногда скатясь,
Отверстіе лавина завалитъ:
Какъ мертвый, онъ на время замолчитъ...
Но лишь враждебный снѣгъ промоетъ онъ—
Быстрѣй его не будетъ Аквилонъ:
Бѣги, сайгакъ, отъ берега въ тотъ часъ,
И жаждущій табунъ,—умчитъ онъ васъ,
Сей токъ, покрытый пѣною густой,
Свободный, какъ чеченецъ удалой.
Такъ и любовь: покрыта скуки льдомъ,
Прорвется, и мучительнымъ огнемъ
Должна свою разрушить колыбель,
Достигнетъ, или не достигнетъ цѣль!..
И бѣденъ тотъ, кому судьбина, давъ
И влюбчивый и своевольный нравъ,
Позволила узнать подробно міръ.
Гдѣ человѣкъ всегда гонимъ и споръ,
Гдѣ жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Приносятъ только сожалѣнье намъ!
Я былъ любимъ, самъ страстію пылалъ,
И много дней Мелиной обладалъ.
Летучихъ наслажденій властелинъ,
Изъ этихъ дѣнъ я не забылъ одинъ:
Златило утро дальній небосклонъ,
И запахъ розъ съ береговъ былъ разнесенъ
Далеко въ морѣ; свѣжая волна,
Играющимъ лучомъ пробуждена,
Отзывы пѣсни рыбаковъ несла.
Въ ладьѣ, при вѣрной помощи весла,
Неслися мы съ Мелиною самъ-другъ,
Внимая сладкій и небрежный звукъ;
За нами, въ блескѣ утреннихъ лучей,
Венеція, какъ пышный мавзолей
Среди песковъ Египта золотыхъ,
Изъ волнъ поднявшись, озирала ихъ.
Въ восторгѣ я твердилъ любви слова
Родругѣ пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставалъ съ водой,
Въ колѣна ей склонялася порой.
Я счастливъ былъ; невѣдомый никѣмъ,
Казалось, я покоенъ былъ совѣмъ,
И въ первый разъ лишь могъ о томъ забыть,
О чемъ грустилъ, не зная возвратить.
Но дьяволъ, сокрушитель благъ земныхъ,
Блаженства намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ сильнѣй,
Чтобы съ жестокой тягостью своей
Несчастье унесло отъ жадныхъ глазъ
Все, что ему еще завидно въ насъ...

Однажды (ночь на городъ ужь легла;
Луна, какъ въ дымѣ, безъ лучей плыла
Между сырыхъ тумановъ; вѣтръ ночной,
Багровый западъ съ тусклою луной—
Все предвѣщало бури; но во мнѣ
Уснули, мнилось, навсегда онѣ)
Я ѣхалъ къ милой. Радость и любовь
Мою младую волновали кровь;
Я былъ любимъ Мелиной, былъ богатъ,
Все вкругъ мнѣ веселило слухъ и взглядъ;
Роптанье струй, мельканье челноковъ,
Сквозь окна освѣщеніе домовъ,
И баркаролла мирныхъ рыбаковъ.
Къ красавицѣ взошелъ я; цѣлый домъ
Былъ пустъ и тихъ, какъ завоеванъ сномъ.
Вотъ проникаю въ комнаты, и вдругъ
Я роковой вблизи услышалъ звукъ—
Звукъ поцѣлуя... Праведный Творецъ,
Зачѣмъ въ сей мигъ мнѣ не послалъ конецъ?
Зачѣмъ, затрепетавъ, какъ средь огня,
Не выскочило сердце изъ меня?
Зачѣмъ, окаменѣвшій, я опять
Движенье жизни долженъ былъ принять?..

Бѣгу, стремлюсь, — трещитъ, — и настежь дверь!..
Кидаюся, какъ разъяренный звѣрь,
Въ ту комнату,—и быстрый шумъ шаговъ
Мой слухъ мгновенно поразилъ безъ словъ.
Схвативъ свѣчу, я—въ темный коридоръ,
Гдѣ, ревностью пылая, встрѣтилъ взоръ
Скользящую, какъ нѣкій духъ ночной,
Но стѣнамъ тѣнь. Дрожащею рукой
Схвативъ кинжалъ, машу передъ собой!
И вотъ настигъ... въ минуту удержу...
Рука... рука... хочу схватить, — гляжу:
Недвижная, какъ мертвая блѣдна,
Мнѣ преграждаетъ дерзкій путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный видъ!..
Качая головой, призракъ стоитъ...
Кого жъ я въ немъ, встревоженный, узналъ?—
Мою обманутую Лору!.. — Я упалъ!

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ
Скитается летучій Аквилонъ,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,

Встрѣчаете березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.
Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ:
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Въ минувшее проникнувъ, различить,
Она души не будетъ веселить.
Но жребій я узналъ совсѣмъ иной:
Убитъ я не былъ раннею тоской,—
Страстей огонь, неизлѣчимый ядъ,
Еще теперь въ душѣ моей кипятъ...
И ихъ слѣды узналъ я въ этотъ разъ.
Въ безпамятствѣ, не открывая глазъ,
Лежалъ я долго; кто принесъ меня
Домой — не могъ узнать я. День отъ дня
Разсудокъ мой свѣжѣй и тверже былъ,
Какъ вновь меня внезапно посѣтилъ
Томительный и пламенный недугъ.
Я былъ при смерти. Ни единый другъ
Не приходилъ провѣдать о больномъ...
Какъ часто въ душномъ сумракѣ ночномъ
Со страхомъ пробѣгалъ я жизнь мою,
Готовяся предстать предъ Судію;
Какъ часто, мучимъ жаждой огневой,
Я утолить ее не могъ водой
Задохшейся, и теплой, и гнилой;
Какъ часто хлѣбъ передъ лишеннымъ силъ
Черствѣлъ, хотя еще не тронутъ былъ;
И сколькихъ слезъ, стараясь мужемъ быть,
Я долженъ былъ всю горечь проглотить!..

И долго я томился. Наконецъ,
Родныхъ полей блуждающій бѣглецъ,
Я возвратился къ нимъ. — Въ большомъ саду,
Однажды я задумавшись иду, —
И вдругъ предъ мной бесѣдка. Узнаю
Зеленый сводъ, гдѣ я сказалъ: «люблю»
Невинной Лорѣ (я еще объ ней
Не спрашивалъ сосѣдственныхъ людей).
Но страхъ пустой мой умъ преодолѣлъ.
Вхожу, — и что-жъ бродящій взглядъ узрѣлъ?—
Могилу! — Свѣжій лѣтній вѣтерокъ
Порою несъ увялый къ ней листокъ,
И незабудками испещрена
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасомъ — но мрачной тоской
Я былъ подавленъ въ мигъ сей роковой!
Презрѣнье, гордость въ этой тишинѣ
Старались жалость побѣдить во мнѣ. —
Такъ вотъ что я любилъ!.. Такъ вотъ о комъ
Я столько думъ питалъ въ умѣ моемъ!..
И стоило-ль любить и покидать,
Чтобы странамъ чужимъ пути казать
Испорченное сердце (плодъ страстей),
Въ чемъ недостатка нѣтъ между людей?..
Такъ вотъ что я любилъ! Клянусь, мой Богъ,
Ты лучшую сей участь дать не могъ:
Пресѣчь должна кончина бытіе, —
Чѣмъ раньше, тѣмъ и лучше для нее!

И блещутъ, дѣва, незабудки надъ тобой,
Хотя забвенья стали пеленой;
Сплела изъ нихъ земля себѣ вѣнецъ,
Ихъ вырастили матерь и отецъ,
На нихъ роняя слезы каждый день,
Пока туманная ложася тѣнь
Съ холодной сладкою росой ночей
Не освѣжала старыхъ ихъ очей...
И я умру! — но только вѣтръ степей
Восплачетъ надъ могилою моей!..

Преодолѣть стараясь думъ борьбу,
Такъ я предчувствовалъ свою судьбу...
И я оставилъ прихотливый свѣтъ,
Въ которомъ для меня веселья нѣтъ,
И гдѣ раскаянье бѣжитъ отъ насъ,
Покуда юность не оставитъ глазъ.
Но я былъ старъ: я многое свершилъ!
Повѣрьте: не одно лишенье силъ,
Послѣдствія толпой протекшихъ дней,
Браздитъ чело и гаситъ жизнь очей!..
Я потому съ досадой ихъ кидалъ
На міръ, что самъ себя въ немъ презиралъ!
Я мнилъ: въ моемъ лицѣ легко прочесть,
Что въ сей груди такое чувство есть.
Я гордъ былъ — и не снесъ бы, какъ юзоръ,
Пытающій, нескромный, хитрый взоръ.
Какъ могъ бы я за чашей хохотать
И яркій даръ похмѣлья выпивать,
Когда всечасно мстительный металлъ
Въ больного сердца струны ударялъ?
Онѣ меня будили въ тьмѣ ночной,
Когда и умъ, какъ взглядъ, подернутъ мглой,
Чтобы нагнать еще ужасный сонъ;
Не уходилъ съ зарей багровой онъ.
Чѣмъ болѣ улыбалось счастье мнѣ,
Тѣмъ больше я терзался въ глубинѣ;
Я счастіе, казалося, привлекъ,
Когда его навѣки отнялъ рокъ,
Когда любилъ въ огнѣ мученій злыхъ
Я женщинъ мертвыхъ болѣе живыхъ.

Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ:
Жметъ сердце безотчетная тоска,
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
Чтобы спастись отъ этой пустоты
Воспоминаньемъ иль игрой мечты, —
Умножь одну или другую ты.
Послѣднее мнѣ было легче!.. Я
Опять бѣжалъ въ далекіе края,
И здѣсь, въ сей безднѣ, въ сѣверныхъ горахъ,

Зарютъ мой изгнаннический прахъ.
Безъ имени въ землѣ онъ долженъ гнить,
Чтобъ никого не могъ остановить.
Такъ я живу. Подземный мракъ и хладъ,
Однообразный стукъ, огни лампадъ
Мнѣ нравятся. Товарищей толпу
Презрѣнье себя всегда я чту —
И самолюбье веселитъ мой нравъ:
Такъ радъ кривой, слѣпого увидавъ!..

И я люблю, когда нѣмая грусть
Меня кольнетъ на воздухъ выйти. Пусть,
Пусть укоритъ меня обширный сводъ,
За коимъ въ славѣ возсѣдаетъ Тотъ,
Кто былъ и есть и вѣчно не прейдетъ.
Задумавшись, нерѣдко я сижу
Надъ дикою стремниной, и гляжу
Въ туманныя поля, передо мной
Отдохшія подъ свѣжею росой...
Тогда, какъ я, воскликнешь къ небесамъ,
Ломая руки: дайте прежнимъ днямъ
Воскреснуть!—Но ничто ихъ не найдетъ,—
И молодость вторично не придетъ!..

Ахъ! много чувствъ — и мрачныхъ, и живыхъ—
Открыть хотѣлъ бы Джуліо. Но ихъ
Пускай обниметъ ночь, какъ и меня!
Уже въ лампадѣ нѣтъ почти огня:
Страница кончена — и (хоть чудна)
Съ ней повѣсть жизни, прежде чѣмъ она...

ОЛЕГЪ

I

Во мглѣ языческой дубравы,
Въ года забытой старины,
Когда-то жертвенникъ кровавый
Дымился божеству войны
Тамъ возносился дубъ высокій,
Священный древностью глубокой;
Какъ неподвижный царь лѣсовъ
Чело до самыхъ облаковъ
Онъ подымалъ. На немъ висѣли
Кольчуги, сабли и щиты;
Вокругъ—сожженые кусты
И черепа убитыхъ тлѣли...
И пѣсня лады никогда
Не приносилася сюда!..
Поставленъ вѣры теплымъ чувствомъ,
Блестѣлъ кумиръ въ тѣни вѣтвей;
И ликъ, расписанный искусствомъ,
Былъ смытъ усиліемъ дождей.
Вдали лѣсистыя равнины
И неприступныя вершины
Гранитныхъ скалъ туманъ одѣлъ,
И Волховъ за лѣсомъ шумѣлъ.
Склоненъ невольно къ удивленью,
Пришлецъ чуждый, въ наши дни
Не презирай сихъ мѣстъ: они
Знакомы были вдохновенью!..
И скальдовъ сѣверныхъ не разъ
Здѣсь раздавался смѣлый гласъ...

II

Утихло озеро. Съ стремниной
Молчатъ туманныя скалы,
И вьются дикіе орлы,
Крича: надъ зеркальной пучиной
Ужь челноки съ давнишнихъ поръ
Волна глухая не лелѣетъ;
Кольцомъ вокругъ угрюмый боръ,
Поднявъ вершины, зеленѣетъ,
Скрываясь за хребтами горъ.
Давно ни несъ, ни всадникъ смѣлый
Страны глухой и опустѣлой
Не посѣщалъ. Окрестный звѣрь
Забылъ знакомый шумъ ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоитъ теперь?..
Съ какою здѣсь онъ мыслью странной?
Съ мечомъ, въ кольчугѣ; за спиной—
Колчанъ и лукъ. Щитъ стальной
Блеститъ насѣчкой иностранной...
Онъ тихо красный плащъ рукой
На землю бросилъ, не спуская
Недвижныхъ съ озера очей;
И кольца русыя кудрей
Бѣгутъ, на плечи ниспадая.
Въ героѣ повѣсти моей
Слѣды являлись краткихъ дней;
Но неприметно впечатлѣній,
Ни удовольствій, ни волненій,
Ни упоительныхъ страстей.
И, ставъ у пѣнистаго брега,
Онъ къ духу озера воззвалъ:
«Стрибогъ! Я вновь къ тебѣ предсталъ;
Не могъ ты позабыть Олега:
Онъ приносилъ къ тебѣ враговъ,
Свершая опасные набѣги;
Онъ въ честь тебя ихъ пролилъ кровь.
И тотъ опять среди лѣсовъ,
Предъ кѣмъ дрожали печенѣги,—
Какъ въ день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!»
И шумно взволновались воды,
Растутъ свинцовые валы;
Какъ въ часъ суровой непогоды
Покрылись пѣною скалы.
Возсталъ въ срединѣ столбъ туманный,
Тихонько видъ мѣняя странный...

Ясней, ясней, ясней... и вотъ,
Стрибогъ по озеру идетъ.
Глаза открытые сияли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые власы бѣжали
По голымъ персямъ старика...

III

Ахъ, было время, время боевъ,
На нашей милой сторонѣ!
Гдѣ жъ тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни сильныхъ я видалъ,
И громкій голосъ ихъ слыхалъ,
Въ часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль,—
Они на темносизыхъ тучахъ
Разнообразною толпой
Летятъ,—щиты въ рукахъ могучихъ;
Ихъ тѣшитъ бурь знакомый вой.
Сплетаясь цѣпію воздушной,
Они вступаютъ въ грозный бой.
Я зрѣлъ ихъ смутною душой,
Я имъ внималъ неравнодушно.
На мнѣ была тоски печать,
Бездѣйствіемъ терзалась совѣсть,
И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ простую повѣсть.
Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варягъ, боецъ (тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ).
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онеги
Поля и веси покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдямъ страшенъ былъ
Предъ нимъ дрожали печенѣги;
Съ нимъ отъ каспійскихъ береговъ
Казары дружества искали;
Его дружины побѣждали
Свирѣпыхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣньемъ гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлилъ князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?..

ЛИТВИНКА

I

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь спящихъ полей—
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья кликъ?
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ
И не мечталъ объ имени другомъ
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто;—онъ больше не хотѣлъ!
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда,
Богатый въ мирѣ, сильный на войнѣ;
Когда къ нему являлися они,—
Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ,
Презрѣніемъ дышалъ его привѣтъ;
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть можетъ, самъ того не зналъ;
Не потому ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпой былъ пріученъ?

II

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась спанча,
Бѣжалъ татаринъ и бѣжалъ литвинъ,—
И часто стоилъ войска онъ одинъ!
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ—литовской сабли слѣдъ.

III

И, возвратясь домой съ полей войны,
Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберегъ
Ни жемчуга, ни золотыхъ серегъ.
И, возвратясь въ забытый старый домъ,
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
Онъ не хотѣлъ разсказывать женѣ;
И, въ часъ свиданья, радости слеза
Хоть озарила нѣжные глаза,
Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
Страданія слезою ужъ была:..
Онъ пзмѣнилъ ей... Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники небесны, облака,
Свободно сердце и любовь легка...

IV

Два дня прошло, и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна

Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
Въ монастырѣ, далеко отъ людей
[И потому поближе къ небесамъ];
Ихъ жизнь—одна молитва будетъ тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвясь и имъ дыша,
Могла-ль забыть того, кто столько лѣтъ
Одинъ былъ для нея и жизнь, и свѣтъ?
Онъ измѣнилъ, увы! Но потому,
Ужель ей должно измѣнить ему?..
Печаль несчастной жертвы и законъ—
Все презиралъ для новой страсти онъ,
Для плѣнницы, литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой;
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все—въ угодность ей.

V

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно! Наконецъ
Оставилъ онъ долину, и вѣнецъ
Горы высокой—терема озарилъ,
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ расписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена,
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ея
Чуть поднималъ отцовское копье...
Теперь... гдѣ сынъ и мать? На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ;
Безмолвная подруга лучшихъ дней—
Разстроенная лютня передъ ней,
И, по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя...
Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
И очи, голубыя какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ;
Но не зари плѣнялъ ее разливъ.
Тамъ родина! Пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ!
Тамъ вольны дѣвы! тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: «хочу любви твоей!..»

VI

Она должна съ покорностью нѣмой
Любить того, кто грозною войной
Опустошилъ поля ея отцовъ;
Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
Затверживать, и ненависть, тоску—
Учить любви святому языку;
Младую грудь къ волненью принуждать
И страстью небывалой объяснять
Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

VII

Вечерній пиръ готовъ. Рабы шумятъ,
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ,
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино;
Къ его игрѣ привыкнувши давно,
Арсеній пьетъ янтарную струю,
Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ;
И ложная улыбка, громкій смѣхъ,
Кромѣ ея, обманываютъ всѣхъ.
И вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
Арсеній; и литвинку обнялъ онъ,
И кудри золотыхъ ея волосъ,
Нѣжнѣе шелка и душистѣй розъ,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый ликъ, отмѣченный войной.
Лукаво посмотрѣвъ, приявши видъ
Невольной грусти, Клара говоритъ:
«Ты любишь ли меня?»—«Какой вопросъ!—
Воскликнулъ онъ:—Кто-жъ больше перенесъ
И для тебя такъ много погубилъ,
Какъ я?.. И твой Арсеній не любилъ?!
И, человѣкъ,—я-бъ могъ обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя!..
О, шутками меня не искушай!
Мой адъ—среди людскихъ заботъ, мой рай—
У ногъ твоихъ!.. И если я не тутъ,
И если рукъ моихъ твои не жмутъ,
Дворецъ и плаха для меня равны!
Досадой дни мои отравлены!
Я непороченъ у груди твоей,
Суровъ и дикъ между другихъ людей!
Тебѣ въ колѣна голову склонивъ,
Я, какъ дитя, безпеченъ и счастливъ,
И теплое дыханье устъ твоихъ
Пріятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!..
Ты рождена, чтобы повелѣвать:
Моя любовь то можетъ доказать.
Пусть я твой рабъ,—но лишь не рабъ судьбы!
Достойны ли тебя ея рабы?
Повѣрь, когда-бъ меня не создалъ Богъ,
Онъ неспослать бы въ міръ тебя не могъ!»—

VIII

«О, если-бъ точно ты любилъ меня,—
Сказала Клара, голову склоня:—
Я не жила бы въ теремѣ твоемъ.
Ты говоришь: онъ—мой... А что мнѣ въ немъ?

Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
Очамъ онъ милъ,—но сердцу онъ чужой.
Здѣсь въ рощѣ воды чистыя текутъ,
Но рѣчку ту не Вилісй зовутъ;
И вѣтеръ, здѣсь колеблющій траву,
Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву!..
Нѣтъ, русскій, я не вѣрую любви!
Безъ милой воли—что дары твои?»
И отвернулась Клара, и укоръ
Изобразилъ презрѣнья хладный взоръ.
Недвижимъ былъ Арсеній близъ нея,
И, кромѣ воли, отдалъ бы онъ все,
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

IX

Но что за гость является ночной?
Стучатъ въ ворота сильною рукой,
И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
Кричитъ: кто тамъ?—«Впустите! Ночь темна...
Въ долинѣ буря свищетъ и реветъ,
Какъ дикій звѣрь, и тмитъ небесный сводъ.
Впустите обогрѣться хоть на часъ;
А завтра, завтра мы оставимъ васъ,
Но никогда въ моленіяхъ своихъ
Гостепріимный кровъ степей чужихъ
Мы не забудемъ!..» Стражъ не отвѣчалъ,
Но ключъ въ замкѣ укрѣпомъ завизжалъ,
Объ доски тяжкій загремѣлъ затворъ,—
Расхлопнулись ворота, и на дворъ
Два странника въѣзжаютъ; фонаремъ
Озарены, идутъ въ господскій домъ.
Широкій плащъ на каждомъ, и порой
Звенитъ и блещетъ что-то подъ полой.

X

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
Не много пьютъ и меньше говорятъ.
Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
Употреблять не русскій онъ языкъ.
И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
Съ литвинки молодой, и взоръ его
Для многихъ бы не значилъ ничего...
Но видно ей когда-то былъ знакомъ
Тотъ дикій взоръ съ возвышеннымъ челомъ;
Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
Напоминалъ,—какъ знать!.. Не женскій страхъ
Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспѣшно отвернуть,
И бѣлою рукой закрыть глаза,
Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...

XI

«Ты поблѣднѣла, Клара!»—«Я больна...»—
И въ комнату свою спѣшитъ она;
Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
Блеститъ вдали, забытъ и одинокъ;
И вѣтеръ, нарушитель тишины,
Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣпы;
То лай собакъ, то колокола звонъ
Его дыханьемъ въ полѣ разнесенъ.
И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
Вмѣщалъ въ себѣ безпечный, рѣзвый умъ!
О, если-бъ кто-нибудь увидѣть могъ
Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ...
И что могло такъ дѣву взволновать?
Не пришлецы-ль?.. Но гдѣ и какъ узнать?..
Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
Покуда все, что небомъ ей дано,
Не превратятъ въ страданіе одно.

XII

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой,
Какъ упованья сладостный привѣтъ
Отъ сердца гонитъ память прошлыхъ бѣдъ.
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—онъ странствуетъ одинъ,
Небесной степи блѣдный властелинъ.
Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ,
И, придавая чудный блескъ стеклу,
Безпечно разыгрался на полу
И озарилъ персидскій онъ коверъ,
Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
Но что за звукъ раздался за стѣной?
Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
Подобный звуку пѣсни... Если-бъ онъ
Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ...
Но вотъ опять!.. Такъ точно... Кто-жъ поетъ?..
Ты, плѣнница, узнала! вѣрно тотъ,
Чей взоръ туманный съ насмурнымъ челомъ
Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
Туда, туда меня они зовутъ;

И имъ отозвался въ груди моей
Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней...

XIII

Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
Какъ вольность вольной, какъ она — простой;
И все, чѣмъ сердцу родина мила,
Въ родимой пѣснѣ плѣнница нашла.
И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
И все, что женской гордости лишь могъ
Внушить позоръ, явилось передъ ней
Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй...
Она схватила лютню, и струна
Звенитъ, звенитъ... и вдругъ пробуждена
Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣтъ
Нигдѣ, — она мгновенна лишь была,
И въ чьей груди родилась — умерла.
И понялъ, кто внималъ! не мудрено:
Понятье о небесномъ намъ дано.
Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ,
Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

XIV

Взошла заря, и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску мѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ? — Онъ спитъ, но... вѣчнымъ сномъ!
Тяжелый кипутъ на землю затворъ,
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся въ крови сѣдая борода.
Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ:
Съ бездѣйствіемъ отчаянья, вокругъ
Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, головы склоня,
И каждый состраданіемъ пылалъ.
Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ...
И гдѣ ночной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
Въ пескѣ затоптанъ маленькой ногой?..
Гдѣ странники? Къ воротамъ виденъ слѣдъ...
Понятно все: ихъ нѣтъ... и Клары нѣтъ!

XV

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принесть;
Но, наконецъ, рѣшились. Онъ внималъ,
Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ,
Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвецъ,
Съ открытымъ взглядомъ встрѣтившій конецъ.
И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
Блестя огнемъ, былъ холоденъ какъ ледъ;
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И рѣчь изъ синихъ губъ оторвалась.
На клятву походила рѣчь его,
Но въ ней никто не понялъ ничего;
Она была на языкѣ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

XVI

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
Но сердце, пораженное тоской,
Ужь было мертво, — хоть въ груди живой.
Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь, —
Но что прошло, небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣетъ? Кто мечтамъ?
Назначитъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
И отъ души какая можетъ власть
Отсѣчь ея мучительную часть?
Бѣжали дни. Ничѣмъ ужь не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,
Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела...
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести;
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ:
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже день за днемъ...
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить,
Когда бы только смерть; но измѣнить!..
И прежде презиралъ ужь онъ людей, —
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

XVII

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ;
Она сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинять нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.
Въ прекрасномъ мірѣ — жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной — ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни; и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ
Но слѣдъ войны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ отнявній вновь не зацвѣтетъ...
Есть демонъ сокрушитель благъ земныхъ,
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй;

Врагъ истины, врагъ Неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ, —
Все, что ему еще завидно въ насъ...

XVIII

Противъ Литвы пошелъ великій князь.
Его дружины, местью воспылясь,
Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
Гдѣ загорится пламенникъ войны.
Желая защищать свои права,
Дрожитъ за вольность гордая Литва;
И клювы хищныхъ птицъ, и зубъ волковъ
Скользятъ ужь по костямъ ея сыновъ.

XIX

И въ русскій станъ, осеннимъ, сѣрымъ днемъ,
Явился разъ, одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ,
Боецъ, извѣстный храбростью своей,
И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
Явился онъ?—Не честь страны родной
Онъ защищать хотѣлъ своей рукой,
И между многихъ вражескихъ сердецъ
Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

XX

Вдоль по рѣкѣ, съ бѣгущею волной,
Разноситъ вѣтеръ бранный шумъ и вой.
Въ широкомъ полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
Свели сегодня русскій и литвинъ.
Чертой багряной сѣрый небосклонъ
Отъ голубыхъ полей ужь отдѣленъ;
Темнѣютъ облака на небесахъ,
И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ...
Все бой кипитъ и гнется русскій строй,
И, окруженъ отчаянной толпой,
Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласъ
Всѣ души чудной силою потрясъ?..
Явился воинъ: красный плащъ на немъ;
Онъ безъ щита; онъ уронилъ шеломъ.
Вооруженъ сѣкирою стальной,
Предсталъ, — и врагъ валится, и другой,
Съ запекшеюся кровью на устахъ,
Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
Сыновъ Литвы. Ослушенные кони
Браздамъ не вѣрятъ. Тщетно бы они
Хотѣли вновь побѣду удержать:
Ихъ гонятъ, бьютъ,—они должны бѣжать.
Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
Они ударовъ тяжкихъ сыплютъ градъ.

XXI

Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ:
Онъ кровію рѣшился, наконецъ,
Огонь, въ груди прослувшійся, залить;
Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
Одно созданье!.. Кучи мертвецовъ
Кругомъ него простерты безъ щитовъ,
И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
Которымъ месть владѣетъ съ давнихъ поръ.
Арсеній шелъ, опередивъ своихъ,
Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ.
Когда-жъ замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,
То было поздно... «Вижу, часъ насталъ!»—
Подумалъ онъ, и мечъ его искалъ
Послѣдней жертвы. «Это онъ!»—
За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ,
Арсеній обернулся,—и хотѣлъ
Проклятье произнесть, но не успѣлъ...
Какъ ангелъ брани, въ легкомъ шишакѣ,
Стояла Клара съ саблею въ рукѣ;
И юноши тѣснились за ней.
И словомъ, и движеніемъ очей
Распоряжая пылкою толпой,
Она была, казалось, ихъ судьбой.
И, встрѣтивши Арсенія, она
Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
Она сказала: «Воины, впередъ!
Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
Они бѣгутъ, но мы не побѣжимъ.
Кто первый мигъ его покажетъ кровь,
Тому моя рука, моя любовь!»

XXII

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услыхалъ свой приговоръ:
«И ты противъ меня!»—воскликнулъ онъ.
Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
Какъ будто сердца лучная струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ—
И обернулся медленно плащомъ,
Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ...
И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть;
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
И наконецъ оно превозмогло.
Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ,—
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ,
Хотя-бъ молитву или злой упрекъ
Онъ произнесъ,—но нѣтъ, онъ былъ далекъ

Отъ этихъ чувствъ,—онъ вѣкъ счастливый свой
Опередилъ невѣрящей душой.
Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать,—
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать...

XXIII

И опустѣлъ его высокій домъ,
И странниковъ не угощаютъ въ немъ.
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры! И гладкій полъ
Не скрипнетъ ужь подъ легкою ногой
Красавицы лукавой и младой!
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все какъ прежде: лютня у окна
И вкругъ нея обвитая струна,
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ;
И, раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ луна—нескромная луна...

XXIV

Есть монастырь... И тамъ, въ недѣлю разъ,
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью передъ набожной толпой
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
Не тяготитъ сырыхъ его костей;
Никто объ немъ не плакалъ,—лишь одна
Монахиня... Богъ знаетъ, кто она!..
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной онъ былъ жестокъ...
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обманутъ былъ съ такимъ умомъ,
Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?..
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза вырастаетъ: молода
И зелена,—и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ;
И часто отдыхающій пришлецъ
Груститъ о ней и мыслитъ: наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Увянетъ преждевременно она...
Но что-жъ?—Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!..

АУЛЪ-БАСТУНДЖИ

ПОСВЯЩЕНІЕ

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежный:
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ раннихъ лѣтъ кипитъ въ моей крови
Твой жаръ и бурь твоихъ порывъ мятежный;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ—твой, всегда и всюду твой!..
Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
Меня носили въ царствѣ урагана,
И принималъ меня, лелѣя, ты
Въ объятія изъ сизаго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
И надо мной, какъ остовъ великана,
Въ стези обросшій мохомъ и травой,
Лежали горы грудой вѣковой.
Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдыя,
Когда по нимъ, гремя, катился громъ
И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры откликались кругомъ...
Я понималъ ихъ звуки роковые;
И въ край надзвѣздный пылкою душой
Леталъ на колѣсницѣ громовой!..
Моей души не понялъ міръ,—ему
Души не надо; въ мракъ ея глубокой,
Какъ вѣчности таинственную тьму,
Ничье живое не проникнетъ око.
И въ ней-то, недоступныя уму,
Живутъ воспоминанья о далекой,
Святой землѣ... Ни свѣтъ, ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ... Я—твой! Я всюду твой!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ; горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужь нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ сброшенныхъ грозой...

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужь тамъ не слышны болѣ,
И въ знойный лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ;
И безъ оглядки, съ пикой за спиной,
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орелъ
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

3

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ, пустынная змѣя
Изъ-подъ камней, рѣзвяся, выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ
Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4

Сгорѣлъ аулъ и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой о немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: «скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?»

5

Въ аулѣ томъ, безъ ближнихъ и друзей,
Когда-то жили два родные брата;
И въ Пятигорьѣ не было грозней
И не было отважнѣй Акбулата.
Меньшой былъ слабъ и нѣженъ съ юныхъ дней,
Какъ цвѣтъ весенній подъ лучомъ заката!
Чуждался битвъ и крови онъ и зла,
Но искра въ немъ таилась... и ждала...

6

Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убилъ своимъ рожденьемъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ — преступленьемъ!
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
Онъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!..

7

Онъ росъ одинъ... на волѣ, безъ заботъ,
Какъ птичка межъ землей и небесами!
Блуждая съ дѣтства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ безбрежный сводъ;
Порой въ степи, застигнутый мечтами,
Одинъ сидѣлъ до поздней ночи онъ,
И вкругъ него леталъ чудесный сонъ...

8

И земляки — зачѣмъ? то знаетъ Богъ —
Чуждались ихъ бесѣды; особливо
Пугались ихъ кони, и за ихъ порогъ
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селимъ не могъ,
Свой тонкій станъ, высокій и красивый,
Въ бешметъ шелковый, праздничный одѣвъ,
Привлечь одной улыбки гордыхъ дѣвъ.

9

Сбиралась-ли ватага удальцовъ
Отбить табунъ иль бранною забавой
Потѣшиться, — оставя бѣдный кровъ,
Имъ вслѣдъ, съ усмѣшкой горькой и лукавой,
Смотрѣли братья, сумрачны, безъ словъ, —
Какъ смотритъ облакъ иногда двуглавый,
Засѣвъ межъ скалъ, на свѣтлый бѣгъ луны,
Одинъ исполненъ грозной тишины.

10

Дивились всѣ взаимной ихъ любви,
И не любилъ никто ихъ... оттого-ли,
Что никому они дѣла свои
Не повѣряли, и надменной воли
Склонить предъ чуждой волей не могли?..
Не знаю, — тайна ихъ угрюмой доли
Темнѣе строкъ, начертанныхъ рукой
Прохожаго на плитѣ гробовой...

11

Была ихъ сакля меньше всѣхъ другихъ,
И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленый.
Рядкомъ блистали на стѣнахъ простыхъ
Арканъ, сѣдло съ насѣчкой воронёной,
Два башлыка, двѣ шашки боевыхъ,
Да два ружья, которыхъ стволъ гранёный,
Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ,
Былъ закопченъ въ дыму пороховомъ.

12

Однажды... Акбулата ждалъ Селимъ
Съ охоты. Было поздно. На долину
Туманъ ложился, какъ прозрачный дымъ;
И сквозь него, прорѣзавъ половину
Косматыхъ скалъ, какъ буркою, густымъ
Одѣтыхъ мракомъ, — дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозрѣвалъ задумчивый Бешту.

13

Вдали тянулись розовой стѣной,
Прощаясь съ солнцемъ, горы снѣговыя;
Машукъ склоняся лысой головой
Черезъ струи Подкумка голубыя,
Казалось, думалъ тяжкою стопой
Перешагнуть въ ном стіи чужія.
Съ мечети слѣзъ мулла; аулъ дремалъ...
Лишь въ крайней саклѣ огонекъ блисталъ.

14

И ждетъ Селимъ. Сидитъ онъ часъ и два;
Гуляя въ полѣ, горный вѣтеръ плачетъ,
И подъ окномъ колышется трава.
Но чу! далекій топотъ... кто-то скачетъ...
Примчался. Фыркнулъ конь, заржалъ... Сперва
Спрыгнулъ одинъ, потомъ другой... Что это значитъ?
То не сайгакъ, не волкъ, не звѣрь лѣсной!
Онъ прискакалъ съ добычею иной.

15

И въ саклю молча входитъ Акбулатъ,
Самодовольно взорами сверкая.
Селимъ къ нему: «Ты загулялся, братъ!
Я чай, съ тобой не дичь одна лѣсная».
И любопытно онъ взглянулъ назадъ.
И видитъ онъ: черкешенка младая
Стоитъ въ дверяхъ, мила какъ херувимъ;
И поблѣднѣлъ невольно мой Селимъ.

16

И въ немъ, какъ будто пробудясь отъ сна,
Зашевелилось сладостное что-то...
— «Люби ее! она моя жена!» —
Сказалъ тогда Селиму братъ. «Охотой
Родной аулъ покинула она,
Нашъ бѣдный домъ хранимъ ея заботой
Отнынѣ будетъ.—Зара! вотъ моя
Отчизна, все богатство, вся семья!..»

17

И Зара улыбнулась, и уста
Хотѣли вымолвить слова привѣта,
Но замерли.—Вдоль по челу мечта
Промчалась тѣнью. По словамъ поэта,
Казалось, вся она была слита,
Какъ гурія, изъ сумрака и свѣта;
Бѣлѣй и чище раннихъ облаковъ
Являлась грудь, поднявшая покровъ.

18

Черны глаза у серны молодой,
Но у нея глаза чернѣе были;
Сквозь тѣнь рѣсницъ, исполнены душой,
Они блаженствомъ сердцу говорили!
Высокій станъ искусною рукой
Былъ стройно перетянутъ безъ усилій;
Сквозь черный шелкъ витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

19

Змѣились косы на плечахъ младыхъ,
Оплетены тесемкой золотою;
И мраморъ плечъ, бѣлѣя изъ-подъ нихъ,
Былъ разрисованъ жилкой голубою.
Она была прекрасна въ этотъ мигъ,
Прекрасна вольной, дикой простотою,
Какъ южный плодъ румяный, золотой,
Обрызганный душистою росой.

20

Селимъ смотрѣлъ. Высоко билось въ немъ
Встревоженное сердце чѣмъ-то новымъ.
Какъ сладко, страстно пламеннымъ челомъ
Прилегъ-бы онъ къ грудямъ ея перловымъ!..
Онъ вздрогнулъ, вышелъ... сумраченъ лицомъ,
Кинжалъ рукою стиснувъ.—На шелковомъ
Коврѣ лѣниво Акбулатъ лежалъ,
Курилъ и думалъ... О! когда-бъ онъ зналъ!..

21

Промчался день, другой... и много дней;
Они живутъ, какъ прежде, нелюдимо.
Но разъ... шумѣла буря, все чернѣй
Утесы становились. Съ воемъ мимо,
Подобно стаѣ скачущихъ звѣрей,
Толпою рѣзвыхъ, жадныхъ псовъ гонимой,
Неслися другъ за другомъ облака,
Косматыя, какъ перья шишака.

22

Очами Акбулатъ ихъ провожалъ
Задумчиво съ порога сакли бѣдной,
Вдругъ шорохъ. Онъ глядитъ... предъ нимъ стоялъ
Селимъ, безъ шапки, пасмурный и блѣдный;
На поясѣ, звеня, висѣлъ кинжалъ,
Рука блуждала по оправѣ мѣдной;
Слова кипѣли смутно на устахъ,
Какъ бьется пѣна въ тѣсныхъ берегахъ.

23

И юношѣ съ участіемъ живымъ
Онъ молвилъ: «Что съ тобой?—не понимаю!
Скажи!» —«Я гибну!» отвѣчалъ Селимъ,
Сверкая мутнымъ взоромъ: «Я страдаю!..
Одною думой день и ночь томимъ!

Я гибну!.. Ты ревнивъ, ты вспыльчивъ, — знаю:
Безумца не захочешь ты спасти!..
Такъ, я виновенъ... Но, прости!.. прости!..»

24

«Скажи, тебя обидѣлъ кто-нибудь?—
Обиду злобы кровью смыть могу я!
Иль конь пропалъ? Забудь объ немъ, забудь,—
Въ горахъ коня красивѣе найду я!
Иль отъ любви твоя пылаетъ грудь?
И чуждой дѣвы хочешь поцѣлуя?..
Ее увезть легко во тьмѣ ночной,—
Она—твоя!.. Но молви: что съ тобой?»

25

«Легко спросить, но тяжко разсказать
И чувствовать!.. Молился я Пророку,
Чтобъ ангеламъ велѣлъ онъ ниспослать
Хоть каплю влаги пламенному оку!..
Ты видишь, есть ли слезы?.. О! не трать
Молитвъ напрасныхъ... Къ яркому Востоку
И Западу взывалъ я... но въ моей
Душѣ все шевелится грусть, какъ змѣй!..

26

«Я проклялъ небо—осѣдлалъ коня,
Пустился въ степь. Безъ цѣли мы блуждали,
Не различалъ ни ночи я, ни дня...
Но вслѣдъ за мной мечты мои скакали!
Я гибну, братъ!.. Пойми, спаси меня!
Твоя душа не крѣпче бранной стали,
Когда я былъ ребенкомъ, ты любилъ
Ребенка... помнишь это? иль забылъ?..

27

Послушай... бурно молодость во мнѣ
Кипитъ, какъ жаркій ключь въ скалахъ Машука!
Но ты, въ твоей суровой сѣдинѣ
Видна усталость жизни, лѣнь и скука.
Пускай летать ты можешь на конѣ,
Звенящую стрѣлу бросать изъ лука,
Догнать оленя и врага сразить...
Но... такъ, какъ я, не можешь ты любить!..

28

«Не можешь ты безмолвно цѣлый часъ
Смотрѣть на взоръ живой, но безотвѣтный,
И утопать въ сіяньи милыхъ глазъ,
Тая въ груди, какъ месть, огонь завѣтный!
Обнявши Зару, я видалъ не разъ,
Какъ ты томился скукою примѣтной...
Я-бъ отдалъ жизнь за поцѣлуй такой,
И... еслибъ могъ, не пожалѣлъ другой!..»

29.

Какъ облака, висящія надъ нимъ,
Сталъ мраченъ ликъ суровый Акбулата;
Дрожь пробѣжала по усамъ сѣдымъ,
Взоръ покраснѣлъ, какъ зарево заката.
— «Что произнесть рѣшился ты, Селимъ!»—
Воскликнулъ онъ. Селимъ не слушалъ брата.
Какъ бѣдный рабъ, онъ палъ къ его ногамъ,
И волю далъ страданью и мольбамъ.

30

— «Ты видишь: я погибъ... Спасенья нѣтъ...
Отчаянье, любовь... вездѣ! повсюду!
О! ради прежней дружбы... прежнихъ лѣтъ...
Отдай мнѣ Зару!.. уступи!.. Я буду
Твоимъ рабомъ... Послушай: сжалься!.. Нѣтъ,
Нѣтъ!.. ты меня, какъ ветхую посуду,
Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
Но, видишь: вотъ кинжалъ! — а тамъ: есть Богъ!..

31

«Когда-бъ хотѣлъ, я-бъ могъ давно, повѣрь,
Упиться счастьемъ, презрѣть все святое!
Но я подумалъ: нѣтъ, какъ лютый звѣрь,
Онъ растерзаетъ сердце молодое!—
И вотъ пришло раскаянье теперь,
Пришло—но поздно! Я ошибся вдвое,
Я, какъ глупецъ, остался на земли,
Одинъ, одинъ... безъ дружбы и любви!..

32

«Что медлить: я готовъ.—Не размышляй!
Одинъ ударъ—и мы спокойны оба.
У ы! минута съ ней—небесный рай!
Жизнь безъ нея—скучнѣй, страшнѣе гроба! -
Я здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшись, иль знай:
Любовь хитрѣй, чѣмъ ревность или злоба;
Я вырву Зару изъ твоихъ к гтей;
Она моя—и быть должна моей!..»

33

Умолкъ. Блѣдней снѣговъ былъ нѣжный ликъ,
Въ очахъ дрожали слезы изступленья;
Межъ губъ слова слились въ невнятный крикъ
Мучительный, ужасный... Сожалѣнье
Угрюмый братъ почувствовалъ на мигъ:
«Пройдетъ, сказалъ онъ, время заблужденья!
Есть много звѣздъ: одна другой свѣтлѣй;
Красавицъ много безъ жены моей!..

34

«Что далъ мнѣ Богъ, того не уступлю;
А что сказалъ я, то исполню свято.
Пророкъ зритъ мысль и слышитъ рѣчь мою!

Меня не тронутъ ни мольбы, ни злато!...
Прощай... Но если... если...»—«Я люблю,
Люблю ее!»—сказалъ Селимъ, объятый
Тоской и злобой:—«Я просилъ, скорбѣлъ...
Ты не хотѣлъ!.. Такъ помни-жъ: не хотѣлъ!..»

35

Его уста скривилъ холодный смѣхъ,
Онъ продолжалъ: «Все кончено отнынѣ!
Нѣтъ для меня ни дружбы, ни утѣхъ!..
Благодарю тебя!.. Ты, какъ объ сынѣ,
Объ юности моей пекся: сказать на грѣхъ.
Но волѣ нѣжилъ ты цвѣтокъ въ пустынѣ,
Но волѣ оборвалъ его листы...
Я буду помнить—помни только ты!..»

36

Онъ отвернулся и исчезъ какъ тѣнь.
Стоялъ недвижимъ Акбулатъ смущенный,
Мрачнѣй, чѣмъ громомъ опаленный пень.—
Шумѣла буря. Вѣтромъ наклоненный,
Скрипѣлъ полуразрушенный плетень;
Да иногда, грозою заглушенный,
Изъ бѣдной сакли раздавался вдругъ
Безпечной, нѣжной, вольной пѣсни звукъ!..

37

Такъ иногда, одна въ степи чужой,
Залетная пѣвица, птичка юга,
Поетъ на вѣткѣ дикой и сухой,
Когда вокругъ шумитъ, бушуетъ вьюга,—
И путникъ внемлетъ съ тайною тоской,
И думаетъ: то вѣрно голосъ друга'
Его душа, живущая въ раю,
Сошла печаль привѣтствовать мою!..

38

Селимъ сѣдлаетъ вѣрнаго коня,
Гребенкой мѣдной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещетъ; крѣпко обвивая
Сѣдло съ конемъ, сцѣпились два ремня.
Стремена ровны, плетка шелковая
На арчагѣ мотается. Хранитъ,
Косится конь... Пора, садись, джигитъ!

39

Горячъ и статенъ конь твой вороной:
Какъ красный уголь, его сверкаетъ око;
Нога стройна, косматый хвостъ трубой,
И лоснится хребетъ его высокій,
Какъ черный камень, сглаженный волной,
Какъ саранча, легко въ степи широкой
Порхаетъ онъ подъ легкимъ сѣдокомъ,
И голосъ твой давно ему знакомъ!.

40

И молча на коня вскочилъ Селимъ;
Нагайкою махнулъ, привсталъ немного
На стременахъ... Затрепеталъ подъ нимъ
И захрапѣлъ товарищъ быстроногій!
Скачокъ, другой... поздрями паръ, какъ дымъ...
И полетѣлъ знакомою дорогой,
Какъ пыльный листъ, оторванный грозой,
Летитъ, крутясь, по степи голубой!..

41

Размашисто скакалъ онъ; и кремни,
Какъ брызги, разсыпаясь, трещали
Подъ звонкими копытами. Они
Сырую землю мѣрно поражали;
И долго вслѣдъ ущелія одни
Другъ другу этотъ звукъ передавали,
И въ голубой дали онъ замиралъ,
Какъ будто бѣгъ коня ослабѣвалъ...

42

Какъ духъ изгнанія, Селимъ исчезъ
За пеленой волнистаго тумана...
У табуна сторожевой черкесъ,
Дивяся, долго вслѣдъ ему съ кургана
Смотрѣлъ и думалъ: «Много есть чудесъ...
Великъ Аллахъ!.. Ужасна власть шайтана!
Кто скажетъ мнѣ, что этого коня
Хозяинъ мрачный—сынъ земли, какъ я?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Межъ виноградныхъ лозъ наборный ключъ
Отъ мирнаго аула недалеко,
Бѣжалъ по камнямъ, свѣтелъ и гремучъ
Небесъ восточныхъ голубое око
Глядѣлось въ немъ; и плавалъ жаркій лучъ
Въ его волнѣ студеной и глубокой;
И мелкій дождь серебряныхъ цвѣтовъ
Въ него съ прибрежныхъ сыпался деревъ.

2

Вотъ мирный часъ, когда на водопой
Бѣжитъ къ потоку серны пугливыхъ стая
Шумя по листьямъ и травѣ густой.
Вотъ часъ, когда черкешенка младая
Идетъ купаться тайною тропой.
Нагую ножку въ воду погружая,
Она дрожитъ, смѣется... и вокругъ
Кидаетъ взглядъ, гдѣ дышатъ страсть и югъ...

3

Не бойся, Зара!—всюду тишина;
Присядь на камень, сбрось покровъ узорный!

Вода въ ручьѣ, прозрачна, холодна,
Смиритъ волненье груди непокорной,
И освѣжитъ твой смуглый станъ она.
Но, чу!.. Постой!.. Чей это шагъ проворный
Не въ добрый часъ раздался межъ кустовъ?..
Святой пророкъ!.. Скорѣй, гдѣ твой покровъ?..

4

Но сильно тѣмъ то жаркая рука
Хватаетъ руку Зары. Страстенъ, молодъ
Огонь руки сей!.. Сакля далека...
Что дѣлать?.. Въ грудь ея смертельный холодъ
Проникъ, какъ пуля мѣткаго стрѣлка,
И сердце громко билось въ ней какъ молотъ...
—«Селимъ, ты здѣсь?.. Злой духъ тебя принесъ!
Зачѣмъ пришелъ ты?»—«Я?.. какой вопросъ!»—

5

—«Селимъ!.. О! я погибла!»—«Можетъ быть;
Такъ что-жъ?»—«Ужель ни капли сожалѣнья!
Чего ты хочешь?»—«Я хочу любить!
Хочу!—Ты видишь, краткія мученья
Меня ужъ измѣнили... скучно жить,
Какъ звѣрю, одному... часамъ терпѣнья
Насталъ послѣдній срокъ!—Я снова здѣсь,
Я твой навѣкъ душой и тѣломъ—весь!...

6

«Я зналъ, что вашъ Пророкъ—не мой пророкъ,
Что люди—мнѣ чужіе, а не братья;
Я странствовалъ въ пустынѣ одинокъ
И сумраченъ, какъ дивъ, дитя проклятья!
Безъ страха я давно-бъ въ могилу слегъ;
Но холодны сырой земли объятья...
Ахъ! я мечталъ хоть мигъ одинъ заснуть,
Мою главу склонивъ къ тебѣ на грудь!..

7

«Бѣги со мной!.. Оставь свой бѣдный домъ!
Я молодъ, свѣжъ; твой мужъ—старикъ суровый...
Рѣшись, спѣши: мнѣ тайный путь знакомъ
Мое ружье вѣрнѣй стрѣлы громовой;
Кинжалъ мой блещетъ гибельнымъ лучомъ;
Моя рука быстрѣй, чѣмъ взглядъ и слово;
И у меня [illegible] въ горахъ,
Гдѣ спрятать насъ можетъ лишь Аллахъ!

8

«Мой домъ открытъ въ [illegible] скалы.
Въ немъ до меня два барса дружно жили;
Узнавъ пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянувъ, бросились, завыли...
Я ихъ убилъ—и въ тотъ же день орлы
Кровавыя ихъ кости растащили;
А шкуры ихъ у входа, по бокамъ,
Висятъ теперь на страхъ другимъ звѣрямъ

9

«Тамъ ложе есть изъ моха и цвѣтовъ;
Тамъ есть родникъ, межъ камней изсѣченный;
Его питаетъ влага облаковъ
И брызжетъ онъ, журча, струею плѣнной,
Бѣги со мной!.. никто твоихъ слѣдовъ
Не различитъ въ степи, мой другъ безцѣнный!
И только мѣсяцъ съ солнцемъ золотымъ
Узнаютъ—какъ и кто тобой любимъ...»

10

Обнявши станъ ея полунагой,
Едва дыша, склонившись къ ней устами,
Онъ ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской...
Она молчала. Шаткими вѣтвями
Шумѣлъ надъ ними вѣтеръ полевой,
И тѣни листьевъ темными рядами
Бродили по челу ея... Она
Какъ мраморный кумиръ была блѣдна...

11

— «Рѣшись же, Зара,—ждать я не могу!
Ты поблѣднѣла?.. Что такое?.. слезы?
Но развѣ здѣсь ты предана врагу?
Иль рѣчь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь?—Нѣтъ, я лгу...
Твои уста, нѣжнѣй иранской розы,
Они не могутъ это произнесть!..
Пусть нѣтъ въ тебѣ любви, но жалость есть!..

12

«О, какъ я былъ бы счастливъ, какъ богатъ
Подъ звѣздами Аллы, одинъ съ тобою!
Скажи: тебя не любитъ Акбулатъ?
Онъ золъ, ревнивъ, онъ насмуренъ душою?
И рѣчь его хладнѣе, чѣмъ булатъ?..
Онъ для тебя постылъ... Бѣги со мною...
Но ты качаешь молча головой...
Не онъ тобой любимъ!.. Но кто-жъ другой?

13

Скорѣй: откуда? гдѣ онъ?—назови—
Я бытвержу зловѣщее названье...
Я обниму, какъ брата,—и... въ крови
Запечатлѣю братское лобзанье.
Кто-жъ, онъ счастливецъ, царь твоей любви?
Пускай придетъ, презрѣвъ мое страданье
При мнѣ тебя и нѣжить, и ласкать...
Я радъ смотрѣть, клянусь тебѣ—молчать!..»

14

И онъ склонилъ мятежную главу
И онъ закрылъ лицо свое руками,
И видно было ей какъ на траву

Упали двѣ слезы двумя звѣздами.
Безъ смысла и безъ звука, на яву
Какъ бы во снѣ, онъ шевелилъ устами
И, наконецъ, припалъ къ землѣ сырой,
Какъ та земля и хладный, и нѣмой.

15

Ей стало жаль; она сказала вдругъ:
«Не плачь!.. ужасенъ видъ твоей печали!
Отецъ мой былъ великій воинъ: югъ,
И сѣверъ, и востокъ объ немъ слыхали.
Онъ былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
И низкой лжи уста его не знали...
Я дочь его, и честь его храню:—
Умру, погибну,—но не измѣню!

16

«Оставь меня!—я счастлива съ другимъ!»
—«Не правда!..»—«Я люблю его!.. конечно!»
—«Онъ мой злодѣй, мой врагъ!!»—«Селимъ, Селимъ!
Кто-жъ виноватъ?.. Скажи, ужели вѣчно
Не примиритесь вы?»—«Мириться? съ нимъ?..
Да кто-же я, чтобъ злобой скоротечной
Дразнить людей и небо!»—«Ты жестокъ!»
—«Какъ быть?—такую душу далъ мнѣ рокъ!..»

17

«Прощай! ужь поздно!» — «Богъ разсудитъ насъ!
Но если я съ тобой увижусь снова,
То это будетъ—знай—въ послѣдній разъ!..»
Онъ быстро всталъ и болѣе ни слова
Онъ не сказалъ и скрылся... День угасъ,
Лишь блѣдный лучъ изъ-за Бешту крутого
Едва свѣтилъ прощальною струей
На блѣдный ликъ черкешенки младой.

18

Селимъ не возвращался.—Акбулатъ
Спокоенъ,—онъ не видитъ, что порою
Его жены доселѣ ясный взглядъ
Туманится невольною слезою.
Вотъ, разъ съ охоты ѣхалъ онъ назадъ;
Аулъ дремалъ въ тѣни, таясь отъ зною,
Сходя съ мечети тихою стопой,
Ему мулла кивастъ головой

19

И говоритъ: «Куда спѣшишь, мой сынъ?
Не лучше-ли гулять въ широкомъ полѣ?
Черкесъ прямой—всегда, вездѣ одинъ,
И служитъ только родинѣ да волѣ!
Черкесъ землѣ и небу господинъ,
И чуждый врагъ ему не страшенъ болѣ;
Но, еслибъ онъ послушался меня,
Жену бы кинулъ—а купилъ коня!»

20

— «Молись Пророку и Аллѣ, мулла,
И не мѣшайся ты въ дѣла чужія.
Твой вѣренъ глазъ,—моя вѣрнѣй стрѣла!
За весь табунъ твой не отдамъ жены я!»
И тотъ въ отвѣтъ: «Я не желаю зла.
Но вспомнишь ты слова мои простыя!..»
Смутился Акбулатъ,—потупилъ взоръ
И скачетъ онъ скорѣй къ себѣ на дворъ.

21

Съ дрожащимъ сердцемъ въ саклю входитъ онъ,
Глядитъ: на ложѣ смятомъ и разрытомъ,
Кинжалъ знакомый блещетъ безъ ножонъ...
Любимый конь не ржетъ, не бьетъ копытомъ,
Нейдетъ на встрѣчу Зара... Мертвый сонъ
Повсюду, лишь на очагѣ забытомъ
Сверкаетъ пламень... Онъ не взвидѣлъ дня:
Нѣтъ ни жены,—ни лучшаго коня!..

22

Безъ силъ, безъ думъ, недвижимъ, какъ мертвецъ,
Пронзенный сзади пулею несмѣлой,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ,
Присѣлъ онъ на порогъ,—и что кипѣло
Въ его груди, то знаетъ лишь Творецъ!—
Часы бѣжали. Небо потемнѣло,
Съ росой на землю пала тишина;
Изъ тучъ косматыхъ глянула луна.

23

Блѣдней луны сидѣлъ онъ недвижимъ.
Вдругъ слышенъ топотъ; все ясней, ясней...
Вотъ мчится въ полѣ конь. Какъ легкій дымъ
Волною грива хлещетъ вдоль по шеѣ,
И вьется что-то бѣлое надъ нимъ,
Какъ покрывало... Конь летитъ быстрѣе...
Знакомый конь... Вотъ близко, прискакалъ,
Но вдругъ затрясся, захрипѣлъ,—и палъ.

24

Издохшій конь недвижимо лежитъ,
На немъ, колеблясь, блещетъ покрывало;
Черкесской пулей тонкій холстъ пробитъ,
Кровь запеклась на немъ струею алой!
Къ коню въ смущеньи Акбулатъ бѣжитъ;
Лицо надеждой снова заблистало:
—«Спасибо, другъ, не выдалъ ты меня!» —
И гладитъ онъ издохшаго коня.

25

И покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой поднялъ онъ рукою;
Склонился. Мѣсяцъ свѣтитъ: о, Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?
Глубоко въ грудь, какъ скорпіонъ, свинецъ
Впился, насытясь кровью молодою;
Ремень, обвившій нѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣдлу надежнымъ прикрѣпленъ узломъ.

26

Какъ раннiй снѣгъ, бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала,
Обрызганная кровью... и луна
По гладкому челу, скользя, играла;
Съ безцвѣтныхъ устъ, какъ слабый призракъ сна,
Послѣдняя улыбка исчезала,
И, опустясь, рѣсницы бахромой
Бездушный взоръ таили подъ собой.

27

Узналъ-ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою чарой,
Плѣнялъ тебя лишь день тому назадъ?..
Все понялъ онъ—стоитъ надъ мертвой Зарой,
Терзаетъ грудь и рветъ одежды онъ,
Зоветъ ее, но—крикъ мертвыхъ сонъ!..

28

И въ ту-же ночь, за часъ передъ зарей,
Съ мечети грянулъ вѣщій звукъ набата.
Народъ сбѣжался: какъ маякъ ночной,
Пылала ярко сабля Акбулата.
Вокругъ нея огонь вился змѣей,
Кидая къ небу съ трескомъ искры злата;
И чей-то смѣхъ мучительный и злой
Сквозь дымъ и пламя вылеталъ порой.

29

И ницъ упалъ испуганный народъ...
«Молитесь, дѣти!—это смѣхъ шайтана!»—
Сказалъ мулла таинственно—и вотъ
Какой-то темный стихъ изъ Алкорана
Запѣлъ онъ громко... Но огонь реветъ
И мечется сильнѣе урагана,
И, не внимая жалобнымъ мольбамъ,
Расходится по крышамъ и стѣнамъ.

30

И зарево на дальнихъ высотахъ
Трепещущимъ румянцемъ отразилось;
И серна горъ, лежавшая въ кустахъ,
Послышавъ крикъ, вздрогнула, пробудилась.
Ее невольно обнялъ тайный страхъ:
Стряхнувъ съ себя росу, она пустилась...
И, спавшіе подъ сѣнію скалы,
Взвились съ крикомъ дикіе орлы...

31

Да упадетъ проклятіе людей
На жизнь Селима! Пусть въ стѣни палящей
Отъ глазъ его сокроется ручей!
Пускай булатъ рукѣ его дрожащей
Измѣнитъ въ битвѣ, и въ кругу друзей
Тоска туманитъ взоръ его блестящій;
Пускай, одинъ бродя во тьмѣ ночной,
Онъ чей-то шагъ все слышитъ за собой!

32

Да упадетъ проклятіе Аллы
На голову убійцы молодого;
Пускай умретъ не въ битвѣ—отъ стрѣлы,
А дома—отъ разбойника ночного.
Иль полумертвый, на хребтѣ скалы,
Три ночи и три дня лежитъ безъ крова;
Пусть зной палитъ, и бьетъ его гроза,
И хищный коршунъ выклюетъ глаза!..

33

Когда придетъ, покинувъ выси горъ,
Его душа къ обѣщанному раю,
Пускай Пророкъ свой отворотитъ взоръ
И грозно молвитъ: «О, тебя я знаю!..
Тогда, понявъ язвительный укоръ,
Воскликнетъ онъ: «Прости мнѣ, умоляю!..»
И снова скажетъ грѣшнику Пророкъ:
«Ты былъ жестокъ—и я съ тобой жестокъ!»

34

Сгорѣлъ аулъ—и слухъ о немъ исчезъ;
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь иногда, въ туманный день, черкесъ
Объ немъ, вздохнувъ, разсказываетъ нынѣ,
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: «Скажи,
Не знаешь-ли аула, Бастунджи?..»

К А Л Л Ы *)

ЧЕРКЕССКАЯ ПОВѢСТЬ

'T is the clime of the East; 't is the land of the Sun.—
Can he smile on such deeds as his children have done?
Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.
Byron.

I

Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.

*) Убійца.

Мои совѣты—Божій гласъ;
Клянись имъ слѣдовать душою...
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за побѣжденныхъ;
И не тебѣ принадлежатъ
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на землѣ орудье мщенья,
Палачъ, а жертва—Акбулатъ...
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!—
Старайся быть суровъ и мраченъ
Забудь о жалости пустой,—
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми-жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный и рази!»
Такъ говорилъ мулла жестокій,
И кабардинецъ черноокій
Безмолвно, чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но, чуждый страха, онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся—своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

II

Ужь день погасъ. Угрюмо бродитъ
Аджи вкругъ сакли... И давно
Въ горахъ все тихо и темно.
Луна, какъ желтое пятно,
Изъ тучки въ тучку переходитъ,
А вѣтеръ свищетъ и гудетъ.
Какъ призракъ, юноша идетъ
Теперь къ завѣтному порогу;
Кинжалъ изъ кожаныхъ ножонъ
Ужь вынимаетъ понемногу...
И вдругъ дыханье слышитъ онъ!
Аджи не долго разсуждаетъ:
Врагу заснувшему онъ въ грудь
Кинжалъ безъ промаха вонзаетъ,
И въ ней спѣшитъ перевернуть.
Кому убійцей быть судьбина
Велитъ—тотъ будь имъ до конца:
Одинъ погибъ; но съ кровью сына
Смѣшать онъ долженъ кровь отца.
Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые,
Черты открытаго лица
Спокойны, и усы большіе
Уста закрыли бахромой;
Какъ на молитву сжаты руки...
Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
Аджи? Ты мщенья слышишь звуки?
Ты слышишь?.. то отецъ родной!—
И съ ложа визъ, окровавленный,
Свалился медленно старикъ,
И сталъ ужасенъ блѣдный ликъ,
Лобзаньемъ смерти искаженный.
Взглянулъ убійца молодой...
И жертвы ищетъ онъ другой!
Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышитъ,
Но не встрѣчаетъ ничего—
И только сердца своего
Біенье трепетное слышитъ.
Ужели всѣ погибли?—нѣтъ!—
Вѣдь дочь была у Акбулата!—
И ждетъ ее—въ семнадцать лѣтъ!—
Судьба отца и участь брата...
И вотъ луны дрожащій свѣтъ
Проникнулъ въ саклю, озаряя
Два трупа на полу сыромъ,
И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
Спала дѣвица молодая.

III

Мила, какъ сонный херувимъ,
Передъ убійцею своимъ
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сонъ мятежный
Волнуя дѣвственную грудь,
Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
Однажды, полные томленья,
Открылись черные глаза;
И—тайный признакъ упоенья—
Блистала ярко въ нихъ слеза;
Но, испугавшись мрака ночи,
Мгновенно вновь закрылись очи...
Увы! ихъ радость и любовь,
И слезы не откроютъ вновь!..
И онъ смотрѣлъ. И въ думахъ тонетъ
Его душа... Проходитъ часъ...
Чей это стонъ? Кто такъ простонетъ
И не послѣдній въ жизни разъ?
Кто, услыхавъ такіе звуки,
До гроба можетъ ихъ забыть!
О, какъ не трудно различить
Отъ крика смерти—голосъ муки!

IV

Сидитъ мулла среди ковровъ,
Добытыхъ въ Персіи счастливой;
Въ дыму табачныхъ облаковъ

Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво,—
Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ:
Въ крови, съ зловѣщими очами,
Аджи вбѣгаетъ молодой;
Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой—
Окаймлена волосъ волнами,
Лезгинки юной голова...
«Свершилось! Вотъ тебѣ, мулла,
Подарокъ... Какъ вѣрны удары
Мои!..—Аджи ему сказалъ,—
Ну, чтожъ, узналъ, узналъ-ли, старый?..»
И взмахъ руки—и ужь торчалъ
Въ груди дымящійся кинжалъ...

V

На вышинѣ горы священной,
Вечернимъ солнцемъ озаренный,
Какъ одинокій часовой,
Бѣлѣетъ памятникъ простой:
Какой-то столбикъ округленный.
Чалмы подобіе на немъ,
Шиповникъ стелется кругомъ.
Оттуда синія пустыни
И гребни самыхъ дальнихъ горъ—
Свободы вѣчныя твердыни—
Пришельца открываетъ взоръ.
Забывши міръ и имъ забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Подъ этимъ камнемъ спитъ мулла,—
И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
Другого любитъ безъ боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
Отъ злобной ревности она!..

VI

И въ это время слухъ промчался
(Гласитъ преданье), что въ горахъ
Безвѣстный странникъ показался,
Опасный въ мирѣ и бояхъ.
Какъ дикій звѣрь людей чуждался,
И женщинъ онъ ласкать не могъ!
. . . . . *)

*) Быть-можетъ, совѣсти упрекъ
Въ ея чертахъ найти страшился...
Слѣды страданья и тревогъ
Не укрывались отъ вниманья:
Подъ башлыкомъ упорный взоръ
Внушалъ лишь страхъ... Ни состраданья
Ни сожалѣнья—лишь укоръ
Судьбѣ читался въ немъ... Никто
Не признавалъ въ Абрекѣ друга,—
Онъ поражалъ какъ бичъ недуга...
Встрѣчалъ-ли ночью онъ кого,
Встрѣчалъ-ли днемъ,—всегда его
Всѣ сторонились, избѣгали,
Какъ дней проклятья иль печали.
Ему открытъ былъ всюду путь...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не затѣмъ чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье.
И онъ лишь знаетъ, почему
Каллы ужасное прозванье
Въ горахъ осталося ему.

САШКА

(ПРАВСТВЕННАЯ ПОЭМА).

I

Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ, — в пиши *)
Ему про казни, цѣпи да изгнанья,
Про темныя волненія души,

*) *Первоначально поэма начиналась такъ:*

I

Свои записки нынѣ пишутъ всѣ,
И тотъ, кто славно жилъ и умеръ славно,
И тотъ, кто кончилъ жизнь на колесѣ;
И каждый лжетъ, хоть часто слишкомъ явно,
Чтобъ выставить себя во всей красѣ.
Увы!—Дѣла ихъ, чувства, мнѣнья
Погибнутъ безъ слѣда въ волнахъ забвенья;
Ни модный слогъ, ни модный фронтисписъ—
Ихъ не спасетъ отъ плѣсени и крысъ;
Но хоть пути предшественниковъ склизки,
И я хочу издать мои записки.

II

Нашъ вѣкъ ужасно страненъ! Все пиши
Ему про добровольныя изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышно—муки да страданья.
Такія вещи, право, хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто жизнь свою въ [illegible] губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость [illegible];
Но, видя отъ нея лишь вредъ глазамъ,
Минувшее свое, безъ дальней справки,
Я схоронить рѣшился въ книжной лавкѣ.

III

Печальныхъ много будетъ тутъ вещей,
Но васъ онѣ заставятъ разсмѣяться.—
Когда, уставъ отъ дѣлъ, отъ ласкъ друзей,
Отъ ласкъ жены, случится вамъ остаться
Однимъ, тогда вы книжкою моей
Займитесь чинно. Кликните Петрушку:
Онъ дастъ вамъ трубку; мягкую подушку
Вамъ за спину положитъ;—и потомъ,
Раскрывъ на серединѣ первый томъ,
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать, какъ вамъ угодно.

IV

Видѣнья сна замѣнятъ мой разсказъ,
Запутанный и, какъ они, неясный.
И еслибъ могъ я спать, то въ этотъ часъ

И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ
Кто дни свои въ воспоминаньяхъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
И видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужъ, какъ бывало,—
Пою, смѣюсь.—Герой мой добрый малый.

II

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ хлопотъ,
Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился;
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ;
Но я за то ни мало не сердился,
И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
Печаленъ ли, бывало, тотчасъ скажетъ,
Когда же веселъ, счастливъ—глазъ не кажетъ.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ ты;
Хвалилъ во мнѣ, что прочіе хвалили,
И былъ мой вѣчный визави въ кадрили

III

Онъ былъ мой другъ. Ужь нѣтъ такихъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Не тронуто никѣмъ, какъ дружба наша,
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ
И то, что ты сказалъ передъ кончиной
Изъ слушавшихъ не понялъ не единый

Съ пером въ рукахъ, я-бъ на яву напрасно
Не бредилъ... Правда, мнѣ не въ первый разъ
Просиживать въ мечтахъ о томъ, что было,
Мучительныя ночи... Тайной силой
Я былъ лишенъ отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Забвенья жизни и забвенья бѣдъ...
И даже сны упорно повторяли
Моей души протекшія печали

V

Сонъ—благо, даръ небесъ, когда онъ тихъ
Безропотно, какъ смерть, какъ отдыхъ раз,
Но, признаюсь я, часто для иныхъ
Карикатура жизни—жизнь вторая:
Не лучше первой, полная нѣмыхъ
И безпокойныхъ образовъ другого
Таинственнаго міра, неземного
Смущенная душа, раздѣлена
Между... и призраками сна,
Блуждаетъ въ мірѣ вымысла безъ пищи
Какъ лазарони, а по-русски нищій...

IV

И былъ ли то привѣтъ странѣ родной
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,—
Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
Наполнить сердце, жившее такъ много
И такъ недолго съ смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять,
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья—
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
Кто-бъ ни былъ ты: внукъ Евы иль Адама,
Разумникъ ли, шалунъ ли молодой,—
Картина будетъ; это—только рама!
Отъ правилъ утвержденныхъ старины
Не отступлю,—я уважаю строго
Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
Неправда-ль, кто не старъ въ восьмнадцать лѣтъ,
Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ,—
О наслажденьяхъ знаетъ лишь какъ слухъ,
И самъ лишь ѣстъ и пьетъ, да давитъ мухъ?

VI

Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
Я врагъ Невѣ и невскому туману,
Тамъ (я весь міръ въ свидѣтели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Занятья вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
Москва—не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Тамъ я впервые въ дни надеждъ и счастья
Былъ боленъ отъ любви и любострастья.

VII

Москва, Москва!.. люблю тебя, какъ сынъ,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣряться главою—и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы

VIII

Ты живъ!.. Ты живъ, и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало, я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безызвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX

Я не философъ—Боже сохрани!—
И не мечтатель. За полетомъ пташки
Я не гонюсь, хотя въ былые дни
Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
Ну, муза!—ну, скорѣе,—разверни
Запачканный листокъ свой подорожный!
Не завирайся,—тутъ зоилъ безбожный...
Куда теперь намъ ѣхать изъ Кремля?
Воротъ вѣдь много, велика земля!
Куда?—«На Пресню! погоняй, извозчикъ!»-
«Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчикъ!»

X

Луна катится въ зимнихъ облакахъ
Какъ щитъ варяжскій, или сыръ голландскій...
Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
Спокойствія рачитель на часахъ
У будки пробудился, восклицая:
«Кто ѣдетъ?»—«Муза!»—«Что за чортъ! Какая?»
Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды...
Бѣлѣетъ мостъ, по сторонамъ сады
Подъ инеемъ пушистымъ спятъ унылы.
Луна сребритъ желѣзныя перилы.

XI

Гуляка праздный, пьяный молодецъ
Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
Держась за нихъ, бредетъ. И вотъ конецъ
Перилъмъ.—«Все напрасно!»—Заскрипѣли
Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
По мрамору... Лачуги, цѣпью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
«Держи къ воротамъ... Стой,—сугробъ глубокъ!..
Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише
И платье подними какъ можно выше».

XII

Калитка—скрипъ... Дворъ теменъ. По доскамъ
Идти неловко... Вотъ, насилу, сѣни
И лѣстница, по снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожащія ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взяли. Толкнули дверь—и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, загораживаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: «что угодно вамъ?»
И, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII

Но, несмотря на это, мы взойдемъ.
Вы знаете—для музы и поэта,
Какъ для хромого бѣса, каждый домъ
Имѣетъ входъ особый; ни секрета,
Ни запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ...
У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
Сидѣли двѣ .. дѣвицы—не дѣвицы...
Красавицы... названье тутъ какъ разъ!..
Чѣмъ выгодиѣй,—узнать прошу я васъ
Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,—
Красавицею быть или дѣвицей?

XIV

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ; и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды,—то, что мы и всѣ видали
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
Вдругъ обливалъ и потолокъ и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ
И верба, наклоненная надъ ни
Блистала вдругъ листами золотыми.

XV

Одна изъ нихъ (красавицъ) не вполнѣ
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
И то заснувъ—о небесахъ мечтая!
Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
Она сидѣла нѣсколько небрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое «нѣтъ» иль
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

XVI

Она была затѣйливо-мила,
Какъ польская затѣйливая панна;
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Она-бъ на судъ неправедный пошла
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ;
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ;
Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,
А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
И лжи тутъ нѣтъ, какъ въ томъ, что мы—варяги.

XVII

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шпіономъ
И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ, вдоль по бастіонамъ,
Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
И многіе, вздохнувъ, сказали: «жалкій,
Несчастный жидъ,—онъ умеръ не подъ палкой!»
Его жена, пять мѣсяцевъ спустя,
Произвела на Божій свѣтъ дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета.

VIII

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая
Прохожимъ не замѣчена,—ни зла
Ни гордой добродѣтели не зная
Но часъ насталъ,—пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказалъ два слова
Она въ объятья божества земного
Упала; но, увы, прошло дней шесть,
Ужъ полубогъ успѣлъ ей надоѣсть;
И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ошибки,
Она дарила всѣмъ свои улыбки

XIX

Мечты любви умчались какъ туманъ·
Свобода стала ей всего дороже.
Обманомъ сердце платитъ за обманъ
(Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже).
Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
Изображался рѣзко. Не наемный
Огонь горѣлъ въ очахъ, безъ цѣли томно,
Покрыты свѣтлой влагой иногда,
Они блуждали; какъ порой звѣзда
По небесамъ блуждаетъ,—и, конечно,
Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной.

XX

Безвѣстная печаль смѣнялась вдругъ
Какою-то веселостью недужной...
(Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ!)
Волной вставала грудь, и пламень южный
Въ лапитахъ рдѣлся, бѣлый полукругъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался,
Головка поднималась, развивался
Душистый локонъ, и на ликъ младой,
Лоснясь, катился черною струей;
И ножка, разрѣзвясь, не зная плѣна,
Безстыдно обнажалась до колѣна —

XXI

Когда шалунья навзничь на кровать
Шумя, смѣясь, роскошно упадала,
Не спорю, мудрено ее понять,—
Она сама себя не понимала,—
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню-ребенку. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою силой
Явиться и привѣтливой душой
Его согрѣть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаемъ,
Все это мы современемъ узнаемъ.

XXII

Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались во едину,
И мысли ихъ встрѣчалися во всемъ.
О, если-бъ знали, сколько въ этомъ званьи
Сердецъ отличныхъ, добрыхъ! Но вниманье
Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ;
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...
Увы, друзья, а наведите справки:
Вся прелесть ихъ... въ кредитъ изъ модной лавки!

XXIII

Она была свѣжа, бѣла, кругла,
Какъ снѣжный шарикъ: щеки, грудь и шея,
Когда она смѣялась или пла,
Дрожали сладострастно; не красѣя,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидѣла юбка; но плутовка
Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
Ласкать умѣла буйно, горячо,
И, хитро передразнивая чувства
Слыла царицей своего искусства...

XXIV

Она звалась В..... Но я
Желалъ бы ей другое дать названье:
Скажу-ль, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей пробудитъ воспоминанье,
Какъ подъ пятой прижатая змѣя,
И ползаетъ, какъ та, среди развалинъ,
По жиламъ сердца. Я тогда печаленъ,
Сердитъ, — молчу, или браню весь домъ
И радъ прибить за слово чубукомъ.
Итакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
В..... здѣсь перекрестимъ въ Парашу

XXV

Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
Со смѣхомъ повторить не смѣетъ лира!
Живой водой печали окропленъ,
Какъ трупъ давно застывшаго вампира,
Грозя перстомъ, поднялся молча онъ, —
И мысль къ нему прикована... Ужели
Въ моей груди изгладить не успѣли
Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ —
Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
(Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
Получше ихъ видалъ я послѣ много).

XXVI

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
Но перваго восторга чудный звукъ
Въ груди не умираетъ, — и порою,
Сквозь облако заботъ, когда недугъ
Мой слабый умъ томитъ неугомонно,
Ея глаза мнѣ свѣтятъ благосклонно.
Такъ въ часъ ночной, когда гроза шумитъ
И бродятъ облака, — звѣзда горитъ
Въ дали эфирной, не боясь ихъ злости,
И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

XXVII

Предъ нагорѣвшей сальною свѣчой
Красавицы раздумавшись сидѣли,
И заставлялъ ихъ вздрагивать порой
Унылый свистъ играющей мятели.
И какъ и вамъ, читатель милый мой,
Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
Условнаго, залаяла собака
И у калитки брякнуло кольцо.
Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
Параша потянулась и зѣвнула
Такъ, что едва не бухнулась со стула,

XXVIII

А Тирза быстро выбѣжала вонъ.
Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ
Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
Упалъ на стулъ... Заботливой рукою
Сняла Параша плащъ, потомъ другою
Стряхнула иней съ шелковыхъ кудрей
Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
Все нравится, что молодо, красиво,
И въ чемъ мы видимъ прибыль особливо

XXIX

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Изящно былъ причесанъ — и такъ далѣ
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ
И галстукъ надушонъ былъ, какъ на балѣ.
Ему едва-ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣдностью казалися покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты, —
Не знаю, мукъ ли то послѣднихъ слѣдъ,
Но имъ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ —
И на устахъ его, опасней жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала

XXX

Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, то-есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился; что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ
И что другую тратилъ не умнѣй.
Въ глазахъ его, открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ
Презрѣнье, гордость; хоть онъ не былъ гордъ
Какъ глупый турокъ, иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ

XXXI

Борьба рождаетъ гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣе,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батареѣ
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...
Клянусь, имѣть великій надо геній,
Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣжденій,
Какъ сбросилъ бы я платье, еслибъ вдругъ
Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ.
Но нынѣ насъ противное пугаетъ:
Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

XXXII

Да кто же этотъ гость?.. Pardon, сейчасъ!..
Разсѣянность... Messieurs, рекомендую:
Герой мой, другъ мой — Сашка!.. Жаль для насъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую,
И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье,
Я говорилъ,—онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужь здѣсь!..
И я нашелъ, что мнѣ его исправить
Труднѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

XXXIII

Герой мой Сашка тихо развязалъ
Свой галстукъ... «Сашка»—старое названье!
Но «Сашка» тотъ печати не видалъ
И недозрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньѣ.
Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
Другого имя,—дурно-ль, хорошо-ли,
Разувѣрять друзей не въ нашей волѣ.
Онъ галстукъ снялъ, разсѣянно перстомъ
Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
Спросилъ: «Гдѣ Тирза?» — «Дома». — «Чтожъ не видно
Ея?» — «Уснула». — «Какъ ей спать не стыдно!»

XXXIV

И онъ поспѣшно входитъ въ тотъ покой,
Гдѣ часто съ Тирзой пламенныя ночи
Онъ проводилъ... Все полно тишиной
И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи
Недвижно смотритъ мѣсяцъ золотой
И на стеклѣ въ узоры ледяные
Кидаетъ искры, блестки огневыя,
И голубымъ сіяніемъ стѣна
Игриво и свѣтло озарена.
И онъ (не мѣсяцъ, но мой Сашка)—слышитъ,
Въ углу на ложѣ кто-то слабо дышитъ.

XXXV

Онъ руку протянулъ,—его рука
Попала въ стѣну; протянулъ другую,—
Ощупалъ тихо кончикъ башмачка,
Схватилъ потомъ и ножку, но какую?!..
Такъ миньятюрна, такъ нѣжна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .

XXXVI

Блаженная минута!.. Закипѣлъ
Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей,
Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣлъ
И станъ ея обвилъ рукой дрожащей.
Въ самозабвеньи пылкомъ онъ не смѣлъ
Дохнуть... Онъ думалъ: «Тирза дорогая!
И жизнію, и чувствами играя,
Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,—
Какъ ты, одинъ съ свободою моей
Не знаю въ людяхъ, ни врага, ни друга,—
Живу, чтобъ жить какъ ты, моя подруга!

XXXVII

«Судьба вчера свела случайно насъ,
Случайно завтра разведетъ навѣчно,—
Не все ль равно, что годъ, что день, что часъ,
Лишь только бъ я провелъ его безпечно?..»
И не сводилъ онъ яркихъ черныхъ глазъ
Съ своей жидовки, и не зналъ, казалось,
Что рѣзвое созданье притворялось,
Межъ тѣмъ почла за нужное она
Проснуться, и была удивлена,
Какъ надлежало... Страхъ и удивленье
Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье.

XXXVIII

И, прежде потеревъ глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?»—«Я, твой Саша!»—
«Неужто?.. Видишь, баловникъ какой!
Ступай, давно тамъ ждетъ тебя Параша!..
Нѣтъ, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это былъ скорѣе поцѣлуй.
Да, мерзкій критикъ, что ты ни толкуй,
А есть уста, которыя украдкой
Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!..

XXXIX

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрно бъ свой престолъ украсилъ ею,—
У ногъ ея и царство, и законъ,
И славу позабылъ бы... Но не смѣй
Васъ увѣрять затѣмъ, что не рожденъ
Владыкой, и не знаю, въ низкой долѣ,
Какъ люди цѣнятъ вещи на престолѣ
А знаю только то, что Сашка мой
За цѣлый міръ не отдалъ бы порой

Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

XL

«Откуда ты?»—«Не спрашивай, мой другъ!
Я былъ на балѣ!»—«Балъ! а что такое?»—
«Невѣжда! это—говоръ, шумъ и стукъ,
Толпа глупцовъ, веселье городское, –
Наружный блескъ, обманчивый недугъ;
Кружатся дѣвы, чванятся нарядомъ,
Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ;
Кто ловитъ душу, кто пять тысячъ душъ...
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель,
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель».

XLI

Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смѣшна
Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.
Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла-бъ кружиться ловко предъ толпою,
Терзать мужчинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала,
И уязвлять, но не желая зла,
Соперницъ гордой жалостью, и въ свѣтѣ
Блистать, и ѣздить четверней въ каретѣ.

XLII

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жмется къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
Уста полураскрытыя, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье—
И цѣлый часъ я пропущу въ молчаньѣ.

XLIII

Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣлъ,
И только раздавались изрѣдка
Сверчка ночного жалобныя трели;
И мышь въ тѣни родного уголка
Скреблась въ обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о томъ,
Что небеса грозили близкимъ днемъ,
Что ночь. Вы на вѣку своемъ едва-ли
Такихъ ночей десятокъ насчитали...

XLIV

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь всѣ шутки!
Какая мысль мнѣ странная пришла:
Что, если-бъ ты, откинувъ предразсудки
(Она его тутъ крѣпко обняла),—
Что, если-бъ ты, мой милый, мой безцѣнный,
Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
То завтра, или даже въ день иной
Меня въ театръ повезъ-бы ты съ собой.
Извѣстно мнѣ, все для тебя возможно,
А отказать въ бездѣлицѣ—безбожно».

XLV

— «Пожалуй!»—отвѣчалъ ей Саша. Онъ
Изъ словъ ея разслушалъ половину:
Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
Какъ птица клонитъ слабую тростину.
Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
Съ безсонницей. Въ теченьи долгой ночи
Бывало безпокойно бродятъ очи,
И жжетъ подушка влажное чело.
Душа груститъ о томъ, что ужь прошло,
Блуждая въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони или русскій нищій...

XLVI

И жадный червь ее грызетъ, грызетъ,—
Я думаю, тотъ самый, что когда-то
Терзалъ Саула; но порой и тотъ
Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатый,
Какъ ангела таинственный полетъ,
Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды;
И опускались пламенныя вѣжды,
Съ гармоніей сливалася мечта,
И злобный духъ бѣжалъ какъ отъ креста.
Но этихъ звуковъ нѣтъ ужь въ поднебесной,
Они исчезли съ арфою чудесной...

XLVII

И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
Что нашъ безлучный міръ — лишь прахъ могильный
Другого,—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая, рукою сильной
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ,
Свѣтила—ей двоюродные братья,
Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья,
И по сродству планетъ цѣнятъ въ добрый часъ

Вліяніе благотворное на насъ...
А дай сойтись, такъ заварится каша,—
Въ кулачки, и... прощай планета наша.

XLVIII

И пусть они блестятъ до той поры,
Какъ ангеловъ вечернія лампады.
Придетъ конецъ воздушной ихъ игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Люблю я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взоромъ въ ихъ цѣпи огнистой,—
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь, давно измѣренный душой,—
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.

XLIX

И такъ герой нашъ спитъ; пріятный сонъ,
Покойна ночь. А вы, читатель милый,
Пожалуйте,—иначе принужденъ
Я буду васъ удерживать и силой...
Романъ, впередъ!.. Не идетъ? — Ну, такъ онъ
Пойдетъ назадъ. (Герой нашъ спитъ). Покуда,
Хочу я разсказать, кто онъ, откуда,
Кто мать его была, и кто отецъ,
Какъ онъ на свѣтъ родился; наконецъ,
Какъ онъ попалъ въ позорную обитель,
Кто былъ его лакей и кто учитель.

L

Его отецъ—симбирскій дворянинъ,
Иванъ Ильичъ N. N—овъ, мужъ дородный;
Богатаго отца любимый сынъ,—
Былъ самъ богатъ; имѣлъ онъ умъ природный
И, что ума полезнѣй, важный чинъ;
Съ четырнадцати лѣтъ служилъ и съ міромъ
Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ,—
А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
Былъ человѣкъ, и слѣдственно уменъ.
Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья;
Спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ,
Ни на кого не обращалъ вниманья.
И не носилъ приличія вериг.
Однако-же предъ знатью горделивой
Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво,—
Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
Для исполненья требовалъ поклонъ;
А кланяться закону иль вельможѣ—
Считалося тогда одно и то же.

LII

Онъ старшихъ уважалъ, зато и самъ
Почтительность вознаграждалъ улыбкой,
И, ревностный хотя угодникъ дамъ,
Женился, по словамъ его, ошибкой.
Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы,
И что печаль его была одна
Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
Но мнѣ они большіе эгоисты,—
Все женъ винятъ, какъ будто сами чисты.

LIII

Благодари меня, о женскій полъ!
Я—Демосоенъ твой: за твою свободу
Я радъ шумѣть; я непомѣрно золъ
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть имъ далъ?.. Возстаньте,—часъ пришелъ!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнье!
Конецъ всему есть! Беззаботно, явно
Идите вслѣдъ за Маріей Николавной!
Понять меня, я знаю, вамъ легко,
Вѣдь въ вашихъ жилахъ—кровь, не молоко,
И... и краснѣть умѣете ужь кстати
Отъ взоровъ и намековъ нашей братьи...

LIV

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
По старому обычаю. Безъ лести
Сказать, онъ велъ себя, какъ я люблю,
По правиламъ тогдашней старой чести.
Проказница-жъ жена (не утаю)
Читать любила жалкіе романы,
Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
Въ бесѣдкѣ темной сидя до утра.
А мѣсяцъ и романы до добра
Не доведутъ,—отъ нихъ мечты родятся...
А искушенью только бы добраться!

LV

Она была прелакомый кусокъ
И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлью.
Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
А не на камень. Чувствамъ и веселью
Казенныхъ не назначено дорогъ.

Но въ брачной жизни Марья Николавна
Была, какъ надо, ласкова, исправна;
Но, говорятъ (хоть можетъ-быть и лгутъ),
Что долгъ супруги—только лишній трудъ,
Что мужъ у женъ подобныхъ (не въ обиду
Будь сказано), какъ вывѣска, для виду.

LVI

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
На самой на горѣ, противъ собора.
При мнѣ давно никто ужь не жилъ въ немъ:
И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
Какъ инвалидъ съ георгьевскимъ крестомъ.
Но нѣкогда съ кудрявыми главами
Вдоль стѣнъ колонны высились рядами;
Прозрачною рѣшеткой окруженъ,
Какъ клѣтка между нихъ висѣлъ балконъ,
И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
Виднѣлися гардинъ прозрачныхъ складки.

LVII

Внутри все было пышно, на столахъ
Пестрѣли разноцвѣтныя клеенки
И люстры отражались въ зеркалахъ,
Какъ звѣзды въ лужѣ; моськи и болонки
Встрѣчали шумно каждаго въ дверяхъ,
Одна другой несноснѣе, и далѣ
Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
Кричалъ безстыдно: «Кто пришелъ?.. Дуракъ!»
А гость съ улыбкой думалъ: «какъ не такъ!»
И, ласково хозяйкой принимаемъ,
Чрезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Налѣво, то-есть къ западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами,
И кое-гдѣ въ тѣни—отрада днемъ—
Уютный садъ, обсаженный рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной,—
Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
Угодно, или, какъ межъ знатныхъ дамъ,
Румяная крестьянка—дочь природы,
Испуганная блескомъ гордой моды.

LIX

Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками, направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани, двойною чередой,
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились,
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый; и сѣрой мглой объятъ,
Виднѣлся дальній берегъ, и бѣлѣли
Вкругъ острова края песчаной мели.

LX

Нестройный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ ловцовъ—
Все въ гулъ одинъ сливалось надъ водою,
И Марья Николавна, хоть суровъ
Казался вѣтръ, и день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль, или капотъ на ватѣ,
Съ французской книжкой, часто, сѣвъ къ окну,
Слѣдила взоромъ сизую волну,
Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.

LXI

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея ль сложенье было въ томъ виной,
Или его немолодыя лѣты?..
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
Законнаго: хоть правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,
Внѣ брака прижитыхъ, злодѣй
Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшась съ своей деревней породниться.

LXII

Какая сладость въ мысли: я отецъ! *)

---

* *Въ тетрадяхъ Лермонтова встрѣчается слѣдующій первоначальный набросокъ этой и дальнѣйшей строфъ:*

Какая сладость въ мысли: я отецъ!
Такъ говорятъ (иль думаютъ) иные,
Когда съ невѣстой идутъ подъ вѣнецъ...
. . . . . .
Но горе имъ! Въ любви бѣда излишекъ:
Толпа слюнявыхъ, сквернымъ ребятишекъ
Ихъ окружитъ, какъ шумныхъ пчелъ семья,
И свяжетъ... Не женитесь, друзья!
Но безъ женитьбы какъ людское сѣмя
Намъ продолжать?—О томъ въ другое время.
Таинственная цѣль есть у людей;
Различными невѣрными путями
Къ ней идутъ всѣ подъ пошею страстей,—
Къ ней идутъ всѣ, со смѣхомъ и слезами,
Но отстаютъ отцы отъ сыновей:
Любовь отца не встрѣтитъ той-же въ сынѣ;

И въ той же мысли сколько муки тайной:
Оставить въ мірѣ слѣдъ и наконецъ
Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно, —
Злодѣемъ потому, что жизнь — вѣнецъ
Терновый, тяжкій, — такъ по крайней мѣрѣ
Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ
Но, исключая два-три дня да дѣтство,
Она, безспорно, — скверное наслѣдство.

III

Бывало, этой думой удручепъ,
Я прежде много плакалъ, и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
Въ немъ родились бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и бурь тѣхъ
Одинъ лишь отзывъ — звучный, горькій смѣхъ...
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежатъ кремни — и блещутъ, но не живы!

LXIV

Приличпо-бъ было мнѣ молчать о томъ,
Но я привыкъ идти противъ приличій,
И, говоря всеобщимъ языкомъ,
Не жду похвалъ. — Поэтъ породы птичьей,
Любовникъ розъ, надъ розовымъ кустомъ
Урчитъ и свищетъ межъ листовъ душистыхъ.
О чемъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ? —
Прошу хоть разъ спросить у соловья, —
Онъ вамъ отвѣтитъ пѣсенью... Такъ и я
Пишу, что мыслю, что придется,
И потому мой стихъ такъ плавно льется

LXV

Прошло два года. Третій годъ
Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:
Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
Предметъ заботъ мучительныхъ и нѣжныхъ
У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
Былъ восхищенъ, и три дня были пьянь
Всѣ на подборъ, отъ кучера до няни.
А между тѣмъ печально у воротъ
Всю ночь собаки выли напролетъ;
И что страшнѣе этого, ребенокъ
Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.

LXVI

Старухи говорили: это знакъ,
Который много счастья обѣщаетъ.
И про меня сказали точно такъ,
А правда ль это вышло? — Небо знаетъ!
Къ тому жъ полночный вой собакъ
И страшный шумъ на чердакѣ высокомъ —
Приметы злыя; но, не бывъ пророкомъ,
Я только покачаю головой.
Гамлетъ сказалъ: «Есть тайны подъ луной
И для премудрыхъ», — какъ же мнѣ, поэту,
Не вѣрить можно тайнамъ и Гамлету?..

LXVII

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ.
Живые глазки, бѣлыя ручонки
И русый волосъ, вьющійся кольцомъ —
Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужь пеленки
Рубашечкой смѣнилися на немъ;
И, первыя проказы начиная,
Ужь онъ дразнилъ собакъ и попугая...
Года неслись, а Саша росъ, и въ пять
Добро и зло онъ началъ понимать;
Но, вѣрно, по врожденному влеченью
Имѣлъ большую склонность къ разрушенью.

XVIII

Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ, —
Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто сѣченъ,
А, слава Богу, вышелъ человѣкъ:
Не стыдъ семьи, не тупъ, не изувѣченъ
Понятья были низки въ старый вѣкъ...
Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
И желчнаго сложенья, — предъ судьбою
Передъ бичомъ язвительной молвы
Онъ не склонялъ и послѣ головы.
Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ,
И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX

Великій грѣхъ!.. Но чѣмъ теплѣе кровь
Тѣмъ раньше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ
Всѣ чувства: злоба, гордость и любовь,
Какъ дерева подъ небомъ юга знойнымъ
Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,
Встрѣчаясь съ нѣжнымъ паненькой; отъ взгляда
Онъ вздрагивалъ, какъ будто-бъ капля яда
Лилась по жиламъ. Это можетъ-быть

Живыя мысли — хороши въ чужбинѣ,
На полѣ битвы, или подъ окномъ,
Гдѣ видѣлъ онъ головку вечеркомъ,
И шаль, и локоть ручки бѣлостѣ[illegible]..
Склонившейся на край окна небрежно.
. . . . . .

Смѣшно—что-жъ дѣлать!—онъ не могъ любить,
Какъ любятъ всѣ гостиныя собачки
За варенья, побои и подачки

LXX

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.
Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили,
И прочее.. и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньѣ;
И что, когда послѣднее лобзанье
Ему велѣли матери отдать,
То сталъ онъ громко плакать и кричать
И что отецъ, немного съ нимъ поспоря,
Велѣлъ его посѣчь (конечно, съ горя)...

LXXI

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушный
И въ немъ терялся мыслію послушной
Таковъ средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты жъ на немъ отъ зноя всѣ увянутъ...

LXXII

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздою,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безпечность.
Они летали надъ его главой,
Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти
Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
Достойной жертвы, и въ пустынѣ свѣта
На дружій зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта

LXXIII

О, если-бъ могъ онъ, какъ безплотный духъ,
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ!
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
О, если-бъ могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!..
(Но къ счастію для васъ, читатель милый,
Онъ не былъ одаренъ подобной силой).

LXXIV

Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ
Характеръ Саши выставить наружу
И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогъ
Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
Къ заключенью... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!.
Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
Былъ Саша—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
Взбѣсилъ бы иногда любого бѣса.

LXXV

Его учитель чистый былъ французъ,
Marquis de Tess. Педантъ полузабавный,
Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
И потому бралъ деньги преисправно.
Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ,
Онъ сочинялъ сонеты, хоть порою
По часу бился съ рифмою одною;
Но казамбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманахъ онъ,
И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
Не размышлялъ, что кстати, что некстати.

LXXVI

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И пятокъ отправился въ походъ;
И наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей, и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Изъ безумной
Парижскою толпою много разъ

Неслося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный милліонъ
Кричалъ, смѣясь: «да здравствуетъ законъ!»
И въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ;
Прелестная на звучныя ступени
Всходила женщина... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызеній
Видѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
Посыпались на плечи молодыя;
Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
Склонилася на плаху... О, Творецъ!
Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!..
И голова оторвана отъ шеи...

LXXIX

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная сѣкира...
И ты, поэтъ!—высокаго чела
Не уберегъ! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считалъ своей душою—
Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
Напрасно!.. Ты прошелъ кровавый путь,
Не отомстивъ, и творческую грудь
Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодной
Не посѣтилъ,—и ты погибъ безплодно...

LXXX

И Франція упала за тобой
Къ ногамъ убійцъ бездушныхъ и ничтожныхъ.
Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душой,—
Межъ тѣмъ какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Въ нихъ зрѣлъ ступени будущаго трона...
Я въ этомъ тонѣ могъ-бы продолжать,
Но истина—не въ модѣ, а писать
Объ томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
Смѣшно, тѣмъ больше объ такихъ предметахъ.

LXXXI

Къ тому-же я совсѣмъ не моралистъ—
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальный листъ,
Но клеветой героя не унижу.
Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь ли воинъ
Хоть онъ отличья иногда достоинъ,
Но вѣрно намъ за тяжкій мавзолей
Не благодаренъ въ комнаткѣ своей!
И, длинымъ одамъ внемля поневолѣ,
Зѣвая, вспоминаетъ о престолѣ.

LXXXII

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнесть свой трупъ въ пустыню и высокій
Курганъ надъ нимъ насыпать и—любви
Символъ ненарушимый—одинокій
Поставить крестъ; быть-можетъ, изъ дали,
Когда туманъ протянется въ долинѣ,
И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимной нищій нѣшеходъ,
Его замѣтивъ, медленно придетъ
И, отряхнувши посохъ, безнадежнѣй
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней—

LXXXIII

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,
И проклянетъ грозы безсильный вой
И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
Но нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачъ людской?
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица
И звѣрь, огонь, и вѣтеръ, и земля—
Раздѣлятъ прахъ мой, и душа моя
Съ душой вселенной, какъ эоиръ съ эоиромъ,
Сольется и развѣется надъ міромъ!..

LXXXIV

Пускай отъ сердца, полнаго тоской
И желчью тайныхъ тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ, ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается... Безъ волненій
Я выпилъ ядъ по каплѣ; ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ лицѣ моемъ ни страха, ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ!
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ,—и по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV

Но кончимъ этотъ скучный эпизодъ
И обратимся къ нашему герою.
До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
Житейскихъ, и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пчелы. Длинный годъ

Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
Грамматикъ, географій и теорій
Всѣхъ философій міра. Пять системъ
Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire»! — (такъ мнѣ угодно!)

LXXXVI

Но Саша не внималъ его словамъ.
Разсѣянно въ тетрадяхъ надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой-то женскій профиль, и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ, и нѣжно
Вздыхалъ, и хоронилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ,
Какъ прячутъ иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII

Но кто-жъ она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
И взволновать надежды огневыя?
Къ чему?.. Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить
Со всѣмъ искусствомъ древняго Фоблаза.
Его любовь, какъ снѣгъ вершинъ Кавказа,
Чиста, тепла, какъ небо южныхъ странъ...
Чему ль платить обманомъ за обманъ?..
Но кто-жъ она? — Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка.

LXXXVIII

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ (скажу вамъ подъ секретомъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ)
Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ,
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ кралась, — легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ; и, шутя, порой,
Его невинность (вы поймете сами)
Онѣ дразнили дерзкими перстами.

LXXXIX

Но между нихъ онъ отличалъ одну;
Въ ней было все, что грѣетъ душу,
Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.
Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
И на портретъ такую не сажу.
Ее любилъ мой Саша той любовью
Которая по жиламъ съ юной кровью
Течетъ огнемъ, клокочетъ и кипитъ.
Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
Онъ долго думалъ, какъ въ любви открыться, —
Но надобно жъ на что-нибудь рѣшиться.

XC

И мудрено ль? Четырнадцати лѣтъ
Я самъ страдалъ отъ каждой женской рожи,
И простодушно увѣрялъ весь свѣтъ,
Что другъ на дружку всѣ онѣ похожи
Волнующихся персей нѣжный цвѣтъ
И алыхъ устъ горячее дыханье
Во мнѣ рождали чудныя желанья;
Я трепеталъ, когда моя рука
Атласныхъ плечъ касалася слегка,
Но лишь въ мечтахъ видалъ я безъ покрова
Все, что для васъ конечно ужъ не ново...

XCI

Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ;
Молчитъ весь день и часто бредитъ ночь·
По коридору бродитъ и груститъ,
И ждетъ, чтобъ показалась Евы дочь
Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
Принявъ, онъ иногда улыбкой хладной
Отвѣтствовалъ на взоръ ея отрадный...
Но съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!..
Оно капризно, глупо, какъ судьба.
Итакъ, мой Саша кончилъ съ нимъ возиться
И положилъ съ Маврушей объясниться.

XCII

Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложилася на крышахъ полосами,
И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли. Даже
Катилась Волга медленнѣй и глаже.
Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ съединенья
Двухъ душъ — предметъ, достойный размышленья.

XCIII

Вдругъ слышитъ онъ: направо, за кустомъ
Сирени, шорохъ платья и дыханье
Волнующейся груди, и потомъ

Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье
Какъ Сашѣ быть? Забилось сердце въ немъ,
Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни;
Трещатъ и гнутся вѣтви подъ рукой.
И вдругъ предъ нимъ, съ Маврушей молодой
Обнявшися въ тѣни цвѣтущей вишни,
Иванъ Ильичъ... (Прости ему Всевышній!)...

XCIV

Увы, покоясь на травѣ густой,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . пустился въ путь,
Оставивъ тутъ обманутую дѣву
Какъ Аріадну, преданную гнѣву!

XCV

И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
Что дѣлалъ Саша? — Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ,
Какъ Аббадона грозный, новымъ адомъ
Испуганный, но помнящій эдемъ,
Съ поникшею стоялъ онъ головою;
И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей...
Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
Перевернулъ неопытную душу
И онъ упалъ какъ съ неба...

XCVI

Упалъ (прости невинность!). Какъ змѣя,
Маврушу крѣпко обнялъ онъ руками
То холодѣя, то какъ жаръ горя,
Неистово впился въ нее устами
И — обезумѣлъ... Небо и земля
Слились въ туманъ. Мавруша простонала
И улыбнулась; какъ волна вставала
И упадала грудь, и томный взоръ,
Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета,
Боясь всего: людей, а больше свѣта...

XCVII

Теперь, друзья, скажите напрямикъ,
Кого винить?.. Но-мнѣ всего прекраснѣй
Сложить весь грѣхъ на чорта, — онъ привыкъ
Къ напраслинѣ; къ тому же безопасней
Рога и когти, чѣмъ иной языкъ..
Итакъ, замѣтимъ мы, что духъ незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
Ни ладаномъ, ни бранью, ни крестомъ,
Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
И, слѣдуя пустѣйшему капризу,
Кидалъ его то вкось, то вверхъ, то книзу.

CVIII

Два мѣсяца прошло. Во тьмѣ ночной,
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Въ чепцѣ, платокъ накинувъ шерстяной
Являлась къ Сашѣ дѣва молодая.
Задувъ лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.
Потомъ, на мягкій пухъ привлечена,
Подъ одѣяло пряталась она;
Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
И въ жаркихъ поцѣлуяхъ онъ сливался

XCIX

Казалось, рокъ забылъ о нихъ. Но разъ
(Не помню я, въ который день недѣли), —
Ужь пролетѣлъ давно свиданья часъ,
И Саша все одинъ былъ на постели.
Онъ сѣлъ къ окну въ раздумьи. Тихо гасъ
На блѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристый
И неподвижно бахромой волнистой
Вокругъ его висѣли облака.
Дремало все, лишь въ окнахъ изрѣдка
Являлась свѣчка, силуэтъ рубчатый
Старухи изъ картинъ Рембрандта взятый,

C

Мелькая, рисовался на стеклѣ
И исчезалъ. На площади пустынной,
Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ
Лежала тѣнь отъ колокольни длинной
И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнули двери,
И вы бъ сказали — поступь райской пери
Послышалось. Невольно нашъ герой
Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной
Стояла дѣва, опустивши очи,
Блѣднѣе той луны — царицы ночи...

CI

И онъ узналъ Маврушу. Но — Творецъ! —
Какъ измѣнилось нѣжное созданье!
Казалось, тѣло изваялъ рѣзецъ,

А Богъ вдохнулъ не душу, но страданье.
Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
Подходитъ и холодными руками
Хватаетъ руку Саши, и устами
Прижалась къ ней, и слезы потекли
Все больше, больше, и казалось жгли
Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины —
Раскаянья преступной Магдалины?

CII

И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ,
Что̀ дышитъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени,
Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ
И мысль одна въ душѣ, — и на колѣни
Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
Какъ струны лютни, потрясаетъ жилы;
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой въ мірѣ вѣруетъ лишь тотъ,
Кто какъ въ гробу въ душѣ своей живетъ
Кто терпитъ всѣ упреки, всѣ печали,
Чтобъ геніемъ глупцы его назвали.

CIII

И долго молча плакала она.
Разсыпавшись на кругленькія плечи
Ея власы бѣжали какъ волна.
Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
Отзывъ того, чѣмъ грудь была полна,
Блуждали на губахъ ея; но звуки
Яснѣе были словъ... И голосъ муки
Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной
Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
И не щадилъ ни нѣжностей, ни ласки,
Чтобъ поскорѣе осушить ей глазки.

CIV

Онъ говорилъ: «Къ чему печаль твоя?
Ты молода, любима — гдѣ-жъ страданье?
Въ твоихъ глазахъ — мой міръ, вся жизнь моя,
И рай земной — въ одномъ твоемъ лобзаньѣ...
Быть-можетъ, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нѣтъ! И кто же смѣетъ
Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣетъ,
Французъ давно не годенъ никуда...
Ну, полно! слезы прочь, и лягъ сюда!»
. . . . . .
. . . . . .

CV

«Послушайте, я здѣсь въ послѣдній разъ...
Пренебрегла опасность, наказанье,
Стыдъ, совѣсть — все, чтобъ только видѣть васъ,
Поцѣловать вамъ руки на прощанье
И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
Не отвергайте бѣдную — довольно
Ужь я терпѣла, — за что же?.. Сердце вольно.
Иванъ Ильичъ провѣдалъ отъ людей
Завистливыхъ... Все Ванька ванъ, злодѣй, —
Черезъ него я гибну... Все готово!
Молю!.. о, киньте мнѣ хоть взглядъ, хоть слово!

CVI

«Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ — гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Прошла недѣля, — бѣдная забыта...
А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Онъ разбранился... Но что же передъ вами
Раба? — игрушка!.. Точно: день, два, три
Мила, а тамъ? — пожалуй, хоть умри!..»
Тутъ начался слезы, восклицанья;
Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.

CVII

«Ахъ, баринъ, баринъ! вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!..
Прощай! тебя мнѣ больше не видать,
За-то ужь помнить буду вѣчно, вѣчно...
Виновны оба, мнѣ-жъ должно страдать.
Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи;
Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!..
Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальній хуторъ, гдѣ Маврушку ждутъ
Страданья и мужикъ съ косматой бородою...
А ты? — вздохнешь и слюбишься съ другою!

CVIII

Она заплакала. Такъ точно, или нѣтъ
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣтъ
Достаточна губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ загладить слѣдъ.
А тотъ, кто разсказалъ мнѣ повѣсть эту, —
Его ужь нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу, — я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки,
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки.

CIX

Она замолкла, но не Саша: онъ
Кипѣлъ противъ отца негодованьемъ;
«Злодѣй! тиранъ!» — и тысячу именъ

Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманьемъ
Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ,
Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готовъ былъ юноша развратный
Въ послѣдній разъ . . . . . .
, ...
. . . . . .
, . . . какъ вдругъ,—о, Провидѣнье!—

CX

Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
Стеклянной двери обѣ половины
И почника лучъ блѣдный озарилъ
Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ —
Растрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ, —
Вошелъ и строго обратился къ Сашкѣ:
«Eh bien, monsieur, que vois-je?» — «Ah, c'est vous!» —
«Pourquoi ce bruit? Que faites vous donc!» — «...»
И, молвивъ такъ (пускай проститъ мнѣ муза),
Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.

CXI

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань кавказскихъ горъ,
Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
Не распростясь, но кинувъ нѣжный взоръ,
Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
Не могъ унять волненье сердца. «Вздоръ,—
Шепталъ онъ, — вздоръ: любовь — не жизнь!» Но утро
Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
Ужь начало заглядывать въ окно,
Какъ милый гость, ожиданный давно;
А на дворѣ, унылый и докучный,
Раздался колокольчикъ однозвучный.

CXII

Къ окну съ волненьемъ Саша подбѣжалъ:
Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ сѣлъ ямщикъ и вожжи подобралъ;
Вотъ чей-то голосъ: «Что же, все готово?»
—«Готово».—Вотъ садится... Онъ узналъ:
Она!.. Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой,
И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
Взвился. «Пошелъ!»... Колеса застучали
И въ мигъ.. Но что намъ до чужой печали?

CXIII

Давно ль... но дѣтство Саши протекло
Я разсказалъ, что знать вамъ было
Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
И быть иначе—нѣжностью наружной
Обманывать онъ почиталъ за зло,
За низость; но правдивой мести знаки
Онъ не щадилъ (хотя бъ дошло до драки),
И потому родитель, разсчитавъ,
Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
Сынка, рыдая, какъ мы всѣ умѣемъ,
Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

CXIV

И тамъ проказникъ былъ препорученъ
Старухѣ-теткѣ самыхъ строгихъ правилъ.
Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
Ее краснѣть ни разу не заставилъ.
Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
Которыя, страшась святого брака,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака,
И потому въ сомнѣньи ждутъ да ждутъ,
Покуда ихъ на вистъ не позовутъ;
Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
За картами клевещутъ и желтѣютъ.

XV

Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, вѣрный, осторожный,
Имѣя входъ къ владычицѣ своей
Во всякій часъ, съ покорностью возможной,
Въ уютной спальнѣ замѣняетъ ей
Служанку, то есть грѣетъ одѣяло,
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣлъ,
Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ...
И если бы хоть разъ онъ былъ свидѣтель,
Какъ сладко спитъ сѣдая добродѣтель!

XVI

Шалунъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много пріобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
Онъ увидалъ, что дружба, какъ поклонъ —
Двусмысленная вещь; что добрый малый
Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
Что умный—и забавнѣй, и сноснѣй,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ)
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

CXVII

И снимокъ ихъ, какъ памятникъ святой,
На двухъ листахъ, раскрашенный отлично,

Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
Любилъ онъ заговоры злобы тайной
Разстроить словомъ, будто бы случайно;
Любилъ враговъ внезапно удивлять,
На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣчать,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

CXVII

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскучa все твердить азы да буки,
И наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каоедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: ромъ съ чаемъ или голый ромъ;
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками

CXIX

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ.. Професоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяется чинно,—
Шумятъ... Онъ книгу взялъ, раскрылъ, —шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. Сущій адъ!..
По сердцу Сашкѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

CXX

Пропустимъ года два... Я не хочу
Въ одинъ пріемъ свою закончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюся, много пропущу
Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
Не заключенъ и не спѣша впередъ,
Чтобъ сократить унылый эпизодъ,—
Я снова обращу вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей...

CXXI

Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привесть въ порядокъ ихъ одежды.
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятьяхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрепанные волосы назадъ
Рукой откинувъ и на свой нарядъ
Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позѣвала.

CXXII

На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
Она спѣшитъ лицо водой сплеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараній
На головѣ гребенкою заткнуть;
Потомъ сорочку скинула, небрежно
Водою обмываетъ станъ свой нѣжный...
Опять свѣжа, какъ персикъ молодой,
И, на плеча капотъ накинувъ свой,
Плѣнительна безстыдной наготою,
Она подходитъ къ нашему герою.

CXXIII

Садится въ изголовьи и потомъ
На сонnаго студеной влагой плещетъ.
Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
И видитъ, что пора: свѣтелка блещетъ,
Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
Упругій снѣгъ на улицѣ хруститъ
Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
И въ городѣ (что мнѣ всегда досадно)
Колокола трезвонятъ безпощадно.

CXXIV

Прелестный день! Какъ пышенъ Божій свѣтъ!
Какъ небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужь онъ одѣтъ,
Атласный галстукъ повязалъ лѣниво,
Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
Изобличалъ его... Но между нами,
Сказать тихонько: это—не порокъ.
У нашихъ дамъ найти я то же-бъ могъ
Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
Что ихъ невинѣй нѣту подъ луною.

CXXV

Изъ комнаты выходитъ нашъ герой,
И, пробираясь длиннымъ коридоромъ,

Онъ видитъ Катерину предъ собой,
Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ,—
И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
Кровать; на ней, закрыта. . . . . .
Хранитъ Параша, отвернувъ лицо.
Онъ плащъ надѣлъ и вышелъ на крыльцо,
И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

CXXVI

Чтобъ приготовилъ модный онъ нарядъ
Для бѣдной, милой Тирзы,—и такъ далѣ.
Сказать-ли, этой выдумкѣ былъ радъ
Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
Замѣтятъ-ли невинный маскарадъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не наказать случайно
Презрѣньемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
И что молва?—Глупцовъ крикливый судъ;
Коварный шопотъ злой старухи, или
Два-три намека въ польскомъ иль въ кадрили!

CXXVII

Ужь Саша дома. Къ теткѣ входитъ онъ;
Небрежно у нея цѣлуетъ руку.
«Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
Я-бъ не рѣшился на такую скуку,
Хотя бы мнѣ давали милліонъ.
Какъ ваши зубы?.. А Фиделька гдѣ же?
Она являться стала что-то рѣже.
Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ,—увы,
Какая жалость!.. Знаете-ли вы,
На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету
Которая несетъ погибель свѣту?..

CXXVIII

«И подѣломъ, вѣдь новый магазинъ
Открыли на Кузнецкомъ,—не угодно ль
Вамъ посмотрѣть?.. Тамъ есть мамзель Abine,
Monsieur Dupré, Durand, французъ природный,
Теперь купецъ, а бывшій дворянинъ;
Тамъ есть мадамъ Armand; тамъ есть субретка
Fanchaux—плутовка, смуглая кокетка!
Вся молодежь вокругъ ея вертится.
Мнѣ-жъ, сй-Богу, все равно, что ни случится!
И по одной значительной причинѣ
Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

CXXIX

«Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
Онъ пустъ, какъ голова француза: малость
Истратилъ я; но это мнѣ урокъ—
Цѣнить дешевле вѣтреную шалость!»
И, притворясь печальнымъ, сколько могъ,
Шалунъ склонился къ теткѣ, два-три раза
Вздохнулъ, чтобъ удалась проказа.
Тихонько ларчикъ отперевъ, она
Заботливо дорылася до дна
И вынула три бѣленькихъ бумажки...
И... вы легко поймете радость Сашки

CXXX

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
То у дверей съ недвижностью примѣрной
Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
Стоялъ арапъ, его служитель вѣрный.
Покрытъ какъ лакомъ былъ чугунный цвѣтъ
Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,
Когда смѣялся онъ иль говорилъ,
Невольный страхъ на душу наводилъ;
И въ голосѣ его, иным казалось,
Надменностью безумной отзывалось.

CXXXI

Союзъ довольно странный заключенъ
Межъ нимъ и Сашей былъ. Давно ихъ разговоры
Казалися таинственны, какъ сонъ:
Вдвоемъ бывало ночью, точно воры,
Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
Воображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
Восточныхъ словъ былъ страшный обожатель,
И потому «Зафиромъ» нареченъ
Его арапъ. За нимъ повсюду онъ,
Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что же?—
Всѣ восхищались этой скверной рожей!

CXXXII

Зафиру Сашка что-то прошепталъ.
Зафиръ кивнулъ курчавой головою;
Блеснулъ, какъ рысь, очами, денегъ взялъ
Изъ бѣлой ручки черною рукою;
Онъ долго у дверей стоялъ
И говорилъ все время, по несчастью
На языкѣ чужомъ, и тайной страстью
Онъ одушевленъ казался. Между тѣмъ,
Облокотясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
Герой печальный моего разсказа
Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

CXXXIII

И наконецъ онъ подалъ знакъ рукой,
И тотъ исчезъ быстрѣй китайской тѣни.
Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
Онъ жилъ у Сашки какъ служебный геній,
Домашній духъ (по-русски домовой);
Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно,
Добро и зло. Ему была законъ
Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
Что, кромѣ Сашки, въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
Никто, никто не думалъ о Зафирѣ.

CXXXIV

Однако были дни давнымъ-давно,
Когда и онъ, на берегу Гвинеи,
Имѣлъ родной шалашъ, жену, пшено
И ожерелье красное на шеѣ,—
И мало-ли?.. О, тамъ онъ былъ звѣно
Въ цѣпи семей счастливыхъ!.. Тамъ пустыня
Осталась неприступна, какъ святыня.
И пальмы тамъ растутъ до облаковъ,
И пѣна водъ бѣлѣе жемчуговъ;
Тамъ жгутъ лобзанья и пронзаютъ очи;
И перси дѣвъ черпѣй роскошной ночи.

CXXXV

Но родина и вольность будто сонъ
Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно...
Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
Для дикаря все было непонятно—
Блестящихъ городовъ и шумъ, и звонъ.
Такъ облачко, оторвано грозою,
Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать не знаетъ; для него
Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его;
Ему обидно общее веселье;
Оно, нахмурясь, прячется въ ущельѣ.

CXXXVI

О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стальнаго шишака
Колеблемыя перья! Предъ грозою,
Въ одеждахъ золотыхъ, изъ далека,
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ,
И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,
Обнявшись, свившись будто куча змѣй,
Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
Настанетъ день,—ихъ вѣтеръ вновь уноситъ:
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спроситъ?

CXXXVII

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви поэта безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не открылъ вниманью дружбы нѣжной.
И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
Промчалася неслышно передъ нами,
Ты мукъ своихъ не выразишь словами,
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ;
И, не разгаданъ глупою толпою,
Ты умеръ чуждый жизни... Миръ съ тобою!

CXXXVIII

И миръ твоимъ костямъ! Онѣ сгніютъ,
Покрытыя одеждою военной...
И сумраченъ, и тѣсенъ твой пріютъ,
И ты забытъ, какъ часовой безсмѣнный.
Но что-же дѣлать?—Жди, авось придутъ,
Быть-можетъ, кто-нибудь изъ прежнихъ братій.
Какъ знать? земля до молодыхъ объятій
Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?.. Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И все-ль, какъ прежде,
Ты любишь насъ и вѣруешь надеждѣ?

CXXXIX

И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ
Я подносилъ пріятельскую чашу,—
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанье славы
Какъ призракъ разлетѣлося. Вы правы:
Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
Ущелій и свободы; и, не зная
Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая.

CXL

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,—
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ—
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ, и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И, грубо пробуждая ихъ безпечность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

CXLI

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ
За неземной границей міра?—Смутный,
Безбрежный океанъ, гдѣ нѣтъ вѣкамъ
Названья и числа; гдѣ, безпріютны,
Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
Заброшенъ въ ихъ нѣмые хороводы,
Что станетъ дѣлать гордый царь природы,
Который вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,
Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

CXLII

О, суета! И вотъ вашъ полубогъ—
Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвшій
Землей и моремъ,—всѣмъ, чѣмъ только могъ,—
Не въ силахъ онъ прожить три дня не ѣвши.
Но полно! злобный бѣсъ меня завелъ
Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;
Пожалуй, кто-нибудь, ніонъ ничтожный,
Мои слова прославитъ, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда;
И поневолѣ станешь лицемѣрить,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

CXLIII

Блаженъ, кто вѣритъ счастью и любви,
Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ,—
Онъ долголѣтенъ будетъ на земли,
И для сыновъ останется урокомъ!
Блаженъ, кто думы гордыя свои
Умѣлъ смирить предъ гордою толпою,
И кто грѣховъ тяжелою цѣпою
Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ,
Живыхъ, какъ жизнь, и свѣтлыхъ, какъ алмазъ!
Блаженъ, кто не склонялъ чела младого,
Какъ бѣдный рабъ, предъ идоломъ другого!

CXLIV

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ,
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеный
По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
Струей гремучей прыгаетъ, сверкая,
И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
Стоитъ, какъ призракъ позднею порой,
Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
Трещитъ вдали, и мракъ между вѣтвями
Отвсюду смотритъ черными очами!

CXLV

Блаженъ, кто посреди нагихъ степей
Межъ дикими воспитанъ табунами;
Кто пріученъ былъ на хребтѣ коней,
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами
Златыя облака, отъ раннихъ дней
Носиться; кто, главой припавъ на гриву,
Леталъ, подобно сумрачному Диву,
Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ
Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
Копытомъ звучнымъ, и впередъ землею
Упругой былъ кидаемъ съ быстротою.

CXLVI

Блаженъ!.. Его душа всегда полна
Поэзіей природы, звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина;
Онъ, въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой
И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
Съ больною грудью и больной душой,
И не рѣшится отъ одной лишь скуки
Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,—

CXLVII

Или, трудясь, какъ глупая овца,
Въ рядахъ дворянства съ рабскимъ униженьемъ,
Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,
Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ,
И поклоняться нѣмцамъ до конца...
И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?
Не тѣмъ-ли, что куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
Отчизну и картофель?.. Вотъ народъ!
И безъ таланта править, и за деньги служить
Всѣхъ давить самъ, а бьютъ его—не тужить

CXLVIII

Вотъ племя! всякій чортъ у нихъ баронъ!
И ужь профессоръ—каждый ихъ сапожникъ!
И смѣло здѣсь и вслухъ глаголетъ онъ,
Какъ Ипоія, возсѣвъ на свой треножникъ!
Кричитъ, шумитъ... Но что-жъ?—Онъ не рождень
Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
Въ его глазахъ бездушныхъ—степь простая,
Безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ.

Гдѣ-бъ могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣ-
ковъ,
Которые, съ ихъ грозными дѣлами,
Унесены забвенія волнами...

CXLIX

Кто недоволенъ выходкой моей,
Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору
Съ листомъ въ рукахъ, съ оравою друзей
И, вѣруя ихъ опытному вздору,
Печатаетъ анаѳему, злодѣй!..
Я кончилъ... Такъ! дописана страница...
Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
Которые давно уже не звучали,
И вдругъ съ пера Богъ знаетъ какъ упали!..

ГЛАВА II

I

Я не хочу, какъ многіе изъ насъ,
Испытывать читателей терпѣнье,
И потому примусь за свой разсказъ
Безъ предисловій.—Сладкое смятенье
Въ душѣ моей, какъ будто въ первый разъ,
Ловлю прыгунью-рифму, и, потѣя,
Въ досадѣ призываю Асмодея;
Какъ будто снова Богъ переселилъ
Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,
Когда не зналъ я, что на слово младость
Есть рифма: гадость, кромѣ рифмы радость!

II

Давно когда-то, за Москвой-рѣкой
На Пятницкой, у самаго канала,
Заросшаго негодною травой,
Былъ домъ угольный: жизнь играла
Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пустой.
Внизу живетъ съ безз[illegible]бой половинной
Безмолвный дворникъ.. Пылью, паутиной
Обвѣшены, какъ инеемъ кругомъ
Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ
И временемъ; и окна краской бѣлой
Замазаны [illegible]

III

Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
Исчерченный; но часъ ихъ не пришелъ,
Они гніютъ незримо, лишь порою
Скользитъ по нимъ играющій Эолъ,
Или еще крыло жильца развалинъ—
Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ
Исчезнувшихъ пришельцевъ гордый слѣдъ
Вотъ сабель ихъ рубцы, а ихъ ужь нѣтъ:
Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
Другой въ слезахъ безъ гроба и безъ славы.

IV

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгоцѣнной?
Нѣтъ, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ при-
сталъ,
И русскій Богъ отмстилъ за храмъ священ
ный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ,
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озарилъ имъ путь въ степи морозной—
И степь ихъ поглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и плѣномъ и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался, какъ комета
Сталъ говорить съ насмѣшкой голосъ свѣта.

V

И старый домъ, куда привелъ я васъ
Его паденья былъ свидѣтель хладной.
На изразцахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихи, и жадно
Въ нихъ ищетъ мысли;—и безплодный часъ
Проходитъ... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустилъ-ли онъ, иль преданъ былъ веселью?
Какъ надписи надгробныя, онѣ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ—
Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній

VI

И образа языческихъ боговъ—
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми носами—
Лежатъ въ углахъ низвергнуты съ столбовъ,
Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамахъ, и глядятъ сурово
И мнится, обвинительное слово
Изъ мертвыхъ устъ ихъ излетитъ—увы!
О, если-бъ этотъ домъ знавали вы
Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
О, если-бъ время было къ нашей волѣ!..

VII

Бывало, только утренней зарей
Освѣтятся церквей главы златыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыя,
Отражены зеркальною волной;
Бывало только прачка молодая

Съ объѣмъ господскимъ изъ воротъ, зѣвая,
Выходитъ, и сквозь утренній морозъ
Раздастся первый стукъ колесъ, —
А графскій домъ ужь полонъ суетою
И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.

VIII

И каждый день идетъ въ немъ пиръ горой.
Смѣются гости и бренчатъ стаканы,
Въ стеклѣ граненомъ, даръ земли чужой,
Клокочетъ и шипитъ ан румяный,
И отъ крыльца каретъ недвижный строй
Далеко тянется, и въ залѣ длинной,
Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной
Красавицы, столицы лучшій цвѣтъ,
Мелькаютъ... Вотъ учтивый минуэтъ
Рисуется вамъ; шопотъ удивленья,
Улыбки, взгляды, вздохи, изъясненья.

Э, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
Вдоль стѣнъ висѣли пестрыя шпалеры,
Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ
У зеркала . . . . .

—

УЛАНША

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою
Повѣсъ усталыхъ клонитъ сонъ
Ужь поздно. Темной синевою
Покрылось небо, день угасъ.
Повѣсы ропщутъ: «. . . . . .
. . . . пожалуй, этакъ насъ
Прогонятъ черезъ всю Европу!
Ужель Пжорки не видать?..» —
«Ты, братецъ, придавилъ мнѣ ногу!..
Да право!..» — Вотъ поднялъ тревогу! —
— «Дай трубку...» — Тише! . —
Но вотъ Пжорка, славу Богу!
Пора раскланяться съ конемъ.
Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важно, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой.
Хоть, признаюся, запахъ винной
Изобличалъ его порой.....
Но безъ вина, что жизнь улана?
Его душа на двѣ стакана,
И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ.
Скажу вамъ имя квартирьера
То былъ Лафа, буянъ лихой,
Съ чьей молоденкой головой
Ни донпель-кюмель, ни мадера,
Ни даже шумное ан
Ни разу сладить не могли
Его коричневая кожа
Была въ сіяющихъ угряхъ,
И, словомъ, все: походка, рожа, —
На сердце наводили страхъ.
Надвинувъ шапку на затылокъ,
Идетъ онъ... Все гремитъ на немъ,
Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
Толкаясь въ ящикѣ большомъ.
Шумя какъ бѣсъ, онъ въ избу входитъ,
Шинель, скользя, валится съ плечъ,
Глазами вкругъ онъ косо водитъ
И мнитъ, что видитъ сотню свѣчъ
(Всего одна въ избѣ лучина! —
Треща, предъ нимъ горитъ она).
Но что за дивная картина
Ея лучемъ озарена!
Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
Блистаютъ лица юнкеровъ;
Ихъ рѣчи пьяны, взоры страшны!
Кто въ сбруѣ весь, кто безъ . . . . . .
Пируютъ. Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
Пылаетъ синимъ огонькомъ.
«Народъ! сказалъ Лафа, икая, —
Что тутъ сидѣть! за мной ступай —
Я поведу васъ въ двери рая!..»
. . . . . .
Вотъ голоса, стукъ, гамъ — они...
Земля дрожитъ... идутъ... о, Боже!..
. . . . . .
Закрой глаза, Творецъ небесъ!
Зажмите уши, добры люди!.

—

Когда жъ межъ сѣрыхъ облаковъ
Явилось раннее свѣтило,
Струи залива озарило
И кровли бѣдныя домовъ
Живымъ лучомъ позолотило, —
Раздался крикъ: «вставай скорѣй!»
И сборъ пробили барабаны;
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней
Мирзу не шпоритъ Разинъ смѣлый,
Князь Несъ, сопя, къ сѣдлу прилегъ...
. . . . . .
Идутъ и видятъ... Изъ амбара
Выходитъ женщина: блѣдна,
Гадка, скверна, какъ Божья кара...
Глаза померкнувшіе вяли,

Въ багровыхъ пятнахъ ликъ и грудь...
. . . . . .
Ужель Танюша? — полно, та-ли?
Одинъ Лафа ее узналъ
И, дерзко тишину наруша,
Съ подъятой длaнью онъ сказалъ:
«Миръ праху твоему, Танюша!..»

—

Съ тѣхъ поръ промчалось много дней;
Но справедливое преданье
Навѣки сохранило ей
Уланши громкое названье!

ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ

Кипитъ веселый Петергофъ,
Толпа по улицамъ пестрѣетъ;
Печальный лагерь юнкеровъ
Примѣтно тихнетъ и пустѣетъ.
Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта, –
И вотъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ долгохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета.
Волшебно озарился садъ,
Затѣйливо, разнообразно.
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармы, бѣлые султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, ментики златые,
Купчихъ парчовые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, казаки,
Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ штукарей...
. . . . . .
Толпы пріѣзжихъ иноземцевъ,
Татаръ, черкесовъ и армянъ;
Французовъ тощихъ, толстыхъ нѣмцевъ
И долговязыхъ англичанъ, —
Въ одну картину все слилось
Въ аллеяхъ тѣсныхъ и густыхъ,
И сверху ярко освѣщалось
Огнями склянокъ расписныхъ..
Гурьбу товарищей покинувъ,
У моста Бибиковъ стоялъ.
И, каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный мечталъ...
(Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ).
Стоитъ онъ насмурный и пьяный,
Уставъ одинъ бродить вездѣ;
Съ досады глядя на фонтаны,
Ворчитъ. . . . . .
«. . . . . Два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ — и даже болѣ
А не могу еще по волѣ
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять.
Нѣтъ, видишь, гонятъ какъ скотину.
Ступай-де въ садъ, да губъ не дуй...
Да остороженъ будь дорогой...
. . . . . Тоска!»
Умолкъ, поникнувъ головою.
Народъ толпой шумитъ вокругъ.
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,
За фалды дернулъ, тронулъ каску.
Кутила вздрогнулъ, изумленъ;
Романа чуднаго развязку
Ужь предугадываетъ онъ.
Услышавъ вновь прикосновенье,
Онъ обернулся съ быстротой...
Въ платкѣ и шляпкѣ голубой...
Вдругъ кинулась бѣжать, бѣжать,
То по дорожкамъ, по мостамъ,
Легка какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То удаляясь равнодушно,
Грозитъ насмѣшливо перстомъ,
То вдругъ опять бѣжитъ потомъ
Вотъ углубилася въ аллею
Все дальше, глубже. Онъ за нею,
Схватясь за кончикъ палаша...
Кричитъ: «постой, моя душа!..»
Куда! — красавица не слышитъ,
Свернула въ чащу, все бѣжитъ
Высоко грудь младая дышитъ
И шляпка на спинѣ виситъ...
. . . . . .
. . . . . .
И ночью, въ лагерь возвратясь,
Въ палаткѣ дымной, межъ друзьями,
Онъ рекъ, съ себя счищая грязь:
«Блаженъ» . . . . . .

БОЯРИНЪ ОРША

ГЛАВА I

Then burst her heart in one long shriek
And to the earth she fell like stone
As statue from its base o'erthrown.
Byron.

Во время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ боярин Михаилъ,

Прозваньемъ Орша. — Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ;
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо — наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день Воскресенія Христа
Поцѣловалъ его въ уста,
И обѣщался въ тотъ же день
Дать тридцать царскихъ деревень,
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ,
При видѣ трепетныхъ льстецовъ
Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,
И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:

«Надёжа-царь! пусти меня
На родину. — Я день отъ дня
Все старѣ; даже не могу
Обиду выместить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.
Пусти меня! Мой старый домъ
На берегу Днѣпра крутомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Обросъ могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
Онъ догніетъ — и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился, — тамъ умру!»

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и сребромъ;
Икону въ ризѣ дорогой,
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу;
И запестрѣлись на полу
Узоры шелковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ Божій даръ — младая дочь!
Объ ней онъ думалъ день и ночь;
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былого памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!..

. . . . . .

Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтится окно
Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
Сквозь тучи смотритъ иногда.
Тяжелый звякнулъ ужь затворъ,
Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
Вотъ, испытавъ замки дверей,
Съ гремучей связкою ключей
Къ калиткѣ сторожъ *) подошелъ,
И взоры на небо возвелъ:
«А завтра быть грозѣ большой!»
Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой:
«Смотри-ка, молнія вдали
Такъ и доходитъ до земли,
И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ
Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
И воетъ вѣтеръ будто звѣрь.
Дай кучу злата мнѣ теперь,
Съ конюшни лучшаго коня
Сейчасъ сѣдлайте для меня, —
Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
Ни для роднмаго отца!»
Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палатъ
Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.

Все въ домѣ спитъ, — не спитъ одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ
Висятъ надъ ложемъ образа;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживляются, глядятъ —
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска...
Ужь поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ — и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
И — странно! — Оршу обнялъ страхъ...
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ, —

Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой.
Но тутъ — онъ свистнулъ, и вошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: «Скучно мнѣ,
Все думы че ыя одни.
Садись поближе на скамью,
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,
И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну».

И на скамью присѣлъ Соколъ,
И рѣчь такую онъ завелъ:

«Жилъ былъ за тридевять земель,
Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
Великій и премудрый царь.
Ни въ наше времячко, ни встарь
Никто не видывалъ пышнѣй
Его палатъ; и много дней
Въ весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

«Тотъ царь былъ слабъ: и хилъ и старъ,
А дочь — непрочный вѣдь товаръ!
Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
И на его царевну-дочь
Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
И цѣловать красотку могъ
Лишь перелетный вѣтерокъ

«И царь тотъ раза три на дню
Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
Но вздумалъ онъ вдругъ въ темну ночь
Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
Сапожки шелковые снялъ,
И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну-красоту...

«Вошелъ. Въ свѣтлицѣ тишина
Дочь сладко спитъ, но не одна:
Припавъ на грудь ея главой,
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ синє море укатить,..»

И быстро на устахъ раба, —
Какъ будто тайная борьба
Въ то время совершалась въ немъ, —
Улыбка вспыхнула; потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,
Вздохнулъ и смолкъ. «Ступай, Соколъ!»
Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ боярину: «въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни облака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ:
Онъ жилъ, онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ;
Добру-жъ давно не вѣрилъ онъ, —
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ, въ рукѣ свѣча, —
И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ, — и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой.
На ней, предчувствіемъ объятъ,
На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ, -
И мимо. Но, послыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ
Перекрестилась и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоитъ боярынъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей,
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку — и думаетъ старикъ:
«Нѣтъ, непорочна дочь моя;
А ты, Соколъ, ты, рабъ, змѣя,
За дерзкій, хитрый свой намекъ
Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ

О, погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня — и мигъ со мной!..

БОЯРИНЪ ОРША

И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ

Не плачь... утѣшься?—близокъ часъ—
И будетъ міръ ничто для насъ;
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы одни;
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,—
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской по вольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,
Задумалъ я свой край родной
Навѣкъ оставить, но съ тобой!..
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война—ихъ рай, а міръ—ихъ адъ;
Я отдалъ душу имъ въ закладъ
Но ты моя—и я богатъ!.

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...
. . . . . *)

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ
Глаза ихъ встрѣтились,—и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ—и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко на цвѣтной коверъ **),
Какъ трупъ, бездушный съ давнихъ поръ,
Небрежной сброшенный рукой
Произведя ударъ глухой,

*) *Вмѣсто точекъ сначала было*
Свѣчи дрожащій красный лучъ,
Какъ будто молнія изъ тучъ,
Прервалъ любви послѣдній пылъ,
Всѣ чувства ихъ леденилъ...
Она при немъ, безъ думъ, безъ силъ
Едва успѣла отомкнуть
Уста отъ устъ, отъ груди грудь.

**) И тяжко съ ложа на коверъ...

Упало что-то.—И на зовъ
Боярина, толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда;
И безъ усилій, безъ борьбы,
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ,
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда-жъ безумца увелъ
И шумъ шаговъ умолкъ *), вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,—
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно,—
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безпокойный бушевалъ,—
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужь въ домѣ томъ
Все снова спало крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА II.

> The rest thou dost already know,
> And all my sins, and half my w[illegible]
> But talk no more of penitence.
> Byron.

Народъ кишитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ

*) ... утихъ..

Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ, звеня,
Стремена бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ,
Весь въ мылѣ, сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гривою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила;
И пѣна легкая—бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ—
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье,—изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей;
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ:
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной, грѣшной головой!

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ—
Издѣлье иноческихъ рукъ—
Блистали тканью нарчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной,
Врываясь бѣлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу;
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ,
Усердный инокъ... Жалкій трудъ,
Отнявши множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ,
Искусства горестный удѣлъ!..

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Бояринъ Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливались серебромъ;
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподымался слегка.
Движеньемъ насмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И въ нетерпѣніи порой
Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той,
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба.
Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли-бъ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ-ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслію постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва-ль не лишнее звено?..
Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса,
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Летала ласточка—то внизъ,
То вверхъ, подъ каменный карнизъ
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрѣлой,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнію одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ—не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ.

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они!—вошли!—толпа людей
Въ высокихъ черныхъ клобукахъ
Съ свѣчами длинными въ рукахъ;
Согбенный тягостью вериг,
Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ. — Сорокъ лѣтъ
Ужь онъ не зналъ, что Божій свѣтъ;
Но умъ его былъ юнъ, богатъ

БОЯРИНЪ ОРША

—Но, полный жизнью молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой...

Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;
И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
Алмазами и жемчугомъ;
И трость игумена была'
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
И плѣнника подвесть велѣлъ,
И одного изъ чернецовъ
Позвалъ по имени: суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святого чернеца.
Потомъ игуменъ, наклонясь,
Сказалъ боярину, смѣясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ боярин головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
И понялъ данный знакъ монахъ,—
Укоръ *), готовый на устахъ,
Словами книжными убралъ
И такъ преступнику вѣщалъ:
«Безумный, бренный сынъ земли!
Злой духъ и страсти привели
Тебя медовою тропой
Къ границѣ жизни сей земной.
Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
Простить не можетъ судъ земной **),
Но въ небѣ есть Судья иной:
Онъ милосердъ,—Ему теперь
При насъ дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНІЙ

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.
Не понимаю, что была
У васъ за мысль?—Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно-ль разсказать?
И если-бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ-бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой:
Онъ оправдалъ меня—одинъ
Онъ сердца полный властелинъ!
Когда-бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ-бы виноватъ:
Но всѣхъ равно влечетъ судьба,—
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты, слѣпой старикъ,
Когда-бъ съ небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ-бы мнѣ,
И, въ изступленьи, можетъ-быть,
Рѣшился-бъ также согрѣшить,
И клятвы-бъ грозныя забылъ,
И перенесть-бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое мученье, мой позоръ!..

ОРЛИЦА

Не помнишь теперь о ней
Напрасно!—У груди моей,
Хоть нынѣ поздно вижу я,
Согрѣлась, выросла змѣя!..
Но ты заплатишь мнѣ теперь
За хлѣбъ и соль мою, повѣрь;
За сердце-жъ дочери моей
Я заплачу тебѣ, злодѣй—
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота!..

АРСЕНІЙ

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ,
Кто мой отецъ и живъ-ли онъ?
Не знаю... Люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
Подъ строгій иноковъ надзоръ;
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
Душой дитя—судьбой монахъ!
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ: «отецъ» и «мать»;
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ,—могилъ!
Но нынче самъ я не хочу
Предать ихъ имя палачу,
И все, что славно было-бъ въ немъ,

*) Упрекъ...
**) ...И казнь назначилъ судъ людской.
Предъ нимъ съ раскаяньемъ теперь
Ты мнѣ дѣла свои повѣрь.

Облитъ и кровью и стыдомъ:
Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!..
— Нѣтъ, не грози, отецъ святой.
Чего бояться намъ съ тобой?
Обоихъ насъ могила ждетъ...
Не все-ль равно, что день, что годъ?
Никто ужъ намъ не господинъ:
Ты въ рай, я въ адъ—но путь одинъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
Два раза былъ свободенъ я:
Послѣдній—нынѣ... Въ первый разъ,
Когда я жилъ еще у васъ
Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
Взглянуть на нашныя поля,
Узнать прекрасна ли земля,
Узнать для воли или тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы...
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
При блескѣ молній роковыхъ,
Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ;
Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
Благословилъ и хладъ, и ночь,
Забылъ печали бытія,
И бурю братомъ назвалъ я.
Восторгомъ бѣшенымъ объятъ,
Съ ней унестись я былъ бы радъ;
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!
О, старецъ! что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать ты мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

ИГУМЕНЪ

На что намъ знать твои мечты?
Не для того предъ нами ты!
Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ,—
И хочетъ истины законъ.
Открой же намъ друзей своихъ,
Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
Которыхъ страшныя дѣла
Смываетъ кровь и кроетъ мгла;
Съ которыми, забывши честь,
Ты мнилъ несчастную увезти

АРСЕНІЙ

Мнѣ ихъ назвать?—Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной.
О, нѣтъ, ихъ тайну—не мою—
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ
Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.
Пытай желѣзомъ и огнемъ, —
Я не признаюся ни въ чемъ;
И если хоть минутный крикъ
Изъмѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ!..

МОНАХЪ

Страшись упорствовать, глупецъ!
Къ чему? Ужъ близокъ твой конецъ.
Скорѣе тайну намъ предай.
За гробомъ есть и адъ и рай, —
И вѣчность въ томъ или другомъ...

АРСЕНІЙ

Послушай, я забылся сномъ
Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
Я приближающійся звукъ,
Знакомый, милый разговоръ,
И будто вижу ясный взоръ...
И, пробудясь, во тьмѣ скорбей
Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
Увы! они въ груди моей!
Они на сердцѣ, какъ печать,
Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
И жгутъ его, и вновь живятъ...
Они мой рай, они мой адъ!
Для вспоминанія о нихъ
Жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ!..

ИГУМЕНЪ

Богохулитель, удержись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую въ грудь боязнь...
Мечтанья злыя—Божья казнь!
Молись ему...

АРСЕНІЙ

Напрасный трудъ!
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить,—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой,
Имъ разогрѣть не суждено
Сердца, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь...

Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ... Зналъ-ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣлъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
Ты жилъ, — я также могъ-бы жить!..

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
Рѣчь нечестивую прервалъ,
И, негодуя, всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ,
Столь непреклонный предъ судьбой,
Шептались грозно межъ собой;
И слово «пытка» тамъ и тамъ
Вмигъ пробѣжало по устамъ.
Но узникъ былъ невозмутимъ,
Безчувственно внималъ онъ имъ *).
Такъ бурей брошенъ на песокъ
Худой, увязнувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ **).
. . . . . .

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина;
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой.
И сквозь него высокій боръ,
Разсыпанный по скату горъ,
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.

И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря.
Блестятъ кресты монастыря;
По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ
Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.

Унылый звонъ колоколовъ
Созвалъ ужь въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужь дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей, и хоръ звучалъ...
Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ,
Отцу-игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро, тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: «Гдѣ-же казначей?
Поди, спроси его скорѣй,
Не затерялъ-ли онъ ключей?»
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и го оря,
Что всѣ ключи еще при немъ,
Что не виновенъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернены
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: «бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ *)?»
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучася простой,
Жильцы обители святой...

Пришли, глядятъ: расшлена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый на пескѣ лежалъ
Стальной, зазубренный кинжалъ;
И польскій шелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

Пошли прилежно по слѣдамъ;
Они вели къ Днѣпру—и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскутъ того-же кушака

---

*) *Первоначально затѣмъ слѣдовало:*
Какъ мертвый образъ божества,
Внимаетъ кликамъ торжества:
Въ толпѣ шумящей тихъ, одинъ
Онъ все—и рабъ и властелинъ,
Безъ чувства онъ—предметъ страстей;
И выше всѣхъ—и всѣхъ слабѣй!
Такъ бурей брошенъ на песокъ.

**) И, жертва ненасытныхъ водъ,
Онъ разрушается, гніетъ...

*) *Затѣмъ слѣдовало:*
Досада, любопытство, страхъ
Видѣлись въ постныхъ ихъ чертахъ.
Прошла обѣдня въ хлопотахъ,
И въ монастырскую тюрьму...

Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

«Бѣжалъ!—Но кто-жъ ему помогъ!
Конечно люди, а не Богъ!..
И гдѣ-же онъ нашелъ друзей?
Знать, точно онъ большой злодѣй!»
Такъ, собираясь, межъ собой *)
Твердили иноки порой **).

ГЛАВА III

'T is he! 't is he! I know him now;
I know him by his pallid brow.
Byron.

Зима. Изъ глубины сугробовъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,
Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ, и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна.
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ—
Собраться челяди своей,
Точить мечи *), сѣдлать коней.
И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ—на пиръ мечей.

Садится Орша на коня.
Далъ знакъ рукой,—гремя, звеня,
Средь воя женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней;
И каждый съ знаменьемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота.
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ,
Возвелъ глаза—не къ небесамъ:
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ,
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гулливая метель.
. . . . . .

—

Умчался далѣ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней,
Обломковъ копій и мечей
Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чернаго коня,
То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто-жъ онъ? не русскій и не ляхъ—
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрамъ коня;
Чела крутого смуглый цвѣтъ,
Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
Почти могли-бъ увѣрить васъ,
Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
Онъ былъ не молодъ—и не старъ;
Но, разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,

---

*) Такъ, собираясь толпой...
**) *Было еще написано:*
Когда-жъ боярин все узнать,
Онъ поблѣднѣлъ, затрепеталъ,
Глаза его покрылись мглой;
Не зря, смотрѣлъ онъ предъ собой,
Рука на небо поднялась;
Отъ синихъ губъ оторвалась
Не рѣчь, но звукъ—ужасный звукъ,
Отзывъ еще сильнѣйшихъ мукъ,
Невнятный, какъ далекій громъ...
Три дня, три ночи цѣлый домъ
Дрожалъ, встрѣчая мрачный взоръ.
—Они прошли,—но съ этихъ поръ,
Какъ будто отъ рожденья нѣмъ,
Онъ слова не сказалъ ни съ кѣмъ...

*) ... жи...

БОЯРИНЪ ОРША

— Старикъ! о прежнемъ позабудь..
Взгляни сюда, на эту грудь.

Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ, прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ,—
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ
Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ,
Обезображенныхъ мечомъ,
Нестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли;
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто-бы она текла
Изъ глубины свѣжихъ новыхъ ранъ.
И всадникъ взъѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьи говорилъ:
«Вотъ мѣсто,—мертвый иль живой
Онъ здѣсь... вотъ дубъ, къ нему спиной
Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился... Видѣлъ я, хоть мигъ,
Какъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ,
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!..
Здѣсь, сквозь толпу издалека
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась. Каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь...
Четвертый взмахъ я долго ждалъ!
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хотя-бъ желалъ!..»
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: «это онъ!»
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
«И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время, ни чужой нарядъ
Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ
И это блѣдное *) чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній!—Такъ! я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою,—
И въ ней шипящую змѣю!
Я узнаю и голосъ твой
Межъ звуковъ стороны чужой,
Которыми ты, можетъ-быть,
Его желаешь измѣнить.
Твой умыселъ постигъ я весь,
Я знаю, для чего я здѣсь;
Но, вѣрный родинѣ моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты-бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
И сожалѣнье и печаль,
Но знай, что жизни мнѣ не жаль;
А жаль лишь то, что часъ мой билъ,
Покуда я не отомстилъ;
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣтъ твоей!..»

— Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда, на эту грудь:
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ, давно,
А кѣмъ и какъ, не все-ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отыщу я дочь твою?
Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти я поклялся!—

«Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ, да ждетъ,
Покуда милый не придетъ!
Спѣши... Ужь близокъ мой конецъ...
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ, какъ мертвецъ!..»
Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы сжались межъ собой.
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
Вдругъ прогнулся, захрипѣлъ,
И—духъ отъ тѣла отлетѣлъ.

*) ...гордое...

Къ нему Арсеній подошелъ,
И руки сжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы, какъ алмазъ.
Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ
Прощая—не прощенъ ни въ чемъ!
И на груди его потомъ
Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды
Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замиравшихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
Кипѣли страсти до конца,
Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ...

Ужь время шло къ закату дня.
И сѣлъ Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Вонзилъ ему—и въ два прыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко.—Неленой
Широкою за нимъ луга
Тянулись; яркіе снѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячью огней;
Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
Чернѣетъ на краю небесъ.
Подъ сѣнь деревъ въѣзжаетъ онъ;
Все тихо, всюду мертвый сонъ,
Лишь иногда съ сѣдого пня,
Послыша близкій храпъ коня,
Тяжелый воронъ, царь степной,
Слетитъ и сядетъ на другой,
Свой кровожадный чистя клевъ
О сучья жесткіе деревъ;
Лишь отдаленный вой волковъ,
Бѣгущихъ жадною толпой
На мѣсто битвы роковой,
Терялся въ тишинѣ ст[illegible]й...
Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
Березъ и сосенъ, надъ путемъ
Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
Висѣлъ косматой бахромой;
И часто шапкой иль рукой
Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
Прахъ серебристый осыпалъ
Его лицо... И быстро онъ
Скакалъ, въ раздумье погруженъ.
Измучилъ непривычный бѣгъ
Его коня,—въ глубокій снѣгъ
Онъ вязнетъ часто... труденъ путь!
Какъ печь его дымится грудь;
Отъ нетерпѣнья сѣдока
Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
Но близко, близко... Вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра кругомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Зборы, избы и дворы
Привѣтливо между собой
Тѣснятся пестрою толпой;
Лишь домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...
Онъ въѣхалъ на пирокій дворъ:
Все пусто... будто гладь иль моръ
Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца
И съ крикомъ убѣгаетъ прочь...
Онъ входитъ въ домъ: въ покояхъ ночь;
Закрыты ставни, полъ скрипитъ,
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ полкахъ; лишь порой
Широкой бѣлой полосой,
Рисуясь на печи большой,
Прохлопитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсеній зритъ
Сквозь сумракъ. Онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ по шаткимъ ступенямъ.
Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ;
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Сквозь нерастаявшій подъ нимъ...
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь—но заперта;
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ
Большой замокъ на ней виситъ.
И, вынувъ ножъ изъ кушака,
Онъ всунулъ въ скважину замка,—
И, затрещавъ, распался тотъ...
И, тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ:
На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто-бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ,
Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ *) сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ—
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ-бы радъ,
Когда-бъ быстрѣй, чѣмъ мысль, иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ **).

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь—жилецъ могилъ...
. . . . . .

«Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли.
Душа прекрасная ея,
Принявъ другое бытіе,
Теперь паритъ въ странѣ святой,
И, какъ укоръ передо мной,
Ея минутной жизни слѣдъ!
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ
Средь тайныхъ мукъ, иль безъ тревогъ,
Когда и какъ?—то знаетъ Богъ!
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ,—
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!

«Да! я преступникъ, я злодѣй.
Но казнь равна-ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ... *)
Разлуки первый грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
О, если-бъ рай не едо мной
Открытъ былъ властью неземной,—
Клянусь, я-бъ прежде, чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ:
Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай Ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ,
Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!..
Что безъ нея земли и рай?
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ—безъ божества!..

«Теперь осталось мнѣ одно:
Иду! Куда?—Не все-ль равно,
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда,
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,—
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой!..»

МОНГО

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ, дорогой столбовой,

---

*) ... пауковъ...

**) *Далѣе слѣдовало вначалѣ:*
Исчезнуть радъ-бы онъ съ земли,
Но муки жизнь ему спасли.
Одежды длинный лоскутокъ
Который, сгнивъ, увялъ, поблекъ,
Громаду... и проч.

*) *Вмѣсто предыдущихъ четырехъ стиховъ сначала было:*
Жить и страдать теперь на что?
Она ничто—и все ничто!
Передъ людьми преступникъ я.
Меня казнитъ судьба моя,
Но о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь!
И есть вѣчно мучусь—не бѣда,
Вѣдь съ ней не встрѣчусь [illegible]

Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ,
Одинъ высокъ и худощавъ,
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой;
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ—
Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней пріѣзженныхъ размахомъ
Они любуются порой
И рѣчь ведутъ между собой:
«Монго, послушай—тутъ направо!
Осталось только три версты!..»
— Постой! ужь эти мнѣ мосты!
Дрожатъ—и смотрятъ такъ лукаво.
— Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье!
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
«Нѣтъ, въ семь—я самъ читалъ приказъ!»

Но прежде нужно вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго—повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Былъ молодъ сердцемъ и душой:
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ,
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ—
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ,
Не занимался онъ чинами,
Ходилъ немытый цѣлый день,
Носилъ фуражку на-бекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку—
Неловко гнулся напередъ,
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но если, милый, вы ѣзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ...
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала;
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ озлобленной его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно,
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый—вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ—на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей, и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ—онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,—
Терзаемъ пьяницы недугомъ,
Изжогой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады—
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ
Мелькаютъ въ рядъ изъ-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирныя домовъ
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ, и онъ отъ вѣка
Зовется Краснымъ Кабачкомъ,
И тамъ для блага человѣка
Построенъ сумасшедшихъ домъ.
И тамъ пріютъ себѣ смиренный
Танцорка юная нашла,—
Краса и честь балетной сцены,
На содержаніи была:
NN., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ волокитства, безъ признаній...
— Мой другъ,—ему я говорилъ:—
Ты не въ свои садишься сани,—
Танцоркой вздумалъ управлять,
Ну, гдѣ тебѣ? . . . . . .

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
Они стоятъ въ пустой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ.
И вотъ тропинкой потаенной
Они къ калиткѣ отдаленной
Спѣшатъ подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ;

Сквозь вѣтви брезжитъ лунный свѣтъ
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.
Впередъ отправился Маёшка,
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
«Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ—
Судьба окончитъ остальное!»

Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ танцорка молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно и, зѣвая,
Такъ тихо думала она:
«Чудна судьба! о томъ ни слова:
На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самаго дурного,
И мой отецъ—простой кузнецъ.
А я—на шелковомъ диванѣ
Ѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ—знаю ужь заранѣ,—
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ
Теперь со мной плохія шутки!
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Канальо-повара дерутъ!
Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣха онъ, ни пѣсенъ,
Зато богатъ и глупъ. . . . .
Теперь не то, что было въ школѣ:
Ѣмъ за трояхъ, порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люпель.
А въ школѣ... Боже!.. Вотъ мученье!
Днемъ танцы, выправка, ученье,
А ночью жесткая постель;
Встанешь, бывало, утромъ рано,—
Бренчитъ ужь въ залѣ фортепьяно,
Поютъ всѣ вровь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь, какъ аистъ, на часахъ.
Флери хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одиннадцатый часъ!
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры
Стоятъ всѣ въ рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры!
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ браниш и отгоняешь,
Зато, вернувшись лишь домой,
Директоръ поретъ на убой:
Ни взглядъ не думай кинуть лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй;
А самъ, прости ему Всевышній,
Вѣдь ужь какой прелюбодѣй!..»

Но тутъ въ окно она взглянула
И чуть не брякнулась со стула:
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
— Что это значитъ, господа?
И кто васъ звалъ придти сюда?
Ворваться къ дѣвушкѣ безчестно!—
«Намъ, право, это очень лестно!..»
-Я васъ прошу, подите прочь!—
«Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы».
— Вы неучи!—«Вы очень милы».
— Чего хотите вы теперь,
Ей Богу, я не понимаю.—
«Мы просимъ только чашку чаю».
— Панфишка! отвори имъ дверь!—
Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ;
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ:
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки,—
Ну, словомъ: весь любовный вздоръ..
И нѣжный вздохъ, приличио томный,
Порхнулъ изъ груди молодой...
. . . . . .

Маёшка, другъ великодушный,
Засѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру. . . . . .
Иль адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонеромъ
Или на балѣ быть танцоромъ...
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ
И думать: это не для насъ!

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ,—
Девятиместная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...

Увы! печальная развязка—
Неотразимый гнѣвъ боговъ!
То былъ NN съ своею свитой:
Степаномъ, Оедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, гремятъ, орутъ,—содомъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира...

Но нѣтъ! постой, умолкни, лира!
Тебѣ-ль, поклонницѣ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать!..
Въ истерикѣ младая дѣва:
Какъ защититься ей отъ гнѣва?
Куда гостей своихъ дѣвать?
Подъ столъ, комодъ, иль подъ кровать?
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью...
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но вмигъ проснулся духъ военный.
Прыгъ, прыгъ,—и были таковы!..

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбія любви,
Повѣсы на коней вскочили
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались.
Упрямо убавляя ходъ,
Они . . . . . сопѣлись,—
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися по утру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ: что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило!

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами;
А вы не можете-ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами.

ГОШПИТАЛЬ

[РАЗСКАЗЪ]

I

Друзья! вы помните, конечно,
Тотъ Петергофскій гошпиталь:
И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.
Тамъ, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слѣпая,
Жила съ усатымъ ямщикомъ...
Но дѣло вовсе не о томъ!
Ея служанка молодая
Нескромной бой остію словъ,
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ
Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ
Неумолимыхъ юнкеровъ,
И то сказать: на эти очи,
На эту ножку, станъ и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтобъ въ продолженье цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазъ...
. . . . . .

II

Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари.
—Клянуся!—молвилъ князь удалый...—
. . . . . .
«Шесть штукъ шампанскаго?»—Пожалуй?—
И разошлись. Проходитъ день...
Заря угасла; вечеръ ясный.
У тѣсной лѣстницы, какъ тѣнь,
Нашъ князь вертится ежечасно,
И вотъ на первую ступень
Онъ ставитъ трепетную ногу.
Доска проклятая скрипитъ,
Боится онъ поднять тревогу...
Какъ быть? Вернуться? Страхъ и стыдъ...
Онъ осушаетъ съ ромомъ фляжку...
«Courage! mon cher... allons, скорѣй!»
Кричитъ Choubin изъ-за дверей.

III

И, ободренный виннымъ паромъ,
Наверхъ вскарабкался нашъ князь;
Прижалъ защелку, входитъ съ жаромъ...
Чердакъ . . . . . закоптѣлый,
Едва лампадой озаренъ,
. . . . . и пыль со всѣхъ сторонъ.
Въ широкихъ креслахъ, въ кофтѣ бѣлой,
Въ очкахъ, недвижна какъ гранитъ,
Слѣпая барыня сидитъ.
Она чепцомъ почти закрыта...
И мыслитъ пьяный волокита:
«Она, должно быть!.. подойду!»
. . . . . .

IV

Въ тотъ самый мигъ со свѣчкой сальной
Всходилъ по лѣстницѣ мужикъ.

Вдругъ слышитъ онъ: . . . . . .
Зовутъ на помощь... гамъ и крикъ!..
Онъ дверь геройски отворяетъ,
Ударивъ кулакомъ съ-плеча...
. . . . . .

V

Межъ тѣмъ мужикъ схватилъ дубину
И лѣзетъ прямо;—тотъ назадъ...
Увы! на княжескую спину
Удары сыплются, какъ градъ!.
—Ой, господа... ко мнѣ... скорѣй!..—
«Попался . . . . . постой,
Въ другой разъ будешь поумнѣй!
Вотъ разъ тебѣ, а вотъ другой!»
—Ты знаешь-ли, я князь?—«Вотъ штука!
Когда-жъ князья . . . . . »
—Пусти же!—«Вишь какой пѣтухъ...
. . . . . вне съ нами!» . . . . .
Трещитъ окно, трясется домъ,
Шумъ, грохотъ, стулья вверхъ ногами,
Удары . . . . . .
Летятъ, встрѣчаются,—содомъ!..
И видитъ князь: въ чуланчикъ темной
Открыта дверь, туда скорѣй...
За нимъ съ дубиною огромной
И со свѣчей спѣшитъ Андрей...
Въ окно сквозь щели вѣтеръ свищетъ,
Гнилая утварь на полу...
Мужикъ врага повсюду ищетъ
И видитъ: что-то тамъ въ углу.
Но только неучъ размахнулся,
Вдругъ точно чортъ его схватилъ...
Остановился, запнулся
И тихо руку опустилъ.
Въ нишѣ . . . . . ,
. . . . . Марису защитивъ рукой
Предъ нимъ, кидая взглядъ орлиной,
Стоялъ Лафа, уланъ лихой!..
Огромный, красный прыщъ звѣздою
Блисталъ среди его чела...
. . . . . .

VI

Ужаснѣй молніи небесной,
Быстрѣе смертоносныхъ стрѣлъ,
Лафа оставилъ уголъ тѣсной
И на злодѣя полетѣлъ;
Далъ въ зубы, сшибъ его,—ногою
Ему на горло наступилъ...
—«Гдѣ ты Б.....кинъ? за мною!
Кто противъ насъ?»—онъ возопилъ.
И князь, сидѣвшій за лоханкой,
Выходитъ робкою стопой,
И съ торжествующей осанкой
Лафа ведетъ его домой.

Какъ шаръ по лѣстницѣ скатился,
Нашъ . . . . . купидонъ,
Ворчалъ, ругался и бѣсился
И, морщась, спину щупалъ онъ.

VII

Но въ ту же ночь, ихъ факторъ смѣлый,
Клянясь доставить ящикъ цѣлый,
Пошелъ Какушкинъ со двора
Съ пригоршней полной серебра.
И поутру смѣялись, или
Внизу, какъ прежде... А потомъ?..
Потомъ?!—что спрашивать?.. забыли...
Какъ забываютъ обо всемъ . . . . .
Князь мужика простилъ давно
И за разбитое окно
Съ беззубой барышней разсчелся;
И, отъ друзей досаду скрывъ,
Остался веселъ и счастливъ.

—

Промчались дни... Марисе, гдѣ ты?
Гдѣ губишь ты младыя лѣта?
Она исчезла!... никогда
Мы не найдемъ ея слѣда . . . . .
Унылъ нашъ бѣдный госпиталь,
Онъ сталъ мрачнѣй ночной пустыни...
Смѣшно вздыхать... а, право, жаль!..

ИСПОВѢДЬ

I

День гасъ. Въ нарядѣ голубомъ,
Крутясь, бѣжалъ Гвадалквивиръ,
И, не заботяся о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то міръ,
Для счастья чуждый, полный зломъ,
Свѣтило южное текло,
Безпечно, пышно и свѣтло...
Но въ монастырскую тюрьму
Игривый лучъ не проникалъ;
Какую-бъ радость одному
Туда принесъ онъ, еслибъ зналъ.
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Испанецъ родомъ и душой.
Такой былъ рокъ! Зачѣмъ, за что?
Не зналъ и знать не могъ никто.
Но, въ преступленіи обвиненъ,
Онъ оправданья не [illegible]
Онъ зналъ людей и зналъ законъ...

И ничего отъ нихъ не ждалъ *).
Но вотъ по лѣстницѣ крутой
Звучатъ шаги, открылась дверь,
И старецъ дряхлый и сѣдой
Вошелъ въ тюрьму. Зачѣмъ теперь,
Что сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ!

II

«Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!..
Не говори, что Божій судъ
Опредѣлятъ мнѣ конецъ,—
Все люди, люди, мой отецъ.
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить,—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой—
Согрѣть имъ вновь не суждено
Сердца, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь невиннаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь.
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной, вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ:
Я молодъ—молодъ,—зналъ-ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?—
Или не зналъ,—или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ жизни ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть!—
Ты жилъ! я также хочу жить!

III

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.
Не постигаю, что была
У нихъ за мысль?—Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,—
А душу можно-ль разсказать?
И если-бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я преступникъ иль злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою неба утвержденъ;
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой.
Онъ оправдалъ меня,—одинъ
Онъ сердца полный властелинъ;
И тайну страшную мою
Я, какъ могила, сохраню,
Пока земля въ урочный часъ,
Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнъ
Среди угрюмыхъ вашихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства свѣтлые года
Я проводилъ. Богъ вѣсть куда,
Какъ сонъ, безъ счастія и бѣдъ,
Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ;
И воскресить тѣ дни едва-ль
Желалъ-бы я,—а все ихъ жаль!
Зачѣмъ, молчаніе храня,
Такъ грозно слушаешь меня?
Я воленъ... я не братъ живыхъ;
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклинаю... Но, старикъ,
Я признаюся, мой языкъ
Не станетъ ихъ благодарить
За то, что прежде, можетъ-быть,
Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ
Погаснетъ въ мирной тишинѣ,—
Я, свѣжій, пылкій, молодой,
Который здѣсь передъ тобой
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,—
Весь превращуся въ слово: нѣтъ!..
И прахъ, лишенный бытія,
Ужъ будетъ прахъ одинъ,—не я.

IV

«И могъ-ли я во цвѣтѣ лѣтъ,
Какъ вы, душой оставить свѣтъ
И жить, не вѣдая страстей,
Подъ солнцемъ родины моей?
Ты позабылъ, что сѣдина
Межъ этихъ кудрей не видна,

*) *Первоначально затѣмъ слѣдовало:*
Но кто идетъ къ нему теперь?
Гремитъ замокъ, открылась дверь,
И старецъ дряхлый и сѣдой
Вошелъ тяжелою стопой.

Что пламень въ сердцѣ молодомъ
Не остудишь мольбой, постомъ.
Когда надъ бездною морской
Сварѣной бури слышенъ вой,
И громъ гремитъ по небесамъ,—
Вели не трогаться волнамъ!
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!..
Да, если-бъ черный сей нарядъ
Не допускалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ;
Но подъ одеждой власяной
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, безчувственный старикъ,
Когда-бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ,
И, въ исступленьи, можетъ-быть,
Рѣшился-бъ также согрѣшить;
Отвергнувъ все, законъ и честь,
Ты былъ бы счастливъ перенесть,
За слово, ласку или взоръ,
Мое страданье, мой позоръ!..

V

«Я о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь.
Пусть вѣчно мучусь: не бѣда!
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
Разлуки первый грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
И если-бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной,
Клянусь, я прежде, чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ,
Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Нѣтъ, перестань, не возражай!..
Что безъ нея земля и рай?
Пустыя, звонкія слова,
Блестящій храмъ безъ божества.
Увы! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, милый взглядъ,
Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій, какъ мечта...
Одинъ лишь слабый звукъ отдай...
О! старецъ, что такое рай?..

IX

«Смотри, въ сырой тюрьмѣ моей
Не видно солнечныхъ лучей.
Но разъ на мрачное окно
Упалъ одинъ—давнымъ-давно,—
И съ этихъ поръ между камней,
Ничтожный слѣдъ веселыхъ дней,
Забытъ, какъ узникъ, одинокъ,
Растетъ блѣдненькій цвѣтокъ;
Но вовсе онъ не расцвѣтетъ,
И гдѣ родился—такъ умретъ!
И не сходна-ль, отецъ святой,
Его судьба съ моей судьбой?
Знай, можетъ-быть ея ужь нѣтъ!..
И вотъ послѣдній мой отвѣтъ:
Поди, бѣги, зови скорѣй
Окровавленныхъ палачей;
Судить и медлить вамъ на что?
Она не тутъ,—и все ничто!
...Прощай, старикъ, вотъ казни часъ!..
За нихъ молись. Въ послѣдній разъ
Тебѣ клянусь передъ Творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ,
Скажи, что умеръ я, какъ могъ,
Безъ угрызеній и тревогъ,
Что съ тайной гибельной моей
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я... что любилъ
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ...
Кого любилъ?—Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной;
За жизнь, за міръ, за небо вамъ
Я тайны этой не продамъ!»

VII

...И онъ погибъ,—и погребенъ.
И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ стѣнъ вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной,
И въ храмъ высокій онъ проникъ...
Тамъ, гдѣ сіялъ Мадонны ликъ
Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
Какъ призраки, стояли въ рядъ
Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣтъ
Причелъ къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ...
Неслась мольба ихъ къ небесамъ,
И отвѣчалъ старинный храмъ
Ихъ пѣсни мирной и святой.
И пѣли всѣ, кромѣ одной.
Какъ херувимъ, она была
Обворожительно-мила;
Въ ея лицѣ никто-бъ не могъ
Открыть печалей и тревогъ.
Но что такое женскій взглядъ?
Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!..
Прилежнымъ ухомъ у окна
Шумъ вѣтра слушала она,
Какъ будто долженъ былъ принесть
Онъ рѣчь любви, иль смерти вѣсть!..
Когда-жъ унылый звонъ проникъ

Въ обширный храмъ,—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!...
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой:

КАЗНАЧЕЙША

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Пускай слыву я старовѣромъ,
Мнѣ все равно, я даже радъ;
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку!
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть-можетъ, вы
Склоненьемъ легкихъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе за ѣемъ,
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I

Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальный,
Теперь же, право, хоть куда:
Тамъ есть три улицы прямыя,
И фонари, и мостовыя;
Тамъ два трактира есть: одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки;
Тамъ зданье лучшее острогъ...
Короче, славный городокъ!

II

Но скука, скука, Боже правый,
Гоститъ и тамъ, какъ надъ Невой,
Поитъ васъ прѣсною отравой,
Ласкаетъ черствою рукой.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы—просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ
И васъ осудятъ, проклянутъ.

III

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать;
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Тамбовѣ будетъ зимовать.
Уланы, ахъ! такіе хваты!..
Полковникъ, вѣрно, неженатый;
А ужь бригадный генералъ
Конечно дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
Зато, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье: сабли, шпоры—
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.

IV

И вотъ однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ Аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолствовалъ кабакъ,
. . . . . .
. . . . . .
Уланы, справа по шести,
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ Двухъ Слѣпыхъ.

V

Услыша ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура! Катерина!
Скорѣе туфли и платокъ!
Да гдѣ Иванъ? какой мѣшокъ!
Два года ставни отворяютъ...»
Вотъ ставни настежь. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ,—
И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI

«Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!»—Гдѣ? майоръ?—«О, нѣтъ!
Какъ онъ хорошъ, а конь—картина!
Да жаль—онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣришь-ли, онъ мнѣ приснился...
Я после не могла уснуть...»
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ,
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII

Противъ гостиницы Московской,
Притона буйныхъ усачей,
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ.
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ;
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли,—
За то предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки,
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ,—
Невинной роскоши уборъ.

VIII

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ расчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
(Его единственный порокъ);
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутёркой понтировать со славой—
И талью скверную порой
Запить цимлянскаго струей.

IX

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сыновъ.
Его крапленыя колоды
Не разъ невинные доходы
Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ—
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, отъ стыда.

X

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругѣ кладъ.
Ее пѣнилъ онъ тысячъ во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ
Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтеръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI

И впрямь, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно—
Чуть тронетъ землю башмачокъ;
Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди;
Бела, какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалося, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей—
И не гожусь въ число судей.

XII

А этотъ носикъ! эти губки—
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій какъ мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто *р* произносила;
Но этотъ маленькій порокъ
Кто извинить бы въ ней не могъ!

Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ!—о томъ причины скрыты;
Но есть въ Тамбовѣ двѣ кумы,
У нихъ, пожалуй, спросимъ мы.

XIII

Для бо́льшей ясности романа
Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ уланa
Была одна ея сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чемъ тутъ, Боже справедливый,
Не судятъ милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ не лживый,—
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV

Итакъ, тамбовская красотка
Цѣнить умѣла ужь усы
. . . . . .
. . . . . .
Что-жъ? знаніе се сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса милый,
(Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ),
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ;
Штабсъ-ротмистръ, строенъ, какъ корнетъ;
Взоръ пылкій, усъ довольно черный:
Короче,—идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

XV

Онъ все отповское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ;
Съ тѣхъ поръ дарами Провидѣнья,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ спать, лежать привыкъ, не видѣть,
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ.
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтеромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

XVI

Страстьми земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда.
. . . . . .
. . . . . .
Бывало, въ дѣлѣ, подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя, однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
Чтобъ отъ кнута избавить вора;
Порой, нелюбенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ,—но шутя.

XVII

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя прокладать,—
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни;
А несмотря на то, друзья,
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Таковъ-то былъ штабсъ-ротмистръ Гаринъ,
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
Онъ у трактирщика узнать;
Узналъ не мало онъ смѣшнова—
Интригъ секретныхъ шесть иль пять,
Узналъ невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся, иль сваты,—
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
«Бѣдняжка!» думаетъ уланъ:
«Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
Тебя стеречь; и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей?»

XIX

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ,
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ;
На кудри мягкія надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта

КАЗНАЧЕЙША

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ...

Съ каймой и кистью золотой—
Даръ молдаванки молодой
Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
Вотъ, промелькнувши какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжный;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX

Еще безмолвенъ городъ сонный;
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще по улицѣ мощеной
Не раздается стукъ каретъ...
Чтожъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую
Назвать причину повѣрнѣй?
Ужь не безсонница-ль у ней?..
На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ-
Заняться этимъ намъ неловко...
И если правду ужь сказать,
Ну, кстати-ль было-бъ ей вязать?

XXI

Сначала взоръ ея прелестный
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ поднебесной.
И вдругъ... какой позоръ и срамъ!
Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина—безъ мундира.
Скорѣй, штабсъ-ротмистръ! вашъ сюртукъ!
И подѣломъ... окошко стукъ...
И скрылось милое видѣнье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На васъ навѣяла-бъ смущенье;
Но я отдамъ улану честь,—
Онъ молвилъ: «чтожъ? начало есть».

XXII

Два дня окно не отворялось;
Онъ терпѣливъ. На третій день
На стеклахъ снова показалась
Ея плѣнительная тѣнь.
Тихонько рама заскрипѣла;
Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
Но опытный замѣтилъ взглядъ
Ея заботливый нарядъ.
Своей удачею довольный,
Онъ всталъ и вышелъ со двора—
И не вернулся до утра.
Потомъ, хоть было очень больно,
Собравъ запасъ душевныхъ силъ,
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII

Но эта маленькая ссора
Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:
Межъ ними завелся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
Языкъ любви, языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный!
Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненья
Кому хоть разъ ты не помогъ
Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

XXIV

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гарпинъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять
Отправится-ль она къ обѣдни,—
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній:
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ, все время не крестясь.
Лучомъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытающіе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ—
Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

XXV

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ,
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвелъ
Своею странностью. Конечно,
Не надо было-бъ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

XXVI

Но время шло. «Пора къ развязкѣ!»
Такъ говорилъ любовникъ мой:—
«Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой».
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей.—Что это?—«Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ;
Самъ не пріѣхалъ: много дѣлъ-съ;

Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать.
Онъ самъ изволилъ такъ сказать».
—Ступай, скажи, что я пріѣду.—
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабсъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII

Амфитріонъ былъ предводитель,—
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный любитель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,—
Но праздникъ въ томъ не потерялъ,
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII

Впередъ подъ-ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ.
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Игрою кстати заглушитъ
Чужъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное—смѣшно.

XXIX

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О, скоро-ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро-ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ у лѣска
Бросаетъ лучъ исподтишка?

XXX

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой,
Вился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ—не знаю, какъ случилось,—
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ начался извиненья,
И завязался разговоръ;
Два комплимента, нѣжный взоръ—
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша—не примѣръ.

XXXI

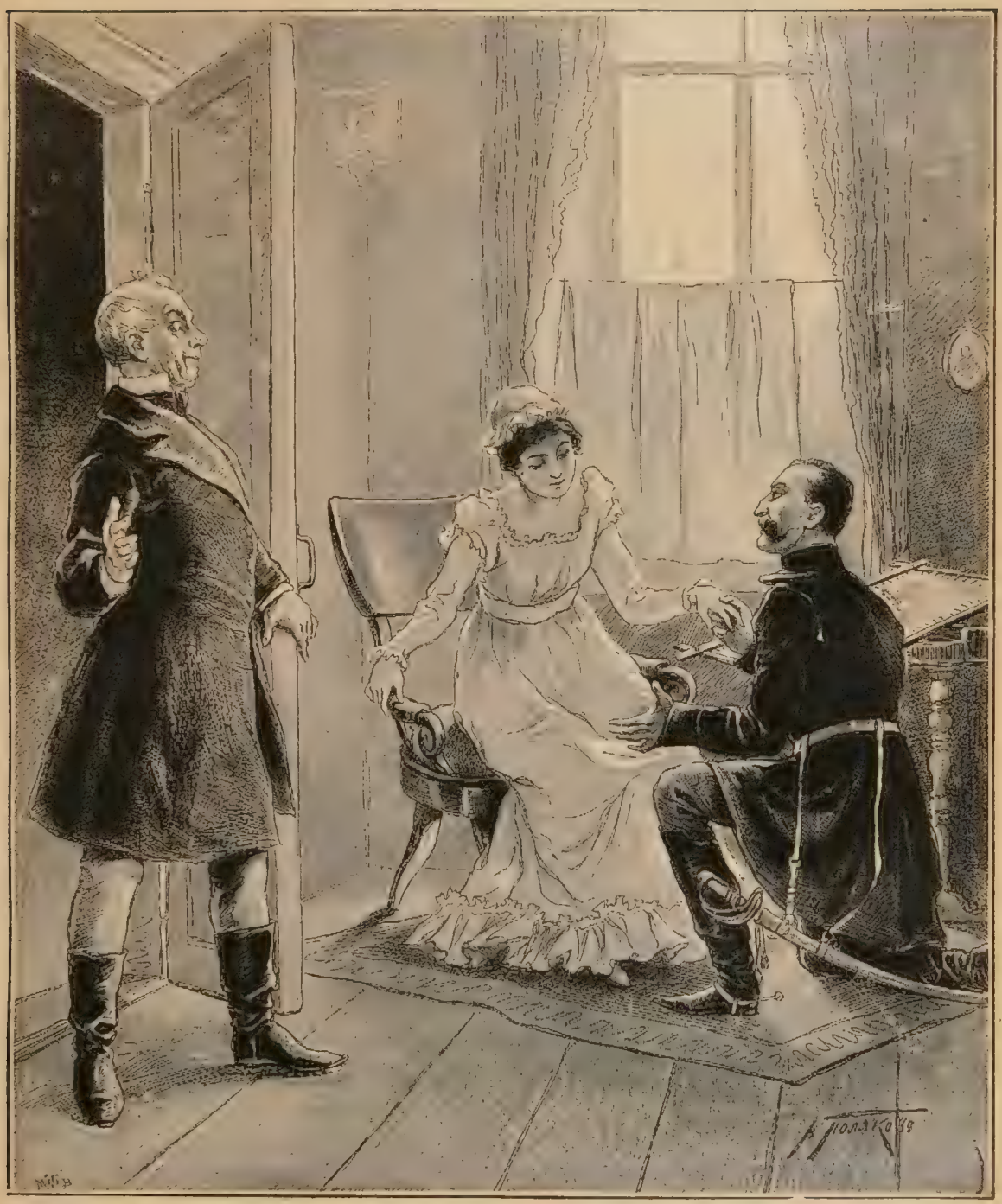
Она въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
Нѣмой восторгъ спѣша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить.
Таковъ обычай деревенскій!
Помучить—способъ самый женскій.
Но ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!
Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tête-a-tête
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXXII

Вобще, я могъ въ году послѣднемъ
Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
Замѣтить страсть къ воздушнымъ бредиямъ
И мистицизму. Бойтесь ихъ!
Такая мудрая супруга
Въ часы любовнаго досуга
Вамъ вдругъ захочетъ доказать,
Что 2 и 3 совсѣмъ не пять:
Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
Магнетизировать начнетъ,—
И счастливъ мужъ, когда заснетъ!..
Плоды подобныхъ замѣчаній
Конечно бъ могъ не вѣдать міръ;
Но польза, польза—мой кумиръ.

XXXIII

Я балъ описывать не стану,
Хоть это былъ блестящій балъ.
Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.
Увы! молясь иной святынѣ,
Не вѣруютъ Амуру нынѣ:
Забытъ любви волшебный царь,
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
Провинціалы не спѣшатъ...



КАЗНАЧЕЙША

Какъ вдругъ
Дверь настежь—и въ дверяхъ супругъ...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXXIV

И сердце Дуни покорилось;
Его сковалъ могучій взоръ...
Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафорѣ измятомъ
Она за вѣчную канву,—
Все тотъ же сонъ и наяву.
По службѣ занятъ мужъ ревнивый,
Она одна,—разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!..»
Вотъ чей-то шагъ,—и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV

Вы отгадаете, конечно,
Кто этотъ гость нежданный былъ.
Немного, можетъ-быть, поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;
Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодешь.
Кивнувъ легонько головою,
Онъ къ Дунѣ молча подошелъ
И на лицо ея навелъ
Взоръ, отуманенный тоскою;
Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
Вздохнулъ, и началъ говорить:

XXXVI

«Я вижу, вы меня не ждали,—
Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
Ахъ, вы еще не испытали,
Что̀ въ страсти значитъ день, что̀ часъ!
Среди сердечнаго волненья
Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.
Я здѣсь—на все рѣшился я...
Тебѣ я преданъ... ты моя!
Ни мелочные толки свѣта,
Ничто, ничто не страшно мнѣ;
Презрѣнье свѣтской болтовнѣ—
Иль я умру отъ пистолета...
О, не пугайся, не дрожи!
Вѣдь я любимъ?—скажи, скажи!..»

XXXVII

И взоръ его притворно-скромный,
Склоняясь къ ней, то угасалъ,
То, разгораясь страстью томной,
Огнемъ сверкающимъ пылалъ.
Блѣдна, въ смущеньи оставалась
Она предъ нимъ... Ему казалось,
Что чрезъ минуту для него
Любви наступитъ торжество...
Какъ вдругъ внезапный и невольный
Стыдъ овладѣлъ ея душой,
И, вспыхнувъ вся, она рукой
Толкнула прочь его: «довольно!
Молчите, слышать не хочу!
Оставите-ль?—я закричу!»

XXXVIII

Онъ смотритъ: это не притворство,
Не штуки,—какъ ни говори,
А просто женское упорство,
Капризы—чортъ ихъ побери!
И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
Штабъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
Дверь настежь—и въ дверяхъ супругъ.
Красотка: «ахъ!» Они взглянули
Другъ другу сумрачно въ глаза,—
Но молча развеялась гроза,
И Гарпинъ вышелъ; дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣлъ, и трубку закурилъ.

XXXIX

И черезъ часъ ему приноситъ
Записку грязную лакей.
Что это? чудо! Нынче проситъ
Къ себѣ на вистикъ казначей;
Онъ именинникъ—будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужь не обманъ ли тутъ какой?
Весь день проводитъ онъ въ волненьи.
Насталъ и вечеръ, наконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!—
Домъ полонъ, что за освѣщенье!
А все—засунуть или нѣтъ
Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

XL

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ;
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова,
Они другъ другу чужды снова.
Онъ о погодѣ говоритъ;
Она: «да-съ», «нѣтъ-съ»—и замолчитъ.
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣтъ,
Притомъ спѣшить нигдѣ не надо:
Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ-нибудь.

XLI

Я жить спѣшилъ въ былые годы,
Искалъ волненій и тревогъ;
Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ.
Чтожъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?—
Назадъ не возвратятъ усилья.
Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подъемлетъ крылья,
Кровавой пищи не клюетъ,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII

Ужель исчезъ ты, возрастъ милый,
Когда все сердцу говоритъ,
И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все-жъ томиться безполезно
Орлу за клѣткою желѣзной:
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда-нибудь
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ—
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.

XLIII

Но есть всему конецъ на свѣтѣ—
И даже выспреннимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! хозяинъ самъ
Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ,
Сажаетъ, потчуетъ вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
«Туда!» мыслитъ мой уланъ...
Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;
Игра ужь дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный;
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV

И такъ какъ господинъ Бобковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій
Позвольте мнѣ представить вамъ.
Во-первыхъ,—господинъ совѣтникъ,
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ.
За злато—совѣсть и законъ
Готовъ продать охотно онъ.
А вотъ уѣздный предводитель,—
Весь спратанъ въ галстукъ, фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ.
А вотъ, спокойствія рачитель,
Сидитъ и самъ исправникъ,—но
Объ немъ ужь я сказалъ давно.

XLV

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушенный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ,
Нетёсаный, недоученый,
А ужь безправственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ, какъ велятъ,—
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... Но довольно,
Читатель милый,—будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестрилъ.

XLVI

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился,
Онъ все проигрывалъ до-тла;
Въ ушахъ его дана, взяла
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился—
И проигралъ свой старый домъ
И все, что въ немъ или при немъ.

XLVII

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче—все, все до-чиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужь было за-полночь. Треща,
Одна погасла ужь свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужь многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья проситъ у гостей.

XLVIII

И проситъ важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,

КАЗНАЧЕЙША

— Мы кончимъ дѣло полюбовно,
Но только чуръ не плутовать...

Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье,
Иль «проиграть ужь и жену».
О страхъ! о ужасъ! о злодѣйство!
И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. «Очень радъ»,
Онъ говоритъ: «пускай шумятъ,
Мы кончимъ дѣло полюбовно...
Но только чуръ не плутовать,—
Иначе—вамъ не сдобровать!»

XLIX

Теперь кружокъ понтеровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ,
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усатаго героя,
Который понтируетъ стоя;
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой... Вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ вдалекѣ
Жену на креслахъ въ уголкѣ.

L

Что въ ней тогда происходило,
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ-быть,
Когда-бы вы ихъ разгадали,
Вы поневолѣ-бъ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза:
Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
Разсказы вымышленныхъ бѣдъ
Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Не мало проливали слезъ...
Кто-жъ въ этомъ выигралъ?—вопросъ.

LI

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась,—
И жребій выпалъ... часъ насталъ...
Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ креселъ, медленно и плавно
Къ столу въ молчаньи подошла,—
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего-нибудь—
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ничуть!
Она на мужа посмотрѣла—
И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчальное кольцо.

LII

И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ расчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой...
Поутру вѣстію забавной
Смущенъ былъ городъ благонравный;
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ,
Улана проклялъ милый полъ,—
За что?—мы, право, не дознались.
Не зависть-ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII

И вотъ конецъ печальной были,
Иль сказки,—выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали дѣйствія, страстей?
Повсюду нынче ищутъ драмы,
Всѣ просятъ крови—даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ:
Простымъ нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Чтожъ дѣлать!.. Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья, покамѣстъ будетъ съ васъ.

АЗРАИЛЪ

Рѣчка. Кругомъ широкія долины. Курганъ. На берегу издохшій конь лежитъ близъ кургана, и вороны летаютъ надъ нимъ. Все дико

АЗРАИЛЪ [сидитъ на курганѣ.]

Дождуся здѣсь; мнѣ не жестка
Земля кургана. Вѣтеръ дуетъ,
Серебряный ковыль волнуетъ
И быстро гонитъ облака.
Кругомъ все дико и безплодно,
Издохшій конь передо мной
Лежитъ, и коршуны свободно
Добычу дѣлятъ межъ собой.
Ужь хладныя бѣлѣютъ кости,
И скоро пиръ кровавый свой
Незваные оставятъ гости.
Такъ точно и въ душѣ моей:

Все пусто, лишь одно мученье
Грызетъ ее съ давнишнихъ дней
И гонитъ прочь отдохновенье;
Но никогда не устаетъ
Его отчаянная злоба,
И въ тѣсной, темной кельѣ гроба
Оно на вѣки не уснетъ.
Все умираетъ, все проходитъ.
Гляжу, за вѣкомъ вѣкъ уводитъ
Толпы народовъ и міровъ,
И съ ними вмѣстѣ исчезаетъ;
Но духъ мой гибели не знаетъ:
Живу одинъ средь мертвецовъ,
Закономъ общимъ позабытый,
Съ своими чувствами въ борьбѣ,
Съ душой страданьями облитой,
Не зная равнаго себѣ.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я все мгновенное люблю,
Утрата мучитъ грудь мою.
И я безсмертенъ, и за что-же?
Чѣмъ, чѣмъ возможно заслужить
Такую пытку, Боже, Боже!
Хотя-бы могъ я не любить,

Она придетъ сюда, я обниму
Красавицу, и грудь къ груди прижму,
У сердца сердце будетъ горячѣй;
Уста къ устамъ чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣй
Нѣмая рѣчь любви. Я разскажу
Ей все—и міръ, и вѣчность покажу;
Она слезу уронитъ надо мной,
Смягчитъ Творца молитвой молодой,
Пойметъ меня, пойметъ мои мечты
И скажетъ: какъ великъ, какъ жалокъ ты.
Сей рѣчи звукъ—мнѣ будетъ жизни звукъ,
И этотъ часъ—послѣдній долгихъ мукъ...
Клянусь воспоминаніе объ немъ
Глубоко въ сердцѣ схоронить моемъ,
Хотя-бы на меня возсталъ весь адъ.
Тотъ уголъ, гдѣ я спрячу этотъ кладъ,
Не осквернитъ ни ропотъ, ни упрекъ,
Ни месть, ни зависть; пусть свирѣпый рокъ
Сбираетъ тучи, пусть моя звѣзда
Въ туманѣ вѣчномъ тонетъ навсегда,—
Я не боюсь; есть сердце у меня
Надменное и полное огня,
Есть въ немъ любви ея святой залогъ—
Послѣдняго-жъ не отнимаетъ Богъ...
Но слышенъ звукъ шаговъ, она, она...
Но для чего печальна и блѣдна!..
Вѣнокъ пестрѣетъ надъ ея челомъ,
Играетъ солнце медленнымъ лучомъ
На бѣлыхъ персяхъ, на ея кудряхъ..
Идетъ. Ужель меня тревожитъ страхъ?..

[Дѣва входитъ. Цвѣты въ рукахъ и на головѣ, въ бѣломъ платьѣ. Крестъ на груди у нея.]

ДѢВА

Вѣтеръ гудётъ,
Мѣсяцъ плыветъ,
Дѣвушка плачетъ,
Милый на чужбину скачетъ.
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ:
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ.

Прочь, печальная пѣсня! Я опоздала, Азраилъ. Такъ-ли тебя зовутъ, мой другъ? [Садится рядомъ].

Азраилъ. Что до названія? Зови меня своимъ любезнымъ; пускай твоя любовь замѣнитъ мнѣ имя, я никогда не желалъ-бы имѣть другого; зови, какъ хочешь, смерть — уничтоженіемъ, гибелью, покоемъ, тлѣніемъ, сномъ,—она все равно поглотитъ свои жертвы.

Дѣва. Полно съ такими черными мыслями.

Азраилъ. Такъ, моя любовь чиста, какъ голубь; но она хранится въ мрачномъ мѣстѣ, которое темнѣетъ съ вѣчностью.

Дѣва. Кто ты?

Израилъ. Изгнанникъ, существо сильное и побѣжденное. Зачѣмъ ты хочешь знать?

Дѣва. Что съ тобой! Ты поблѣднѣлъ? Примѣтно дрожь пробѣгаетъ по твоимъ членамъ, твои вѣки опустились къ землѣ. Милый, ты становишься страшенъ.

Азраилъ. Не бойся, все опять прошло.

Дѣва. О, я тебя люблю, люблю больше блаженства; ты помнишь, когда мы встрѣтились, я покраснѣла; ты прижалъ меня къ себѣ, мнѣ было такъ хорошо, такъ тепло у груди твоей. Съ тѣхъ поръ моя душа съ твоей одно. Ты несчастливъ, ввѣрь мнѣ свою печаль; кто ты? откуда? ангелъ? демонъ?

Азраилъ. Ни то, ни другое.

Дѣва. Разскажи мнѣ свою повѣсть: если ты требуешь слезъ, у меня онѣ есть; если потребуешь ласки, то я удушу тебя моими; если потребуешь помощи,— [illegible], возьми все, что я имѣю, возьми мое сердце и приложи его къ язвѣ, терзающей твою душу; моя любовь [illegible] этого черви, [illegible] въ ней. Разскажи мнѣ твою повѣсть!

Азраилъ. Слушай, не ужасайся; склонися къ моему плечу, сбрось эти цвѣты, — твои губы душистѣе. Пускай эти гвоздики и фіалки унесетъ ближній [illegible], какъ нѣкогда время унес[illegible] [illegible]ту. Какъ, ужели эта [illegible] столько столѣтій люди не могли [illegible], ужели никто не можетъ пользоваться всею опытностью предшественниковъ! О, люди! вы жалки, но со всѣмъ тѣмъ я смѣнилъ-бы мое вѣчное существованіе на мгновенную искру жизни человѣческой, чтобы чувствовать хотя все то же, что теперь чувствую, но имѣть надежду когда-нибудь позабыть, что я жилъ и мыслилъ. Слушай-же мою повѣсть:

РАЗСКАЗЪ АЗРАИЛА

Когда еще ряды свѣтилъ
Земли не знали межъ собой,
Въ тѣ годы я ужь въ мірѣ былъ,
Смотрѣлъ очами и душой,

Молился, дѣйствовалъ, любилъ;
И не одинъ я сотворенъ, —
Насъ было много; чудный край
Мы населяли, только онъ,
Какъ вашъ давно забытый рай,
Былъ преступленьемъ осквернѣнъ.
Я власть великую имѣлъ,
Леталъ, какъ мысль, куда хотѣлъ,
Могъ звѣзды навѣщать порой
И любоваться ихъ красой
Вблизи, не утомляя взоръ;
Какъ перелетный метеоръ,
Я могъ исчезнуть и блеснуть:
Вездѣ мнѣ былъ свободный путь.

Я часто ангеловъ видалъ
И громкимъ пѣснямъ ихъ внималъ,
Когда въ багряныхъ облакахъ
Они, качаясь на крылахъ,
Всѣ вмѣстѣ славили Творца —
И не было хваламъ конца.
Я имъ завидовалъ: они
Безпечно проводили дни,
Не знали тайныхъ безпокойствъ,
Душевныхъ болей и разстройствъ,
Волненія враждебныхъ думъ
И горькихъ слезъ; ихъ свѣтлый умъ
Безвѣстной цѣли не искалъ,
Любовью грѣшной не страдалъ,
Не зналъ пристрастія къ вещамъ, —
Онъ весь былъ отданъ небесамъ.
Но я, блуждая много лѣтъ,
Искалъ — чего, быть-можетъ, нѣтъ:
Твореньe, сходное со мной
Хотя-бы мукою одной.
И началъ громко я роптать,
Мое рожденье проклинать,
И говорилъ: Всесильный Богъ,
Ты знать про будущее могъ, —
Зачѣмъ-же сотворилъ меня?
Желанье глупое храня,
Вездѣ искать мнѣ суждено
Призракъ, видѣніе одно.
Ужели милъ Тебѣ мой стонъ?
И если я ужь сотворенъ,
Чтобы игрушкою служить,
Душой, — безсмертной, можетъ-быть, —
Зачѣмъ меня Ты одарилъ?
Зачѣмъ я вѣрилъ и любилъ?

И наказаніе, въ отвѣтъ,
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нѣтъ!
Твою безпечность не убью,
Не дамъ понятія о томъ,
Что лишь съ возвышеннымъ умомъ
И съ непреклонною душой
Извѣдать велико судьбы.
Чѣмъ дольше мука тяготитъ,
Тѣмъ глубже рана отъ нее:
Обливши смертью бытіе,
Она опять его живитъ.
И эта жизнь пуста, мрачна,
Какъ пропасть, гдѣ не знаютъ дна:
Глотая все, добро и зло,
Не наполняется она.
Взгляни на блѣдное чело,
Примѣть морщинъ печальный рядъ,
Неровный ходъ моихъ рѣчей,
Мой горькій смѣхъ, мой дикій взглядъ
При вспоминаньи прошлыхъ дней, —
И если тотчасъ не прочтешь
Ты ясно всѣхъ моихъ страстей,
То вѣчно, вѣчно не поймешь
Того, кто за безумный сонъ,
За мигъ — столѣтьями казненъ.

Я пережилъ звѣзду свою:
Какъ дымъ, разсыпалась она,
Рукой Творца раздроблена.
Но смерти вѣрной на краю,
Взирая на погибшій міръ,
Я жилъ одинъ, забытъ и спръ.
По безпредѣльности небесъ
Блуждалъ я много, много лѣтъ,
И зрѣлъ, какъ старый міръ исчезъ
И какъ родился новый свѣтъ;
И страсти первыя людей
Не скрылись отъ моихъ очей!
И нынѣ я живу межъ васъ,
Безсмертный смертную люблю,
И съ трепетомъ свиданья часъ,
Какъ пылкій юноша, ловлю.
Когда-же родъ людей пройдетъ
И землю вѣчность разобьетъ,
Услышавъ грозную трубу,
Я въ новый удалюся міръ,
И стану тамъ, какъ прежде спръ,
Свою оплакивать судьбу.

Вотъ повѣсть чудная моя,
Повѣрь или нѣтъ — мнѣ все равно;
Довѣрчивое сердце я
Привыкъ не находить давно;
Однакожъ, я молю: повѣрь
И тѣмъ тоску мою умѣрь;
Никто не могъ тебя любить
Такъ пламенно, какъ я теперь.
Что сердце по-пусту язвить,
Зачѣмъ вдвойнѣ его казнить?
Но нѣтъ, ты плачешь? Я любимъ,
Хоть только существомъ однимъ,

Хоть въ первый и послѣдній разъ!
Мой умъ свѣтлѣй отнынѣ сталъ,
И, признаюсь, лишь въ этотъ часъ
Я умереть-бы не желалъ...

Дѣва. Я тебя не понимаю, Азраилъ; ты говоришь такъ темно. Ты видѣлъ другой міръ, — гдѣ-жъ онъ? Въ нашемъ законѣ ничего не сказано о людяхъ, жившихъ прежде насъ.

Азраилъ. Потому что законъ Моисея не существовалъ прежде земли.

Дѣва. Полно, ты меня хочешь только испугать.

Азраилъ блѣднѣетъ.

Дѣва. Я пришла сюда, чтобы съ тобой проститься, мой милый. Моя мать говоритъ, что покамѣстъ это должно,— я иду замужъ. Мой женихъ славный воинъ, его шлемъ блеститъ, какъ жаръ, и мечъ его опаснѣе молніи.

Азраилъ. Вотъ женщина... Она обнимаетъ одного, и отдаетъ свое сердце другому!

Дѣва. Что сказалъ ты? О, не сердись!

Азраилъ. Я не сержусь. [Горько]. И за что сердиться?..

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;
Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.
Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался въ то время
Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ,
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простого
Званія; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... «Вотъ ужь два дня и двѣ ночи» —
Такъ она говорила — «мы нашихъ боговъ неотступно
Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все безполезно!
Если бъ зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри,
На темныя очи ея—молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ,
Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искусствомъ,
Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ утѣшая.
Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей и взоръ отуманился думой;
Изъ дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При свѣтѣ
Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. неизвѣстно...
Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...
. . . . . .

ВАЛЕРИКЪ

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю, какъ и для чего.
Я потерялъ ужь это право.
И что скажу вамъ? — Ничего!..
Что помню васъ? — Но, Боже правый! —
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды,
Гдѣ я, что я, въ какой глуши!
Душою мы другъ другу чужды, —
Да врядъ ли есть родство души...
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остывшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ:
Добро бъ, еще морочить свѣтъ!
Да и притомъ, что пользы вѣрить
Тому, чего ужь больше нѣтъ?..
Безумно ждать любви заочной!
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ.

Но я васъ помню,—да и точно,
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньи безплодномъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ,
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію... но васъ
Забыть мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ,
Мой крестъ несу я безъ роптанья:
То иль другое наказанье—
Не все ль одно?.. Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я ровно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу:
Быть-можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...
Зато лежишь въ густой травѣ
И дремлешь... подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ.
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы «ихъ» били,
Какъ доставалося и намъ.
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе.
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.

Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... Славный звукъ!..
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужь спала;
Ведутъ коней на водопой.
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой!
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»
«Что? вьючить?»—«Что же капитанъ?»—
«Повозки выдвигайте живо!»
«Савельичъ!..»—Ой-ли?—«Дай огниво!»—
Подъемъ ударилъ барабанъ,
Гудитъ музыка полковая;
Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудья; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ...
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужь показался значки
Тамъ, на опушкѣ—два и болѣ;
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужь близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
«Эй вы, станичники, за нимъ!..
«Что? раненъ?—Ничего! бездѣлка!...»
И завязалась перестрѣлка...

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовались на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ.
Зато видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...

Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ.
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой:
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Тодпы стекались удальцовъ;
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ,—
И дымъ ихъ то вился столбомъ,

То разстилался облаками;
И оживился лѣса:
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами...
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну, дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ;
Вотъ тащутъ за ноги людей,
И кличутъ громко лекарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки,—
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе.
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... молчатъ...
Но вотъ, подъ бревнами завала
Ружье какъ-будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ—
И вновь все спряталось въ травѣ...
То было грозное молчанье...
Не долго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды?—Здѣшніе полки
Народъ испытанный... «Въ штыки,
Дружнѣе!»—раздалось за нами,
Кровь загорѣлася въ груди! *)

Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
«Ура!»—и смолкло.—«Вонъ кинжалы!...
Въ прикладъ!..»—И пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь;
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,—
И зной, и битва утомили
Меня,—но мутная волна
Была тепла, была красна...

На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ;
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно. Онъ шепталъ:
«Спасите, братцы!.. тащутъ въ горы!..
Постойте!.. гдѣ же генералъ?..
Не слышу...» Долго онъ стоналъ
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые,
И тихо плакали... Потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащомъ
И понесли... Тоской томимый,
И, вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый.

---

*) *Вмѣсто предыдущаго описанія начала боя было первоначально слѣдующее:*

[illegible]
[illegible]
[illegible]
Чечня возстала вся кругомъ;
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Другихъ... и много... ружья просятъ,
[illegible]
Имъ не въ мочь—подмоги просятъ...
[illegible]
[illegible]
Картечи!..» Тихо [illegible]
[illegible]
Димится... Свистятъ и жужжатъ
Надъ нами пули. Передъ нами
Оврагъ, рѣка; по берегамъ
Валежникъ, бревна здѣсь и тамъ,—
Но ни души... Кусты вѣтвями
Сплелись... Мы ближе подошли,
Орудій восемь навели
На деревья, въ оврагъ,—безъ цѣли,

Гранаты глухо загудѣли
И лопнули... Отвѣта нѣтъ...
Мы ближе... Что за притча, право?
Вотъ отъ ружья какъ будто свѣтъ,
Вотъ кто-то выбѣжалъ направо:
Мелькнулъ и скрылся врагъ лукавый...
Мы снова тронулись впередъ,
Послали выстрѣлъ имъ прощальный...
И ружей вдругъ изъ семисотъ
Осыпалъ насъ огонь батальный,
И затрещало по бокамъ
И впереди... И здѣсь, и тамъ
Валятся цѣлыми рядами
Второй и третій батальонъ;
Какъ птицъ, насъ бьютъ со всѣхъ сторонъ,
«Не мѣшкать, братцы! молодцами!..»
Кровь загорѣлася въ груди... и т. д.

Межъ тѣмъ товарищей, друзей
Со вздохомъ возлѣ называли;
Но не нашелъ въ душѣ моей
Я сожалѣнья—ни печали *).

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу. Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ,—
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ, вдали,—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ,
Тянулись горы,—и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу,—онъ былъ
Кунакъ мой. Я его спросилъ,
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ,—
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти: вѣрно
Дано старинными людьми!»
—А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня?—«Тысячъ до семи».
—А много горцы потеряли?
«Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?»
—Да, будетъ, —кто-то тутъ сказалъ,—
Имъ въ память этотъ день кровавый!—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Но я боюся вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва-ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать! Иныхъ тревогъ
Довольно есть. Въ самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безыскусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость,—
Я буду счастливъ; а не такъ,—
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ!

*) *Вмѣсто предыдущей строфы первоначально было:*

Тогда, на самомъ мѣстѣ сѣчи,
У батареи я прилегъ
Безъ силъ и чувствъ; я изнемогъ.
Но слышалъ, какъ просилъ картечи
Артиллеристъ. Онъ приберегъ
Одинъ зарядъ на крайній случай.
Ужь раза три чеченцы тучей
Кидались шашки на-голо;
Прикрытье все почти легло,
Я слушалъ очень равнодушно...
Хотѣлось спать, и было душно.
Межъ тѣмъ, товарищей, друзей... и проч.

БѢГЛЕЦЪ

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла,—
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ:
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку,—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока,
И надъ пустынею Пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ—дома.
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ;

Селимъ пришельца не узналъ;
На ложѣ, мучимый недугомъ,
Одинъ, онъ молча умиралъ.
«Великъ Аллахъ! отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?..» спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
— Два дня мы бились въ тѣснинѣ;
Отецъ мой палъ, и братья съ нимъ.
И скрылся я одинъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ;
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И — вотъ Пророкъ! — твоихъ заслугъ
Я до могилы не забуду. —
А умирающій въ отвѣтъ:
«Ступай, достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ; во мракѣ ночи,
Казалось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ;
И онъ подумалъ: «я любимъ,
Она лишь мной живетъ и дышитъ...»
И хочетъ онъ войти — и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старины, —
И сталъ Гарунъ блѣдней луны.

«Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ, и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый, смѣлѣе
Вверяйся ты року;
Молися Востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Будь славѣ вѣриѣе.
Своимъ измѣнивший
Измѣной кровавой, —
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы:
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто-бъ вынесъ позоръ, —
И труса прогонитъ
Красавица горъ!»

Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза порою
Съ рѣсницы падаетъ на грудь. —
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ.
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него,
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его не одного.
«Мать, отвори! я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ...» — Одинъ? — «Одинъ!»
— А гдѣ отецъ и братья? — «Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли».
— Ты отомстилъ? — «Не отомстилъ.
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою».
— Молчи, молчи, гяуръ лукавый!
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живой одинъ:
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ! —
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ.
И, наконецъ, ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать поутру увидала,
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь его съ глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.

Душа его отъ глазъ Пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, поутру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

ДВА БРАТА

Ахъ, братъ! ахъ, братъ! стыдись, мой братъ!
Обѣты теплые съ мольбами
Забылъ-ли? Годъ тому назадъ
Мы были нѣжными друзьями...
Ты помнишь, помнишь, вѣрно, бой,
Когда рубились мы съ тобой
Противъ враговъ родного края,
Или, заботы удаляя,
Съ новорожденною зарей
Встрѣчали вмѣстѣ праздникъ Лады?
И чтожъ!—волненіе досады,
Неугомонная вражда
Насъ раздѣлили навсегда!..

— Не называй меня, какъ прежде,
Въ благополучные года;
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ,
Любви и дружбѣ... Я зналъ
Волненья сердца дорогія,
И очи, очи голубыя,
Я сердцемъ дѣвы обладалъ,
Ты у меня его укралъ!..
Ты завладѣлъ моей прекрасной,
Ея любовью и красой;
Ты обманулъ меня... ужасно!..
И посмѣялся надо мной.

Умолкли. Но еще стоятъ,
Въ душѣ терзаемы враждою.
На каждомъ свѣтлые блестятъ
Мечи съ насѣчкой золотою,
На каждомъ панцырь и шеломъ
Орлинымъ осѣненъ крыломъ.
Все пусто вкругъ въ дали туманной.
Предъ ними жертвенникъ. На немъ
Кумиръ бѣлѣетъ деревянный.
И только плющъ, вясь, младой
Лелѣетъ жертвенникъ простой.
Они колѣна преклонили,
Взаимной злобой поклялись,
Вотъ на коней своихъ вскочили
И врозь стрѣлою понеслись.
Давно-ль, давно-ли другъ безъ друга
Ихъ край родимый не видалъ?
Давно-ль, когда одинъ страдалъ
Въ изнеможеніи недуга,
Другой прикованный стоялъ
Нѣжнѣйшей дружбой къ изголовью?
Вдругъ, горькимъ мщеніемъ дыша,
Кипятъ! Надменная душа
Чѣмъ раздражилася? Любовью!
Аскарь, добычу бранныхъ силъ,
Финляндку юную любилъ;
Она лила въ неволѣ слезы
И помнила средь грустныхъ дней
Скалы Финляндіи своей.
Скалы Финляндіи пустой,
Озеръ стеклянные заливы
И боръ печальный и глухой —
Какъ милы вы, какъ вы счастливы
Своею дикой красотой!
Дымятся низкія долины,
Гдѣ кучи хижинъ небольшихъ
Съ дворами грязными. Вкругъ ихъ
Растутъ кудрявыя рябины,
На высотахъ чернѣютъ пни
Иль стебли обгорѣлыхъ сосенъ.
Въ странѣ той кратки дни весны
И продолжительная осень...

МЦЫРИ *)

Вкушая вкусихъ мало меда, и се азъ умираю.
I Книга Царствъ.

I

Не много лѣтъ тому назадъ
Тамъ, гдѣ сливался шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ;
Но не курится ужь подъ нимъ
Кадильницъ благовонный дымъ,
Не слышно пѣнье въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,

---

*) *Мцыри*—на грузинскомъ языкѣ значитъ «неслужащій монахъ», нѣчто въ родѣ «послушника».

Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой — и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.

—

И Божья благодать сошла
На Грузію! — Она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаяся враговъ
За гранью дружескихъ штыковъ.

II

Однажды русскій генералъ
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ;
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ;
Онъ знакомъ пищу отвергалъ,
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больного призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмовенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ,
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ;
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ,
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь иль голодъ испыталъ
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ, *)
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собралъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ: **)

III

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, — благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Немного пользы вамъ узнать —
А душу можно-ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если бъ могъ. ***)
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;

---

*) *Послѣ этого стиха и до конца главы первоначально было:*

И вотъ, предсмертною тоской
Уже томиться сталъ больной.
Тогда рѣшился онъ сорвать
Молчанья гордаго печать.

**) ... И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда одинъ святой чернецъ
Уговорилъ его сорвать
Молчанья гордаго печать,
И сердце, сжатое тоской,
Предъ смертью высказалъ больной.
Старикъ, качая головой,
Ему внималъ; понять не могъ
Онъ этихъ жалобъ и тревогъ,
И рѣчью хладною не раз[illegible]
[illegible] прерывалъ его раз[illegible].

***) *Первоначально затѣмъ до конца главы слѣдовало:*

Когда бъ я былъ хоть [illegible] звѣ[illegible],
Я не томился бъ, какъ теперь,
Души болѣзнію нѣмой;
Я бъ отыскалъ врага и бой,
Я бъ разомъ умеръ, не грустя,
Судьбѣ покорный, какъ [illegible]

Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю,
И о прощеньи не молю.

IV

«Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ. —
Зачѣмъ?.. Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ, —
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ:
Хотя на мигъ, когда-нибудь,
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.

V

«Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной, вѣчной тишинѣ;
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... зналъ-ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жилъ, старикъ! *)

Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ, — я также могъ бы жить!

VI

«Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ? — Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года —
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ,
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

VII

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше, и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ножей
Кинжаловъ длинныхъ... И, какъ сонъ,

*) Ты много жилъ и долго; въ столько лѣтъ
Успѣлъ узнать людей и свѣтъ
И много горести и бѣ[illegible]
[illegible]
Но, Боже, в[illegible],
Ты не стра[illegible].

Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ,—и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ,—
Лучи ихъ сладостныхъ очей
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелью моей...
Въ ущельи тамъ бѣжалъ потокъ.
Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ, передъ дождемъ,
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ.
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

VIII

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ, и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна-ли земля;
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы,
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ-бы радъ,
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы, краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

IX

«Бѣжалъ я долго—гдѣ? куда?
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ,—
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ и, наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей.
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущелій шакалъ
Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ, и прятался, какъ змѣй.

X

«Внизу, глубоко подо мной,
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотенъ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ,
И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И, какъ они, на встрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю,
Мнѣ стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ.
Туда вели ступени скалъ,
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

XI

«Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ.
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ приналъ,

МЦЫРИ

Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу...

И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы — имъ ужь нѣтъ слѣда;
Но я-бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
И въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

XII

«Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ — за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной, —
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я съ крутыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
Повѣяла навстрѣчу мнѣ,
И жадно я припалъ къ волнѣ.
Вдругъ голосъ — легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ.
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безыскусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла;
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.

XIII

«Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ — когда струя
Вливалась медленно въ него —
И шорохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужь далеко;
И шла хоть тише, но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей...
Недалеко, въ прохладной мглѣ,
Казалось, приросли къ скалѣ
Двѣ сакли дружною четой;
Надъ плоской кровлею одной
Дымокъ струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Какъ отперлась тихонько дверь
И затворилася опять...
— Тебѣ, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если-бъ могъ — мнѣ было-бъ жаль
Воспоминанья тѣхъ минутъ
Во мнѣ, со мной пускай умрутъ.

XIV

«Трудами ночи изнуренъ,
Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
И снова видѣлъ я во снѣ
Грузинки образъ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Ужь луна
Вверху сіяла, и одна
Лишь тучка крался за ней,
Какъ за добычею своей,
Объятья жадныя раскрывъ.

Міръ теменъ былъ и молчаливъ;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цѣпи снѣговой
Вдали сверкали предо мной,
Да въ берега плескалъ потокъ.
Въ знакомой саклѣ огонекъ
То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ въ полночный часъ
Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
Хотѣлось мнѣ... но я туда
Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну,—
Пройти въ родимую страну,
Имѣлъ въ душѣ, — и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.
И вотъ, дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой;
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

XV

«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругом
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева, —
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ,
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если-бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, — клянусь, старикъ,
Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

XVI

«Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ, и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ; и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы: сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

XVII

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
Надежный сукъ мой, какъ топоръ
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной, —
Бой закипѣлъ, смертельный бой!

XVIII

«Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь какъ пара змѣй,
Обвившись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,

МЦЫРИ

«Надежный сукъ мой, какъ топоръ
Широкій лобъ его разсѣкъ...

Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я, — и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно — и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!..

XIX

«Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ
И смерть навѣки заживитъ.
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

XX

«Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ,
И кинулъ взоры я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ *).

*) *Съ этого стиха и до конца главы сначала было:*

Тотъ край казался мнѣ знакомъ...
И страшно, страшно стало мнѣ!
Вотъ снова мѣрный въ тишинѣ
Раздался звукъ... и въ этотъ разъ
Я понялъ смыслъ его тотчасъ:
То былъ предвѣстникъ похоронъ —
Большого колокола звонъ.
И слушалъ я безъ думъ, безъ силъ:
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И вдругъ унылой чередой
Дни дѣтства встали предо мной.
И вспомнилъ я нашъ темный храмъ
И вдоль по треснувшимъ стѣнамъ
Изображенія святыхъ
Твоей земли. Какъ взоры ихъ
Слѣдили медленно за мной
Съ угрозой мрачной и нѣмой!
И на рѣшетчатомъ окнѣ
Играло солнце въ вышинѣ...
О, какъ туда хотѣлось мнѣ,
Отъ мрака келій и молитвъ,
Въ тотъ чудный міръ страстей и битвъ...
Я слезы горькія глоталъ
И дѣтскій голосъ мой дрожалъ,
Когда я пѣлъ хвалу Тому,
Кто на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины — тюрьму...

Другой варіантъ со стиха — Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь:

«О Боже,—думалъ я:—зачѣмъ
Ты далъ мнѣ то, что далъ Ты всѣмъ —
И крѣпость силъ, и мысль и власть,
Желанья, молодость и страсть.
Зачѣмъ Ты умъ наполнилъ мой
Неутолимою тоской
По дикой волѣ?.. почему
Ты на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины тюрьму?
Ты не хотѣлъ меня спасти!
Ты мнѣ желаннаго пути
Не указалъ во тьмѣ ночной...
И нынѣ я — какъ волкъ ручной...
Такъ я роптalъ. То былъ, старикъ,
Отчаянья безумный крикъ,
Страданьемъ вынужденный стопъ...
Скажи, вѣдь буду я прощенъ?
Я былъ обманутъ въ первый разъ!
До сей минуты каждый часъ
Надежду темную дарилъ:
Молился я, и ждалъ, и жилъ.

О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ, бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!..
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца—будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда.

XXI *)

«Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохого сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Что я предъ нимъ?—Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ безсильный и пустой, **)
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ;
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія....
Но что-жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжогъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...

XXII

«И, какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался,—и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ
Въ оцѣпенѣніи глухомъ,
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя-бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый до-низу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ,
То, будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она,
И въ дальнихъ пряталась кустахъ..

XXIII

«И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ острововъ,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать,—передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать,—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.

---

*) XXI

О, я узналъ тотъ вѣщій звонъ!
Къ нему былъ съ дѣтства пріученъ
Мой слухъ.—И понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда!
И быстро духомъ я упалъ.
Мнѣ стало холодно... Кинжалъ,
Вонзаясь въ сердце, говорятъ,
Такъ въ жилахъ разливаетъ хладъ...
Я презиралъ себя. Я былъ
Для слезъ и бѣшенства безъ силъ;
Я съ темнымъ ужасомъ въ тотъ мигъ
Свое ничтожество постигъ.
И задушилъ въ груди моей
Слѣды надежды и страстей,
Какъ душитъ оскорбленный змѣй
Своихъ трепещущихъ дѣтей...
— Скажи, я слабою душой
Не заслужилъ-ли жребій свой?..

**) То жаръ напрасный и пустой...

Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки,—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть—
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны... *)
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головой моей не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:

«Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ, и покой.
«Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.
«Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ
«О, милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою...» **)

«И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...

XXIV

«Такъ я найденъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.
Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь—мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

---

*) *За этимъ стихомъ первоначально слѣдовало еще:*

Я въ чудный міръ былъ унесенъ.
О, еслибъ смерть—такой-же сонъ!

**) *Первоначально до конца главы затѣмъ слѣдовало:*

И облака по небу шли
Косматой, бурною толпой,
Съ невыразимой быстротой:
Въ пустынѣ мчится не быстрѣй
Табунъ испуганныхъ коней.
И вотъ я слышу: степь гудитъ,
Какъ будто тысяча копытъ
О землю ударялись вдругъ.
Гляжу съ боязнію вокругъ,
И вижу: кто-то на конѣ,
Взвивая прахъ, летитъ ко мнѣ;
За нимъ другой, и цѣлый рядъ...
Ихъ бранный чуденъ былъ нарядъ:
На каждомъ былъ стальной шеломъ
Обернутъ бѣлымъ башлыкомъ;
И подъ кольчугою надѣтъ
На каждомъ красный былъ бешметъ.
Сверкали гордо ихъ глаза!
И съ дикимъ свистомъ, какъ гроза,
Они промчались близъ меня.
И каждый, наклонясь съ коня,
Кидалъ презрѣнья полный взглядъ
На мой монашескій нарядъ,
И съ громкимъ смѣхомъ исчезалъ...
Томимъ стыдомъ, я чуть дышалъ.
На сердцѣ былъ тоски свинецъ...
Послѣдній ѣхалъ мой отецъ...
И возъ, кипучаго коня
Онъ осадилъ противъ меня,
И, тихо приподнявъ башлыкъ,
Открылъ знакомый блѣдный ликъ.
Осенней ночи былъ грустнѣй
Недвижный взоръ его очей;
Онъ улыбался—но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
И сталъ онъ звать меня съ собой,
Маня могучею рукой;
Но я какъ будто бы приросъ
Къ сырой землѣ: безъ думъ, безъ слезъ.
Безъ чувствъ, безъ воли я стоялъ—
И ничего не отвѣчалъ.

XXV

«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ.
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень съ юныхъ дней,
Таился, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему.
И онъ прожегъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ..
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я-бъ рай и вѣчность промѣнялъ!..

XXVI

«Когда я стану умирать,—
И вѣрь, тебѣ не долго ждать,—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

ПѢСНЯ

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

Ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова.
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гусляриый звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А боярин Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣнистаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Утешали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

I

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ столпники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Налѣдить въ свой золоченный ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
—И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,—
А въ груди его была дума крѣпкая.

—Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго,—
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
—Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,—
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
—Вотъ промолвилъ царь слово грозное,—
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?

Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются.
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Милютиной!..»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:

— «Государь ты нашъ Иванъ Васильевичъ!
Не вори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную—не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову...
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится».

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся-ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась-ли шапка соболиная?
Не казна-ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Иль конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— «Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.

— «Какъ я сяду-поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Черными соболемъ отороченную—
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется
Полосатой фатой закрывается...

— «На святой Руси, нашей матушкѣ
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.

— «Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?..
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужь сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...»

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Ты возьми перстенекъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахъ смышленой покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—праздную свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся».

— «Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...»

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужь потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ:
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонитъ ихъ метелица, распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася,
Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя—
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»
— «Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать—
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ, все не унимаются».

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя,
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужь ты гдѣ, жена, шаталася?
На какомъ, на дворѣ, на площади
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Ужь гулала ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...»

И услышавъ то, Алена Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.

— Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

— «Отъ вечерни я домой шла понече
Вдоль по улицѣ одинешенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Милютиной...—

— «Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.

И онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
И цалуя, все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощанье!—

— «И ласкалъ онъ меня, цаловалъ меня;
На щекахъ монхъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

— «Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную—
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

— «Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужь въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка;
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти;
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...

Говорила такъ Алена Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями,
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
— «Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опорозилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужь какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжей силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося.
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!»

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
— «Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются;
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужь мы тебя, родного, не выдадимъ!»

—

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пойте—дѣло разумѣйте!
Ужь потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучи сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужь зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Очистили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ

Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужь гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Поднершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:

— «Присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку».

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ.
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:

— «А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться».

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ;
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный,
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить,
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣдняго!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ православный царь:

— «Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти:
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

«Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.

ПѢСНЯ ПРО КУПЦА КАЛАШНИКОВА

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ впервой купца Калашникова...

Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ монхъ своей милостью...»

— «Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дн
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить;
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую;
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навостреннымъ,
Руки голыя потирaючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалога бойца дожидается,
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцѣлуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня монмъ дѣтушкамъ не сказывать
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

—

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса залиные!
Красно начинали—красно и кончайте;
Каждому правдою и честью воздайте,
Тар ватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

ДЕМОНЪ

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой,—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни злобы *), ни сомнѣнья
И не грозилъ уму **) его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много... много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II

Давно отверженный блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта ***)
Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,

---

*) ...ни страха...
**) ...душѣ...
***) Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта...

Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,-
И зло наскучило ему.

III

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ;
И Терекъ, прыгая какъ львица,
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ; и горный *) звѣрь, и птица
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, изъ далека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы·
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

IV

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ;
Пещеры *), гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой.
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи
Какъ взоръ грузинки молодой.
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ,-
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ.

V

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ послушнымъ, съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой **),
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучитъ зурна ***) и льются вины·
Гудалъ сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя ****),

---

*) ...[illegible]...

*) Ущелья...

**) *Чадра—покр[illegible].*

***) *Музыкальный инструментъ въ родѣ во[illegible].*

****) *Съ этого стиха первоначально, до конца главы, было:*

И вотъ Тамара молодая
Беретъ свой бубенъ роспис[illegible];
Въ ладони мѣрно удар[illegible],
Запѣли всѣ: [illegible]

Онѣ поютъ; и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая.
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится,—глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна.
По лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII

Клянусь полночною звѣздой,
Лучемъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей жемчужною росою *)
Не омывалъ подобный станъ
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла

VIII

Въ послѣдній разъ она плясала...
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая пустынѣ
И незнакомая семья
И часто тайное сомнѣнье
Темнило свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья **)
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты
Что если-бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвернулся-бъ—и вздохнулъ...

IX

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался,—и мечты
О прежнемъ счастьѣ, цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью ***) сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То былъ-ли призракъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ
Забыть?—забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья.
. . . . . .

X

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшилъ женихъ нетерпѣливый.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ

*) Кружа его надъ головой.
Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной.
Ея узорною повязкой
Играетъ вѣтеръ. Какъ волна
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста блѣднѣютъ и дрожатъ;
И жаждой страсти полонъ взглядъ,
Какъ страсть палящій и глубокій.

**) Своей алмазною росою...

***) Не брызгалъ на подобный станъ.

*) *Варіантъ VIII главы:*
На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
Небесной родины людей,
Величья прежняго остатокъ,
Отливъ померкнувшихъ лучей
Въ ней было то полуземное,
Что ищетъ сердце молодое
Въ пылу затѣйливой мечты
И были всѣ ея движенья...

**) ...думой...

Дорогой тянется, мелькая,
Ихъ колокольчики звенятъ...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ ловкій *) станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи **), кругомъ она
Вся галуномъ обложена.
Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло; узда съ кистями;
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой.
Литомеръ рѣзвый Карабаха
Прядетъ ушьми и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный:
Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно.—На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.—
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ, пль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но презрѣлъ удалой ***) женихъ
Обычаи прадѣдовъ своихъ.—
Его коварною мечтою
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... выстрѣлъ... Что такое?..
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ ****),
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ,
Нагайка щелкъ,—и какъ орелъ
Онъ кинулся,—и выстрѣлъ снова,—
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой;
Бѣжали робкіе грузины.

XII

Затихло все... Тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо *) въ тишинѣ степной
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица!
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ
Не при утѣ сестры съ матерями,
Покрыты длинными **) чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
Зато усердною рукою,
Здѣсь у дороги, подъ скалою,
На память водрузится крестъ;
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ...

XIII

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется будто къ брани;
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливый
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой.
Ужъ онъ не правитъ поводами
Задвинувъ ноги въ стремена,
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна...

---

*) ...стройный...
**) *Верхняя одежда съ откидными рукавами.*
***) ...молодой...
****) *Шапка въ родѣ эриванки.*

*) Чуть слышно...
**) ...бѣлыми...

ДЕМОНЪ

Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... выстрѣлъ... Что такое?..

Скакунъ лихой, ты господина *)
Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла,
Но злая пуля осетина
Его во мракѣ догнала!

XIV

Въ семьѣ Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался запаленный **)
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела.
Въ крови оружіе и платье;
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Недолго жениха младова,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужь снова
Не сядетъ на коня лихова!..

XV

На беззаботную семью,
Какъ громъ, слетѣла Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдаетъ бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ...
И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
«Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣвственныя жжетъ;
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни мелочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

«На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
И прошедшаго не жаль *).
Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни,
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!
«Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Перхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ, —
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...»

XVI

Слова умолкли; въ отдаленьи
Вослѣдъ за звукомъ умеръ звукъ.
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди: печаль, испугъ,
Восторга пылъ — ничто въ сравненьи.
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ:
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ чудно новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный

---

*) Скакунъ надежный господина...

**) *Первоначально затѣмъ слѣдовало:*
Кто блѣдный всадникъ у воротъ?
Недолго жениха младова, и т. д.

*) *Послѣ этого слѣдовала строфа:*
Дѣти вольности воздушной
Безъ желаній, безъ страстей,
Смотрятъ гордо, равнодушно
На волненія людей.
Въ день томительный...

Глаза усталые смежилъ,
Но мысль ея онъ возмутилъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью;
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ эда духъ ужасный,
Порочный мученикъ, — о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Отецъ! отецъ! оставь угрозы
Свою Тамару не брани.
Я плачу. Видишь эти слезы?
Уже не первыя они...
Не буду я ничьей женою — *)
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взятъ сырой землею, —
Другому сердца не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,
Меня тревожитъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Въ тиши ночной меня тревожитъ
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
Молиться днемъ душа не можетъ:
Мысль далеко отъ звука словъ;
Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
Я сохну, вяну день отъ дня.
Отецъ! душа моя страдаетъ...
Отецъ мой, пощади меня!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою:
Тамъ защититъ меня Спаситель
Предъ Нимъ тоску мою пролью.
На свѣтѣ нѣтъ ужь мнѣ веселья
Святыни міромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣе меня»

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчой,
Все беззаконною мечтой *)
Въ ней сердце билося, какъ прежде.
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
Въ часы торжественнаго пѣнья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ фиміама
Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ.. но куда? **)

III

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ, — и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ келій
Лампада схимницы ***) младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ, —
Безмолвныхъ сторожей гробницъ, —
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущельи,
Катились дальше межъ кустовъ.
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV

На сѣверъ видны были горы,
При блескѣ утренней авроры,

*) Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ..
Не мало въ Грузіи невѣстъ;
А мнѣ не быть ничьей женою...
О, не брани, отецъ, меня!
Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
Я вяну — жертва злой отравы!
Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Я гибну — сжалься надо мной!
Отдай въ священную обитель...

*) Все безпокойною мечтой...

**) ...Въ туманѣ легкомъ фиміама
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ манилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ.

***) ...грѣшницы...

Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ;
Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой, —
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались,
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ, всѣхъ выше головой,
Казбекъ, Кавказа царь могучій.

V

Но, полно думою преступной *),
Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ предлогъ мученью
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьи упадетъ —
И плачетъ; и въ ночномъ молчаньѣ
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье **),
И мыслитъ онъ: «то горный духъ
Прикованный въ пещерѣ стонетъ!» —
И, чуткій напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонитъ...

*) Но Демонъ огненнымъ дыханьемъ
Тамары душу занятналъ,
И Божій міръ своимъ блистаньемъ
Восторга въ ней не пробуждалъ.
Страсть безотчетная какъ тѣнью
Жизнь осѣнила передъ ней;
И стало все предлогъ... и т. д.

**) ...Тревожитъ путника вниманье,
Сквозь шумъ далекаго ручья
И трель живую соловья.
Порою, разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна...
И странныя лепечутъ рѣчи
Ея дрожащія уста;
Желанье грудь ея волнуетъ,
И чудный призракъ все рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ мечта.

VI

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ,
И смотритъ въ даль прилежнымъ окомъ,
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто-то шепчетъ: «онъ придетъ!»
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужь много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святымъ захочетъ-ли молиться,
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится-ли на ложе сна —
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
Пылаютъ грудь ея и плечи *),
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ...
. . . . . .
. . . . . .

VII

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужь холмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій.
Задумчивъ, у стѣны высокой
Онъ бродитъ; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого-то ждетъ она давно.
И вотъ средь общаго молчанья
Чингара **) стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно, другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ-ли съ забытымъ другомъ

*) Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи...

**) *Чингаръ—родъ гитары.*

Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ,
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?..
Тоску любви, ея волненье
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться, —
Его крыло не шевелится!
И, чудо! — изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой!..

VIII

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Сознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ, смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая — херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага, съ улыбкой ясной,
Пріосѣнилъ ее крыломъ...
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ:

IX

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?»
Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся,
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«Она моя! — сказалъ онъ грозно: —
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно *),
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
Здѣсь я владѣю и люблю!»
И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ,
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эоиръ неба потонулъ...
. . . . . .

X

ТАМАРА

О, кто ты? Рѣчь твоя опасна! *)
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?

ДЕМОНЪ

Ты прекрасна!

ТАМАРА

Но молви, кто ты?.. Отвѣчай!

ДЕМОНЪ

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ;
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ,
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ **) рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,
И видишь — я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ,
Ты возвратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
Какъ новый ангелъ, въ блескѣ новомъ.
О, только выслушай, молю,
Я рабъ твой, я тебя люблю!

---

*) ...ужасна.
**) Я богъ...

ДЕМОНЪ

Онъ входитъ, смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая—херувимъ...

Лишь только я тебя увидѣлъ *),
И тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою,—
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной:
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
И страшно—розно жить съ тобой.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплился живѣй,
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилася, какъ змѣй.
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность? —
Пустыя звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

ТАМАРА

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу!
Творецъ!.. увы, я не могу
Молиться я; гибельной отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ.
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова—огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

ДЕМОНЪ

Зачѣмъ, красавица?—Увы,
Не знаю; полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
Я все былое бросилъ въ прахъ;
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало;
Во дни блаженства, мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало.
О, еслибъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться, и страдать,—
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда желать, и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Стараться все возненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!..
Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось,—съ того же дня
Природы жаркія объятья
Навѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мной пространство,
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно...
Они текли въ вѣчныхъ изъ злата;
Но что же?—прежняго собрата
Не узнавало ни одно!
Изгнанниковъ, себѣ подобныхъ,
Я звать въ отчаяніи сталъ,
Но словъ, и лицъ, и взоровъ злобныхъ,
Увы!—я самъ не узнавалъ.
И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
Помчался... но куда? зачѣмъ?—
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отверженъ; какъ эдемъ
Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
По вольной прихоти теченья,
Такъ поврежденная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;
Такъ ранней утренней порой
Отрывокъ тучи громовой,
Въ лазурной вышинѣ черпѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летитъ безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣсть, откуда и куда!
Но я людьми не долго правилъ,
Грѣху не долго ихъ училъ,
Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ;
Не долго... Пламень чистой вѣры
Легко навѣкъ я залилъ въ нихъ...
А стоили-ль трудовъ моихъ
Одни глупцы да лицемѣры?
И скрылся я въ ущельяхъ горъ;
И сталъ бродить, какъ метеоръ,
Во мракѣ полночи глубокой...
И мчался путникъ одинокой,
Обманутъ близкимъ огонькомъ;
И, въ бездну падая съ конемъ,
Напрасно звалъ—и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ...

*) Когда я въ первый разъ увидѣлъ
Твой чудный, твой волшебный взоръ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Мою свободу, какъ позоръ.
Своею властью недовольный
Я позавидовалъ невольно
Неполнымъ радостямъ людей.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный...

По злобы мрачныя забавы
Не долго нравился мнѣ *).
Какъ часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Одѣтый молніей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной —
И незабвенное забыть!
Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?
Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ;
Простить онъ можетъ, хоть осудитъ!
Моя-жъ печаль безсмѣнно тутъ,
И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей!
Она — то ластится какъ змѣй,
То жжетъ и блещетъ будто пламень,
То давитъ мысль мою какъ камень —
Надеждъ погибшихъ **) и страстей
Несокрушимый мавзолей!

ТАМАРА

Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ случайный,
Покой навѣки погубя,
Невольно я съ отрадой тайной,
Страдалецъ, слушаю тебя.
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты, обманъ тая ..
О, пощади!.. какая слава!..
На что душа тебѣ моя?
Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже!
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертнаго рукой!..
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
Скажи, — ты видишь: я тоскую,
Ты видишь женскія мечты!
Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?..

ДЕМОНЪ

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой;
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грозящею разлукой;
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братій мнѣ подвластныхъ,
Мечами ангеловъ безстрастныхъ,
Моихъ недремлющихъ враговъ;
Клянуся небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой;
Клянусь своимъ послѣднимъ взглядомъ,
Твоею первою слезой,
Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шелковыхъ кудрей;
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовью моей, —
Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ни чей ужъ не встревожитъ умъ.
Хочу я съ небомъ примириться.
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру;
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня,
И міръ въ невѣдѣньи спокойномъ.
Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
О, вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ.
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ;
Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ, —
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ.
Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга первая *) моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,

*) Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнистой
Сидѣлъ я мрачный и нѣмой...
И бѣлогривыя мятели,
Какъ львы, у ногъ моихъ ревѣли.
Мечтаній прежнихъ...

*) ...вѣчная.

ДЕМОНЪ.

Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи,—
Онъ жегъ ее..

Гдѣ преступленья лишь, да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить;
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь? —
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгутъ, — и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія мечты?
Нѣтъ! не тебѣ, моей подругѣ *),
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушныхъ и холодныхъ,
Друзей притворныхъ и враговъ,
Боязней и надеждъ безплодныхъ,
Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
Печально за стѣной высокой
Ты не угаснешь безъ страстей,
Среди молитвъ, равно далеко
Отъ божества и отъ людей.
О, нѣтъ! прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена:
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Оставь же прежнія желанья
И жалкій свѣтъ его судьбѣ:
Пучину гордаго познанья
Въ замѣнъ открою я тебѣ:
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ;
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучемъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное
Люби меня!..

XI

— И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи, —
Онъ жегъ ее; во мракѣ ночи
Надъ нею прямо онъ сверкалъ,
Неотразимый, какъ кинжалъ.
Увы, злой духъ торжествовалъ:
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ грудь ея проникъ..
Мучительный, ужасный крикъ
Ночное возмутилъ молчанье.
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье —
Прощанье съ жизнью молодой...
. . . . . .

XII

Въ то время сторожъ полуночный
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугунною доской.
И возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укратилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Минутный крикъ, и слабый стонъ.
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье —
И смолкло все: издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святого
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ навожденье духа злого
Отъ грѣшной мысли отогнать;
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,

*) И пусть другія-бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ:
Ихъ думы неба не касались,
Міръ лучшій недоступенъ имъ.
Но ты, прекрасное созданье,
Не въ жертву имъ обречена:
Тебя иное ждетъ страданье...

И, молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.
. . . . . .

XIII

Какъ пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала;
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
Навѣкъ опущены рѣсницы...
Но кто-бъ, о небо! не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцѣлуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой;
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цѣловали,—
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать! *)

XIV

Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.

*) *Какъ продолженіе XIII главы, первоначально слѣдовало:*

И тѣ, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила,
Теперь одинъ ничтожный прахъ.
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши, на устахъ:
Но тѣмень, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? Насмѣшка надъ судьбой,
Непобѣдимое [illegible]?
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ не охъ горцами вражда?
Какъ знать?—для свѣта навсегда
Утрачено ея значенье,
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древній надписи узоръ,
Гдѣ, можетъ быть, подъ буквой странной
Таится повѣсть прежнихъ лѣтъ,
Символъ премудрости туманной
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ.
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ ангелъ разрушенья;
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чудный выраженья,
Лишенный чувства и ума,
Таинственный какъ смерть сама...
Ни разу не былъ въ дни веселья...
и т. д. до
...Какъ бы прощаются съ землею.

XIV.

Толпой сосѣди и родные... и т. д.

Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею.
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ
Въ пылу страстей и упоенья.
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ;
О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ:
Въ ней было хладное презрѣнье
Души, готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ беззвучное: прости.
Напрасный отблескъ жизни прежней,
Она была еще мертвѣй,
Еще для сердца безнадежнѣй
Навѣкъ угаснувшихъ очей.
Такъ въ часъ торжественный заката,
Когда, растаявъ въ морѣ злата,
Ужъ скрылась колесница дня,
Снѣга Кавказа на мгновенье,
Отливъ румяный *) сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ
Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
И путь ничей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной!..

XV

Толпой сосѣди и родные
Ужъ собрались въ печальный путь.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня,—
И поѣздъ двинулся.—Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель странниковъ и селъ,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье
Построить церковь обѣщалъ

*) ...пурпурный...

На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ. —
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злого человѣка
Вновь успокоился тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала, родная облакамъ:
Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплѣй посмертное жилище;
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прошлыхъ дней.

XVI *)

Въ пространствѣ сіяго эопра
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Издалека ужь звуки рая
Къ нимъ доносилися — какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ.
Онъ былъ могучъ какъ вихорь шумный,
Блисталъ какъ молніи струя,
И гордо, въ дерзости безумной,
Онъ говоритъ: «она моя!»
Къ груди хранительной прижалась,
Молитвой ужасъ заглуша,
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась:
Предъ нею снова онъ стоялъ,
Но, Боже! — кто-бъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, незнающей конца;
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.
«Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья!»
Посланникъ неба отвѣчалъ:
«Довольно ты торжествовалъ;
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо Божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой бренною земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай, давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь — одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эопра
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила, —
И рай открылся для любви!»
И ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ,
И, радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

—

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной,

*) *Этой главѣ предшествовало:*
Едва на жесткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы отложили
И разыгралася метель;
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Недавно ввѣренный ей прахъ
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моленья звукъ послѣдній... и т. д.
или: Едва послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гулала,
И горсть послѣдняя земли
О крышку гроба простучала,
И воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный фиміамъ;
Едва лишь за скалой сосѣдней
Утихъ рыданій звукъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ, —
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Пришикъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой.
И въ то же время царь порока
Туда примчался съ быстротой
Въ снѣгахъ рожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась,
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя.
Когда-жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потерянная рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной,
Разсказовъ, страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется,—и караваны
Идутъ, звеня, изъ далека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладной, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.
  Но грустенъ замокъ, отслуживший
Когда-то въ очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою...
Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его *)!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межъ тучъ еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты;
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
И тамъ метель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услышавъ вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака одинѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье;
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужь не груститъ!
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

*) *За этимъ стихомъ сначала слѣдовало только:*

И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли,
Гуляютъ нынѣ лишь метели.
Да стаи вольныхъ облаковъ.
Скала угрюмаго Казбека... и т. д.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ „ДЕМОНА“

I

ПОСВЯЩЕНІЕ

Я буду пѣть, пока поется,
Пока волненья позабылъ,
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ.
Въ душѣ горятъ, хотя безвѣстнѣй,
Лучи небеснаго огня;
Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна;
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть она.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется
И жалость не погибла въ ней!
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно;
И юныхъ гордыхъ дней, поэтъ,

ДЕМОНЪ

Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій дух...

Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ...
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я:
Мнѣ впечатлѣнье не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Какъ дня боится мракъ могилы.
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.

«Демонъ узнаетъ, что ангелъ любитъ одну смертную. Демонъ узнаетъ и обольщаетъ ее, такъ что она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. Демонъ обольстилъ ее, разсказывая, что Богъ несправедл. и проч. Свою вст.»

Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ..
Въ немъ пусто, пусто, какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатлѣнъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенья
Коварство, зависть и вражда?..

«Демонъ влюбляется въ смертную (монахиню), и она его, наконецъ, любитъ; но демонъ видитъ ея ангела-хранителя, и отъ зависти и ненависти рѣшается погубить ее. Она умираетъ. Душа ея улетаетъ въ адъ, и демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой».

Угрюмо жизнь его текла,
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды...
Ему желанья были чужды;
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался;
Но часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣетъ пень горѣлый,
Сраженъ стрѣлою громовой:
Онъ прямо высится главой
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый...
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не принимая.
Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды, надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ,
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ, чернѣетъ надъ горой
Стѣна обители святой
И башенъ странныя вершины.
Межъ низкихъ келій тишина.
Садится поздняя луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
Его крыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній,
Вѣка страданія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій,—
Все оживилось въ немъ — и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь.

М.

О чемъ ты близъ меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыть...
Кто ты?.. Мольба моя напрасна...
Чего ты хочешь?

Д.

Ты прекрасна.

М.

Кто ты?

Д.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молюсь:
Не искушать пришелъ я душу.
Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.

II

ДЕМОНЪ

писано въ пансіонѣ, въ началѣ 1830 года).

Cain. Who art thou!
Lucifer. Master of Spirits.
Cain. And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust?
Luc. I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.

Cain. Are ye happy?
Luc. We are mighty.
Cain. Are ye happy?
Luc. No: art thou?

1.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубомъ
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него,
Когда заботы и тревога
Чуждался ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.
Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался;
И часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не признавая.

2.

Однажды вечеромъ межъ скалъ
И надъ сѣдой равниной моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ: бѣлѣютъ подъ горой —
Стѣна обители святой
И башенъ странныя вершины.
Межъ бѣдныхъ келій тишина.
Встаетъ багровая луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель,
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ —
Его крыло не шевелится,
И — чудо! — изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Поникъ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою, жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой.

3.

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій:
Все оживилось въ немъ опять;
Но чтожъ? Ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ. Такъ, если мчится
По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ,
И дальше, дальше улетаетъ,
Холодной гордостью полна.
Проникнулъ въ келью духъ смущенный,
Людского счастья тайный воръ,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
Онъ зритъ божественныя книги,

Лампаду, четки и вериги;
Но гдѣ же звуки; гдѣ же та,
Къ которой сильная мечта
Его влечетъ?..
Она сидѣла
Съ испанской лютнею въ рукахъ,
И пѣсни горъ, играя, пѣла;
И все, и все, въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И кольца мягкія кудрей
Сбѣгали, будто покрывало,
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудь.
Вотъ поднялась. На сводъ угрюмый
Она задумала взглянуть.
Какъ звѣзды омраченной дали
Глаза монах ни сіяли:
Ея лилейная рука,
Бѣла, какъ утромъ облака,
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отвѣчали струны ей,
Что дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня сложена.
Межъ тѣмъ, какъ путникъ любопытный,
Въ окно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
Смотрѣла ясная луна.
Окованъ сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ. Ему любить
Не должно сердца допустить.
Онъ связанъ клятвой роковою
(И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаною).
. . . . . .
. . . . . .
Онъ искушать хотѣлъ—не могъ:
Не всѣхъ далъ въ себѣ искусства;
Забыть—забвенья не далъ Богъ,
Любить—недоставало чувства.
Что дѣлать? Новыя мечты
И чуждыя понынѣ муки!
(Онъ былъ бы для любви готовъ
Оставить полкъ своихъ духовъ,
И безъ могущества, безъ силы,
Скитаться посреди міровъ,
Какъ трупъ вампира, изъ могилы
Исторгшись, бродитъ межъ людей
Страшилищемъ нѣмыхъ очей...
Легокъ, какъ падающій снѣгъ
По вѣтру, средь зимы холодной,
Мой демонъ, волею свободный,
Летучій направляетъ бѣгъ—
Прочь, прочь отъ мѣста, гдѣ впервые
Земныя слезы уронилъ,
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ *).
Такъ, демонъ, слыша эту звуки,
Земную страсть извѣдалъ ты **).
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ-быть,
Она твоею жертвой будетъ.
И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не загладитъ ничего...

4.

(Но кто-жъ она? Зачѣмъ сокрыта
Въ пустынѣ межъ высокихъ стѣнъ!
Иль это добровольный плѣнъ,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одежды
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ вспоминанье безъ надежды.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ее
Старушка чуждая качала...
Но это-ль бѣдное житье.
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли—о томъ узнать
Никто не думалъ испытать...
Какъ часто дѣва у окошка
Взирала на берегъ морской;
Печаль ея хотя немножко
Въ то время дѣлалась живой.
На морѣ вихри бушевали
И волны синія вставали;
А дѣва—вьюръ ясныя лазури—
При шумѣ капель дождевыхъ
Согласовала съ воемъ бури
Игру печальныхъ струнъ своихъ.
Но съ той минуты, какъ нечистый
Къ ней приходилъ въ ночи тѣнистой,

*) *Въ скобкахъ печатаются стихи, вычеркнутые Лермонтовымъ.*
**) *Вар.* Чудесно измѣнился ты.

Она молиться ужь пойдетъ
И не играетъ, не поетъ;
Ей колокола звонъ противенъ,
Въ ней кроется холодный ядъ, —
Ни моря шумъ, ни вѣтръ, ни ливень
Мечты, какъ было, не родятъ).
Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ,
Что это памятникъ могильный
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ монастырскія преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ объ ней въ часы мечтанья.
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. По свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнить онъ чувства не привыкъ!

3.

Печальный демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ
Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ ледяный гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья:
Составя свѣтлые шары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, нежилый путь.
Когда метель гудитъ и свищетъ,
Онъ охраняетъ пришлеца,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
(И часто прежней пустоты
Онъ слышитъ муки. Красоты
Волшебный станъ предъ нимъ витаетъ.
И пламя новое мечты
Его крылами обнимаетъ.
Изгнанникъ помнитъ свѣтъ небесъ,
Огни потеряннаго рая;
Тоской пенстовой сгорая,
Онъ зажигаетъ темный лѣсъ, —
Любуясь на пожаръ трескучій.
Скалы на корнѣ вѣковомъ
Срывая, какъ нежданный громъ,
Свергаетъ внизъ рукой могучей —
И гулъ подъемлется кругомъ...)
И часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любитъ онъ можетъ... можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть...

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой,
И башни бѣлыя, и келью,
И подъ рѣшетчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ. — И кругомъ
Обходитъ демонъ; но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ
Вотъ дверь простая. — Передъ ними,
Томяся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ,
Какъ будто бы онъ тамъ погубитъ,
Что на минуту отдалъ рокъ...
Теперь лишь видно, что онъ любитъ!
Теперь лишь признаки любви:
Волненіе надеждъ несмѣлыхъ
И пламень неземной крови —
Видны въ чертахъ окаменѣлыхъ!..
Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ;
Слова пѣвицы вдохновенной
Лились какъ свѣтлыя струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.

(пѣснь монахини).

Незримый ангелъ пѣлъ мнѣ разъ
Про міръ иной. Съ того мгновенья
Спокойствіе бѣжитъ отъ глазъ;
Уснула — сна желанный часъ
Тревожатъ чудныя видѣнья.
Какъ запахъ милаго цвѣтка
Вѣсть подаетъ объ немъ порою,

Такъ знаю я, когда тоска
Покинетъ грудь мою слегка, —
Что ангелъ счастія со мною.
Я одного его люблю,
За-то любовью безконечной;
И слышитъ пѣсню онъ мою,
Въ какомъ бы ни былъ онъ краю.
Нѣжнѣй меня его любить
Не станетъ женщина другая;
Но долженъ мнѣ Творецъ простить, —
Любовь къ нему не можетъ быть
Преступна, какъ любовь земная).

ПѢСНЬ МОНАХИНИ.

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой;
Не забуду его никогда.
Къ другой онъ летѣлъ ль ко мнѣ. —
Я напрасно-бъ старалась узнать.
Быть-можетъ, то было во снѣ...
Ахъ! всю жизнь такъ нельзя-ли мнѣ спать *).
Тебя лишь любила, Творецъ,
Я понынѣ съ младенческихъ дней,
Но видитъ душа наконецъ,
Что другое готовилось ей.
Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста какъ мой ангелъ она,
Мысль о немъ неразлучна съ Тобой!
Онъ отблескъ сіяній Твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ —
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.
Онъ въ сладкомъ снѣ
Явился мнѣ;
Онъ будетъ для меня всегда
Звѣзда
Надеждъ въ иной странѣ.
Моей виной,
Создатель мой,
Любовь къ нему не можетъ быть:
Любить
Приказано тобой!

7.

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
Послѣдній звукъ унесъ съ собой.
Непобѣдимою судьбой
Гонимый, демонъ безотрадный
Проникнулъ въ келью. Что же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?

*) *Вар.* О зачѣмъ долженъ сонъ улетать.

Не вздохъ любви — могильный стонъ,
Какъ эхо, изъ груди разбитой
Протяжно вышелъ наконецъ,
И сердце, яростью облито,
Отяжелѣло какъ свинецъ.
Его рука остановилась
На воздухѣ. Сведенный перстъ
Оледенѣлъ; хоть взоръ отверстъ,
Въ немъ ничего не отразилось,
Кромѣ презрѣнья — но къ чему?
Что показалося ему?

8.

Посланникъ рая, ангелъ нѣжный,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Вблизи монахини прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!..
И мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ,
Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣснятся! сколько думъ
Мѣняетъ безпокойный умъ!
Красавицѣ погибнуть надо.
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ! — Прежняя любовь
Не будетъ для нея оградой!.

9.

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ-быть,
Внушилъ бы демонъ сожалѣнье,
И благодатное прощенье
Ему-бъ случилось получить.
Но поздно! сынъ безгрѣшный рая
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ;
Кипитъ онъ, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ черныхъ думъ *).

*) Но, впрочемъ, онъ перемѣниться
Не могъ бы: это былъ лишь сонъ.
И рано-ль, поздно-ль, пробудиться
Навѣки долженъ былъ бы онъ.
Успѣло зло укорениться
Въ его душѣ съ давнишнихъ дней, —
Добро не ужилось бы въ ней;
Его присвоить, имъ гордиться
Не могъ бы демонъ никогда
И все въ немъ было бы чужое
И сталъ бы онъ несчастнѣй вдвое.

(И вотъ, облекшись въ образъ томный,
Обманчивый онъ принялъ видъ:
Онъ юноша печальный, скромный,
Какой то тѣнью взоръ облитъ;
Его опущенныя крылья
Объяты участью безсилья;
На головѣ вѣнецъ златой
Померкнулъ и покрылся мглой).
Онъ образъ смертный принимаетъ,
Вѣнецъ чело его ласкаетъ
И очи черныя горятъ...
Но чтожъ? Очей тѣхъ пламень—адъ.
Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая
Когда останется одна
Его монахиня младая,
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя;
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

10.

Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ;
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.

ОНА.

Страстей волненье позабыть
Я поклялась, давно, ты знаешь!
Къ чему-жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

ДУХЪ.

Ты прекрасна!

ОНА.

Кто ты?

ДУХЪ.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись—
Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не разставлялъ я людямъ сѣти
Съ толпою грозной злыхъ духовъ:
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій,
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья:
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь...
. . . . . .
Такъ говорилъ онъ и рукою
Онъ трепетную руку жалъ,
И поцѣлуями порою
Плечо дѣвицы покрывалъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня...

11.

Въ часы суровой непогоды,
Въ осенній день, когда межъ скалъ,
Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И темносѣрыми рядами
Неслися тучи небесами:
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами.
Къ чему манитъ отшельницъ онъ?..
Не на молитву посѣщали
Въ обширный и высокій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ

Взгляните на волну, когда
Въ ней отражается звѣзда:
Какъ разсыпаются чудесно
Вокругъ серебристыя струи!
Но что же? блескъ тотъ—блескъ небесъ:
Не завлекаютъ имъ они,
Ихъ лучъ звѣзды той не согрѣетъ:
Онъ гаснетъ—и волна темнѣетъ.
Злой духъ не долго размышлялъ—
Онъ изъ вновь [illegible]

Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной.
Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты;
Уста закрытыя безцвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой,
Непзъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой.
За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленныя долины
Сребристой дымкою легла, —
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала,
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая,
Шептала дѣва молодая:
«О!.. демонъ!.. о, коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты-бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!»
Но кто безжалостный злодѣй,
Губитель дѣвушки прелестной) —
Тогда не понялъ старецъ честный;
И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной...
Но, говорятъ, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальный,
И хоръ раздался погребальный,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всѣ видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

12.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
Пустѣла тихая обитель,
И время, общій разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ, — и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее... Но нынче ничему
Нельзя встревожить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мретъ, то умерло давно,
Что живо, то безсмертно стало, —
Но время вживѣ удержало
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко,
На немъ чернѣетъ крестъ высокой;
Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкія какъ ленъ
Съ главы пѣничанной упадали,
И крылья легкія какъ сонъ
За бѣлыми плечьми сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой,
(И былъ отраденъ воздухъ чистый)
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ мил[illegible]

И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, и мнилось —
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
Тогда надъ синей глубиной,
Духъ гордости и отверженья
Летѣлъ съ вершины дикихъ горъ,
Какъ будто прелести творенья
Непозволительный укоръ,
Какъ сводъ безлунный въ день осенній
Былъ мраченъ искуситель-геній)
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья,
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ,
Не для другихъ его мученья!
Онъ близъ могилы промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потерянаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ...

III

ДЕМОНЪ

По голубому небу пролеталъ
Однажды демонъ. Съ злобою нѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ кидалъ,
И вспоминанья передъ нимъ толпой
Тѣснились. Это небо, гдѣ Творецъ
Внималъ его хваламъ, и наконецъ
Проклятьямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно въ блескѣ вѣчно молодомъ.
Какъ было въ тотъ святой, великій часъ;
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И, ангелъ радостный, онъ въ первый разъ
Взглянулъ на будущность. И сколько лѣтъ,
И сколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло!
И онъ уже не тотъ. Его чело
Померкло... Онъ одинъ, одинъ, одинъ...
Врагъ счастья — и порока властелинъ.
Изгнанникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что невозвратно? Но пускай!
Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращенъ преступный взоръ
На небеса: ихъ свѣтъ — тебѣ укоръ.
— Будь гордъ, старайся мстить, живи, губя. —
Но чтожъ! — и зло не радуетъ тебя?
И часто, очень часто людямъ онъ
Завидовалъ. «У нихъ надежда есть
На искупленье, на могильный сонъ.
Всѣ ихъ несчастья легче перенесть
Одной палящей капли адскихъ мукъ.
И вѣчность (это слово, этотъ звукъ,
Который значитъ все) — имъ не страшна.
Нѣтъ, вѣчность для рабовъ не создана!»
Такъ мыслилъ демонъ. Медленно крыломъ,
Спускаяся на землю, разсѣкалъ
Онъ воздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ,
Весенній день, красиѣя, догоралъ.
Растенія и волны, вѣткомъ
Колеблемы, негрѣющимъ лучомъ
Казались зажжены. Туманъ сырой
Ревниво подымался надъ землей.
И только крестъ пустынный, наконецъ,
Стоящій на горѣ, едва вдали
Блестѣлъ... и гаснетъ! Звѣздный свой вѣнецъ
Надѣла ночь. Въ молчаніи текли
Свѣтила неба въ этотъ мирный часъ.
Но въ ихъ молчаньи есть понятный гласъ!
О будущемъ пророчествуетъ онъ.
Вотъ встала и луна. Повсюду сонъ.
Свѣти, свѣти, прекрасная луна!
Природа любитъ шаръ твой золотой:
Въ его сіяньи нѣжится она,
Одѣтая полупрозрачной мглой.
Но человѣка любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой; какъ не грустить,
Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,
Ты, памятникъ всего, чего ужь нѣтъ?
Я хотѣлъ описать эту поэму въ стихахъ,
но нѣтъ — въ прозѣ лучше.

IV

ДЕМОНЪ

1.

Печальный демонъ, духъ изгнанья
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.
Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра — и на вѣчность
Онъ приглядѣлся; но была
Мучительна его безпечность.
Путемъ назначеннымъ судьбой
Онъ равнодушно подвигался;
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.

Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,
Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
Прощенья гласъ, какъ слово казни.
Онъ жилъ забытъ и одинокъ —
Грозой оторванный листокъ —
Безъ упованья, презирая
И свѣтъ небесъ и ада тьму,
Не вѣря въ жизни ничему,
И ничего не признавая *).
Какъ черный саванъ, на землѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ,
Сторожевые великаны,
Гнѣздились стаи облаковъ,
И вѣчно ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ
Между высокихъ береговъ.
О море, море!.. Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ и тишина!..
Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена,
И, какъ царица молодая,
Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая...
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья,
И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья;
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей,
Люблю безпечность ихъ свободы,
Цѣпей незнавшей никогда,
Ихъ безконечные походы
Богъ вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ разсолоченныя гривы
И безполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣль и думъ,
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастія, безъ цѣли...
Между прибрежныхъ дикихъ скалъ
Бѣглецъ эдема пролеталъ.
Онъ взоръ, исполненный презрѣнья,
Вперилъ на грѣшный міръ земной.
И зритъ въ туманѣ отдаленья
Верхи обители святой.
У стѣнъ ея, прохлады полны,
Однообразно шепчутъ волны,
Кругомъ ея — густыхъ деревъ
Сплелись кудрявыя вершины,
И кое-гдѣ изъ ихъ средины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаетъ, бѣлѣя, остовъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней —
Символъ спасенія забвенный —
Чернѣетъ ржавый крестъ, согбенный
Усильемъ бури и дождей.
Межъ бѣдныхъ келій храмъ огромный.
Едва, сквозь длинное окно,
Глядитъ лампады лучъ нескромный.
Внутри все спитъ давнымъ-давно,
Все вкругъ таинственно-темно.
Вотъ одинока и красна
Встаетъ двурогая луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ
И чей-то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ, —
Его крыло не шевелится;
И — чудо! — изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою, жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой.
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упованій,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій
О настоящемъ, о быломъ —
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему?.. одной минутой рая
Не оживетъ душа пустая!..
Безсильно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружиться, —
Ей ждать нельзя, она умчится,

*) *Въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей затѣмъ слѣдуетъ:*

Надъ утомленною землей
Остатки старыхъ поколѣній
Смѣялись новою толпой
Живыхъ заботливыхъ твореній,
Но тщетны были для дѣтей
Отцовъ и праотцевъ уроки:
У перемѣнчивыхъ людей
Не измѣнялися пороки!
Все также грозныя слова
Храня старинныя права,
Умы безумцевъ волновали;
Все также мелкія печали
Ничтожныхъ жителей земныхъ
Смѣшнымъ казались подражаньемъ —
Не предназначеннымъ для нихъ,
Инымъ, возвышеннымъ страданьямъ.

Она громовою стрѣлой
Затмитъ покровъ твой золотой.
Проникнулъ въ келью духъ смущенный
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
Въ углу изъ мрамора Мадона,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей
У стѣнки дѣвственное ложе
(Луна, смѣясь, въ окно глядитъ),
А у окна... всесильный Боже!..
Что съ нимъ?.. онъ блѣдетъ!.. онъ дрожитъ!..
По струнамъ лютни ударя,
Предъ нимъ, озарена луной,
Въ одеждѣ черной, власяной —
Была монахиня младая.
Она сидѣла передъ нимъ,
Объята жаромъ вдохновенья,
Мила, какъ первый херувимъ,
Какъ звѣзды первыя творенья...
Въ большихъ глазахъ ея порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимою тоской,
Неизъяснимою заботой...
Полураскрытыя уста
Живые изливали звуки;
Въ нихъ было все: моленья, муки,
Слова надежды, слова разлуки,
И дѣтскихъ мыслей простота...
И грудь высоко воздымалась,
И обнаженная рука —
Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака —
Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась.
Клянусь святыней гробовой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока.
Гаремовъ брызжущій фонтанъ
Ни разу, лѣтнею порою,
Своей алмазною росою
Не обмывалъ подобный станъ.
Ни разу гордый сынъ порока
Не оскверилъ руки такой, —
Клянусь святыней гробовой,
Лучомъ заката и востока...
Духъ отверженія и зла
Стоялъ недвижимъ у порога,
Не смѣлъ онъ приподнять чела,
Страшася въ ней увидѣть Бога!
Увы ,въ душѣ его была
Давно забытая тревога!
Онъ искушать хотѣлъ, — не могъ,
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забыть? — забвенья не далъ Богъ
Любить? — недоставало чувства.
И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя, —
Земной святынѣ уступилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужь не изгладитъ ничего.

II

Скажу-ль? Сначала думалъ онъ,
Хотѣлъ во что бы то ни стало
Исторгнуть изъ души, какъ жало,
Мгновенный свѣтлый этотъ сонъ.
И, побѣдивъ свое презрѣнье,
Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣнье.
Но до него, какъ и при немъ,
Ужь вѣры не было ни въ комъ.
И полонъ скуки непонятной,
Онъ скоро кинулъ міръ развратный,
И на хребетъ пустынныхъ горъ
Переселился съ этихъ поръ.
Тамъ надъ жемчужнымъ водопадомъ
Себѣ пещеру отыскалъ,
Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ;
Душою жизнь ея объялъ.
Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Какъ царь съ развѣнчанной главой,
Подъ кровомъ радуги огнистой
Сидѣлъ онъ — мрачный и нѣмой,
И бѣлогривыя метели
Какъ львы у ногъ его ревѣли
Какъ часто, подымая прахъ
Въ борьбѣ съ шипучимъ ураганомъ
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но ужь не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ, можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть.
Востока ясное свѣтило
На небѣ юное взошло,
И моря синее стекло

Лучами утро озарило.
Вотъ милый берегъ! вотъ она,
Обѣтованная земля!
Вотъ испещренная цвѣтами
Густой лимонной рощи сѣнь,
Вотъ предъ святыми воротами
Часовня... Южный теплый день
Играетъ яркими лучами
По бѣлымъ башнямъ и стѣнамъ.
Безмолвно-мраморныя плиты,
Отъ стѣнъ ведущія во храмъ,
Плющемъ душистымъ перевиты;
Вокругъ него ряды крестовъ —
Нѣмые сторожа гробовъ,
Какъ стадо лѣтомъ предъ грозой,
Пестрѣя жмутся межъ собой...
  Страшась надеждамъ волю дать,
Къ знакомой кельѣ онъ подходитъ.
Кругомъ нея задумчивъ бродитъ —
Жива-ль она? одна-ль? какъ знать?
Къ дверямъ прильнулъ онъ жаднымъ ухомъ, —
Ни струнъ, ни пѣсни не слыхать
Невольно онъ смутился духомъ,
Невольно, какъ въ пещеру змѣй,
Закралось въ умъ его сомнѣнье,
И вѣщій лучъ грядущихъ дней
Сверкнулъ въ его воображеньи!
То былъ лишь мигъ, но страшный мигъ.
Смиривъ напрасное волненье,
Онъ въ келью свѣтлую проникъ...
Взошелъ, взглянулъ... ужасный крикъ,
Какъ бури свистъ порой ночною,
Раздался въ воздухѣ пустомъ,
И ярость адскою волною
Какъ лава разлилась по немъ.
Простите кроткія надежды
Любви, блаженства и добра, —
Открылъ дремавшія онъ вѣжды...
И то сказать — давно пора!
  Посланникъ рая, ангелъ нѣжный,
Въ одеждѣ дымной бѣлоснѣжной
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Передъ монахиней прекрасной,
И отъ врага, съ улыбкой ясной,
Пріосѣнялъ ее крестомъ.
Они счастливы, святы оба!..
Довольно! ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ, — сколько чувствъ различныхъ,
Съ давнишнихъ поръ ему привычныхъ
Въ душѣ тѣснятся; сколько думъ
Мѣнятъ недовольный умъ!
Красавицѣ погибнуть надо,
Ее не пощадитъ онъ вновь,
Погибнетъ: прежняя любовь
Не будетъ для нея оградой!..
Свершилось! онъ опять таковъ,
Какимъ явился межъ рабовъ
Великому Царю вселенной
Въ часы той битвы незабвенной,
Гдѣ на преступное чело
Проклятье вѣчное легло!
  Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая;
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя;
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой —
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!..
  Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ;
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.

МОНАХИНЯ.

Забыть волненія страстей
Я поклялась давно, ты знаешь;
Къ чему-жъ теперь меня смущаешь
Любовью странною своей?..
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Ты прекрасна!

МОНАХИНЯ.

Кто ты?

НЕЗНАКОМЕЦЪ

Я демонъ. Не страшись:
Святыни здѣшней не нарушу;
И о спасеньи не молись, —
Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не отгоняй меня укоромъ,
Не выжимай изъ груди стонъ, —
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,

Какъ перелетный метеоръ,
Какъ стонъ вѣтеръ, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья.
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь...

МОНАХИНЯ.

Къ чему мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ...

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Противъ тебя ли?

МОНАХИНЯ.

Насъ могутъ слышать.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Мы одни.

МОНАХИНЯ.

А Богъ?..

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

На насъ не кинетъ взгляда,
Онъ занятъ небомъ, не землей!

МОНАХИНЯ.

А наказанье? Муки ада?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Такъ чтожъ? Ты будешь тамъ со мной.
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая...
Оставь сомнѣнія свои.
И что такое жизнь святая
Передъ минутою любви?
Моя безпечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землей,
Гдѣ носитъ все печать презрѣнья,
Гдѣ межъ людей съ давнишнихъ лѣтъ
Ни настоящаго мученья,
Ни счастья безъ обмана нѣтъ.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на нее роптать,
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.

МОНАХИНЯ.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Оставь, не вѣрю я врагу!
Творецъ... увы! Я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ!
Послушай! ты меня погубишь!
Твои слова — огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю! Полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый, —
Я все былое бросилъ въ прахъ.
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Я проклялъ прошлую безпечность;
Съ тобою розно міръ и вѣчность —
Пустыя звучныя слова,
Прекрасный храмъ безъ божества.
Люблю тебя нездѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаньемъ,
Всей роскошью души моей.
О, не страшись, но пожалѣй!
Толпу духовъ монхъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ,
Прислужницъ чудныхъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной
Его усыплю той росой;
Лучомъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью
И яркій перстень изъ агата
Надѣну на руку твою.
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я:
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное —
Люби меня...

И онъ слегка
Прижался страстными устами
Къ ея пылающимъ устамъ;
Тоской, угрозами, слезами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Въ то время сторожъ полуночный
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Когда ударилъ часъ урочный,
Бродилъ съ чугунною доской.
Но возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укратилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Невнятный крикъ и слабый стонъ...
И нечестивое сомнѣнье
Прокралось въ душу старика:
«То не отшельницы моленье»! —
Подумалъ онъ, — и до замка
Уже коснулся... Тихо снова,
Ни словъ, ни шуму не слыхать...
Канонъ угодника святого
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать;
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.

За часъ до солнечнаго всхода,
Еще высокій берегъ спалъ,
Вдругъ занумѣла непогода
И океанъ забушевалъ.
И вмѣстѣ съ бурей и громами,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ.
Не для молитвы призывали
Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Досками черными обитый,
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ увитый.
Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ блѣдныя черты;
Уста закрытыя безмольны;
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ, —
Хотя еще весьма недавно
Владѣли пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой!
И нѣтъ тебя, младая дѣва!..
Какъ злакъ потопленныхъ полей,
Добыча ревности и гнѣва,
Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будетъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой;
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнетъ!..
Земля взяла свое земное —
Она назадъ не отдастъ..

III

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
Пустѣла древняя обитель,
И время, вѣчный разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный —
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей, —
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри, на ликахъ расписныхъ,
И на окладахъ золотыхъ,
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ — и порой
Забытой утвари наденье,
Среди развалины глухой,
Ихъ приводило въ изумленье.
Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину!
Что можетъ падать, то упало,
Что мретъ, то умерло давно,
Что живо, то безсмертно стало
И время вжившѣ удержалъ
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море, одинокій,
Надъ нимъ черпѣетъ крестъ высокій.

Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью бѣлоснѣжной,
Толпится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.
Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирный
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри, мягкія какъ ленъ,
Съ главы вѣнчанной упадали,
И крылья, легкія какъ сонъ,
За бѣлыми плечьми сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой;
И волны съ пѣной серебристой
Къ скаламъ тѣснились вѣкового.

Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый;
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, — и милось,
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
Тогда надъ синей глубиной
Духъ отверженья и порока
Безъ цѣли мчался съ быстротой
Новорожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя.
Когда-жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потерянная рая
Улыбкой горькой упрекнулъ,

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ *)

ОСЕНЬ

Листья въ полѣ пожелтѣли,
И кружатся, и летятъ;
Лишь въ бору поникши ели
Зелень мрачную хранятъ.
Подъ нависшею скалою
Ужь не любитъ, межъ цвѣтовъ,
Пахарь отдыхать порою
Отъ полуденныхъ трудовъ.
Звѣрь отважный поневолѣ
Скрыться гдѣ-нибудь спѣшитъ;
Ночью мѣсяцъ тусклъ, и поле
Сквозь туманъ лишь серебритъ.

ЗАБЛУЖДЕНІЕ КУПИДОНА

Однажды женщины Эрота отодрали...
Досадой раздраженъ, упрямое дитя,
Напрягши грозный лукъ, и за обиду мстя,
Не смѣя къ женщинамъ, — къ намъ ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднѣйшей, стремитъ.
«Вашъ подлый родъ одинъ»! безумный говоритъ.
Съ тѣхъ поръ-то женщина любви не знаетъ!..
И точно какъ рабовъ считаетъ насъ она...
Такъ въ наказаніяхъ всегда почти бываетъ:
Которые смиреѣй, на тѣхъ падетъ вина!

ПОЭТЪ

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ:
Своимъ искусствомъ восхищенный
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его младой
И утомленный и нѣмой
Онъ забывалъ огонь небесный.
Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу, звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поётъ, забывшись въ райскомъ
Васъ, васъ, души его кумиры!
И вдругъ хладѣетъ жаръ ланитъ
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжитъ!
Но долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ

Я рожденъ съ душою пылкой,
Я люблю съ друзьями быть, —
А подчасъ и за бутылкой
Быстро время проводить.
Я не склоненъ къ славѣ громкой.
Сердце грѣетъ лишь любовь,

---

*) Въ этотъ отдѣлъ вошли юношескія стихотворенія Лермонтова, [illegible] какъ напечатанныя, такъ и напечатанныя, но въ сокращенномъ видѣ, въ [illegible]

Лиры звукъ дрожащій, звонкій
Мнѣ волнуетъ также кровь.
Но нерѣдко средь веселья
Духъ мой страждетъ и груститъ,
Въ шумѣ буйнаго похмѣлья
Дума на сердцѣ лежитъ.

КЪ НУ.....НУ

Забудь, любезный П.....нъ,
Мои минувшія сужденья:
Нѣтъ! недостоинъ бѣдный свѣтъ презрѣнья,
Хоть наша жизнь — минута сновидѣнья,
Хоть наша смерть — струны порванной звонъ.
Мой умъ его теперь цѣнить иначе станетъ:
Наврядъ ли кто-нибудь изъ насъ страну узритъ,
Гдѣ дружба дружбы не обманетъ,
Любовь любви не измѣнитъ.
Зачѣмъ же все въ семъ мірѣ бросить,
Зачѣмъ и счастья не найти:
Есть розы, другъ, и на земномъ пути! —
Ихъ время злобное не всѣ покоситъ!
Пусть добродѣтель въ прахъ падетъ,
Пусть будутъ всѣ мольбы Творцу безплодны,
Навѣки геній пусть умретъ, —
Вездѣ утѣхи есть толпѣ простонародной.
Но тотъ, на комъ лежитъ унынія печать,
Кто, юный, потерялъ лѣта златыя,
Того не могутъ услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни пѣсни боевыя!..

КЪ Д....ВУ

Я пробѣгалъ страны Россіи,
Какъ бѣдный странникъ межъ людей;
Вездѣ шипятъ коварства змѣи:
Я думалъ: въ свѣтѣ нѣтъ друзей!
Нѣтъ дружбы нѣжно-постоянной,
И безкорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незваный,
И вновь мнѣ возвратилъ покой!
Съ тобою чувствами сливаюсь,
Въ рѣчахъ веселыхъ счастье пью;
Но двухъ коварныхъ не терплю, —
И больше имъ не довѣряюсь!.

ПОРТРЕТЫ

1

(Этотъ портретъ былъ доставленъ одной дѣвушкѣ; она въ немъ думала узнать меня; вотъ за какого [illegible] принимаютъ обыкновенно поэта).

Онъ не [illegible],
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ какъ смоль черны;
Блѣдны всегда его уста;
Открыты-ль, сомкнуты-ль они,
Лютъ безъ словъ языкъ боговъ...
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще — вновь
Клянетъ онъ міръ, гдѣ вѣчно спиръ, —
Коварность, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!..

2

Довольно толстъ, довольно тученъ,
Нашъ полновѣсистый герой;
Нерѣдко веселъ, чаще скученъ,
Любезенъ, гордъ, сердитъ порой.
Онъ добръ, членъ нашего Парнаса
Красавицамъ Москвы смѣшонъ,
На крыльяхъ дряхлаго Пегаса
Летаетъ въ міръ мечтанья онъ.
Глаза не слишкомъ говорливы,
Всегда по модѣ онъ одѣтъ,
А щечки — полненькія сливы, —
Такъ говоритъ докучный свѣтъ.

3

Лукавъ, завистливъ, золъ и страстенъ,
Отступникъ Бога и людей;
Холоденъ, всѣмъ почти ужасенъ,
Своими ласками опасенъ,
А въ заключеніе — злодѣй!

4

Все въ мірѣ суета, онъ мнитъ, или отрава, —
Возвышенной душой: предметъ стремленья — слава.

5

Всегда онъ съ улыбкой веселой,
Жизнь любитъ и юность румяну;
Но чувства глубоки питаетъ, —
Не знаетъ онъ тайны природы.
Онъ скрытенъ всегда, постояненъ,
Не знаетъ горячихъ страстей.

6.

Онъ любимецъ мягкой лѣни,
Сна и низкихъ всѣхъ людей;
Онъ любимецъ наслажденій,
Врагъ губительныхъ страстей:
Русы волосы кудрями
Упадаютъ средь ланитъ;
Взоръ изнѣженъ, и устами
Онъ лишь рѣдко шевелитъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ N. N.

(При случаѣ ссоры съ Сабуровымъ)

Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы!
Оттѣнокъ чувствъ тебѣ несу я въ даръ,
Хоть ты презрѣлъ священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринулъ жаръ...
Я знаю все: ты вѣтренъ, безразсуденъ,
И ложный другъ ужь въ сѣть тебя завлекъ;
Но вспоминай, что путь ко счастью труденъ
Отъ той страны, гдѣ царствуетъ порокъ!..
Готовъ на все для твоего спасенья!
Я такъ клялся, и къ гибели летѣлъ;
Но ты молчалъ и, полный подозрѣнья,
Словамъ моимъ повѣрить не хотѣлъ...
Но часъ придетъ: своимъ печальнымъ взоромъ
Ты все прочтешь въ нѣмой душѣ моей;
Тогда — бѣги, не трать пустыхъ рѣчей, —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ!..

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ

(Стихи въ оригиналѣ найдены во Франціи, на стѣнахъ одной государственной темницы).

Зачѣмъ вы на меня,
Любезные друзья,
Въ рѣшетку такъ глядите?
Пускай умру сейчасъ,
Коль я въ углу темницы
Смочилъ одинъ хоть разъ
Слезой мои рѣсницы!.
Ликуйте вы одни
И чаши осушайте,
Любви въ безумномъ снѣ
Какъ прежде утопайте;
Но въ пламенномъ винѣ
Меня воспоминайте!

Я также въ вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлѣбъ черствый стану ѣсть
И воду пить гнилую!..

Предъ мной отличный столъ
И шаткій, и старинный;
И музыкой ослиной
Скрипитъ повсюду полъ.
Въ окошко свѣтъ чуть льется;
Я на стѣнѣ кругомъ
Пишу стихи углемъ,
Браню, кого придется
Хвалю, кого хочу
Нерѣдко хохочу,
Что такъ мнѣ удается.

Иль если крыса въ ночь
Колпакъ на мнѣ сгрызаетъ,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяетъ
Ея безплодный трудъ!..
Я повернусь, — и тутъ,
Послыша гласъ тревоги,
Она — давай Богъ ноги!..

Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смѣшу, — и тѣмъ сытѣй
Всегда почти бываю...
Тогда я пирѣваю...

Тотъ счастливъ, въ комъ ни разъ
Веселья духъ не гасъ!
Хоть онъ всю жизнь страдаетъ,
Но горесть забываетъ
Въ одинъ веселый часъ!

ЭПИГРАММА

Дуракъ и старая кокетка — все равно:
Румяны, горсть бѣлилъ — все знаніе его!..

МАДРИГАЛЪ

«Душа тѣлесна!» всѣхъ ты увѣряешь смѣло;
Я соглашусь, любовію дыша:
Твое прекраснѣйшее тѣло
Ничто иное, какъ душа!..

РОМАНСЪ

Кованной жизнью недовольный,
Обманутъ низкой клеветой,
Летѣлъ изгнанникъ самовольный
Въ страну Италіи златой.
«Забуду-ль [illegible] друзей?
Тебя, о [illegible]!
Забуду-ль, въ мирные досуги
Какъ веселило насъ оно?

«Снѣга и вихрь зимы холодной,
Горячій взоръ московскихъ дѣвъ,
И балалайки звукъ народный,
И томный вечера напѣвъ?
Душа души моей! тебя ли
Загладятъ въ памяти моей
Страна далекая, печали,
Языкъ презрительныхъ людей?

«Нѣтъ! и подъ миртомъ изумрудымъ,
И на Гельвеціи скалахъ,
И въ градѣ Рима многолюдномъ —
Все будешь ты въ моихъ очахъ!»
Въ коляску сѣлъ; дорогой скучной,
Закрывшись въ плащъ, онъ поскакалъ;
А колокольчикъ однозвучный
Звенѣлъ, звенѣлъ и пропадалъ!

ПОКАЯНІЕ.

ДѢВА.

Я пришла, святой отецъ,
Исповѣдать грѣхъ сердечный; —
Горесть — роковой конецъ
Счастья жизни скоротечной»!

ПОПЪ.

— Если духъ твой изнемогъ,
И въ сердечномъ покаяньи
Изліешь свои страданья, —
Грѣхъ проститъ Великій Богъ!

ДѢВА.

«Нѣтъ, не въ той я здѣсь надеждѣ,
Чтобы сбросить тягость бѣдъ:
Все прошло, что было прежде, —
Гдѣ-жъ найти уплывшихъ лѣтъ?
Не хочу я предъ Небеснымъ
О спасеньи слезы лить,
Ихъ спокойствіемъ чудеснымъ
Душу грѣшную омыть;
Я спѣшу передъ тобою
Исповѣдать жизнь мою,
Чтобъ не умертвить съ собою
Все, что въ жизни я люблю!
Слушай, твердже будь, — скрѣпися
Знай, что есть ударъ судьбы;
Но надъ мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юныхъ, нѣжныхъ дней,
Я не знала о покоѣ,
О невинности дѣтей·
Пылкой страсти вожделѣнью
Я была посвящена,
И гееискому мученью
Предала меня она!..
Но любови тайна сладость
Укрывалася отъ глазъ;
Вслѣдъ за ней бѣжала младость
Какъ бѣжитъ за часомъ часъ.
Вскорѣ бѣдствіе узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала —
И не вѣдала ее...
Исповѣдать грѣхъ сердечный
Я пришла, святой отецъ!
Счастья жизни скоротечной
Вѣчный роковой конецъ».

ПОПЪ.

— Если таешь ты въ страданьи,
Если духъ твой изнемогъ,
Но не молишь въ покаяньи, —
Не проститъ Великій Богъ!..

ВОЙНА

(Въ пансіонѣ)

Затѣялась, друзья мои, война,
И развились знамена чести;
Трубой завѣтною она
Манитъ въ поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напѣвы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны дѣвы!
Забуду я тебя, любовь,
Сустъ и юности отрава,
И полечу свободный вновь
Ловить вѣнокъ небренной славы.

ПѢСНЯ

Свѣтлый призракъ дней минувшихъ,
Для чего ты
Пробудилъ страстей уснувшихъ
И заботы?
Ты питаешь сладострастьл
Скоротечность!
Но гдѣ взять былое счастье
И безпечность?
Гдѣ вы, дружески обѣты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..

Щеки блѣдностью, хоть молодъ,
Ужъ покрылись;
Въ сердцѣ ненависть и холодъ
Водворились.

РОМАНСЪ

(Дурнову).

Невинный нѣжною душою,
Не знавши въ юности страстей прилива,
Ты можешь, другъ, сказать съ какой-то простотою:
Я былъ счастливъ!..

Кто, слишкомъ рано насладившись,
Живетъ, въ душѣ негодованье скрывъ,
Тотъ можетъ, другъ, еще сказать забывшись:
Я былъ счастливъ!..

но я въ сей жизни скоротечной
Такъ испыталъ отчаянья порывъ,
Что не могу сказать чистосердечно:
Я былъ счастливъ!..

КЪ NN.

(Къ Сабурову.—Наша дружба смѣшана съ столькими разрывами и сплетнями, что воспоминанія объ ней совсѣмъ не веселы. Этотъ человѣкъ имѣетъ женскій характеръ. Я самъ не знаю, отчего такъ дорожилъ имъ.)

Ты не хотѣлъ! Но скоро волю рока
Узнаешь ты, и въ бездну упадешь,
Проколетъ грудь раскаянія ножъ.
Предстану я безъ горькаго упрека,
Но ты тогда совсѣмъ мой взоръ поймешь,
Но онъ тебѣ какъ мечъ, какъ ядъ опасенъ,
Захочешь ты проступку вновь помочь, —
Нѣтъ, поздно, другъ, твой будетъ трудъ напрасенъ:
Обратно взоръ тебя отгонитъ прочь!
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу какъ во снѣ,
Никто со мной дѣлить не будетъ скуку,
Такихъ друзей не надо больше мнѣ.
Ты хладенъ былъ, когда я зрѣлъ несчастье
Или ударъ печальной клеветы,
Но придетъ часъ, и будешь въ горѣ ты
И не пробудится въ душѣ моей участье.

ЭПИГРАММЫ

1.

Есть люди странные, которые съ друзьями
Обходятся какъ съ сюртуками:
Покуда новъ сюртукъ, — въ чести; а тамъ
Забытъ и подаренъ слугамъ.

2.

Тотъ самый человѣкъ пустой,
Кто весь наполненъ самъ собой.

3.

Поэтомъ [хоть и это бремя]
Изъ журналиста быть тебѣ не суждено.
Ругать, и льстить, и лгать въ одно и то же время —
Признаться — очень мудрено!

4.

[г-ну и...]

Амишъ твой на глупца походитъ,
Когда за счастіемъ бѣжитъ,
А подъ конецъ такъ сладко спитъ,
Что даже сонъ другимъ наводитъ.

5.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной — все то же,
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ трохъ избавь насъ, Боже!

6.

Дамонъ, нашъ врачъ, о другѣ прослезился,
Когда тотъ кончилъ жизнь; попыхъ онъ груститъ
[Но не о томъ, что жизни другъ лишился]:
Пять разъ забылъ онъ взять билеты за визитъ!..

НАПОЛЕОНЪ

Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокій,
Гдѣ дикій памятникъ небрежно положенъ,
Въ сырой землѣ и въ ямѣ неглубокой —
Тамъ спитъ герой, друзья! — Наполеонъ!..
Вѣщаютъ такъ и камень одинокій,
И дубъ возвышенный, и волнъ прибрежныхъ стонъ!
Но вотъ, полночь свинцовый свой покровъ
Но сводамъ неба распустила,
И влагу дремлющихъ валовъ
Съ могилой тихою Діана осребрила.
Надъ ней сюда пришелъ мечтать
Невѣнъ возвышенный, но юный;

Воспоминанія стараясь пробуждать,
Онъ арфу взялъ, запѣлъ, ударилъ въ струны...
«Не ты ли, островокъ уединенный,
Свидѣтелемъ былъ чистыхъ дней
Героя дивнаго? Не здѣсь ли звукъ мечей
Гремѣлъ, носился гласъ его священный?
Нѣтъ! рокъ хотѣлъ отсюда удалить
И честолюбіе, и кровь, и гулъ военный,
А твой удѣлъ благословенный —
Принять изгнанника и прахъ его хранить.
«Зачѣмъ онъ такъ за славою гонялся?
Для чести счастье презиралъ?
Съ невинными народами сражался?
И скипетромъ стальнымъ короны разбивалъ?
Зачѣмъ шутилъ гражданъ спокойныхъ кровью,
Презрѣлъ и дружбой, и любовью,
И предъ Творцомъ не трепеталъ?..
«Ему, погибельной войною принужденный,
Почти весь свѣтъ кричалъ: ура!
При визгѣ бурнаго ядра
Уже онъ былъ готовъ... Но, воинъ дерзновенный!..
Творецъ смѣшалъ неколебимый умъ,
Ты побѣжденъ московскими стѣнами...
Бѣжалъ! и скрылъ за дальними морями
Слѣды печальные твоихъ высокихъ думъ.
«Огнемъ снѣдаемъ угрызеній,
Ты здѣсь безвременно погасъ.
Покоенъ ты, и въ тихій утра часъ,
Какъ надъ тобой порхнетъ зефиръ весенній,
Безвѣстный гость, дубравный соловей,
Порою издаетъ томительные звуки;
Въ нихъ слышны слава прежнихъ дней,
И голосъ нѣгъ, и голосъ муки!..
«Когда уже едва свѣтъ дневный отраженъ
Кристальною играющей волною
И гаснетъ день, усталою стопою
Идетъ рыбакъ береговъ на тихой склонъ,
Несвѣдущій, б[illegible]молвно попираетъ
Таща изорванную сѣть,
Ту землю, гдѣ твой прахъ забытый истлѣваетъ,
Не переставъ простую пѣсню пѣть»...
Вдругъ!.. вѣтерокъ... Луна за тучи забѣжала...
Умолкъ пѣвецъ. Струится въ жилахъ хладъ,
Онъ тайнымъ ужасомъ объятъ
И струны лопнули, и тѣнь ему предстала:
«Умолкни, о пѣвецъ! — спѣши отсюда прочь,
Съ хвалой иль язвою упрека
Мнѣ все равно, въ могилѣ вѣчно ночь,
Тамъ нѣтъ ни почестей, ни счастія, ни рока!
Пускай исторію страстей
И дѣлъ моихъ хранятъ далекіе потомки:
Я презрю пѣснопѣнья громки, —
Я выше и похвалъ, и славы, и людей!»

ЖАЛОБА ТУРКА

(Письмо къ другу-иностранцу).

Ты зналъ-ли дикій край, подъ знойными лучами,
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ,
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,
И гдѣ являются порой
Умы и хладные, и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стоитъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!..
Другъ! этотъ край — моя отчизна!

—

P. S. Ахъ! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки,
Пусть истину скрываетъ ложь
Чтожъ дѣлать? — всѣ мы человѣки!..

———

КЪ NN***

Не играй моей тоской,
И холодной, и нѣмой.
Для меня бываетъ время
Какъ о прошломъ вспомню я,
Сердце (Богъ ему судья)
Жметъ невѣдомое бремя!
Я хладѣю и горю,
Самъ съ собою говорю,
Внемлю смертному напѣву;
Я гляжу на брегъ рѣки
На ударъ моей руки,
На поверженную дѣву!
Я ищу въ ея глазахъ,
Въ измѣнившихся чертахъ
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рокъ
Начертать сего не могъ,
Чтобъ мое спокоить мщенье!

———

ЧЕРКЕШЕНКА

Я видѣлъ васъ, холмы и нивы!
Разнообразныхъ горъ кусты,
Природы дикой красоты;
Степей глухихъ народъ счастливый,
И нравы тихой простоты!
Но тамъ, гдѣ Терекъ протекаетъ,
Черкешенку я увидалъ;

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая...

Взоръ дѣвы сердце приковалъ,
И мысль невольно улетаетъ
Бродить средь милыхъ дальнихъ скалъ...
Такъ духъ раскаянія, звуки
Послышавъ райскіе, летитъ
Узрѣть еще небесный видъ;
Такъ стонъ любви, страстей и муки
До гроба въ памяти звучитъ.

ОТВѢТЪ

Кто муки зналъ когда-нибудь
И чьи къ любви закрылись вѣжды!—
Того отъ страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Онъ любитъ мракъ уединенья,
Онъ больше не знакомъ съ слезой,
Предъ нимъ исчезли упоенья
Мечты безплодной и пустой.
Онъ чувствъ лишенъ: такъ пень лѣсной,
Постигнутъ молньей, догораетъ,
Погасъ,—и скрылся жизни сокъ,
Онъ мертвыхъ вѣтвей не питаетъ,—
На немъ печать оставилъ рокъ.

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ

(Слышано мною что-то подобное на Кавказѣ)

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая,
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ
Скатился.
Ахъ! ей старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристаллъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день
И что-же?
Скрываются красы какъ тѣнь
О Боже!
Онъ опасается измѣны,
Его высоки, крѣпки стѣны;
Но все любовь
Презрѣла. Вновь
Румянецъ на щекахъ живой
Явился,
И перлъ между рѣсницъ порой
Не бился.
Но армянинъ открылъ коварность.
Измѣну и неблагодарность
Какъ перенесть?
Досада! месть!
Впервые васъ онъ только самъ
Извѣдалъ,—
И трупъ преступницы волнамъ
Онъ предалъ.

ЖЕНА СѢВЕРА

Покрыта таинствъ легкой сѣткой,
Межъ скалъ полуночной страны
Она являлася нерѣдко
Въ года волшебной старины.
И финна дикіе сыны
Ей храмины сооружали,
Какъ грозной дочери боговъ;
И скальды сѣверныхъ лѣсовъ
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрѣлъ ее, тотъ умиралъ.
И слухъ въ угрюмой полуночи
Бродилъ, что будто какъ металлъ
Язвили голубыя очи,
И только скальды лишь могли
Смотрѣть на дѣву издали.
Они платили пѣснопѣньемъ
За пламенный восторга часъ,
И, пробужденъ нѣмымъ видѣньемъ,
Былъ строенъ ихъ невнятный гласъ!

КЪ ДРУГУ

Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья,
Съ дѣятельной и пылкою душой
Я не плѣненъ небесной красотой;
Но я пищу земного упоенья.
Любовь пройдетъ, какъ тѣнь пустого сна,
Не буду я счастливымъ безъ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, другъ, узнать не долженъ, кто она.
Навѣкъ мы съ ней разлучены судьбою.
Я побѣдить жестокость не умѣлъ,
Но я ношу отказъ и месть съ собою,
Но я въ любви моей закоренѣлъ.
Такъ воръ сѣдой заглохшія дубравы
Не кается еще въ своихъ грѣхахъ,
Еще онъ путниковъ, сосѣдей страхъ,
И милъ ему товарищъ, ножъ кровавый!
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самаго отъ самой колыбели,
Игралищемъ и рока, и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;

Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ и не оставлю ихъ!

ЭЛЕГІЯ

О, если-бъ дни мои текли
На лонѣ сладостномъ покоя и забвенья
Свободно отъ сустъ земли
И далеко отъ свѣтскаго волненья!
Когда-бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли!
Тогда бъ я былъ съ весельемъ неразлученъ
Тогда-бъ я вѣрно не искалъ
Ни наслажденія, ни славы, ни похвалъ.
Но для меня весь міръ и пустъ, и скученъ,
Любовь твоя не льститъ душѣ моей:
Ищу измѣнъ и новыхъ чувствованій,
Которыя живятъ хоть колкостью своей
Мнѣ кровь, угасшую отъ грусти, отъ страданій,
Отъ преждевременныхъ страстей!

* *

Забывши волненія жизни мятежной,
Одинъ жилъ въ пустынѣ рыбакъ молодой.
Однажды на скалѣ прибрежной
Надъ тихой прозрачной рѣкой
Онъ съ удой безпечно
Сидѣлъ
И думой сердечной
Къ протекшему счастью летѣлъ.

КЪ ***

Глядися чаще въ зеркала,
Любуйся милыми очами,-
И свѣта шумная хвала
Съ моими скромными стихами
Тебѣ покажутся ясней.
Когда же вздохъ самодовольный
Изъ груди вырвется невольно,
Когда въ младой душѣ своей
Самолюбивыя волненья
Не будешь въ силахъ утаить,—
Мою любовь, мои мученья,
Ты оправдаешь, можетъ-быть!..

КО ДНЮ РОЖДЕНІЯ NN

Чего тебѣ, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливымъ на разныя манеры,
И продолжай безпечно пировать
Подъ сѣнью Марса и Венеры.

КЪ ***

Мы снова встрѣтились съ тобой,
Но какъ мы оба измѣнились!
Года унынья и страстей
Отъ насъ невидимо скрылись
Ищу въ глазахъ твоихъ огня,
Ищу въ душѣ твоей волненья...
Ахъ! какъ тебя, такъ и меня
Убило жизни тяготѣнье!..

*

Когда послѣднее мгновенье
Мой взоръ на вѣки омрачитъ,
И въ міръ, гдѣ казнь или спасенье,
Душа поэта улетитъ,—
Быть-можетъ, приговоръ досадный
Прикажетъ возвратиться ей
Туда, гдѣ въ жизни безотрадной
Она томилась столько дней.

—

Тогда я буду все съ тобою,
И берегись мнѣ измѣнить...

* *

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знаетъ Онъ.
Какъ демонъ *) мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни

ПОРТРЕТЪ

Взгляни на этотъ ликъ; искусствомъ онъ
Небрежно на холстѣ изображенъ,
Какъ отголосокъ мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсѣмъ живой.

---

*) *Это стихотвореніе написано послѣ 2-го очерка „Демона“*

Холодный взоръ не видитъ, но глядитъ,
И всякаго, не нравясь, удивитъ;
Въ устахъ нѣтъ словъ, но быть они должны,—
Для словъ уста такія рождены.
Смотри: лицо какъ будто отошло
Отъ полотна,—и блѣдное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что намъ извѣстно: не гроза страстей
Ему дала болѣзненный тотъ цвѣтъ,
И что въ груди сей чувствъ и сердца нѣтъ.
О, Боже! сколько я видалъ людей,
Ничтожныхъ—предъ картиною моей,
Душа которыхъ менѣе жива,
Чѣмъ обѣщаетъ видъ сего чела.

СИЛУЭТЪ *)

Есть у меня твой силуэтъ.
Мнѣ милъ его печальный цвѣтъ;
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.
Въ глазахъ нѣтъ жизни и огня,
Зато онъ вѣчно близъ меня.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою

Г. ПАВЛОВУ

Какъ васъ зовутъ? Ужель поэтомъ?—
Поймётъ-ли міръ небесный гласъ?
Я васъ прошу въ послѣдній разъ,
Не называйтесь такъ предъ свѣтомъ:
Фигляромъ назоветъ онъ васъ.
Пускай никто про васъ не скажетъ
Вотъ стихотворецъ, вотъ поэтъ;
Васъ этотъ титулъ только свяжетъ,
И будетъ цѣлью всѣхъ клеветъ,—
Съ нимъ привилегій вовсе нѣтъ.

БАРТЕНЬЕВОЙ

Скажи мнѣ, гдѣ переняла
Ты обольстительные звуки,
И какъ соединить могла
Отзывы радости и муки?..
Премудрой мыслію вникалъ
Я въ пѣсни ада, въ пѣсни рая.
Но чтожъ! — нигдѣ я не слыхалъ
Того, что слышалъ отъ тебя я.

---

*) *Вторая редакція.*

КРАПОТКИНОЙ

Я оклеветанъ передъ вами;
Какъ оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но какъ же?—Я сегодня лгу!..

ЩЕРБАТОВОЙ

Повѣрю-ль я, чтобъ вы хотѣли
Покинуть общество Москвы
Когда отъ самой колыбели
Ея кумиромъ были вы?
Что дастъ вамъ скучный брегъ Невы?
Ужель тамъ больше веселятся?
Ужели баловъ больше тамъ?
Нѣтъ, какъ мудрецъ скажу я вамъ:
Гораздо лучше оставаться. *)

САБУРОВОЙ

Какъ! вы поэта огорчили,
И не наказаны потомъ?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умомъ?
Нѣтъ, вы не поняли поэта,
Его души печальный сонъ;
Вы небомъ созданы для свѣта,
Но не для васъ былъ созданъ онъ.

УВАРОВОЙ

Вы мнѣ однажды говорили,
Что не привыкли въ свѣтѣ жить;
Не спорю въ этомъ. Но не вы-ли
Себя заставили любить?

---

*) *Первоначально было:*
Вамъ знакома вся Москва,
Всѣ московскіе паркеты,
Васъ взлелѣяла молва
Подъ названіемъ Анеты;
Но предсказываю вамъ:
Близъ Невы не встрѣтятъ васъ
Какъ княжну бы надо встрѣтить,
Какъ московскіе проводятъ:
Тамъ прекраснымъ не находятъ,
Что божественно для глазъ.
Другой вариантъ:
Вы уѣзжаете—напрасно!
Здѣсь понимаютъ, что прекрасно,
Здѣсь вашъ нарядъ—для всѣхъ законъ,
Здѣсь вамъ привыкъ ужь свѣтъ дивиться
(Примите общій нашъ поклонъ).
Зачѣмъ хотите вы, чтобъ онъ
Не зналъ чѣмъ даже похвалиться?..

Все, что привычкою другіе
Пріобрѣтаютъ,—вы душой,
И что у нихъ слова пустыя,
А не обманъ у васъ одной.

СОЛНЦЕ

Какъ солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя межъ сѣрыхъ тучъ,
На бѣлые снѣга напрасно
Оно кидаетъ слабый лучъ.

Такъ точно, дѣва молодая,
Твой образъ предо мной блеститъ;
Но взоръ твой, счастье обѣщая,
Мою-ли душу оживитъ?..

. . .

Я счастливъ: тайный ядъ течетъ въ моей крови,
Жестокая болѣзнь мнѣ смертью угрожаетъ!..
Дай Богъ, чтобъ такъ случилось!.. Ни любви,
Ни мукъ умершій ужь не знаетъ,
Шести досокъ жилецъ уединенный,
Не зная ничего, оставленный, забвенный
Ни славы зовъ, ни голосъ твой
Не возмутятъ надежный мой покой!..

ПРОЩАНЬЕ

Не уѣзжай, лезгинецъ молодой;
Зачѣмъ спѣшишь на родину свою?
Твой конь усталъ, въ горахъ туманъ сырой,
А здѣсь тебѣ и кровля, и покой,
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райскихъ двухъ ночей;
Нѣтъ у меня подарковъ:—я бѣдна,—
Но мнѣ душа Создателемъ дана,
Подобная твоей

Въ ненастный день заѣхалъ ты сюда,
Подъ мокрой буркой, съ горестнымъ лицомъ...
Ужели для меня сей день, когда
Такъ ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачнымъ сдѣлать днемъ?

Взгляни: вокругъ спѣютъ цѣпи горъ,
Какъ великаны, грозною толпой;
Лучи зари съ кустами—ихъ уборъ;
Мы вольны и добры;—зачѣмъ твой взоръ
Летитъ къ странѣ другой?

Повѣрь, отчизна тамъ, гдѣ любятъ насъ;
Тебя не встрѣтитъ средь родныхъ долинъ,—
Ты самъ сказалъ,—улыбка милыхъ глазъ:
Побудь еще со мной хоть день, хоть часъ...
Послушай! часъ одинъ!

«Нѣтъ у меня отчизны и друзей,
Кромѣ булатной шашки и коня;
Я счастливъ былъ любовію твоей,
Но все-таки слезамъ очей твоихъ
Не удержать меня.

«Кровавой клятвой душу я свою
Отяготивъ, блуждаю много лѣтъ,
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажутъ никому: люблю
Прости: вотъ мой отвѣтъ».

. . .

Она была прекрасна, какъ мечта
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ:
Кто объяснитъ, что значитъ красота?
Грудь полная, иль стройный, гибкій станъ?
Или большія очи?—Но порой
Все это не зовемъ мы красотой:
Уста безъ словъ—любить никто не могъ,
Взоръ безъ огня—безъ запаха цвѣтокъ!

О, небо! Я клянусь, она была
Прекрасна!.. Я горѣлъ, и трепеталъ,
Когда кудрей! сбѣгающихъ съ чела,
Шелкъ золотой рукой своей встрѣчалъ;
Я былъ готовъ упасть къ ногамъ ея,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и все
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ!

. . .

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужь не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть надъ нимъ ужь бури нѣтъ!..
Мой проступокъ передъ міромъ,
Предъ людьми моя вина,
Для которыхъ ты кумиромъ,
Но не другомъ быть должна.
И поклонниковъ ты встрѣтишь,
И, блистая предъ толпой,
Межъ рабовъ ты не замѣтишь
Для себя души родной.

Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты угасить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть...
Такъ разсѣлись подъ громами,
Видѣлъ я, въ единый мигъ
Попаженные вѣками
Два утеса береговыхъ;
Но примѣтно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба ихъ развела.

* * *

Девятый часъ, ужь темно. Близъ заставы
Чернѣютъ рядомъ старыхъ пять домовъ,
Заборъ кругомъ. Высокій, худощавый
Привратникъ на завалинѣ готовъ
Уснуть. Дождя не будетъ, небо ясно.
Весь городъ спитъ. Онъ долго ждалъ напрасно:
Темны всѣ окна; блещутъ только два,
А тамъ — чѣмъ не богата ты, Москва?

Но, чу! Къ воротамъ кто-то подъѣзжаетъ.
Лихія дрожки, кучеръ съ бородой
Широкой, кони черные; слѣзаетъ
Одѣтъ въ плащѣ проказникъ молодой.
Скрипитъ за нимъ калитка; подъ ногами
Стучатъ, колеблясь, доски. (Между нами
Скажу я, онъ ничей не прервалъ сонъ).
Дверь отворилась, — свѣчка. Кто тутъ? — Онъ.

Его узнала дѣва молодая;
Снимаетъ плащъ, и въ комнату ведетъ.
Въ шандалѣ мѣдномъ, тускло догорая,
Свѣча на нихъ свой лучъ послѣдній льетъ,
И на кровать съ высокою перриной,
И на стѣну съ лубочною картиной;
А въ зеркалѣ съ противной стороны
Два юныя лица теперь отражены!..

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ,
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ
Или большія очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ — любить никто не могъ,
Взоръ безъ огня — безъ запаха цвѣтокъ!

Она была свѣжа, какъ розы Леля,
Она была похожа на портретъ
Мадоны — и Мадоны Рафаэля;
И врядъ-ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
Лишь святости черты не выражали:
Глаза огнемъ непстовымъ пылали,
И грудь, волнуясь, поцѣлуй звала...
Онъ былъ не папа, — а она была..

Ну, что-же? — просто дѣва молодая,
Которой все богатство — красота!
И впрочемъ, замужъ выдти не желая,
Что было ей таить свои лѣта?
Она притворства, хитрости не знала,
И въ этомъ лишь другимъ не подражала!
Не все-ль равно? Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ...
. . . . . .

К***

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать? Быть-можетъ, тѣ мгновенья,
Что протекли у ногъ твоихъ,
Я отнималъ у вдохновенья!
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?..
Быть-можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я дѣлъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то — безсмертье онъ?..
Зачѣмъ такъ нѣжно обѣщала
Ты замѣнить его вѣнецъ?
Зачѣмъ ты не была сначала,
Какою стала наконецъ!..
Я гордъ!.. Прости, люби другого,
Мечтай любовь найти въ другомъ;
Чего-бъ то ни было земного
Я не содѣлаюсь рабомъ.
Къ чужимъ горамъ подъ небо юга
Я удалюся, можетъ-быть, —
Но слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобы другъ друга позабыть.

Отнынѣ стану наслаждаться
И въ страсти стану клясться всѣмъ;
Со всѣми буду я смѣяться,
А плакать не хочу ни съ кѣмъ;
Начну обманывать безбожно,
Чтобъ не любить, какъ я любилъ;
Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ?
Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумецъ! — лишній разъ пожать!
Не зная коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала-ль цѣну?
Ты знала — я тебя не зналъ.

* * *

Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ какъ дымъ улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновенье гордился онъ ею! — Часто во время зари я глядѣлъ на снѣга и далекія льдины утесовъ: они такъ сіяли въ лучахъ восходящаго солнца, въ розовый блескъ одѣваясь; между тѣмъ, какъ внизу все темно — они возвѣщали прохожему утро...—Какъ я любилъ твои бури, Кавказъ! — тѣ пустынныя, громкія бури, которымъ пещеры, какъ стражи ночей, отвѣчаютъ. На гладкомъ холмѣ одинокое дерево, вѣтромъ, дождями пагнутое; виноградникъ шумящій въ ущельи; путь неизвѣстный надъ пропастью, гдѣ, покрываяся пѣной, бѣжитъ безыменная рѣчка; выстрѣлъ нежданный, и страхъ послѣ выстрѣла: врагъ-ли коварный, иль просто охотникъ... Все, все въ этомъ краѣ прекрасно.

Воздухъ тамъ чистъ, какъ молитва ребенка,
И люди, какъ вольныя птицы, живутъ безъ заботно:
Война ихъ стихія, и въ смуглыхъ чертахъ ихъ душа говоритъ.
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣвы, и чистятъ оружье,
И шьютъ серебромъ, въ тишинѣ увядая
Душою, желаній [illegible]
судьбы незнакомой.

* * *

Измученный тоскою и недугомъ
И угасая въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Проститься я съ тобой желалъ какъ съ другомъ.
Но хладенъ былъ прощальный твой привѣтъ,
Но ты не вѣришь мнѣ, ты притворилась
Что въ шутку приняла слова мои,
Моимъ слезамъ смѣяться ты рѣшилась,
Чтобъ съ сожалѣньемъ не явить любви.
Скажи мнѣ, для чего такое мщенье?
Я виноватъ: другую могъ хвалить, —
Но развѣ я не требовалъ прощенья
У ногъ твоихъ? Но развѣ я любить
Тебя переставалъ, когда толпою
Безумцевъ молодыхъ окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры ихъ одна? —
Я издали смотрѣлъ, почти желая,
Чтобъ для другихъ очей твой блескъ исчезъ.
Ты для меня была, какъ счастье рая
Для демона, изгнанника небесъ.

ОПАСЕНІЕ

Страшись любви: она пройдетъ,
Она мечтой твой умъ встревожитъ,
Тоска по ней тебя убьетъ,
Ничто воскреснуть не поможетъ.

Краса, любимая тобой,
Тебѣ отдастъ, положимъ, руку; —
Года мелькнутъ... летунъ сѣдой
Укажетъ вѣчную разлуку.

И бѣденъ, жалокъ будешь ты,
Глядящій съ креселъ иль подушки
На безобразныя черты
Твоей докучливой старушки,

Коль мысли о былыхъ лѣтахъ
Въ твой умъ закрадутся порою,
И вспомнишь, какъ на снѣжныхъ цѣпяхъ
Играло жизнью молодою...

Безъ друга лучше дни влачить,
И къ смерти радостнѣй клониться,
Чѣмъ два удара выносить
И сердцемъ о двоихъ крушиться!..

СТАНСЫ

Люблю, когда, борясь съ душою,
Краснѣетъ дѣвица моя:
Такъ передъ вихремъ и грозою
Красна вечерняя заря.

Люблю и вздохъ, что ночью лунной
Въ лѣсу изъ устъ ея скользитъ:
Звукъ тихой арфы златострунной
Такъ съ хладнымъ вѣтромъ говоритъ.

Но слаще встрѣтить, средь моленья
Ея, слезу очамъ моимъ:
Такъ, зря Спасителя мученья,
Невинный плакалъ херувимъ.

НОЧЬ I

Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я.
Душа, не слыша на себѣ оковъ
Тѣлесныхъ, разсмотрѣть могла-бъ ясней
Весь міръ, — но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее. Я мчался безъ дорогъ; предъ мною
Не сѣрое, не голубое небо,
И мнилося, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство
Видѣлось; и ничто вокругъ меня
Различныхъ тѣней кинуть не могло,
Которыя на немъ мелькали.
И два противныхъ дикихъ звука,
Два отголоска цѣлыя природы
Боролися, — и ни одинъ изъ нихъ
Не могъ назваться побѣжденнымъ. Страхъ
Припомнить жизни гнусныя дѣянья,
Иль о добрѣ свершенномъ возгордиться —
Мѣшалъ мнѣ мыслить. И летѣлъ, летѣлъ я
Далеко, безъ желанія и цѣли.
И встрѣтился мнѣ свѣтозарный Ангелъ;
И такъ, сверкнувши взоромъ, мнѣ сказалъ:
«Сынъ праха, ты грѣшилъ, — и наказанье
Должно тебя постигнуть, какъ другихъ;
Опустись на землю, гдѣ твой трупъ
Зарытъ; ступай, и тамъ живи, и жди
Пока придетъ Спаситель, — и молись...
Молись, страдай, — и выстрадай прощенье»...
И снова я увидѣлъ край земной;
Досадой видъ его меня наполнилъ,
И боль душевныхъ ранъ, на краткій мигъ
Лишь заглушенная боязнью, съ новой силой
Огнемъ отчаянья возобновилась;
И (странно мнѣ), когда увидѣлъ ту,
Которую любилъ такъ сильно прежде,
Я чувствовалъ одинъ холодный трепетъ
Досады горькой, — и толпа друзей
Моихъ, ликующихъ, меня не удержала;
Съ презрѣніемъ на кубки я взглянулъ,
Гдѣ грѣхъ съ виномъ кипѣлъ. Воспоминанье
Въ меня впилось когтями, — я вздохнулъ
Такъ глубоко, какъ только можетъ мертвый,
И полетѣлъ къ своей могилѣ. Ахъ!
Какъ бѣденъ тотъ, кто видитъ наконецъ
Свое ничтожество, и въ чьихъ глазахъ
Все, для чего трудился долго онъ, —
На воздухъ разлетѣлось...
И я сошелъ въ темницу, узкой гробъ,
Гдѣ гнилъ мой трупъ, — и тамъ остался я.
Здѣсь кость была уже видна, здѣсь мясо
Кусками синее висѣло; жилы тамъ
Я примѣчалъ съ засохшею въ нихъ кровью..
Съ отчаяньемъ сидѣлъ я и взиралъ,
Какъ быстро насѣкомыя роплись
И поѣдали жадно свою пищу;
Червякъ то выползалъ изъ впадинъ глазъ,
То вновь скрывался въ безобразный черепъ,
И каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью
Я долженъ былъ смотрѣть на гибель друга,
Такъ долго жившаго съ моей душою, —
Послѣдняго, единственнаго друга,
Дѣлившаго ея земныя муки.
И я помочь ему желалъ, но тщетно...
Уничтоженья быстрые слѣды
Текли по немъ, и черви умножались;
Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли.
Остались кости, — и онѣ исчезли
Въ гробу былъ прахъ... и больше ничего...
Одною полонъ мрачною заботой,
Я припадалъ на бренные останки,
Стараясь ихъ дыханіемъ согрѣть...
О, сколько-бъ я тогда отдалъ земныхъ
Блаженствъ, чтобъ хоть одну, одну минуту
Почувствовать въ нихъ теплоту. Напрасно...
Они остались хладны, хладны, какъ презрѣнье!..
Тогда я бросилъ дикія проклятья
На моего отца и мать, на всѣхъ людей;
И мнѣ блеснула мысль: творенье ада!
Что если время совершитъ свой кругъ
И погрузится въ вѣчность невозвратно,
И ничего меня не успокоитъ,
И не придутъ сюда простить меня?..
И я хотѣлъ изречь хулы на небо, —
Хотѣлъ сказать...
Но голосъ замеръ мой, — и я проснулся...

РАЗЛУКА

Я виноватъ передъ тобою,
Цѣны услугъ твоихъ не зналъ.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощеньи умолялъ;
Готовъ былъ, ставши на колѣни,
Проступкомъ называть мечты:
Мои мучительныя пени
Безсмысленно отвергнулъ ты

Зачѣмъ такъ рано, такъ ужасно
Я долженъ былъ узнать людей,
И счастьемъ жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..
Свершилось! вѣчную разлуку,
Трепеща, вижу предъ собой...
Ледяную встрѣчаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтобъ воспоминанье,
Въ чужихъ людяхъ, въ чужой странѣ,
Не принесло тебѣ страданье
При сожалѣньи обо мнѣ...

* * *

Въ старинны годы жили-были
Два рыцаря-друзья;
Не разъ они въ Сіонъ ходили,
Желаніемъ горя,
Съ огромной ратью, съ королями,
Его освободить,
И крестъ священный
Знаменами
Своими осѣнить...

СОВѢТЪ

Если, другъ, тебѣ сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все съ годами пронесется, —
Улыбнись и разгрустись.
Дѣвъ измѣны молодыя,
И невѣрный путь честей,
И мгновенья скуки злыя —
Стоютъ-ли тоски твоей?

Не ищи страстей тяжелыхъ;
И, покуда Богъ даетъ,
Нектаръ пей часовъ веселыхъ, —
А печаль сама придетъ.
И людей не презирая,
Не берись учить другихъ:
Лучшимъ быть не воображая,
Скоро ты полюбишь ихъ.

Сердце — глупое творенье;
Но и съ сердцемъ можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Вѣденъ, кто, судьбы въ ненастье
Всѣ надежды испытавъ,
Наконецъ находитъ счастье,
Чувство счастья потерявъ!

ОДИНОЧЕСТВО

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить;
Дѣлить веселье всѣ готовы, —
Никто не хочетъ грусть дѣлить.

Одинъ я здѣсь, какъ царь воздушный,
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу, какъ судьбѣ послушно,
Года уходятъ будто сны.

И вновь приходятъ — съ позлащенной
Но той же, старою мечтой;
И вижу гробъ уединенный, —
Онъ ждетъ; чтожъ медлить надъ землей?

Никто о томъ не покрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ

Прими, хотя и безъ вниманья,
Моей души печальный бредъ;
Чудакъ безумный, въ цвѣтѣ лѣтъ
Я вяну — жертвою страданья.

Пусть эти строки надъ собой
На мигъ удержатъ взоръ твой милый,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца — памятникъ могилы.

ГРОЗА

Блеститъ гроза, дымятся тучи
Надъ темной бездною морской,
И хлещутъ пѣною кипучей,
Толпяся, волны межъ собой.
Вкругъ скалъ огнистой лентой вьется
Печальной молніи змѣя,
Стихій тревожный рой мятется, —
И здѣсь стою недвижимъ я.
Стою. — Ужель тому ужасно
Стремленье всѣхъ надземныхъ силъ,
Кто въ жизни чувствовалъ напрасно,
И жизнію обманутъ былъ?
Вокругъ кого, сей ядъ сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Какъ вкругъ скалы остроконечной,
Губитель пламень, вьешься ты?
О нѣтъ! Летай, огонь воздушный,
Свистите, вѣтры, надъ главой,
Я здѣсь холодный, равнодушный,
И трепетъ не знакомъ со мной.

Гроза шумитъ въ моряхъ съ конца въ конецъ.
Корабль летитъ по волѣ бурныхъ водъ,
Одинъ на немъ спокоенъ лишь ловецъ;
Чело печать глубокихъ думъ несетъ,
Угасшій взоръ на тучи устремленъ;
Не вѣдаютъ: ни кто, ни что здѣсь онъ!..
Конечно, онъ живалъ между людей,
И знаетъ жизнь отъ сердца своего:
Крикъ ужаса, моленья, скрипъ снастей
Не трогаютъ молчанія его.

ЗВѢЗДА

Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда,
Чтобъ я въ ночи встрѣчалъ тебя всегда;
Твой слабый лучъ, сражаясь съ темнотой,
Несетъ мечты душѣ моей больной;
Она къ тебѣ летаетъ высоко, —
И груди сей свободно и легко...

Я видѣлъ взглядъ исполненный огня
(Ужь онъ давно закрылся для меня),
Но какъ къ тебѣ, къ нему еще лечу,
И, хоть нельзя, — смотрѣть его хочу..

ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ДОЖДЯ

Гляжу въ окно. Ужь гаснетъ небосклонъ;
Прощальный лучъ на вышинѣ колонны;
На куполахъ, на трубахъ и крестахъ
Блеститъ, горитъ въ обманутыхъ очахъ;
И мрачныхъ тучъ огнистые края
Рисуются на небѣ, какъ змѣя,
И вѣтерокъ, по саду пробѣжавъ,
Волнуетъ стебли омоченныхъ травъ...

Одинъ межъ нихъ примѣтилъ я цвѣтокъ,
Какъ будто перлъ, покинувшій востокъ.
На немъ вода блистаючи дрожитъ,
Главу свою склонивши, онъ стоитъ,
Какъ дѣвушка въ печали роковой:
Душа убита, радость надъ душой, —
Хоть слезы льетъ изъ пламенныхъ очей,
Но помнитъ все о красотѣ своей.

НАПОЛЕОНЪ

(ДУМА).

Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотой,
Когда туманъ синѣетъ надъ водой, —
Въ часъ грѣшныхъ думъ, видѣній, тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ лучъ узрѣть бы не хотѣлъ
А тьма укрыть, — чья тѣнь, чей образъ тамъ,
На берегу, склонивши взоръ къ волнамъ,
Стоитъ вблизи нагбеннаго креста?
Онъ — не живой; но также не мечта
Сей острый взглядъ съ возвышеннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

Предъ нимъ лепечутъ волны и бѣгутъ,
И вновь приходятъ и о скалы бьютъ;
Какъ легкія вѣтрила, облака
Надъ моремъ носятся изъ далека.
И вотъ, глядитъ невѣдомая тѣнь
На тотъ востокъ, гдѣ новый брезжетъ день
Тамъ Франція, тамъ край ея родной,
И славы слѣдъ, быть-можетъ скрытый мглой;
Тамъ средь войны ея неслися дни...
О, для чего такъ кончились они?!

Прости, о слава, обманувшій другъ!
Опасный ты, но чудный, мощный звукъ,
И скиптръ... О, васъ забылъ Наполеонъ...
Хотя давно умершій, любитъ онъ
Сей малый островъ, брошенный въ моряхъ,
Гдѣ сгнилъ его и червемъ съѣденъ прахъ,
Гдѣ онъ страдалъ, покинутъ отъ друзей,
Презрѣвъ судьбу съ гордынней прежнихъ дней,
Гдѣ ставалъ онъ на брегу морскомъ,
Какъ нынѣ грустенъ, руки сжавъ крестомъ

О! какъ въ лицѣ его еще видны
Слѣды заботъ и внутренней войны;
И быстрый взоръ, давящій слабый умъ,
Хоть чуждъ страстей, все полонъ прежнихъ думъ.
Сей взоръ, какъ трепетъ, въ сердце проникалъ
И тайныя желанья узналъ.
Онъ тотъ же все; и той же шляпой онъ,
Сопутницею жизни, осѣненъ.
Но посмотри: ужь день блеснулъ въ струяхъ, —
Призрака нѣтъ, все пусто на скалахъ.

Нерѣдко внемлетъ житель сихъ береговъ
Чудесные разсказы рыбаковъ:
Когда гроза бунтуетъ и шумитъ,
И блещетъ молнія, и громъ гремитъ,
Мгновенный лучъ нерѣдко озарялъ
Печальну тѣнь, стоящую межъ скалъ.
Одинъ пловецъ, какъ ни былъ страхъ великъ,
Могъ различить недвижный смуглый ликъ
Подъ шляпою съ нахмуреннымъ челомъ
И двѣ руки, сложенныя крестомъ.

ЭПИТАФІЯ НАПОЛЕОНУ

Да, тѣнь твою никто не порицаетъ,
Мужъ рока! Ты съ людьми — что надъ тобою рокъ.

Кто зналъ тебя возвесть, лишь тотъ низверг-
путь могъ, —
Великое-жъ ничто не измѣнитъ.

КЪ ГЛУПОЙ КРАСАВИЦѢ

(Меня спрашивали, зачѣмъ я не говорю съ одной дѣвушкой, а только смотрю...)

Тобой плѣняться издали
Мое все зрѣніе готово,
Но слышать — Боже сохрани
Мнѣ отъ тебя одно хоть слово!
Иль смѣхъ, иль страхъ въ душѣ моей
Замѣнитъ сладкое мечтанье,
И глупый смыслъ твоихъ рѣчей
Оледенитъ очарованье...

Такъ смерть красна издалека;
Пускай она летитъ стрѣлою,
За ней я слѣдую пока, —
Лишь только-бъ не она за мною..
За ней я всюду полечу,
И наслажуся въ созерцаньѣ,
Но самъ привлечь ея вниманье —
Ни за полміра не хочу.

ОЧИ N. N.

Нѣтъ смерти здѣсь! — и сердце вторитъ:
нѣтъ!
Для смерти слишкомъ веселъ этотъ свѣтъ.
И не твоимъ глазамъ Творецъ судилъ
Горѣть, играть для тлѣнья и могилъ!..
Хоть все возьметъ могильная доска,
Ихъ пожалѣетъ смерти злой рука,
Ихъ лучъ — съ небесъ; и, какъ въ родныхъ
краяхъ,
Они блеснутъ звѣздами въ небесахъ!

КАВКАЗУ

Кавказъ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Подъ дикой пеленою мглы
Услышатъ также крикъ страстей,
Звонъ славы, злата и цѣпей?..
Нѣтъ! прошлыхъ лѣтъ не ожидай
Черкесъ, въ отечество свое:
Свободѣ прежде милый край
Примѣтно гибнетъ для нее.

УТРО НА КАВКАЗѢ

Свѣтаетъ. Вьется дикой пеленой
Вокругъ лѣсистыхъ горъ туманъ ночной,
Еще у ногъ Кавказа тишина;
Молчитъ табунъ, рѣка журчитъ одна.
Вотъ на скалѣ новорожденный лучъ
Зардѣлся вдругъ, прорѣзавшись межъ тучъ.
И розовый по рѣчкѣ и шатрамъ
Разлился блескъ, и свѣтитъ тамъ и тамъ.
Такъ дѣвушки, купаяся въ тѣни,
Когда увидятъ юношу они,
Краснѣютъ всѣ, къ землѣ склоняютъ взоръ;
Но какъ бѣжать, коль близокъ милый воръ!.

Въ тѣснинѣ Кавказа я знаю скалу,
Туда долетѣть лишь степному орлу;
По крестъ деревянный чернѣетъ надъ ней,
Гніетъ онъ и гнется отъ бурь и дождей.

И много ужь лѣтъ протекло безъ слѣдовъ,
Съ тѣхъ поръ какъ онъ виденъ съ далекихъ
холмовъ;
И каждая кверху подъята рука,
Какъ будто онъ хочетъ схватить облака.

О, если-бъ взойти удалось мнѣ туда,
Какъ я бы молился и плакалъ тогда...
И послѣ я сбросилъ бы цѣпь бытія,
И съ бурею братомъ назвался бы я.

СТАНСЫ

Я не крушуся о былом, —
Оно меня не усладило;
Мнѣ нечего запомнить въ немъ,
Чего-бъ тоской не отравило!

Какъ настоящее, оно
Страстями чудными облито
И вьюгой зла занесено,
Какъ снѣгомъ крестъ въ степи забытой!

Отвѣта на любовь мою
Напрасно жаждалъ я душою,
И если о любви пою, —
Она была моей мечтою.

Я къ одиночеству привыкъ,
Я-бъ не умѣлъ ужиться съ другомъ,

Я-бъ съ нимъ препровожденный мигъ
Почелъ потерянымъ досугомъ.

Мнѣ скучно въ день, мнѣ скучно въ ночь;
Надежды нѣту въ утѣшенье;
Она на вѣкъ умчалась прочь,
Какъ жизни каждое мгновенье.

На свѣтлый западъ удалюсь,—
Видъ моря грусть мою разсѣетъ;
Ни съ кѣмъ въ отчизнѣ не прощусь,
Никто о мнѣ не пожалѣетъ!..

Быть-можетъ, будетъ мнѣ о ком
Тогда вздохнуть,—и Провидѣнье
Заплатитъ мнѣ спокойнымъ днемъ
За долгое мое мученье.

—

Прости, мой другъ!.. Какъ призракъ, я лечу
Въ далекій край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не предъ тобой.
Ты можешь жить, не слыша голосъ мой;
Изъ всѣхъ блаженствъ, отнятыхъ у меня,
Осталось мнѣ одно: видать тебя,
Тотъ взоръ, что небо жалостью зажгло.
Все кончено!—Ни блѣдное чело,
Ни пасмурный и недовольный взглядъ
Ничѣмъ, ничѣмъ его не омрачатъ!..
Меня забыть прекрасной нѣтъ труда,
И я тебя забуду навсегда.
Я мучусь, если мысль ко мнѣ придетъ,
Что и тебя несчастіе убьетъ,
Что нѣкогда съ лица и съ устъ мечта
Какъ дымъ слетитъ, завянетъ красота,
Забьется сердце медленнѣй—свинецъ
Тоски на немъ,—и что всему конецъ!..
Однакожъ я желалъ бы увидать
Твой хладный трупъ, чтобы себѣ сказать:
«Чего еще! Желанья отняты,—
Бѣднякъ, теперь совсѣмъ, совсѣмъ оставленъ ты!»

ЧЕЛНОКЪ

Воетъ вѣтръ и свиститъ предъ недальней грозой.
По морю на темный востокъ,
Озаряемый молніей, кидаемъ волной,
Несется невѣрный челнокъ.
Два гребца въ немъ сидятъ съ безпокойнымъ челомъ,
И что-то у ногъ ихъ подъ бѣлымъ холстомъ.

И вихорь сильнѣй по волнамъ пробѣжалъ,
И сорванъ летучій покровъ;
Подъ нимъ человѣкъ неподвижно лежалъ,—
И блѣдный, какъ жертва гробовъ,
Взоръ мраченъ и дикъ, какъ сраженія дымъ,
Какъ туча на небѣ, иль волны подъ нимъ.

Въ чалмѣ онъ богатой, съ обритой главой,
И цѣпь на рукахъ и ногахъ,
И рана близъ сердца, и токъ кровяной
Не держитъ опасности страхъ;
Онъ смерть равнодушнѣе спутниковъ ждетъ,
Хотя его прежде она уведетъ.

Такъ съ смертію вѣчно: чѣмъ ближе она,
Тѣмъ менѣе жалко намъ свѣтъ;
Двѣ могилы не такъ намъ страшны, какъ одна,
Потому что надежды здѣсь нѣтъ.
И еслибъ не ждалъ я счастливаго дня,
Давно не дышала бы грудь у меня!..

(ОТРЫВОКЪ)

На жизнь надѣяться устарѣлъ,
Живу, какъ камень межъ камней.
Излить страданія скупясь:
Пускай сгніютъ въ груди моей.
Разсказъ моихъ сердечныхъ мукъ
Не возмутитъ ушей людскихъ:
Ужель при сшибкѣ камней звукъ
Проникнетъ въ середину ихъ?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мнѣ;
Но велѣно ему судьбой,
Какъ жилъ, погибнуть въ тишинѣ.
Я твердо ждалъ его плодовъ
Съ собой бесѣдовать любя;
Утихнетъ звукъ сердечныхъ словъ,—
Одинъ, одинъ останусь я.

Для тайныхъ думъ я пренебрегъ
И путь любви, и славы путь,
Все, чѣмъ хоть мало въ свѣтѣ могъ
Иль отличиться, иль блеснуть.
Бѣднѣйшій средь существъ земныхъ
Останусь я въ кругу людей,
Навѣкъ лишась достоинствъ ихъ
И добродѣтели своей!

Двѣ жизни въ насъ до гроба есть;
Есть грозный духъ: онъ чуждъ уму,
Любовь, надежда, скорбь и месть
Все, все подвержено ему.
Онъ основалъ жилище тамъ,
Гдѣ можемъ память сохранять,
И предвѣщаетъ гибель намъ
Когда ужь поздно избѣгать.

Терзать и мучить любитъ онъ;
Въ его рѣчахъ нерѣдко ложь...
Онъ точитъ жизнь, какъ скорпіонъ.
Ему повѣрилъ я,—и чтожъ!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь въ очи, въ блѣдный цвѣтъ:
Лицо мое вамъ не могло
Сказать, что мнѣ пятнадцать лѣтъ

И скоро старость приведетъ
Меня къ могилѣ. Я взгляну
На жизнь,—на весь ничтожный плодъ,
И о прошедшемъ вспомяну.
Придетъ сей вѣрный другъ могилъ
Съ своей холодной красотой;
Объ чемъ страдалъ, что я любилъ,
Тогда лишь будетъ мнѣ мечтой.

Ужель единый гробъ для всѣхъ
Уничтоженіемъ грозитъ?
Какъ знать: когда, быть-можетъ, смѣхъ
Полмертваго воспламенитъ!
Придетъ веселость—звукъ чужой
Понынѣ въ словарѣ моемъ;
И я объ юности златой
Не погорюю предъ концомъ.

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ;
Мы сгибнемъ, нашъ сотрется слѣдъ,—
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!..

Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за пѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной.

1830 ГОДА МАЯ 16 ДНЯ *)

Боюсь не смерти я, о нѣтъ!
Боюсь исчезнуть совершенно,—
Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный
Когда-нибудь увидѣлъ свѣтъ.
Хочу,—и снова затрудненье!
Зачѣмъ? что пользы будетъ мнѣ?
Мое свершится разрушенье
Въ чужой, невѣдомой странѣ.
Я не хочу бродить межъ вами
По разрушеніи! Творецъ,
На то-ли я звучалъ струнами,
На то-ли созданъ былъ пѣвецъ?
На то-ли вдохновенье, страсти,
Меня къ могилѣ привели!..
И нѣтъ въ душѣ довольно власти,—
Люблю мученія земли.
И этотъ образъ, онъ за мною,
Въ могилу сплится бѣжать.
Туда, гдѣ обѣщалъ мнѣ дать
Ты мѣсто къ вѣчному покою.
Но чувствую: покоя нѣтъ
И тамъ, и тамъ его не будетъ;
Тѣхъ длинныхъ, тѣхъ жестокихъ лѣтъ
Страдалецъ вѣчно не забудетъ!..

*) *Въ прежнихъ изданіяхъ:* «Предчувствіе».

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКѢ

II

Предъ мной готическое зданье
Стоитъ, какъ тѣнь былыхъ годовъ;
При немъ тѣснится чувствованье
Къ намъ въ грудь того, чему нѣтъ словъ,
Что выше теплаго участья,
Святѣй любви, спокойнѣй счастья.

Быть-можетъ, черезъ много лѣтъ
Сія священная обитель
Оставитъ только мрачный слѣдъ;
И любопытный посѣтитель
Въ развалинахъ людей искать
Напрасно станетъ, чтобъ узнать,

Гдѣ образъ божеской могилы
Между златыхъ колоннъ стоялъ,
Гдѣ теплились наникадилы,
Гдѣ ликъ отшельниковъ звучалъ,
И гдѣ предъ Богомъ изливали
Свои грѣхи, свои печали..

И тамъ—какъ знать?—найдетъ пришлецъ
Пергаментъ пыльный. Онъ увидитъ,
Какъ сердце любитъ наконецъ
И безконечно ненавидитъ,
Какъ ни вериги, ни клобукъ
Не облегчаютъ нашихъ мукъ.

Онъ тѣхъ людей узритъ гробницы,
Ихъ эпитафіи пройдетъ,

Временъ тогдашнихъ небылицы
За рѣчи истины почтетъ,
Не мысля, что въ семъ мѣстѣ спятъ
Сердца, которыя любили!..

— —

ПАРИЖЪ 30 ІЮЛЯ 1830 Г.

Ты могъ быть лучшимъ королемъ:
Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ
Народъ унизить подъ ярмомъ,
Но ты французовъ не узналъ!
Есть судъ земной и для царей,—
Провозгласилъ онъ твой конецъ;
Съ дрожащей головы твоей
Ты въ бѣгствѣ уронилъ вѣнецъ

И загорѣлся страшный бой...
И знамя вольности, какъ духъ,
Идетъ предъ гордою толпой,—
И звукъ одинъ наполнилъ слухъ,
И брызнула въ Парижѣ кровь.
О, чѣмъ заплатишь ты, тиранъ,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь гражданъ?

Когда послѣдняя труба
Разрѣжетъ звукомъ синій сводъ,
Когда откроются гроба,
И прахъ твой прежній видъ возьметъ:
Когда появятся вѣсы,
И ихъ подыметъ Судія,—
Не встанутъ у тебя власы?
Не задрожитъ рука твоя?

Глупецъ, что будешь ты въ тотъ день,
Коль нынѣ стыдъ ужь надъ тобой?—
Предметъ насмѣшекъ ада, тѣнь,
Призракъ, обманутый судьбой!..
Безсмертной раною убитъ,
Ты обернешь молящій взглядъ
И строй кровавый закричитъ:
«Онъ виноватъ! Онъ виноватъ!»

———

ЧУМА ВЪ САРАТОВѢ

(Cholera-morbus. 1830 г., августа 15 дня).

Чума явилась въ нашъ предѣлъ,
Хоть страхомъ сердце стѣснено,
Изъ милліона мертвыхъ тѣлъ
Мнѣ будетъ дорого одно.
Его землѣ не отдадутъ,
И крестъ его не осѣнитъ,
И пламень, гдѣ его сожгутъ,
Навѣкъ мнѣ сердце охладитъ.

Никто не прикоснется къ ней,
Чтобъ облегчить послѣдній мигъ.
Уста волшебницы—очей
Не приманятъ къ себѣ другихъ,
Любзая ихъ, я-бъ былъ счастливъ,
Когда-бъ въ себя ядъ смерти вилъ,
Затѣмъ что, сладость ихъ испивъ,
Я дѣву нѣкогда забылъ.

—

У М А

(отрывки)

79.

Два человѣка въ этотъ страшный годъ,
Когда всѣхъ занимала смерть одна,
Хранили чувства дружбы. Жизнь ихъ, родъ —
Незнанія хранила тишина.
Толпами гибъ отчаянный народъ,
Вкругъ нихъ валялись трупы,—и страна
Веселья стала гробъ; и въ эти дни
Безъ страха обнимался они!..

80.

Одинъ былъ юнъ годами и душой,
Имѣлъ блистающій и быстрый взоръ,
Играла кровь въ щекахъ его порой,
Въ движеніяхъ и въ мысляхъ онъ былъ скоръ
И мужественъ съ лица. Но онъ съ тоской
И ужасомъ глядѣлъ на гладный моръ;
Молился, плакалъ онъ и день, и ночь,
Отталкивалъ и сонъ, и пищу прочь!

81.

Другой узналъ, казалось, жизни зло,
И разорвалъ свои надежды самъ:
Высокое и блѣдное чело
Являло наблюдательнымъ очамъ,
Что сердце много мукъ перенесло
И было прежде отдано страстямъ.
Но, несмотря на мрачный сей удѣлъ,
И онъ какъ-бы невольно жить хотѣлъ.

82

Безмолвствуя, на друга онъ взиралъ,
И въ жилахъ останавливалась кровь;
Онъ вздрагивалъ, садился, онъ вставалъ,
Ходилъ, блѣднѣлъ, и вдругъ садился вновь,
Ломалъ въ безумьи руки,—но молчалъ...
Онъ подавлялъ въ груди своей любовь
И сердца безпокойный, вѣчій гласъ,
Что скоро бьетъ неизбѣжимый часъ.

83.

И часъ пробилъ! Его нѣжнѣйшій другъ
Сталъ медленно слабѣть. Хоть говорить
Не могъ ужь юноша, его недугъ
Не отнималъ еще надежду жить;
Казалось, судорожнымъ движеньемъ рукъ
Старался онъ кончину удалить.
Но вотъ утихъ... взоръ ясный поднялъ онъ,
Закрылъ... Хотя-бъ одинъ послѣдній стонъ!

84.

Какъ сумасшедшій, руки сжавъ крестомъ
Стоялъ его товарищъ. Онъ хотѣлъ
Смѣяться, но съ открытымъ ртомъ
Остался... Взглядъ его оцѣпенѣлъ...
Пришли къ нимъ люди. Зацѣпивъ крючкомъ
Холодный трупъ, къ высокой груди тѣлъ
Они безъ сожалѣнья повлекли,
И подложили бревенъ и зажгли.

85.

Когда-жъ потомъ въ себя пришелъ живой,
И увидалъ, что унесенъ мертвецъ,—
Онъ завернулся въ плащъ широкій свой,
Чтобъ ожидать безтрепетно конецъ.
И сталъ въ глазахъ двоиться лучъ дневной,
Глава отяготѣла, какъ свинецъ,
И душу рокъ отъ тѣла оторвалъ,—
И будто спонъ на землю онъ упалъ.

*

Плачь, плачь, Израиля народъ!
Ты потерялъ звѣзду свою:
Она вторично не взойдетъ,—
И будетъ мракъ въ земномъ краю.
Но крайней мѣрѣ есть одинъ,
Который все съ ней потерялъ;
Безъ думъ, безъ чувствъ, среди долинъ
Онъ тѣнь слѣдовъ ея искалъ!..

КЪ . . .

Не говори,—я трусъ, глупецъ!..
О, если такъ меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же долженъ быть конецъ?..

НОЧЬ III

Сидя въ Средниковѣ у окна.

Темно. Все спитъ. Лишь только жукъ ночной,
Жужжа, въ долинѣ пролетитъ порой;
Изъ-подъ травы блистаетъ червячекъ,
Отъ нашихъ думъ, отъ нашихъ бурь далекъ.
Высокихъ липъ сталъ пасмурнѣй навѣсъ,
Когда луна взошла среди небесъ...
Нѣтъ, въ первый разъ примѣтна такъ она!—
Онъ здѣсь; стоитъ, какъ мраморъ, у окна,
Тѣнь отъ него чернѣетъ по стѣнѣ,
Недвижный взоръ поднятъ, но не къ лунѣ,—
Онъ полонъ всѣмъ, чѣмъ только ядъ страстей
Ужасенъ былъ и милъ сердцамъ людей.
Свѣча горитъ, забыта на столѣ,
И блескъ ея съ лучемъ луны въ стеклѣ
Мѣшается, играетъ какъ любви
Огонь живой съ презрѣньемъ въ крови
Кто-жъ онъ? кто-жъ онъ, сей нарушитель сна?
Чѣмъ эта грудь мятежная полна?
О, если-бъ вы умѣли угадать
Въ его очахъ, что хочетъ онъ скрывать!
О, если-бъ могъ единый бѣдный другъ
Хотя смягчить души его недугъ!

К[Ъ] . . .

Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ
Писать. Перо въ рукѣ,—могила
Передо мной. Но чтожъ? все пусто тамъ;
Все прахъ, что нѣкогда она манила
Къ себѣ. Вокругъ меня толпа родныхъ,
Слезами жалости покрыты лица;
И я пишу, пишу,—но не для нихъ;
Любви моей не холодитъ гробница.
Любви... Но вы не знали мукъ моихъ!
Я чувствую, что это трудъ ничтожный,—
Не усладитъ послѣднихъ онъ минутъ.
Но такъ и быть,—пишу, пока возможно;
Сей трудъ—души моей любимый трудъ!
Прими письмо мое. Твой взоръ увидитъ,
Что я не могъ стѣснить души своей
Къ молчанью; такъ ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидитъ...
Я въ жизни много, много испыталъ!
Ошибся въ дружбѣ. О! храни моихъ мученій
Слова... Прости. И больше нѣтъ волненій...
Прости, мой другъ... И подписалъ:
«Евгеній».

ПРОСТИ *)

(изъ Байрона)

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы о другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ

*) *Въ рукописи:* „Farewell".

И даже улетитъ за нихъ
Напрасно плакать и вздыхать:
Слеза кровавая порой *)
Не можетъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!..
Нѣтъ слезъ въ очахъ, уста молчатъ,
Отъ тайныхъ думъ томится грудь,
И эти думы—вѣчный ядъ,
Имъ не пройти, имъ не уснуть.
Не мнѣ о счастьи бредить вновь, **)
Лишь знаю я—и могъ снести,
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую. Прости! прости!..

КЛАДБИЩЕ

(На кладбище написано. 1830 г.)

Вчера до самой ночи просидѣлъ
Я на кладбищѣ; все смотрѣлъ, смотрѣлъ
Вокругъ себя, полстертыя слова
Я разбиралъ. Невольно голова
Наполнилась мечтами вновь; очей
Я не былъ въ силахъ оторвать съ камней!
Одинъ ушелъ ужь въ землю, и на немъ
Все стерлося; тамъ крестъ къ кресту челомъ
Нагнулся, будто любитъ, будто сонъ
Земныхъ страстей узналъ въ семъ мѣстѣ онъ...
Вдругъ тихо, сладко все, какъ мысль о ней!
Краснѣючи, волнуется пырей
На солнцѣ вечера. Надъ головой
Жужжа, со днемъ прощаются игрой
Толпящіяся мошки,—какъ народъ
Существъ съ душой, уставшихъ отъ работъ!..
Стократъ великъ, Кто создалъ міръ! великъ!..
Спхъ мелкихъ тварей надмогильный крикъ
Творца не больше-ль славитъ иногда,
Чѣмъ въ пепелъ обращенныя стада,
Чѣмъ человѣкъ, сей царь надъ общимъ зломъ,
Съ коварнымъ сердцемъ, съ ложнымъ языкомъ?..

ГОСТЬ

Какъ пришлецъ иноплеменный,
Въ облакахъ луна скользитъ.
Колокольчикъ отдаленный
То замолкнетъ, то звенитъ.
«Что за гость въ ночи морозной?»
Мужу говоритъ жена,
Сидя рядомъ, въ вечеръ поздній,
Возлѣ тусклаго окна...

Вотъ кибитка подъѣзжаетъ
На высокое крыльцо
Изъ кибитки выѣзжаетъ
Незнакомое лицо.
И слуга вошелъ съ свѣчею,
Бѣдный вслѣдъ за нимъ монахъ:
Нынѣ позднею порою
Заплутался онъ въ лѣсахъ.

И ему ночлегъ дается.
Чтожъ стоишь, отшельникъ, ты?
Свѣчки лучъ печально льется
На печальныя черты.
Чуднымъ взоръ огнемъ свѣтился,
Онъ хозяйку вдругъ узналъ,
Онъ дрожитъ, и вотъ забылся
И къ ногамъ ея упалъ.

Мужъ ушелъ тогда.—О! прежде
Жилъ чернецъ лишь для нее,
Обманулся онъ въ надеждѣ,
Погубилъ онъ съ нею все.
Но промчалось изступленье,
Путникъ въ комнатѣ своей,
Чтобъ рыданья и мученье
Схоронить отъ глазъ людей

Но рыданія звучали
Вплоть до бѣлыя зари,
Наконецъ и замолчали...
По утру къ нему вошли:
На полу онъ, посинѣлый,
Какъ замученный лежалъ,
И безчувственное тѣло
Плащъ печальный покрывалъ!.

ЭПИТАФІЯ

(Утопившему игроку).

Кто яму для другихъ копать трудился,
Тотъ самъ въ нее упалъ, — гласитъ писанье такъ;
Ты это оправдалъ, бостонный мой чудакъ:
Топилъ людей,—и утопился...

ЕРЕВУ

(1830 г.)

Давно-ли съ зеленью радушной
Передо мной стояло ты
И я корѣ твоей послушной
Ввѣрялъ любимыя мечты.

*) Кровавыхъ капля слезъ порой

**) *Первоначально вмѣсто пяти предыдущихъ стиховъ было:*

Уста молчатъ, засохъ мой взоръ,
Но подарили грудь и умъ
Непроходимыхъ мукъ соборъ
Съ толпой неуемимыхъ думъ.
О страсти не жалѣю вновь..

Лишь годъ назадъ, два талисмана
Свѣтилися въ тѣни твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося въ душѣ дѣтей!..

Дѣтей!.. О! да; я былъ ребенокъ!—
Промчался легкій страсти сонъ;
Дремоты флеръ былъ слишкомъ тонокъ,
Въ единый мигъ прорвался онъ
И деревцо съ моей любовью,
Погибло, чтобы вновь не цвѣсть;
Я жизнь его купилъ бы кровью,
Но какъ перемѣнить, что есть?

Ужели также вдохновенье
Умретъ невозвратимо съ нимъ?
Иль шуму свѣтскаго волненья
Бороться съ сердцемъ молодымъ?
Нѣтъ, нѣтъ!—Мой духъ безсмертенъ силой,
Мой геній вѣки пролетитъ,
И эти вѣтви, надъ могилой
Невца-страдальца, освятитъ!..

ПРЕДСКАЗАНІЕ

Это мечта).

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ,
Когда . . . . . упадетъ,
Забудетъ чернь къ нимъ прежнюю любовь,
И пища многихъ будетъ смерть и кровь;
Когда дѣтей, когда невинныхъ женъ
Низвергнутый не защититъ законъ;
Когда чума отъ смрадныхъ мертвыхъ тѣлъ
Начнетъ бродить среди печальныхъ селъ,
Чтобы платкомъ изъ хижинъ вызывать;
И станетъ гладъ сей бѣдный край терзать,
И зарево окраситъ волны рѣкъ.
Въ тотъ день явится мощный человѣкъ,
И ты его узнаешь,—и поймешь,
Зачѣмъ въ рукѣ его булатный ножъ.
И горе для тебя! Твой плачъ, твой стонъ
Ему тогда покажется смѣшонъ;
И будетъ все ужасно, мрачно въ немъ,
Какъ плащъ его съ возвышеннымъ челомъ

Все тихо. Полная луна
Блеститъ межъ вѣтелъ надъ прудомъ,
И возлѣ берега волна
Съ холоднымъ рѣзвится лучомъ.
Никто, никто не услышитъ
Въ изгнаньи семъ тоски мятежной!
Любить?—три раза я любилъ,
Любилъ три раза безнадежно.

БУЛЕВАРЪ

Съ минуту лишь съ бульвара прибѣжавъ,
Я взялъ перо. И право очень радъ,
Что плодъ надъ нимъ моихъ привычныхъ правъ
Узнаетъ вновь бульварный маскарадъ
Сатировъ я, для помощи призвавъ,
Подговорю,—и все пойдетъ на ладъ:
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то... ко всѣмъ чертямъ твое перо!..

Приди же изъ подземнаго огня,
Чертенокъ мой, взъерошенный острякъ,
И попугаемъ сядь вблизи меня.
«Дуракъ!» скажу,—и ты кричи: «дуракъ»
Не устоитъ бульварная семья.
Хоть морщи лобъ, хотя сожми кулакъ,
Невинная красотка въ сорокъ лѣтъ,—
Пятнадцати тебѣ всѣ нѣтъ какъ нѣтъ!

И ты, мой старецъ съ рыжимъ парикомъ
Ты, депутатъ столѣтій и могилъ,
Дрожащій весь и схожій съ жеребцомъ,
Какъ кровь ему изъ всѣхъ пускаютъ жилъ,—
Ты здѣсь бредешь и смотришь сентябремъ,
Хоть тамъ княжна лепечетъ! «какъ онъ милъ»!
А для того и силится хвалить,
Чтобъ свой порокъ въ Ч..... извинить!..

Подалѣе на креслахъ тамъ другой
Едва сидитъ согбенный сынъ земли.
Онъ какъ знатокъ глядитъ въ лорнетъ двойной,
Власы его въ серебряной пыли.
Онъ одаренъ восточною душой,
Коль душу въ немъ въ сто лѣтъ найти могли,—
Но я клянусь (пусть, кончивъ,—буду прахъ),
Она тонка, когда въ его ногахъ.

И чтожъ? Онъ правъ, онъ правъ, друзья мои.
Глупецъ, кто жилъ, чтобъ на діэтѣ быть;
Уменъ, кто отдалъ дни свои любви.
И этотъ мужъ копилъ, чтобы любить,—
Замѣнъ души онъ находилъ въ крови.
Но тотъ блаженъ, кто можетъ говорить,
Что онъ вкушалъ до капли медъ земной,
Что онъ любилъ и тѣломъ, и душой!..

И я любилъ!.. Опять къ своимъ страстямъ!
Брось, брось свои безумныя мечты!
Пора склонить вниманіе на дамъ?
На этихъ кандидатокъ красоты,
На ихъ нарядъ... Какъ описать все вамъ?
Въ нарядѣ ихъ нѣтъ милой простоты:
Все такъ высоко, такъ взгромождено,
Какъ бурею на нихъ нанесено.

Примѣтна спѣсь въ ихъ пошлой болтовнѣ,
Уста всегда сказать готовы: нѣт
И холодны онѣ, какъ при лунѣ
Намъ кажется прабабушки портретъ.
Когда гляжу, то право жалко мнѣ,
Что вкусъ такой имѣетъ модный свѣтъ;
Вѣдь думаютъ тенётомъ ленъ, кисей,
Какъ зайчиковъ, поймать моихъ друзей.

Сидѣлъ я разъ случайно подъ окномъ,
И вдругъ головка вышла изъ окна,
Незавита и въ чепчикѣ простомъ.
Но какъ божественна была она!
Уста и взоръ! Стыжусь! — въ умѣ моемъ
Головка та ничѣмъ не изгнана.
Какъ нѣжій сонъ младенческихъ ночей
Или какъ пѣсня матери моей.

И сколько лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ!..
О, вѣрьте мнѣ, красавицы Москвы:
Блистательный вашъ головной уборъ
Вскружить не въ силахъ нашей головы.
Всѣ платья, шляпы, букли ваши — вздоръ.
Такой же вздоръ, какой твердите вы,
Когда идете здѣсь толпой кометъ,
А маменьки бѣгутъ за вами вслѣдъ.

Но для чего кометами я васъ
Назвалъ, — глупецъ тупѣйшій то поймет,
И самъ Башуцкій объяснитъ тотчасъ:
Комета за собою хвостъ влечетъ,
И это всѣми признано у насъ,
Хотя — что въ немъ, никто не разберетъ;
За вами-жъ хвостъ оставленныхъ мужьевъ,
Вздыхателей и бѣдныхъ женихов!

О, женихи! о, бѣдный Масаловъ!
Какъ не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, изъ рода пѣтушковъ,
Средь юныхъ дѣвъ, какъ будто бы въ саду; —
Хотя и держишься размѣру словъ,
Но ты согласенъ на свою бѣду,
Что лучше все не думавъ говорить,
Чѣмъ глупо думать и глупѣй судить.

Онъ чванится, что точно русскій онъ!
Но если бы таковъ былъ весь народъ,
То я бы изъ Руси пустился вонъ...
И то сказать, чудесный патріотъ
Лишь своему языку обученъ, —
Онъ этимъ край родной не выдастъ;
А то-бъ узнали всей земли концы,
Что есть у насъ подобные глупцы

(Продолженіе впредь).

ГЛУПОЙ КРАСАВИЦѢ

Амуръ спросилъ меня однажды,
Хочу-ль испить его вина;
Я не имѣлъ въ то время жажды,
Но выпилъ кубокъ весь до дна.

Теперь желалъ бы я напрасно
Смочить горящія уста,
Затѣмъ что чаша влаги страстной,
Какъ голова твоя, пуста.

1830 г., 4 октября.

* * *

(Новгородъ, 13 октября 1830 года).

Сыны снѣговъ, сыны славянъ,
Зачѣмъ вы мужествомъ упали?
Зачѣмъ?.. Погибнетъ вашъ тиранъ,
Какъ всѣ тираны погибали!..
До нашихъ дней при имени свободы
Трепещетъ ваше сердце и кипитъ!..
Есть бѣдный градъ, тамъ видѣли народы
Все то, къ чему теперь вашъ духъ летитъ...

ВАЛЛАДА

Въ избушкѣ позднею порою
Славянка юная сидитъ.
Вдали багровой полосою
На небѣ зарево горитъ...
И люльку дѣтскую качая,
Поетъ славянка молодая...
«Не плачь, не плачь! Иль сердцемъ чуешь,
Дитя, ты близкую бѣду?..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я отъ тебя не отойду,
Скорѣе мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!
«Отецъ Твой сталъ за честь и Бога
Въ ряду бойцовъ противъ татаръ,
Кровавый слѣдъ — ему дорога,
Его булатъ блеститъ какъ жаръ.
Взгляни, тамъ зарево краснѣетъ:
То битва сѣмя смерти сѣетъ.
«Какъ рада я, что ты не въ силахъ
Понять опасности своей,
Не плачутъ дѣти на могилахъ,
Имъ чуждъ и стыдъ, и страхъ цѣпей;
Ихъ жребій зависти достоинъ...»

---

*) *Здѣсь Лермонтовъ говоритъ объ Аракчеевѣ, устроителѣ „военныхъ поселеній“ въ Новгородской губерніи.*

Вдругъ шумъ,—и въ двери входитъ воинъ,
Брада въ крови, избиты латы.
«Свершилось!» восклицаетъ онъ:—
«Свершилось!.. Торжествуй, проклятый!
Нашъ милый край порабощенъ.
Татаръ мечи не удержали,—
Орда взяла, и наши пали».
И онъ упалъ—и умираетъ
Кровавой смертію бойца.
Жена ребенка поднимаетъ
Надъ блѣдной головой отца:
«Смотри, какъ умираютъ люди,
И мстить учись у женской груди!»

* * *

Нерѣдко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто имъ прощалъ я то,
Чего-бъ они мнѣ не простили.
И началъ рокъ меня томить,
Каралъ безвинно и за дѣло;
Отъ сердца чувство отлетѣло,
И я не могъ ему простить.
Я снова межъ людей явился
Съ холоднымъ, сумрачнымъ челомъ;
Но взглядъ, куда-бъ ни обратился,
Встрѣчался съ радостнымъ лицомъ!

РОМАНСЪ

Въ тѣ дни, когда ужь нѣтъ надеждъ,
И есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо нашихъ вѣждъ,
И легче на груди страданье.

ОТРЫВОКЪ

Примѣтивъ юной дѣвы грудь
Судьбой случайной какъ-нибудь,
Иль взоръ исполненный огнемъ,
Недвижно сердце было въ немъ,
Какъ соколъ, на скалѣ морской
Сидящій позднею порой.
Хоть недалеко и блестятъ
(Сѣдой пустыни водъ наградъ),
Вѣтрила бѣдныхъ челноковъ,—
Движенье дальнихъ облаковъ
Слѣдитъ его прилежный глазъ;
И такъ проходитъ скучный часъ.
Онъ знаетъ: эти челноки,
Что гонятъ мимо вѣтерки,
Не для него сюда плывутъ;
Они блеснутъ, они пройдутъ!..

БАЛЛАДА

(Изъ Байрона).

Берегись! берегись! надъ бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ;
Онъ бормочетъ молитву во мракѣ ночномъ,
Панихиду о прошлыхъ годахъ.
Когда Маиръ пришелъ въ нашъ родимой домъ,
Оскверняючи церкви порогъ,
Онъ безъ дальнихъ словъ выгналъ всѣхъ черницовъ;
Одного только выгнать не могъ.—
Для добра или зла (я слыхалъ не одинъ,
И не мнѣ бы о томъ говорить),
Когда возвратился тѣхъ мѣстъ господинъ,—
Онъ никакъ не хотѣлъ уходить.
Хоть никто не видалъ, какъ по замку блуждалъ
Монахъ,—но зачѣмъ возражать?
Ибо слышалъ не разъ я старинный разсказъ,
Который страшусь повторять,
Рождался-ли сынъ, онъ рыдалъ въ тишинѣ·
Когда-жъ прекратился сей родъ,
Онъ по звучнымъ поламъ при блѣдной лунѣ
Бродилъ взадъ и впередъ.

(Продолженіе впредь)

* * *

Случалось, съ вихремъ и грозой
Носились тучи надо мной.
Хоть и одинъ въ челнѣ моемъ,
Васъ не боюсь я, дождь и громъ.

Не такъ съ душою! — Если въ ней
Кипитъ опасный бой страстей,
Ты не мечтай, чтобъ онъ затихъ,—
И жалости не жди отъ нихъ.

ПИРЪ АСМОДЕЯ

(САТИРА)

Убѣса праздникъ. Скачетъ представляться
Чертей и душъ усопшихъ мелкій сбродъ,
Кухмейстеры за кушаньемъ трудятся,
Прозябнувши, придворный въ залѣ ждетъ.
И вотъ за столъ всѣ по чинамъ садятся,
И вотъ лакей картофель подаетъ,
Затѣмъ, что самодержецъ Мефистофель
Былъ родомъ нѣмецъ и любилъ картофель.

По правую сидѣлъ пріѣзжій ***),
По лѣвую — начальникъ докторовъ,
Великой Фаустъ, мужъ отличныхъ правилъ,

(Распространять сужденья дураковъ
Онъ средство намъ превѣчное доставилъ).
Сидятъ. Вдругъ настежь дверь, и звукъ шаговъ:
Три демона, войдя съ большимъ поклономъ,
Кладутъ свои подарки передъ тропомъ.

1-й демонъ (говоритъ).

«Вотъ сердце женщины; она искала
Отъ неба даже скрыть свои дѣла,
И многимъ это сердце обѣщала,
И никому его не отдала.
Она себѣ бѣды лишь не желала,
Лишь злобѣ до конца вѣрна была.
Не откажись отъ скромнаго даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья».
— C'est très commun! — воскликнулъ бѣсъ державный,
Съ презрительной улыбкою своей: —
Подарокъ твой подарокъ былъ бы славный,
Но новизна — царица нашихъ дней.
И мало-ли случалося недавно,
И какъ не быть пріятныхъ мнѣ вѣстей?
Я думаю, слыхали даже стѣны
Про эти безконечныя измѣны.

2-й демонъ.

«На столъ твой я принесъ вино свободы:
Никто не могъ имъ жажды утолить,
Его земные опились народы,
И начали въ куски короны бить;
Но какъ помочь? кто противъ общей моды?
И намъ-ли разрушенье усынить?
Прими-жъ напитокъ сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель».
Тутъ всѣ цари невольно взбѣленились:
Съ тарелками вскочили съ мѣстъ своихъ,
Боясь, чтобъ черти не напились,
Чтобъ и отсюда не прогнали ихъ.
Придворные въ молчаніи косились,
Смекнувъ, что лучше прочь въ подобный мигъ.
Но главный бѣсъ съ геройскою ухваткой
На землю выплеснулъ напитокъ сладкой.

3-й демонъ.

«Въ Москву болѣзнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчасъ;
Они морили, и они лѣчили,
И больше уморили во сто разъ.
Одинъ изъ нихъ, которому служили
Мы нѣкогда, во время вспомнилъ насъ,
И онъ кого-то хлору пить заставилъ —
И къ прадѣдамъ здороваго отправилъ».
Сказалъ, и подаетъ стаканъ фатальный
Властителю поспѣшною рукой.
— Такъ вотъ сосудъ любезный и печальный,
Драгой залогъ науки докторской!
Благодарю. Хотя съ полночи дальной,
Но мнѣ милѣе всѣхъ подарокъ твой, —
Такъ молвилъ Асмодей, и все смѣялся,
Покуда пиръ вечерній продолжался...

ПОЛЕ БОРОДИНА

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитвы родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
«Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!»
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
«Ребята, не Москва-ль за нами!
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ, и болѣ
Ужь я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него
Посѣянь знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ;

На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись.
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали —
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: «Помилуй Боже!»
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этимъ не могли помочь.
Однакоже въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ потухнутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

ТРОЙКА

Луна привѣтно такъ сіяла,
И вѣтеръ листьями игралъ,
Мечта мнѣ что-то напѣвала,
И сонъ меня очаровалъ.

Вотъ вижу я: страна чужая
Вдали отъ родины святой,
Дорога тоже столбовая, —
Но мой ямщикъ ужь не лихой.

Меня не мчитъ онъ, припѣвая
Про очи дѣвицы-души,
И не летитъ, бичомъ махая,
Въ часы полуночной тиши.

Простите вы, мѣста родныя,
Я здѣсь одинъ съ моей мечтой,
Какъ сладко вспомнить дни былые,
Какъ грустно жить мнѣ сиротой.

Здѣсь чуждо все: чужія лица,
Чужой народъ, — и всѣмъ чуждъ я,
Такъ далеко краса-дѣвица
И далеко мои друзья.

Какъ сердцу грустно, сердцу больно
Въ краю далекомъ жить отъ васъ!
Вотъ грудь стѣснилася невольно —
И слезы канули изъ глазъ.

Но слышу голосъ мнѣ знакомый
И сердцу сладкія слова:
«Проснися, баринъ, мы ужь дома,
Вотъ наша матушка Москва».

Москва! такъ это сонъ, лелѣя,
Тоску на душу мнѣ навелъ...
Лети-жъ, ямщикъ, лети скорѣе,
Скачи живѣй, пошелъ, пошелъ!

Вотъ вамъ она, Москва родная,
Вотъ онъ, души отрадный край;
Вотъ здѣсь, друзья, здѣсь дѣва рая
И все... Онъ здѣсь, мой свѣтлый рай.

ГОСТЬ

(БЫЛЬ)

(Посвящается ....)

Кларису юноша любилъ
Давно тому назадъ;
Онъ сердце дѣвы получилъ...
А сердце — лучшій кладъ.
Ужь громкій колоколъ гудѣтъ,
И въ церкви попъ съ вѣнцами ждетъ.

И вдругъ раздался крикъ войны,
Подъяты знамена:
Спѣшатъ отечества сыны —
И ноги въ стремена!
Идетъ Калмаръ, томимъ тоской,
Проститься съ дѣвой молодой.

«Клянись, что вѣчно», молвилъ онъ,
«Мнѣ не измѣнишь ты! —
Пускай холодной смерти сонъ,
О дѣва красоты,
Насъ осѣняетъ подъ землей, —
Коль не вѣнцы любви святой!»

Кларисса клятву говоритъ,
Дрожитъ слеза въ очахъ,
Разлуки поцѣлуй горитъ
На розовыхъ устахъ:
«Вотъ поцѣлуй послѣдній мой,
Съ тобою въ храмъ — и въ гробъ съ тобой!»

«И такъ прости! жалѣй меня!
Печаленъ мой удѣлъ!»
Калмаръ садится на коня,
И вихремъ полетѣлъ...
Дни мчатся... снѣгъ въ поляхъ лежитъ...
Все дѣва плачетъ да груститъ.

Вотъ и весна явилась вновь,
И въ солнцѣ прежній жаръ.
Проходитъ женская любовь:
Забытъ, забытъ Калмаръ!
И долженъ получить другой
Ея красу съ ея рукой. —

Съ невѣстой подъ руку женихъ
Пируетъ за столомъ,
Гостей обходитъ и родныхъ
Стаканъ, шипя виномъ.
Пиръ брачный весело шумитъ,
Лишь молча гость одинъ сидитъ.

На немъ шеломъ избитъ въ бояхъ,
Подъ хладной сталью ликъ,
И плащъ изорванъ на плечахъ,
И ржавый мечъ великъ.
Сидитъ онъ прямъ и недвижимъ,
И рѣчь начать боятся съ нимъ...

«Что гость любезный нашъ не пьетъ?»
Клариса вдругъ къ нему,
«И что онъ нити не прерветъ
Молчанью своему?
Кто онъ? откуда въ нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»

Не стонъ, не вздохъ онъ испустилъ, —
Какой-то страшный звукъ
Невольнымъ страхомъ поразил
Мою невѣсту вдругъ.
Всѣ гости: ахъ! — открылъ пришлецъ
Лицо свое, — то былъ мертвецъ.

Трепещутъ всѣ, спасенья нѣтъ,
Женихъ забылъ свой мечъ.
«Ты помнишь ли», сказалъ скелетъ,
«Свою прощальну рѣчь:
Калмаръ забытъ не будетъ мной,
Съ тобою въ храмъ — и въ гробъ съ тобой!

Калмаръ твой палъ на битвѣ — тамъ,
Въ отчаянной борьбѣ.
Вѣнецъ, дѣвица, въ гробѣ намъ:
Я вѣренъ былъ тебѣ!..
Онъ обхватилъ ее рукой,
И оба скрылись подъ землей.

Въ томъ домѣ каждый круглый годъ
Двѣ тѣни, говорятъ,
(Когда межъ звѣздъ луна бредетъ,
И всѣ живыя спятъ)
Являются, какъ легкій дымъ,
Бродя по комнатамъ пустымъ!..

ЗАВѢЩАНІЕ

ИЗЪ ГЕТЕ.

(Средниково: ночью у окна).

Есть мѣсто: близъ тропы глухой
Въ лѣсу пустынномъ, средь поляны,
Гдѣ вьются вечеромъ туманы,
Осеребренные луной...
Мой другъ, ты знаешь ту поляну;
Тамъ трупъ мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!
Могилѣ той не откажи
Ни въ чемъ, послѣдуя закону:
Поставь надъ нею крестъ изъ клёну
И дикій камень положи.
Когда гроза тотъ лѣсъ встревожитъ,
Мой крестъ пришельца привлечетъ,
И добрый человѣкъ, быть-можетъ,
На дикомъ камнѣ отдохнетъ.

---

* * *

(Средниково. Въ мыльнѣ, ночью, когда мы ходили попа пугать).

Сижу я въ комнатѣ старинной
Одинъ съ товарищемъ моимъ.
Фонарь горитъ, и тѣнью длинной
Полъ омраченъ. Какъ легкій дымъ,
Туманъ окрестность одѣваетъ,
И хладный вѣтеръ по листамъ
Высокихъ липъ перебѣгаетъ.
Я у окна. Опасно намъ
Заснуть. А какъ узнать? — быть-можетъ,
Приходъ нежданный насъ встревожитъ!
Готовъ мой вѣрный пистолетъ,
Въ стволѣ свинецъ, на полкѣ порохъ.
У двери слушаю... Чу!.. шорохъ
Въ развалинахъ... и крикъ!.. Но нѣтъ.
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синевѣ небесъ
Луна межъ тучками ныряетъ.
Спокоенъ я. Душа пылаетъ
Отвагой: ни мертвецъ, ни бѣсъ,
Ничто меня не испугаетъ;
Ничто... Волшебный талисманъ
Я на груди ношу съ тоскою;
Хоть не твоей любовью данъ,
Онъ освященъ твоей рукою.

КЪ ДѢВѢ НЕБЕСНОЙ

Когда бы встрѣтилъ я въ раю,
На третьемъ небѣ, образъ твой,

Онъ душу бы плѣнилъ мою
Своей небесной красотой.
И я-бъ въ тотъ мигъ (не утаю)
Забылъ о радости земной.

Спокоенъ твой лазурный взоръ,
Какъ воспоминаніе объ немъ;
Какъ дальній отзывъ дальнихъ горъ,
Твой голосъ нравится во всемъ.
И твой привѣтъ, и твой укоръ —
Все полно, дышетъ божествомъ.

Не для земли ты создана,
И я могу-ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить.
Ты превосходнѣй, чѣмъ она,
Но такъ мила не можешь быть!

— —

КЪ И. И . . .

Я не достоинъ, можетъ-быть,
Твоей любви: не мнѣ судить;
Но ты обманомъ наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна какъ змѣя;
Лишь часто новымъ впечатлѣньямъ
Душа вѣрятся твоя.
Она увлечена мгновеньемъ:
Ей милы многіе, вполнѣ
Еще никто; но это мнѣ
Служить не можетъ утѣшеньемъ.
Въ тѣ дни, когда, любимъ тобой,
Я могъ доволенъ быть судьбой,
Прощальный поцѣлуй однажды
Я сорвалъ съ нѣжныхъ устъ твоихъ;
Но въ зной, среди степей сухихъ,
Не утолятъ капли жажды.
Дай Богъ, чтобы ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не можетъ
Того, кто такъ любилъ, какъ я, —
И въ часъ блаженнѣйшій тебя
Воспоминанье встревожитъ!
Тебя раскаянье кольнетъ,
Когда съ насмѣшкой проклянетъ
Ничтожный міръ мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы въ преступномъ состраданьѣ
Вновь обвиняемой не быть!

———

* * *

Прекрасны вы, поля въ землѣ моей родной,
Еще прекраснѣй ваши непогоды;
Зима сходна въ ней съ первою зимой,
Какъ съ первыми людьми страны моей народы!..
Взгляните, какъ туманъ здѣсь одѣваетъ неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
Какъ будто такъ она свѣжа и такъ родна съ душой,
Какъ будто создана лишь для свободы!..
Но эта степь любви моей чужда,
Но этотъ снѣгъ, летучій, серебристый
И для страны порочной слишкомъ чистый,
Не веселитъ мнѣ сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизмѣнной
Сокрыта отъ очей могильная гряда
И позабытый прахъ,—но мнѣ, но мнѣ безцѣнный!

. . . . . .

———

ПѢСНЯ

Пикуйте, друзья, ставьте чаши вверхъ дномъ,
Пейте;
На пиру этой жизни, какъ здѣсь на моемъ,
Не робѣйте, —
Какъ чаши, не бойтесь все ставить вверхъ дномъ.
Что стоитъ ужь вверхъ дномъ, то не можетъ мѣшать
Плутамъ;
Я совѣтую дѣтямъ своимъ повторять
(Даже съ прутомъ):
Что стоитъ ужь вверхъ дномъ, то не можетъ мѣшать.
Я люблю очень дно доставать на пирахъ
Въ чашѣ!.....
На днѣ лишь есть жемчугъ въ морскихъ глубинахъ!

———

* * *

Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой
Когда лежитъ надъ городомъ туманъ,
Когда межъ храмомъ съ гордой простотой,
Какъ царь, бѣлѣетъ башня-великанъ?

* * *

Кто въ утро зимнее, когда валитъ
Пушистый снѣгъ, и красная заря
На степь сѣдую съ трепетомъ глядитъ,

Внималъ колоколамъ монастыря?
Въ борьбѣ съ порывнымъ вѣтромъ этотъ звонъ
Далеко имъ по небу унесенъ,
И путникамъ онъ нравился не разъ,
Какъ вѣсть кончины иль безсмертья гласъ.

И этотъ звонъ люблю я! Онъ цвѣтокъ
Могильнаго кургана, мавзолей,
Который не измѣнится. Ни рокъ,
Ни мелкія несчастія людей
Его не заглушатъ; всегда одинъ,
Высокой башни мрачный властелинъ,
Онъ возвѣщаетъ міру все, но самъ —
Самъ чуждъ всему — землѣ и небесамъ!

* * *

Ты слишкомъ для невинности мила,
И слишкомъ ты любезна, чтобъ любить!
Полміру дать ты-бъ счастіе могла,
Но счастливой самой тебѣ не быть;
Блаженство намъ не посылаетъ рокъ
Вдвойнѣ... Видала-ль быстрый ты потокъ?
Брега его цвѣтутъ, тогда какъ дно
Всегда глубоко, хладно и темно! *)

КЪ ДРУГУ

Забудь опять
Свои надежды;
Объ нихъ вздыхать —
Судьба невѣжды.
Она дитя!
Не вѣрь на слова,
Она шутя
Полюбитъ снова!
Все, что блеститъ,
Ее плѣняетъ;
Все, что груститъ,
Ее пугаетъ.
Такъ облачко
По небу мчится
Свѣтло, легко;
Оно глядится
Въ волнахъ морскихъ
Поочередно, —
Но чуждъ для нихъ
Пришлецъ свободный;
Онъ образъ свой
Во всѣхъ встрѣчаетъ,
Хоть ихъ порой
Не замѣчаетъ.

* * *

Пора уснуть послѣднимъ сномъ...
Довольно въ мірѣ пожилъ я, —
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя, и любя.

ИЗЪ КАТУЛЛА

Напрасна враговъ ядовитая злоба, —
Разсудятъ насъ Богъ и преданья людей;
Хоть розны судьбою — мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну... Близъ сумрака гроба
Не вѣдая страха, не зная цѣпей,
Мой духъ возлетаетъ все выше и выше,
И вьется, какъ дымъ надъ желѣзною крышей!.

БАЛЛАДА

Куда такъ проворно, жидовка младая?
Часъ утра, ты знаешь, далекъ...
Потише! Распалась цѣпочка златая,
И скоро спадетъ башмачекъ.

Вотъ мостъ, вотъ чугунныя влѣво перилы
Блестятъ отъ огня фонарей;
Держись за нихъ крѣпче... устала? нѣтъ силы?
Вотъ домъ, и звонокъ у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
Какъ мраморный идолъ блѣдна,
Потомъ, за шнурокъ потянувъ, постучала,
И кто-то взглянулъ изъ окна.

И страхомъ и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла...
Конечно, ужасней минута такая
Столѣтій печали была.

Она говорила: «мой ангелъ прекрасный,
Взгляни еще разъ на меня;
Избавь свою Сару отъ пытки напрасной,
Избавь отъ ножа и огня.

Отецъ мой сказалъ, что законъ Моисея
Любить запрещаетъ тебя;
Мой другъ! я внимала отцу не блѣднѣя,
Затѣмъ, что внимала — любя.

И мнѣ обѣщалъ онъ страданья, мученья,
И ножъ натолилъ роковой,

---

*) *Стихотвореніе представляетъ переводъ нѣмецкаго, написаннаго, вѣроятно, самимъ же Лермонтовымъ:*

Sie ist zu schön, um tugendhaft zu sein,
Und treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen konnte sie erfreun,
Doch selbst, selbst glücklich wird sie nie.

Вышелъ... Мой другъ, берегись его мщенья!
Онъ будетъ какъ тѣнь за тобой!..

Отцовскаго мщенья ужасны удары!
Бѣги же отсюда скорѣй...
Тебѣ не измѣнятъ уста твоей Сары
Подъ хладной рукой палачей.

Бѣги!..» Но на ликъ, изъ окна наклоненный,
Блеснулъ неожиданный свѣтъ,
И что-то сверкало въ рукѣ обнаженной,
И мраченъ глухой былъ отвѣтъ.

И тяжкое что-то на камни упало,
И стонъ раздался подъ стѣной, —
Въ немъ все улетающей жизнью дышало,
И больше, чѣмъ жизнью одной!..

Поутру, толпяся, народъ изумленный
Кричалъ и шепталъ объ одномъ:
Тамъ, въ домѣ, былъ русскій кинжаломъ пронженный
И женщины трупъ подъ окномъ.

ГУСАРЪ

Гусаръ! ты веселъ и безпеченъ,
Надѣвъ свой красный доломанъ.
Но знай: покой души не вѣченъ,
И счастье на землѣ — обманъ.

Крутя лѣниво усъ задорный,
Ты вспоминаешь звукъ пировъ;
Но берегися думы черной, —
Она чернѣй твоихъ усовъ.

Пускай судьба тебя голубитъ,
А страсть безумная смѣшитъ, —
Но и тебя никто не любитъ,
Никто тобой не дорожитъ.

Когда ты, ментикомъ блистая,
Торопишь сѣраго коня,
Не мыслитъ дѣва молодая:
Онъ здѣсь проѣхалъ для меня».

Когда ты вихремъ на сраженье
Летишь, безчувственный герой, —
Ничье, ничье благословенье
Не улетаетъ за тобой.

Гусаръ! ужель душа не слышитъ
Въ тебѣ желанія любви?
Скажи мнѣ, гдѣ твой ангелъ дышитъ?
Гдѣ очи милыя твои?

Молчишь, — и умъ твой безнадежнѣй,
Когда полнѣе твой бокалъ...
Увы! — зачѣмъ отъ жизни прежней
Ты разомъ сердце оторвалъ!

Ты не всегда былъ тѣмъ, что нынѣ:
Ты жилъ, ты слишкомъ много жилъ
И лишь съ послѣднею святыней
Ты пламень сердца схоронилъ.

БАЛЛАДА

(Съ нѣмецкаго).

Изъ воротъ выѣзжаютъ три витязя въ рядъ.
Увы!
Изъ окна три красотки во слѣдъ имъ глядятъ:
Прости!
Напрасно въ бояхъ они льютъ свою кровь, —
Увы!
Разлука пришла, — и дѣвичья любовь
Прости!
Ужь три витязя новыхъ въ ворота спѣшатъ.
Увы!
И красотки печали своей говорятъ:
Прости!

* * *

Я жить хочу! Хоть печали,
Любви и счастію на зло:
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.

Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ:
Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?

Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ;
Онъ покупаетъ неба звуки, —
Онъ даромъ славы не беретъ.

(ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА)

(Изъ письма къ С. А. Бахметевой).

Примите дивное Посланье
Изъ края дальняго сего;
Оно не Павлово писанье,
Но Павелъ вамъ отдастъ его.

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда не взглянешь, — красный воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой;
Нѣтъ милыхъ сплетень, — все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново, —
А нѣтъ не пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,

Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ...

И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.
Нѣтъ! какъ оно, я не былъ воленъ,
Болѣзнью жизни—скукой боленъ
(На зло былымъ и новымъ днямъ);
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

ЧЕЛНОКЪ

По произволу дивной *) власти
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной разшибленный челнокъ. **)
Пускай приливъ его ласкаетъ—
Не слышитъ ласки инвалидъ: ***)
Свое безсиліе онъ знаетъ—
И притворяется, что спитъ.
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ не годится и на волѣ!
Погибъ—и данъ ему покой!

* * *

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Какъ бы шумно я катился
Подъ серебряной луной;
О, какъ страстно я лобзалъ бы
Золотистый мой песокъ,
Какъ надменно презиралъ бы
Недовѣрчивый челнокъ;
Все, чѣмъ такъ гордятся люди,
Мой набѣгъ бы разрушалъ,
И къ моей студеной груди
Я-бъ страдальцевъ прижималъ;
Не страшился-бъ муки ада,
Раемъ не былъ бы прельщенъ;
Безпокойство и прохлада
Были-бъ вѣчный мой законъ;
Не искалъ-бы я забвенья
Въ дальномъ сѣверномъ краю,
Былъ бы воленъ отъ рожденья—
Жить и кончить жизнь мою!

*) . . . чудной. . .
**) Волною брошенный челнокъ.
***) Въ обманъ не вдастся инвалидъ.

* * *

Что толку жить!.. Безъ приключеній
И съ приключеньями—тоска
Вездѣ, какъ безпокойный геній,
Какъ вѣрная жена, близка!
Прекрасно съ шумною толпою
Сидѣть за каменной стѣною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтобъ разъ объ этомъ поболтать.
Невольно указать повсюду—
Подъ гордой важностью лица,
Въ мужчинѣ глупаго льстеца,
И въ каждой женщинѣ—Іуду.
А потрудитесь разсмотрѣть,—
Все веселѣе умереть...

Конецъ! Какъ звучно это слово,
Какъ много—мало мыслей въ немъ;
Послѣдній стонъ и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ,
И черви ваши скелетъ обгложутъ,
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ,
Проститъ вамъ каждую обиду,
По добротѣ души своей,
Для пользы вашей—и церквей
Отслужитъ, вѣрно, панихиду,
Которой, я боюсь сказать,
Не суждено вамъ услыхать.

И если вы скончались въ Ѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
Названье ваше сохранитъ.
Когда-жъ стѣснится ужь кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроютъ смѣлою рукой,
И гробъ поставятъ къ вамъ другой,
И молча ляжетъ съ вами рядомъ
Дѣвица нѣжная! Одна,
Мила, покорна, хоть блѣдна...
Но ни дыханіемъ, ни взглядомъ
Не возмутится вашъ покой,—
Что за блаженство, Боже мой! *)

*) *Варіантъ...*
...Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете во вѣкъ,—
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на [illegible],
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ;
И, можетъ быть, изъ вашей кости,

* * *

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но—безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются на вѣткахъ,—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
—Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ любви ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ, — онъ чувствуетъ одинъ!

* * *

Когда надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить;
Когда былое ежечасно
Очамъ являлося моимъ,
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мнѣ чужимъ:—
Тогда молитвой безразсудной
Я долго небу докучалъ,
И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
«Чего ты просишь?» онъ вѣщалъ:
«Ты низко палъ, но я-ль виновенъ?
Смири страстей своихъ порывъ,
Будь какъ другіе хладнокровенъ,
Будь какъ другіе терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно,—
Ужель мечты тебѣ такъ жаль?
Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся вдаль.
Пойдешь-ли ты черезъ пустыню
Иль городъ пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!
Когда тебя, во имя Бога,
Кто пригласитъ на пиръ простой,—
Страшися мирнаго порога
Коснуться грѣшною ногой;
Смотрѣть привыкши равнодушно.. »

* * *

На серебряныя шпоры
Я въ раздумьи гляжу,
За тебя, скакунъ мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки ихъ не знали,
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоѣзженныхъ коней.

Но съ успѣхомъ просвѣщенья,
Вмѣсто грубой старины,
Введены изобрѣтенья
Чужеземной стороны.

Въ наше время кормятъ, холютъ,
Берегутъ спинную честь...
Прежде били—нынче колютъ...
Что же выгодней,—Богъ вѣсть!..

* * *

Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга.
Лишь попъ полковой бормоталъ,—и порой
Ревѣла осенняя вьюга.
Кругомъ кивера надъ могилой святой,
Недвижны, въ туманѣ сверкали;
Уланская шапка да мечъ боевой
На гробѣ доцатомъ лежали
И билося сердце въ груди не одно,
И въ землю всѣ очи смотрѣли,—
Какъ будто бы все, что ужь ей отдано,
Они у ней вырвать хотѣли.
Напрасныя слезы изъ глазъ не текли,
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гробъ, застучала.
Прощай, нашъ товарищъ! не долго ты жилъ,
Невѣсцъ съ голубыми очами,
Лишь крестъ деревянный себѣ заслужилъ
Да вѣчную память межъ нами.

А. А. О.....ВУ

О, ты, котораго зовутъ
Мошенникъ, пьяница и плутъ,
Подлецъ, баранъ и мародеръ,

Подливъ воды, подсыпавъ круп,
Кухмистеръ изготовитъ супъ
(Все это дружески, безъ злости).
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ...Но, съ вашимъ позволеньемъ,
Я здѣсь окончу мой разсказъ,—
И этого довольно съ васъ.

На сей листокъ склони свой взоръ,
И знай: его не я одинъ,
Но всѣ писали, ... !
Есть подлецы, которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ;
Но, униженные, они
Во тьмѣ свои скрываютъ дни.
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ.
Въ жилищѣ смрада и . . . .
Твои блистаютъ имена;
Но—прилагательными ихъ
Я не хочу марать свой стихъ...

* * *

Росписку просишь ты, гусаръ.
Я получилъ твое посланье,
Родилось въ сердцѣ упованье,
И легче сталъ судьбы ударъ.
Твои плѣнительны картины,
И дерзкой списаны рукой;
Въ твоихъ стихахъ есть запахъ винный,
А рифмы. . . . . .
. . . . . грязная свобода
Тебя въ пророки избрала;
Давно для глазъ твоихъ природа
Покровъ обманчивый сняла.
Чуть тронешь ты жезломъ волшебнымъ
Хоть отвратительный предметъ,
Стихи звучатъ ключемъ цѣлебнымъ,
И люди шепчутъ: онъ поэтъ.
Такъ нѣкогда въ степи безводной
Премудрый пастырь Ааронъ
Услышалъ плачъ и вопль народной,
И жезлъ священный поднялъ онъ;
И на челѣ его угрюмомъ
Надежды лучъ блеснулъ живой,
И тронулъ камень онъ нѣмой,
И брызнулъ ключъ съ привѣтнымъ шумомъ
Новорожденною струей.

НА РОЖДЕНІЕ СЫНА У А. А. ЛОПУХИНА

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ;
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ,
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

ВОЛШЕБНЫЕ ЗВУКИ

Есть рѣчи—значенье *)
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья,
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья...

Ихъ краткимъ привѣтомъ,
Едва онъ домчится,
Какъ Божіимъ свѣтомъ
Душа озарится.

Средь шума мірскова
И гдѣ я ни буду,
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу.

Надежды въ нихъ дышатъ,
И жизнь въ нихъ играетъ,
Ихъ многіе слышатъ,
Одинъ понимаетъ.

Лишь сердца роднова
Коснутся въ дни муки
Волшебнаго слова
Цѣлебные звуки,

Душа ихъ съ моленьемъ
Какъ ангела встрѣтитъ,
И долгимъ біеньемъ
Имъ сердце отвѣтитъ.

ЭПИГРАММА

О. П. Сенковскому (барону Брамбеусу)

Подъ фирмой иностранной иноземецъ
Не утаилъ себя никакъ;
Бранится пошло: ясно,—нѣмецъ,
Похвалитъ: видно, что полякъ.

*) *Первоначальная редакція.*

Н. П. ВЕРЗИЛИНОЙ

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежный
Надъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ—
C'est un vers qui cloche.

ОТРЫВКИ

I

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившійся усъ,
Краснѣя, какъ дѣва младая,
Конгоръ молодой тундусъ...

II

На буркѣ, подъ тѣнью чинары,
Лежалъ Ахмедъ-Ибрагимъ
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча предъ нимъ.
И брови нахмуривъ густыя,
Лѣниво молвилъ Ага:
О, слуги мои удалые!
Мнѣ ваша жизнь дорога!..

БАЛЛАДА

ЮГЕЛЬСКІЙ БАРОНЪ *)

(А. М. В—ой).

До разсвѣта поднявшись, перо очинилъ
Знаменитый Югельскій баронъ,
И кусалъ онъ, и рвалъ, и писалъ, и строчилъ
Письмецо къ своей Сашенькѣ онъ.
И онъ крикнулъ: «мой пажъ!.. мой малютка!.. скорѣй!..
Подойди!.. что робѣешь ты такъ...»
И къ нему подошелъ долговязый лакей,
Тридцати-пяти-лѣтній дуракъ.
«Вотъ!.. возьми письмецо ты къ невѣстѣ моей
И на почту его отнеси!
И потомъ пироговъ, сухарей, кренделей,
Чего хочешь въ награду проси!»
—«Сухарей не хочу, и письма не возьму,
Хочь расплачься, высокій баронъ,
А захочешь узнать, я скажу почему...
Нѣтъ! уже лучше смолчать...»—И поклонъ.
«Пажъ!.. хочу я узнать!» — «Нѣтъ, позволь мнѣ смолчать!..»—
«Говори!»—«За невѣстой твоей
Обожателей рать кто бы могъ сосчитать?
И въ разлукѣ ты ввѣрился ей!
Не дѣвица-ль она?.. и одна-ли вѣрна?..!
Намъ-ли думать: на Сѣверѣ тамъ,
Все вздыхаетъ она, одинока, блѣдна;
Намъ-ли вѣровать женскимъ словамъ?!
Иль одинъ обольщенъ, изумленъ, увлеченъ
Ты невѣстою милой своей?..
Нѣтъ!.. высокій баронъ, ты порой мнѣ смѣшонъ;
И письма не отправлю я къ ней...»—
Разсмѣялся баронъ,—такъ увѣренъ былъ онъ.
«Ты, малютка, мой пажъ молодой!
Знай! ты самъ ослѣпленъ! Знай, у сѣверныхъ женъ
Не въ размолвкѣ обѣты съ душой!
Тамъ дѣвица вѣрна, постоянна жена!—
Сѣверъ силой-ли только великъ?..
Жизнь тамъ вѣры полна, счастья тамъ сторона,
И послушенъ тамъ сердца языкъ!
Мелкихъ птицъ, какъ вездѣ, нѣтъ въ орлиномъ гнѣздѣ
Тамъ я выбралъ невѣсту себѣ,—
Не измѣнитъ нигдѣ... (Ей, какъ вѣчной звѣздѣ,
Ей ввѣряюсь, какъ самой судьбѣ.
Такъ!.. снѣговъ въ сторонѣ, будетъ вѣрною мнѣ!»
Пажъ невольно барону внималъ,
И безъ словъ, въ тишинѣ, онъ сознался въ винѣ,
И на почту съ письмомъ побѣжалъ).

*) Эти [illegible] напечатаны между стихотвореніями г-жи [illegible] Анненковой (Москва, 1844 г.). [illegible] стихотворенія, напечатанныя [illegible], присочинены самой г-жею Анненковой.

ФРАНЦУЗСКІЯ И НѢМЕЦКОЕ СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА

I

* * *

Quand je te vois sourire
Mon coeur s'épanouit,
Et je voudrais te dire
Ce que mon coeur me dit
Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît,
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret
Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.
Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh! mon ange,
Où tu m'as fait souffrir. *)

*) *Переводъ:* Когда я вижу тебя улыбающеюся, мое сердце расцвѣтаетъ, и я хотѣлъ бы высказать тебѣ, что говоритъ мнѣ мое сердце.—Тогда вся жизнь моя встаетъ передъ моими глазами; я проклинаю и молюсь, и плачу тайно.—Потому что безъ тебя, моего единственнаго путеводителя, безъ твоего огненнаго взгляда,

II

* * *

Dir folgen meine Thränen,
Dir die du von mir fliehst,
Und mein unendlich Sehnen
Ganz ohne Thränen siehst.
Jetzt ist der Tag verloren,
Auf den ich mich gefreut,
Doch was ich dir geschworen,
Hat mich noch nie gereut.
Und könntest du ihn messen
Den Schmerz, den ich nicht mass,
Du würdest nie vergessen,
Den der dich nie vergass.
Der Anblick dieser Wunden
Würd' dir dann schmerzhaft sein,
Mir würden diese Stunden
Mein erstes Glück erneun.
Mein Herz, das du verkennest,
O, Freundin! bleibt doch dein:
Das Herz, für das du brennest,
Wird nicht so standhaft sein. *)

III

* * *

Non, si j'en crois mon espérance,
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir. —
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage, —
Rappelez moi, je reviendrai. **)

IV

* * *

Je l'attends dans la plaine sombre... (6)
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement.
Eh non! trompeuse espérance!
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute,
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit.
Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond.
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front. *)

мое прошедшее кажется пусто [illegible] безъ Бога. — И потомъ,—странная причуда!—Я [illegible] на томъ, что [illegible] ты заставила страдать меня.

*) *Переводъ, сдѣ[illegible] Лермонтовымъ:* «Я проводилъ тебя [illegible], но ты удалилась, [illegible] сожалѣнья и слезъ.—[illegible] долго ожиданный день, столько радости [illegible]—Но я не раскаялся въ томъ, въ чемъ тебѣ поклялся.—И если-бъ могла ты понять и [illegible] страданья мои, то вѣрно-бъ ты не забыла того, кто тебя никогда не забывалъ.—Тогда бы заплакала ты, и тотъ мигъ воскресилъ бы опять охладѣвшее мое счастье.—Мое сердце, отвергнутое тобой, мой ангелъ, все-таки тебѣ принадлежитъ; но сердце, тобою любимое, не будетъ такъ постоянно».

**) *Переводъ:* Нѣтъ, если бы я вѣрилъ моей надеждѣ, я ждалъ бы лучшаго будущаго. Несмотря на разстояніе, я буду съ вами воспоминаніемъ.—Блуждая на другомъ берегу, я издали буду слѣдовать за вами; и если надъ вами разразится гроза, позовите меня,—и я приду.

*) *Переводъ:* Я жду ее въ угрюмой долинѣ.. Вдали, вижу, бѣлѣетъ призракъ; призракъ тихо приближается... Но нѣтъ! обманчивая надежда.—то старая береза колеблетъ свой изсохшій и блестящій стволъ.—Я наклоняюсь и долго прислушиваюсь; и, [illegible] звукъ легкихъ шаговъ по дорогѣ... Нѣтъ, не то! [illegible] листокъ шумитъ, поднимаемый ароматнымъ [illegible] ночи.—Полный горькой тоски, я ложусь на густую траву и засыпаю глубокимъ сномъ. Вдругъ вздрагиваю и просыпаюсь: ея голосъ шепталъ мнѣ на ухо, уста цѣловали мой лобъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА, ИЗВѢСТНЫЯ ТОЛЬКО ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ПЕРЕВОДѢ БОДЕНШТЕДТА

„Kleine Betrachtungen".

РАЗМЫШЛЕНІЯ.

I.

Ich bin an meinem Lande kein Verräther,
Und nicht unwürdig bin ich meiner Väter.
Weil ich nicht euch in allen Stücken gleiche,
Und nicht, wie ihr, auf fremden Krücken schleiche.

1. Нѣтъ, я не измѣнникъ своей странѣ, и не [illegible] и это потому, что я не [illegible] на васъ ни въ чемъ, и не ползаю, какъ вы, съ чужими [illegible].

2.

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten,
Und mich nicht lockt der Glanz von Bajonetten:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

2. Потому что ваши дѣла заставляютъ меня часто краснѣть отъ стыда, потому что я не слышу музыки въ бряцаньи цѣпей и потому что меня не привлекаетъ блескъ штыковъ — вы утверждаете, что я не патріотъ.

3.

Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrot bin,
Und nicht mit jedem Schritte rückwärts gehe:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe.

3. Потому что я совсѣмъ не стараго покроя и [illegible]кала, и не иду съ каждымъ шагомъ назадъ—вы утверждаете, что я не патріотъ, не люблю своей страны и не понимаю ея.

4.

Sie haben recht,—der Teufel mag's verstehen —
Am schnellsten gehn bei uns, die rückwärts gehen;
Weit schneller sie zu ihrem Ziele kommen,
Als ich, der vorwärts seinen Weg genommen!

4. Они правы: самъ чортъ не разберетъ, отчего у насъ быстрѣе подвигаются тѣ, которые идутъ назадъ, такъ что они достигаютъ [illegible] цѣли, когда я по своей дорогѣ только-что [illegible].

5.

Gott segnete mit Augen mich und Füssen —
Doch als ich auf den Füssen gehen wollte,
Und als ich mit den Augen sehen wollte,
Musst' ich's im Kerker als Verbrechen büssen.

5. Богъ [illegible] мнѣ [illegible] и ноги; но когда мнѣ захотѣлось пойти на своихъ ногахъ, и когда я задумалъ взглянуть своими глазами, долженъ былъ поплатиться за это тюрьмою, какъ за преступленіе.

6.

Gott gab mir eine Zunge, aber als
Ich reden wollte, ging's mir an den Hals!
Es ist ein eigen Ding in meinem Land,
Und wundersamer Brauch im Schwunge hier;
Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand,
Zum Schweigen seine Zunge hier!

6. Богъ далъ мнѣ языкъ; но когда я вздумалъ заговорить, я поплатился. Странныя вещи происходятъ въ моей странѣ, и удивительный обычай завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ для молчанія.

„Kleine Einfälle und Ausfälle".

СЛУЧАЙНЫЯ ПЬЕСЫ И ЗАМѢТКИ.

1.

Sie haben mich gepeinigt,
Weil ich zu denken wagte;
Sie haben mich gesteinigt,
Weil ich mein Denken sagte.
Weil ich es sang in Liedern
Voll Wahrheit und voll Gluth —
Sie konnten Nichts erwiedern,
Daher die ganze Wuth!

1. Они меня терзали за то, что я осмѣлился размышлять; они въ меня бросали камнями за то, что я высказывалъ мою мысль. Когда я пѣлъ о томъ въ пѣсняхъ, полныхъ правды и полныхъ огня, они не могли ничего отвѣтить,—и отсюда-то вся ихъ ярость.

2.

Die ich mit Füssen getreten,
Weil ich sie als Esel gekannt;
Die mich um Verzeihung gebeten,
Weil ich sie Esel genannt.
Ihr, deren ganze Kunst war
Feig zu gefallen mir,
Als ich noch hoch in Gunst war
Ein schmucker Kavalier:
Wie seid ihr anders worden,
Wie geht ihr stolz einher
Im Glanze eurer Orden,
Als kennt ihr mich nicht mehr!

2. Вы, которыхъ я попиралъ ногами, потому что узналъ въ васъ ословъ; вы, которые просили у меня извиненія, потому что я назвалъ васъ ослами; вы, которые все искусство свое употребляли на то, чтобы трусливо мнѣ понравиться, когда я еще былъ наряднымъ кавалеромъ и въ большомъ почетѣ — какая съ вами теперь перемѣна! какъ вы гордо выступаете въ блескѣ своихъ орденовъ, какъ-будто меня ужъ и не знаете.

3.

Die Zeit hat sich verändert,
Die ihr euch tief gebückt:
Ihr seid jetzt bunt bebändert,
Mit Sternen und Orden geschmückt.
Geht mir nur blind für mich vorbei,

So schont ihr meine Nerven,
Und spart mir die ekle Mühe dabei
Euch aus der Thüre zu werfen.

3. Какъ измѣнилось время! вы, которые такъ низко кланялись, теперь вы пестро обвѣшаны лентами, украшены звѣздами и крестами. Проходите, чтобъ я васъ не видѣлъ, и вы пощадите мои нервы, и избавите меня отъ противнаго труда—выбросить васъ за дверь.

4.

Ich neide euch nicht eure Orden,
Noch euren geschmeidigen Rücken —
Beneide nicht was ihr geworden
Durch Kriechen und durch Bücken.
Geniesst das Glück in Demuthlust,
So ist der Dinge Lauf:
Der Eine trägt es in der Brust,
Der And're trägt's darauf.

4. Не завидую я ни вашимъ крестамъ, ни вашимъ гибкимъ спинамъ; не завидую тому, чѣмъ вы сдѣлались черезъ наушничество и низкопоклонство. Наслаждайтесь счастіемъ своего раболѣпія, таковъ ужъ порядокъ вещей: то, что одинъ носитъ въ своей груди, другой носитъ на груди.

5.

Und mag man mich verklagen,
Und mag man mit mir rechten;
Ich wasche mich nicht rein —
Doch dies kann ich euch sagen:
Nie hielt ich's mit den Schlechten,
Nie macht' ich mich gemein.

5. Пусть меня обманютъ, пусть меня предадутъ суду: я не стану оправдываться; одно только могу сказать вамъ: я никогда не связывалъ себя съ низкими людьми, никогда не былъ подлякомъ.

6.

Ihr wolltet mich nicht verstehen,
Ihr habt mir alles genommen:
Nur nicht meinen Stolz und Muth!
Geschlechter kommen und gehen,
Geschlechter gehen und kommen,
Und dieser Wechsel ist gut.
Denn ihr auch werdet vergehen,
Und Andere werden kommen.
Ein neues, gereinigtes Blut —
Die werden mich verstehen,
Wenn sie mein Wort vernommen.
Und dieses Verständniss ist gut.

6. Вы не хотѣли понимать меня, вы все у меня отняли; не отняли только гордости моей и силы. Поколѣнія приходятъ и уходятъ, поколѣнія уходятъ и приходятъ, и смѣна эта—благо. Пройдете и вы—и другіе заступятъ ваше мѣсто, съ новою, болѣе чистою кровью; и они поймутъ меня, если услышатъ мое слово; и сознаніе это—благо.

7.

Mein Auge war klar, wie deines,
Das mir so selig lacht —
Mein Herz war warm wie Eines,
Man hat es kalt gemacht,
Nichts gutes ist mir geblieben,
Ich musste von allem lassen —
Der Himmel lehrte mich lieben,
Die Menschen lehrten mih hassen.

7. Мои глаза были такъ же ясны, какъ твои, которые улыбаются мнѣ такъ блаженно; мое сердце было такъ же горячо, какъ твое, но его охолодили. Ничего изъ этихъ благъ у меня не осталось, я долженъ былъ все это оставить: небо учило меня любить, но люди научили меня ненавидѣть.

8.

Wie hab' ich geglüht für das Schöne
In seliger Sängerlust —
Wie klangen die Liedestöne
Gewaltig aus meiner Brust!
Ich kämpfte in stolzem Muthe
Mit gutem Fug und Recht
Für alles Wahre und Gute —
Das schien euch schlimm und schlecht:
Ihr habt meine Leier zerschlagen,
Mich meiner Freiheit beraubt,
Durch lange Kerkerplagen
Gebleicht mein junges Haupt.
Da war durch lange Betrachtung,
Der keine Macht gewehrt,
In grenzenlose Verachtung
Mein Hass zu euch gekehrt.
Ihr habt euch in allen Grössen
Als gute Schergen gezeigt —
Mir Achtung einzuflossen,
Das habt ihr nicht erreicht!

8. Какъ страстно любилъ я прекрасное съ блаженнымъ пыломъ пѣвца, какъ сильно звучали пѣсни изъ моей груди! Съ гордымъ мужествомъ и сознаніемъ своего полнаго права я боролся за все истинное и доброе; вамъ казалось это пустымъ и вздорнымъ: вы разбили мою лиру, лишили меня моей свободы, долгими тюремными муками убѣлили мою молодую голову. Тогда-то, послѣ долгаго размышленія, которому уже не препятствовала никакая сила, съ безграничнымъ презрѣніемъ обратилась къ вамъ моя ненависть. Вы показали себя отличными полицейскими во всѣхъ видахъ, но внушить мнѣ гнѣвъ къ себѣ уваженіе — этого вы не достигли.

9.

Ein einzig Wort der Gnade,
Ein einzig Wort der Reue,
Eröffnet mir die Pfade
Der alten Gunst auf's Neue:

Doch lieber zusammenbräche
Ich hier in Kerker und Ketten,
Eh' ich ein Wort nur spräche
Durch Lüge mich zu retten.

9. Одно милостивое слово, одно слово раскаянья, открыло бы мнѣ снова путь къ старой благосклонности; но скорѣе я пропаду здѣсь, въ тюрьмѣ и цѣпяхъ, чѣмъ скажу хоть одно слово, чтобы ложью спасти себя.

10.

Wohl ohne mein Verschulden
Geduldet hab' ich genug,
Und frei sein möcht' ich nun —
Doch lieber will ich dulden
Noch mehr, als durch Verschulden
In eurem Lug und Trug
Euch Herrn es gleichzuthun!

10. Безъ вины [illegible] я уже довольно, и хотѣлъ бы теперь быть свободнымъ; но лучше пусть буду я еще больше терпѣть, чѣмъ по своей винѣ сравняться съ вами, господа, во лжи и обманѣ.

11.

Klagt nicht ob meinem Verhängniss,
Nicht, dass die Frommen und Reinen
Mich von sich ausgestossen!
Ihr auch wohnt im Gefängniss,
Ich wohne in einem kleinen,
Ihr wohnt in einem grossen.

11. Не жалѣйте о моей судьбѣ, не жалѣйте о томъ, что святоши и ханжи оттолкнули меня отъ себя! Вы сами живете въ тюрьмѣ, какъ и я; только я живу въ маленькой, а вы — въ большой.

12.

Klagt nicht ob meinen Leiden
In diesen Kerkermauern —
Ich lasse euch eure Freuden,
Und schenke euch euer Bedauern.

12. Не жалѣйте о моихъ страданіяхъ въ этой тюрьмѣ. Я предоставляю вамъ ваши радости, и дарю вамъ ваше состраданіе.

13.

Hinaus!

Wild heulen die Donner,
Laut prasselt der Regen,
Bang' fliehen die Menschen
Von Aeckern und Wegen —
Sie suchen nach Obdach
Im schützenden Haus:
Ich möchte hinaus
Aus dem schützenden Haus!
Ich möchte hinaus,
Und lieber verkommen
In Stürmen und Blitzen,
Im Wetter und Graus,
Als länger hier sitzen
Im schützenden Haus —
Ich möchte hinaus!

13. **На волю.** Дико грохочетъ громъ, шумно бьетъ дождь; въ испугѣ бѣгутъ люди съ полей и дорогъ; они ищутъ защиты подъ кровлею дома: я хотѣлъ бы на волю, прочь изъ-за затворовъ!

Я хотѣлъ бы на волю—и лучше погибнуть мнѣ въ бурѣ и молніи, въ грозѣ и ужасѣ, чѣмъ дольше сидѣть здѣсь, за затворами дома; я хотѣлъ бы на волю!

Le blessé *)

Voyez vous ce blessé qui se tord sur la terre?
Il va mourir ici, près du bois solitaire,
Sans que de sa souffrance un seul coeur ait pitié.
Mais ce qui doublement fait saigner la blessure
C'est qu'en se souvenant, il se sent oublié

Переводъ. **Раненый.** Видите вы этого раненаго, который мучается на землѣ? Онъ умираетъ близъ уединеннаго лѣса, безъ всякой надежды на то, чтобы хотя чье-либо сердце выразило о немъ сожалѣніе. Но то, что вдвойнѣ заставляетъ чувствовать рану, это — сознаніе, что онъ всѣми забытъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЯ ЛЕРМОНТОВУ:

I

И ты думаешь, буду я хладенъ и нѣмъ?
Малютка, подъ этимъ молчаньемъ
Таится ужасная буря. Зачѣмъ
Вырываться наружу ей тяжкимъ рыданьемъ?
Что я гордо смотрю на презрѣнныхъ людей —
Ты за то-ли меня упрекаешь?
Но тѣ люди торгуютъ рукою твоей,
Твоимъ сердцемъ хотятъ торговать. Ты ихъ знаешь...
Дай мнѣ руку твою! Посмотри мнѣ въ глаза.
Я безъ слезъ горько плакать умѣю;
Твои-жъ слезы блестятъ, какъ ночная роса,
На зарѣ, поутру, освѣжая лилею.
Тебѣ легче—ты можешь въ слезахъ выливать
Муки сердца; а я? Я родился
Мужчиной, и долженъ безмолвно страдать:
Своихъ собственныхъ слезъ я-бъ невольно стыдился.

---

*) Это стихотвореніе, неизвѣстное на русскомъ языкѣ, сообщено во французскомъ переводѣ А. Дюма.

Но повѣрь, если-бъ ты вдругъ меня поняла
И вглядѣлась въ безслезныя очи:
Ты бъ отъ ужаса плакать забыла, и я
За тебя бы сталъ плакать всѣ дни и всѣ ночи.
Прощай!!!

II

Клеймо домашняго позора
Мы носимъ, славные извнѣ —
Въ обширномъ краѣ нѣтъ простора,
Въ могучемъ царствѣ нѣтъ отпора,
Въ родимой душно сторонѣ.
Ее въ своемъ безумьѣ яромъ,
Гнетутъ послушные рабы,
А мы молчимъ, хладѣемъ жаромъ,
И каждый день сдаемся даромъ,
Въ безплодность вѣруя борьбы.

III

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ,
Душа призванью не вѣрна.
Вокругъ тебя встаютъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи
И торжествующее зло.
А ты?.. ужель хотя однажды
Тебя огнемъ палящей жажды
Добра и подвиговъ не жгло?

Чредою гибнетъ твой досугъ
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельѣ;
Ты полюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разъяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего.

Предъ Богомъ лѣнью не грѣши,
Отбрось ярмо благоразумья,
Люби ревниво до безумья
Всѣмъ пыломъ дѣвственной души.
Освободясь въ стремленьѣ новомъ
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Громи, позоръ укорнымъ словомъ,
Подвигни насъ всесильнымъ зовомъ
На подвигъ правды и труда.

Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ; —
Но, предъ святыней убѣжденья,
Что значатъ міра оскорбленья,
Иль прелесть жизненныхъ утѣхъ?
Кто можетъ разъ презрѣть преграды,
Безъ одобренья, безъ награды
Безумно правду полюбить,
Тотъ вѣкъ иди за правды свѣтомъ —
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лишь истину открыть!

IV

И на театрѣ, какъ на сценѣ свѣта,
Мы не выходимъ изъ балета
Захочется-ль кому
Къ честямъ и званіямъ пробить себѣ дорогу,
Работы нѣтъ его уму —
Умѣй онъ поднимать лишь ногу.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Послѣ третьей строфы въ рукописи Лермонтова находилась еще строфа, откинутая имъ впослѣдствіи:

Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ ей былъ міръ, объ одномъ
Она все мечтала: о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.

Слѣдующая строфа начиналась такъ:

Съ тѣхъ поръ, неизвѣстнымъ желаньемъ полна,
Страдала, томилась она.

2) Стихотвореніе Желаніе, явившееся въ окончательной отдѣлкѣ подъ заглавіемъ Узникъ, было набросано Лермонтовымъ еще въ 1832 г. Въ этой первоначальной редакціи вмѣсто стиховъ 5—9 первой строфы было:

Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.

Вмѣсто ст. 5—9 второй строфы было:

Я пущуся въ синє море
Вдаль отъ сонныхъ береговъ
Разгуляюсь на просторѣ
И натѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ злобной прихотью валовъ.

Вмѣсто ст. 3—8 третьей строфы было:

Чтобъ въ тѣни его широкой
Билъ жемчужный водопадъ:
Передъ звучными струями
Я лѣниво растянусь
И надъ прежними мечтами,
Засыпая, посмѣюсь.

Заключительные стихи первой строфы еще разъ были поправлены:

Чтобъ я съ ней по чисту полю
Ускакалъ на томъ конѣ,
Дайте волю, волю, волю—
И не надо счастья мнѣ!

3) На смерть Пушкина. Въ первый разъ это стихотвореніе, до заключительныхъ стиховъ, было напечатано съ автографа въ «Библ. Запискахъ» (1858, № 20), при чемъ приведено 11 мелкихъ варіантовъ или, собственно, исправленій. — Черезъ нѣсколько дней послѣ дуэли и смерти Пушкина, Лермонтовъ написалъ это стихотвореніе, заключивъ его стихомъ: «И на устахъ его печать». Оно разошлось по городу. Вскорѣ послѣ того, — разсказываетъ библіографъ г. Ефремовъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Лермонтова, — заѣхалъ къ Лермонтову одинъ изъ его родственниковъ, И. А Столыпинъ. У нихъ завязался разговоръ объ исторіи Дантеса (бар. Геккернъ) съ Пушкинымъ, при чемъ Столыпинъ обвинялъ Пушкина и оправдывалъ Дантеса. Лермонтовъ спорилъ, и когда тотъ уѣхалъ, тотчасъ же написалъ добавочные стихи. Въ тотъ же день вечеромъ г. Меринскій, зайдя къ Лермонтову, услышалъ отъ него этотъ разсказъ и списалъ стихи; потомъ списали ихъ многіе изъ товарищей и знакомыхъ Лермонтова, и они пошли по рукамъ.—Вскорѣ послѣ того, на одномъ многолюдномъ вечерѣ, извѣстная въ то время старуха и большая сплетница, А М. Хитрово, при всѣхъ обратилась къ гр. Бенкендорфу: «Слышали вы, Александръ Христофоровичъ, что написалъ пропасъ Лермонтовъ»? Бенкендорфъ и прежде нея зналъ о томъ, но не находилъ ничего особенно важнаго; тутъ, говорятъ, онъ сказалъ: «ужь если Анна Михайловна знаетъ про эти стихи, то я долженъ о нихъ доложить Государю». Вслѣдствіе этого былъ посланъ начальникъ главнаго штаба, Веймарнъ, чтобъ осмотрѣть бумаги Лермонтова въ Царскомъ Селѣ, гдѣ онъ не нашелъ поэта, жившаго большею частію въ Петербургѣ, а нашелъ потопленную квартиру и пустые ящики въ столахъ. Лермонтовъ вскорѣ былъ отправленъ на Кавказъ.—Нѣсколько измѣненный разсказъ объ этомъ находится въ брошюрѣ А. Н. Муравьева: «Знакомство съ русскими поэтами». Въ этомъ дѣлѣ стихотвореніе Лермонтова переписано вполнѣ, съ незначительными варіантами, и при немъ находится эпиграфъ изъ трагедіи «Венцеславъ», соч. Ротру, въ переводѣ А. А Жандра, принятый нѣкими за стихи самого Лермонтова:

Отмщенье, государь! отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его, въ позднѣйшіе вѣка,
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.

4) Первоначальный очеркъ стихотворенія «Бородино» (1830 г.) носилъ заглавіе «Поле Бородина»—(см. отдѣлъ «Разныя стихотворенія», стр. 289).

5) Во 2-ой кн. альманаха «Вчера и Сегодня» эти стих. было напечатано по первоначальному списку, подъ заглавіемъ «Волшебные звуки» (см. отдѣлъ «Разныя стихотворенія», стр. 297).

6) Раньше это французское стихотвореніе печаталось въ первоначальной редакціи, подъ названіемъ «A Madame Hommaire de Helle» (см. отдѣлъ «Посланія, надписи экспромты, сцены», стр. 88)

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Лирическія стихотворенія.

(1831—1841).

Ангелъ. „По небу полуночи“ 3
Парусъ. „Бѣлѣетъ парусъ одинокій“ . . . . . —
Два великана. „Въ шапкѣ золота литого“ . . . —
Желаніе. „Отворите мнѣ темницу“. . . . . —
„Гляжу на будущность съ боязнью“ 4
„Она поетъ—и звуки таютъ“ . . . . . —
„Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ“ . . . . . —
Молитва. „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою“. . . . . —
На смерть Пушкина. „Погибъ поэтъ“ . . . . . —
Вѣтка Палестины. „Скажи мнѣ, вѣтка Палестины“ 5
Бородино. „Скажи-ка, дядя“ 6
Узникъ. „Отворите мнѣ темницу“ 7
„Разстались м ; но твой портретъ“ . . . . . —
Отрывокъ. „Такъ нѣкогда въ степи безводной“ . —
„Когда волнуется желтѣющая нива“ . . . . . —
Сосѣдъ. „Кто-бъ ни былъ ты“. . . . . —
Дума. „Печально я гляжу на наше поколѣнье“ . 8
Ребенку. „О грезахъ юности томимъ“ . . . . . —
Молитва. „Въ минуту жизни трудную“. . . . . —
Не вѣрь себѣ 9
Памяти А. П. Одоевскаго. „Я зналъ его“ . . . —
Казоть. „На буйномъ пиршествѣ“. 10
Поэтъ. „Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ“. . . . . —
Первое января. „Какъ часто, пестрою толпою“. —
И скучно, и грустно 11
Отчего. „Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю“. . . . . —
Благодарность. „За все, за все Тебя благодарю я“ . . . . . —
Тучи. „Тучки небесныя, вѣчные странники!“. . —
Любовь мертвеца. „Пускай холодною землею“. . —
„Слышу-ли голосъ твой“ 12
„Есть рѣчи—значенье“. . . . . —
Завѣщаніе. „Наединѣ съ тобою, братъ“. . . . . —
Оправданіе. „Когда одни воспоминанья“ . . . . —

стр.

Родина. „Люблю отчизну я“. 13
Послѣднее новоселье. . . . . —
Кинжалъ. „Люблю тебя, булатный мой кинжалъ“. 14
Плѣнный рыцарь. „Молча сижу подъ окошкомъ темницы“ . . . . . —
Сосѣдка. „Не дождаться мнѣ, видно, свободы“. —
Договоръ. „Пускай толпа клеймитъ“. 15
„Ты помнишь-ли, какъ мы съ тобою“. . . . . —
„Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски“ —
„Не плачь, не плачь, мое дитя!“ . . . . . —
Казбеку. „Спѣша на сѣверъ издалека“. . . . . —
„И день насталъ—и совершилось“. 16
„Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“ . . . . . —
„Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою“ . . —
Великій мужъ! здѣсь нѣтъ награды“. . . . . —
Споръ. „Какъ-то разъ передъ толпою“ . . . . . —
Сонъ. „Въ полдневный жаръ“ 17
Утесъ. „Ночевала тучка золотая“ 18
„Нѣтъ не тебя такъ пылко я люблю“. . . . . —
„Выхожу одинъ я на дорогу“ . . . . . —
Пророкъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія“. —

ЮНОШЕСКІЯ

лирическія стихотворенія.

(1829—1833).

Цѣвница. „На склонѣ горъ близъ водъ“ 21
Портретъ. „Онъ не красивъ, онъ не высокъ . . —
Къ генію. „Когда во тьмѣ ночей“ . . . . . —
Письмо. „Свѣча горитъ“! 22
Русская мелодія. „Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной“ . . . . . —
Панъ. „Люблю, друзья, когда за рѣчкой“. . . . 23
Жалобы турка. Ты зналъ ли дикій край“. . . . —
Два сокола. „Степь, спѣя, разстилалась“ . . . —
Мой демонъ. „Собранье золъ—его стихія“. . . —
Монологъ. „Повѣрь, ничтожество есть благо“ . . —
Молитва. Не обвиняй меня, Всесильный“. . . . 24
„Настанетъ день—и міромъ осужденный“. . . .

стр.

К. Д. „Будь со мною, какъ прежде бывала“ . . 24
Силуэтъ. „Есть у меня твой силуэтъ“ . . . . . —
„Какъ духъ отчаянья и зла“ . . . . . —
„Я не люблю тебя“. 25
„Люблю я цѣпи синихъ горъ“. . . . . —
„Время сердцу быть въ покоѣ“ . . . . . —
„Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой“ . . . . —
Отрывокъ. „Она была прекрасна, какъ мечты“ 26
„Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень“ . . . . —
„Какъ лучъ зари, какъ розы Леля“ . . . . . —
Кавказъ. „Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней“. —
„Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ребенка“. . —
Смерть (Ночь II). „Погаснулъ день. И тьма ночная“. 27
Еврейская мелодія. „Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда“. . . . . —
Отрывокъ. „Теперь я вижу: пышный свѣтъ“ . —
Въ Воскресенскѣ. „Оставленная пустынь предо мной“ 28
Элегія. „Дробись, дробись, волна ночная“. . . . —
Къ ***. „Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья“ . . . . . —
(Къ трагедіи). „Взгляни на тихую луну! О, какъ прекрасна!“. . . . . —
1830 года, іюля 15-го. „Зачѣмъ семьи родной“. 29
10 іюля 1830 года. „Опять вы, гордые, возстали“. . . . . —
„Привѣтствую тебя, вошиственныхъ славянъ“. . —
Благодарю. „Благодарю!.. вчера мое признанье“. . . . . —
„У врать обители святой“ 30
Весна. „Когда весной разбитый ледъ“ . . . . . —
Зови надежду сновидѣньемъ“ . . . . . —
Варіантъ предыдущаго стихотворенія . . . . . —
Парижъ, 30 іюля 1830 года. „Ты могъ быть лучшимъ королемъ“ . . . . . —
„Не говори: однимъ высокимъ“ . . . . . —
Стансы. „Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ“. . —
„Когда къ тебѣ молвы разсказъ“ 31
„Передо мной лежитъ листокъ“ . . . . . —
„Свершилось! полно ожидать“ . . . . . —
„И такъ, прощай! впервые этотъ звукъ“ . . . —
Могила бойца. „Онъ спитъ послѣднимъ сномъ“. —
Смерть. „Закатъ горитъ огнистой полосою“ . . 32
Предчувствіе. „Боюсь не смерти я“. . . . . —
Первая любовь. „Въ ребячествѣ моемъ“. . . . —
„Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала“. . —
„Звуки. „Что за звуки! неподвижно внемлю“. . —
Раскаяніе. „Къ чему мятежное роптанье“ . . . —
„Вверху одна горитъ звѣзда“. 33
„Нѣтъ, я не требую вниманья“. . . . . —
Толпѣ. „Безумецъ я! вы правы, правы!“. . . . —
Тростникъ. „Сидѣлъ рыбакъ веселый“ . . . . . —
1831 года, іюня 11. „Моя душа, я помню“ . . 34
Одиннадцатаго іюля. „Между лиловыхъ облаковъ“. 37
„Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ“ . . . —
Желаніе. „Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной“. . . . . —
Св. Елена. „Почтимъ привѣтомъ островъ одинокій“ . . . . . —
7-го августа. „Блистая, пробѣгаютъ облака“. . 38
Атаманъ. „Горе тебѣ, городъ Казань!“ . . . —
Исповѣдь. „Я вѣрю, обѣщаю вѣрить“ . . . . . —
Чаша жизни. „Мы пьемъ изъ чаши бытія“ . . . 39
Воля. „Моя мать—злая кручина“. . . . . —
Сентября 28. „Опять, опять я видѣлъ взоръ“. . —
„Метель шумитъ и снѣгъ валитъ“. 40

стр.

Небо и звѣзды. „Чисто вечернее небо“ 40
„Когда бъ въ покорности незнанья“. . . . . —
Потокъ. „Источникъ страсти есть во мнѣ“. . . —
„Я видѣлъ тѣнь блаженства“. . . . . —
„Ужасная судьба отца и сына“ 41
Стансы. „Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ“. —
На картину Рембрандта. „Ты понималъ, о мрачный геній“! . . . . . —
Волны и люди. „Волны катятся одна за другою“. 42
„Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей“. . . . . —
„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой“ . . . . . —
Морякъ. „Въ семьѣ безвѣстной я родился“ . . —
„Когда надеждѣ недоступны“. 43
„Посреди небесныхъ тѣлъ“. . . . . —
„Онъ былъ въ краю святомъ“. . . . . —
„Опять, народные витіи“. . . . . —
Гроза. „Реветъ гроза, дымятся тучи“ 44
Надежда. „Есть птичка рая у меня“ . . . . . —
Стансы. „Мнѣ любить до могилы“. . . . . —
Смерть. „Ласкаемый цвѣтущ ми мечтами“. . . —
Смерть. „Оборвана цѣпь жизни молодой“ . . . 45
Сонъ. „Я видѣлъ сонъ: прохладный гаснулъ день“. 46
Арфа. „Когда зеленый дернъ мой скроетъ прахъ“ —
„Она не гордой красотою“. . . . . —
„Слова разлуки повторяя“ . . . . . —
„Смѣло вѣрь тому, что вѣчно“ 47
Бой. „Сыны небесъ однажды надо мною“ . . . —
„Поцѣлуями прежде считалъ“. . . . . —
Земля и небо. „Какъ землю намъ больше небесъ“ —
Слава. „Къ чему ищу такъ славы я?“ . . . . . —
„Пускай поэта обвинятъ“ 48
Солнце осени. „Люблю я солнце осени“. . . . —
Мой домъ. „Мой домъ вездѣ, гдѣ есть“ . . . . —
„На зеленой скалѣ надъ шумящимъ Днѣпромъ“ . —
Ночь. „Одинъ я въ тишинѣ ночной“ . . . . . —
Венеція. „Поверхностью морей отражена“ . . 49
„Послушай, быть можетъ, когда мы покинемъ“ . —
Сонетъ. „Я памятью живу съ увядшими мечтами“. —
Звуки и взоръ. „О, полно ударять рукой“ . . . —
„Душа моя должна прожить въ земной неволѣ“. 50
Къ себѣ. „Какъ я хотѣлъ себя увѣрить“. . . . —
„Болѣзнь въ груди моей!“ . . . . . —
Стансы. „Не могу на родинѣ томиться“ . . . . —
„Хоть давно измѣнила мнѣ радость“. . . . . —
Вечеръ. „Когда садится алый день“. 51
1831, января... „Рѣдѣютъ блѣдные туманы“ . . —
Мой демонъ. „Собранье золъ его стихія“ . . . —
Сосѣдъ. „Погаснулъ день“ . . . . . —
Изъ Андрея Шенье. За дѣло общее, быть можетъ“ 52
„Унылый колокола звонъ“ . . . . . —
Ночь. „Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ“. . —

Пѣсни. Романсы. Баллады.

Пѣсня. „Не знаю, обманутъ-ли былъ я“. 55
Пѣсня. „Колоколъ стонетъ“ . . . . . —
Русская пѣсня. „Клоками бѣлый снѣгъ валится“. —
Пѣсня. „Желтый листъ о стебель бьется“ . . . —
Пѣсня. „Что въ полѣ за пыль пылитъ“? 56
Романсъ къ *** „Когда одни воспоминанья“ . . —
Грузинская пѣсня. „Жила грузинка молодая“. . —
Романсъ. „Стояла сѣрая скала“ . . . . . —
Романсъ. „Ты идешь на поле битвы“. 57
Пѣснь Барда. „Я долго жилъ въ чужой странѣ“. —
Баллада. „Надъ моремъ красавица дѣва сидитъ“. —
Русалка. „Русалка плыла по рѣкѣ голубой“ . . 58

стр.

Три пальмы. „Въ песчаныхъ степяхъ“. 58
Дары Терека „Терекъ воетъ“. 59
Тамара. „Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла“. . . —
Свиданье. „Ужь за горой дремучею“. 60
„Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“ 61
Морская царевна. „Въ морѣ царевичъ купаетъ коня“. . . . . —
Казачья колыбельная пѣсня. „Спи, младенецъ“ . 62
Романсъ. „Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселы. . . . . —

Сказки.

Незабудка. 65
Сказка для дѣтей . . . . . —

Посвященія.

Посвященіе. „Прими, прими мой грустный трудъ“ 71
Посвященіе. „Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ“. . . . —
Посвященіе къ поэмѣ „Демонъ“. „Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли“. . . . . —
Посвященіе къ поэмѣ „Демонъ“. „Прими мой даръ, моя Мадонна!“ . . . . . —
Посвященіе къ поэмѣ „Демонъ“. „Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье“. . . . 72

Посланія. Надписи. Экспромпты. Сцены.

Къ А. С. „Не привлекай меня красой!“. . . . 75
Къ Грузинову. „Скажу, любезный мой пріятель“. —
Къ другу. „Стремится медленно толпа людей“. . —
Къ Неэрѣ. „Скажи, для чего передъ нами“. . . —
Пиръ. „Приди ко мнѣ, любезный другъ“ . . . . —
Трубецкому. „Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ“ 76
Алябьевой. „Вамъ красота, чтобы блеснуть“ . . —
Л. Нарышкиной. „Всѣмъ жалко васъ“ . . . . . —
Толстой. „Не даромъ она, не даромъ“ . . . . . —
Мартыновой. „Когда посporить вамъ придется“ . —
Додо. „Умѣешь ты сердца тревожить“ . . . . . —
Башилову. „Вы старшина собранья, вѣрно“. . . —
Булгакову. „На вздоръ и шалости ты хватъ“. . —
„Вы не знавали-ль князь Нетра?“ . . . . . —
Къ*** „Я не унижусь предъ тобою“. . . . . —
Прелестница. „Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ“. 77
Had we never loved so kindly. . . . . —
Эпитафія. „Прости! увидимся-ль мы снова?“. . . —
Н. Ф. П. . . вой. „Любилъ съ начала жизни я“ —
Черноокой „Вблизи тебя до этихъ поръ“. . . . 78
Н. Ф. П. „Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали“.
Бухариной. „Не чудно-ль, что зовутъ васъ Вѣра?“ . . . . . —
Экспромтъ. „Три граціи считались въ древнемъ мірѣ“ . . . . . —
И. И. Арсеньеву. „Дай Богъ, чтобъ ты“. . . . —

стр.

Въ альбомъ П. П. Поливанову. „Послушай, вспомни обо мнѣ“. 78
Къ*** „Всевышній произнесъ свой приговоръ“ —
Къ другу В. Ш. „До лучшихъ дней!“ 79
Къ пріятелю. „Мой другъ не плачь передъ разлукой“ . . . . . —
А. А. Ѳ—еву. „Есть подлецы, которыхъ бьютъ“. —
Къ портрету стараго гусара. „Смотрите, какъ летитъ“ . . . . . —
Къ Бухарову. „Мы ждемъ тебя, спѣши“. . . . —
Къ кн. Л. Г—ой. „Когда ты холодно внимаешь“. 80
Эпиграммы. 1. „Поэтомъ (хоть и это бремя)“ . —
2. „Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ“ . . . . . —
Эпитафія. „Простосердечный сынъ свободы“ . . —
Прощаніе. „Прости, прости!“. . . . . —
Журналистъ, читатель и писатель. . . . . —
Къ*** „О, полно пенять развратъ!“. 82
Къ*** „Не ты, но судьба виновата была“ . . . —
Къ*** „Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта“. 83
Къ*** „Мы случайно сведены судьбою“. . . . —
Къ Дурнову „Довольно любилъ я“. . . . . —
Къ*** „Оставь напрасныя заботы“. . . . . —
Къ*** „Печаль въ моихъ пѣсняхъ, но что за нужда?“. 84
Къ*** „Прости! мы не встрѣтимся болѣ“ . . . —
Къ*** „О, не скрывай, ты плакала о немъ“ . . —
Къ*** „Мой другъ, напрасное старанье!“ . . . —
Къ*** „Не медли въ дальней сторонѣ“ . . . . —
Юнкерская молитва. „Царю небесный“ 85
Моя мольба. „Да сохранюся я отъ мушекъ“ . . —
Sentenz. „Когда бы могъ весь свѣтъ узнать“. . —
Гробъ. Оссіана. „Подъ занавѣсою тумана“. . . —
Къ М. П. Цейдлеру. „Русскій нѣмецъ“ . . . . —
Ребенку. (Въ альбомъ Арк. Павл. Петрову). „Ну, что скажу тебѣ я спросту?“ . . . . . —
По поводу представленія драмы Кукольника „Скопинъ-Шуйскій“. . . . . —
Передъ отъѣздомъ на Кавказъ. „Прощай, немытая Россія“. . . . . —
Княгинѣ М. А. Щербатовой. „На свѣтскія цѣпи“. . . . . —
А. О. Смирновой. „Безъ васъ хочу сказать вамъ“. 86
Первоначальная редакція предыдущаго стихотворенія. . . . . —
Къ портрету гр. А. К. Воронцовой Дашковой. „Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва“. . . . —
М. П. Соломирской. „Надъ бездной адскою блуждая“ . . . . . —
Въ альбомъ автору „Курдюковой“. „На нашихъ дамъ морозныхъ“ 87
Къ гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной. „Графиня Эмилія“. . . . . —
Изъ альбома С. П. Карамзиной. „Любилъ и я въ былые годы“ . . . . . —
Графинѣ Ростопчиной. „Я вѣрю: подъ одной звѣздою“ . . . . . —
А. Г. Хомутовой. „Слѣпецъ, страданьемъ“. . . —
Стансы къ Д*** „Я не могу не произнесть“ . . 88
A Madame Hommaire de Hell . . . . . —

Переводы. Подражанія. Заимствованія.

Еврейская мелодія. (Изъ Байрона). „Душа моя мрачна“ 91

стр.

Въ альбомъ. (Изъ Байрона). „Какъ одинокая гробница“ 91
Умирающій гладіаторъ. (Подражаніе Байрону). „Ликуетъ буйный Римъ“ . . . . . —
Воздушный корабль. (Изъ Цедлица). „По синимъ волнамъ“ 92
Изъ Гете. „Горныя вершины“ . . . . . —
Сосна. (Изъ Гейне). „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко“ . . . . . —
Видъ горъ изъ степей Козлова. (Изъ „крымскихъ сонетовъ“ Мицкевича) 93
(Изъ Гейне). „Они любили другъ друга“. . . . —
Прости. (Изъ Байрона). „Прости! Коль могутъ къ небесамъ“ . . . . . —
Три вѣдьмы. (Изъ Макбета, Ф. Шиллера). . . —
Къ Нинѣ. (Изъ Шиллера). „Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный“ 94
Встрѣча. (Изъ Шиллера). „Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла“ . . . . . —
Перчатка. (Изъ Шиллера). „Вельможи толпою стояли“. . . . . —
Дитя въ люлькѣ. (Изъ Шиллера). „Счастливъ ребенокъ“. 95
(Къ*** Изъ Шиллера). „Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь“ . . . . . —
Къ Л*** (Подражаніе Байрону). „У ногъ другихъ не забывалъ“. . . . . —
Изъ Байронова Мазепы. . . . . —
Подражаніе Байрону. „Не смѣйся, другъ, надъ жертвою страстей“ 96

Поэмы.

Черкесы 99
Хаджи-Абрекъ 101
Преступникъ 106
Ангелъ смерти 108
Измаилъ-Бей 113
Посвященіе. „Опять явилось вдохновенье“ —
Кавказскій плѣнникъ 136
Корсаръ 142
Джулio 146
Олегъ 151
Литвинка 152
Аулъ-Бастунджи 157
Посвященіе. „Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли“. . . . . —
Калым 164
Сашка. (Нравственная поэма). 166
Уланша 187
Петергофскій праздникъ 188
Боярин Орша . . . . . —
Монго 199
Госпиталь 202
Исповѣдь 203
Казначейша. 206
Азраилъ 213
Отрывокъ изъ поэмы 216
Валерикъ . . . . . —
Бѣглецъ. (Горская легенда). 219
Два брата 221
Мцыри . . . . . —
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. 230
Демонъ. Восточная повѣсть (1829—1840) . . . 235

Первоначальные очерки „Демона“:
I. Посвященіе 1. „Я буду пѣть, пока поется“. 248
Посвященіе 2. „Я буду пѣть, пока поется“. . . . . —
„Печальный демонъ, духъ изгнанья“ (1829) 249
II. Демонъ. „Печальный демонъ, духъ изгнанья“ (1830) 253
III. Демонъ. „По голубому небу пролеталъ“ (1831). 256
IV. Демонъ. „Печальный демонъ, духъ изгнанья“ (1833) . . . . . —

Разныя стихотворенія.

Осень. „Листья въ полѣ пожелтѣли“ 265
Заблужденіе купидона. „Однажды женщины“ . . —
Поэтъ. „Когда Рафаэль вдохновенный“ . . . . —
Къ друзьямъ. „Я рожденъ съ душою пылкой“ . —
Къ Пу . . . пу. „Забудь, любезный П . . . нъ“. 266
Къ Д . . . ву. „Я пробѣгалъ страны Россіи“ . —
Портреты:
1. „Онъ не красивъ, онъ не высокъ“.
2. „Довольно толстъ, довольно тученъ“. —
3. „Лукавъ, завистливъ, золъ и страстенъ“ . . . . . —
4. „Все въ мірѣ суета, онъ мнитъ, или отрава“ . . . . . —
5. „Всегда онъ съ улыбкой веселой“. . —
6. „Онъ любимецъ мягкой лѣни“. . . . —
„Вотъ другъ, плоды моей небрежной музы“ (Посвященіе NN. 267
Веселый часъ. „Зачѣмъ вы на меня“ . . . . . —
Эпиграмма. „Дуракъ и старая кокетка—все равно“ . . . . . —
Мадригалъ. „Душа тѣлесна! всѣхъ ты увѣряешь смѣло“ . . . . . —
Романсъ. „Коварной жизнью недовольный“. . . —
Покаяніе. „Я пришла, святой отецъ“ 268
Война. „Затѣялась, друзья мои, война“. . . . —
Пѣсня. „Свѣтлый призракъ дней минувшихъ“ . —
Романсъ. Невинный нѣжною душою“ 269
Къ NN. „Ты не хотѣлъ. Но скоро волю рока“. —
Эпиграммы:
1. „Есть люди странные, которые съ друзьями“ . . . . . —
2. „Тотъ самый человѣкъ пустой“ . . —
3. „Поэтомъ (хоть и это бремя)“. . . —
4. „Амнитъ твой на глупца похо дитъ“. . . . . —
5. „Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ“ . . . . . —
6. „Демонъ, нашъ врачъ, о другѣ прослезился“ . . . . . —
Наполеонъ. „Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокій“ —
Жалоба турка. (Письмо къ другу-иностранцу). . 270
Къ NN*** „Не играй моей тоской“. . . . . —
Черкешенка. „Я видѣлъ васъ, холмы и нивы“ . —
Отвѣтъ. „Кто муки зналъ когда-нибудь“ . . . 271
Грузинская пѣсня. „Жила грузинка молодая“ .
Жена сѣвера. „Покрыта таинствъ легкой сѣткой“ . . . . . —
Къ другу. „Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья“. —
Элегія. „О, если-бъ дни мои текли“ 272
„Забывши волненія жизни мятежной“ . . . . . —

стр.

Къ *** „Глядися чаще въ зеркала“ 272
Ко дню рожденія NN. „Чего тебѣ, мой милый, пожелать“. . . . . —
Къ *** „Мы снова встрѣтились съ тобой“ . . . —
„Когда послѣднее мгновенье“. . . . . —
„Я не для ангеловъ и рая“ . . . . . —
Портретъ. „Взгляни на этотъ ликъ; искусствомъ онъ“ . . . . . —
Силуэтъ. „Есть у меня твой силуетъ“ 273
Павлову. „Какъ васъ зовутъ? Ужель поэтомъ“ . —
Вартеньевой. „Скажи мнѣ, гдѣ переняла“ . . . —
Крапоткиной. „Я оклеветанъ передъ вами“ . . —
Щербатовой. „Повѣрю-ль я, чтобъ вы хотѣли“. —
Сабуровой. „Какъ! вы поэта огорчили“ . . . . —
Уваровой. „Вы мнѣ однажды говорили“ . . . . —
Солнце. „Какъ солнце зимнее прекрасно“ . . . 274
„Я счастливъ: тайный ядъ течетъ въ моей крови“ . . . . . —
Прощанье. „Не уѣзжай, лезгинецъ молодой“ . —
„Она была прекрасна, какъ мечта“ . . . . . —
„Время сердцу биться въ покоѣ“ . . . . . —
„Девятый часъ, ужъ темно“ 275
Къ *** „Я не унижусь предъ тобою“. . . . — —
„Синія горы Кавказа“ 276
„Измученный тоскою и недугомъ“ . . . . . —
Опасеніе. „Страшись любви: она пройдетъ“ . . —
Стансы. „Люблю, когда, борясь съ душою“. . . —
Ночь I. „Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я“. 277
Разлука. „Я виноватъ передъ тобою“ . . . . . —
„Въ старинныя годы жили-были“ 278
Совѣтъ. „Если, другъ, тебѣ сгрустнется“ . . . —
Одиночество. „Какъ страшно жизни сей оковы“ . —
Въ альбомъ. „Прими, хотя и безъ вниманья“ . —
Гроза. „Рветъ гроза, дымятся тучи“ . . . . . —
Звѣзда. „Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда“ . . 279
Вечеръ послѣ дождя. „Гляжу въ окно“ . . . . —
Наполеонъ. „Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотою“. . . . . —
Эпитафія Наполеону. „Да, тѣнь твою никто не поноситъ“ . . . . . —
Къ глупой красавицѣ. „Тобой плѣняться издали“. 280
Очи NN. „Нѣтъ смерти здѣсь!—и сердце вторитъ: нѣтъ“. . . . . —
Кавказу. „Кавказъ! далекая страна“. . . . . —
Утро на Кавказѣ. „Свѣтаетъ. Вьется дикой пеленой“ . . . . . —
„Въ тѣсninѣ Кавказа я знаю скалу“. . . . . —
Стансы. „Я не крушуся о быломъ“ . . . . . —
„Прости, мой другъ!.. Какъ призракъ я лечу“. 281
Челнокъ. „Воетъ вѣтръ и свиститъ предъ недальней грозой“ . . . . . —
(Отрывокъ). „На жизнь надѣяться страшась“. . —
1830 года мая 16 дня. „Боюсь не смерти я, о нѣтъ!“ 282
Въ Воскресенскѣ. II. „Предъ мной готическое зданье“. . . . . —
Парижъ 30 іюля 1830 г. „Ты могъ быть лучшимъ королемъ“. 283
Чума въ Саратовѣ. „Чума явилась въ нашъ предѣлъ“. . . . . —
Чума. „Два человѣка въ этотъ страшный годъ“. —
„Плачь, плачь, Израиля народъ!“ 284
Къ . . . „Не говори,—я трусь, глупецъ“!.. . —
Ночь III. „Темно. Все спитъ“ . . . . . —
Къ . . . „Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ“.
Прости (изъ Байрона). „Прости. Коль могутъ къ небесамъ“. . . . . —

стр.

Кладбище. „Вчера до самой ночи проспѣлъ“ 285
Гость. „Какъ пришлецъ иноплеменный“ . . . . —
Эпитафія (утонувшему игроку). „Кто яму для другихъ копать трудился“ . . . . . —
Дереву. „Давно-ли съ зеленью радушной“ . . . —
Предсказаніе. „Настанетъ годъ, Россіи черный годъ“. 286
„Все тихо. Полная луна“ . . . . . —
Бульваръ. „Съ минуту лишь съ бульвара прибѣжавъ“ . . . . . —
Глупой красавицѣ. „Амуръ спросилъ меня однажды“. 287
„Сыны снѣговъ, сыны славянъ“. (Новгородъ, 13 октября 1830 года). . . . . —
Баллада. „Въ избушкѣ позднею порою“ . . . . —
„Нерѣдко люди и браня“ 288
Романсъ. „Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надежды“. . . . . —
Отрывокъ. „Примѣтивъ юной дѣвы грудь“ . . . —
Баллада (изъ Байрона). „Берегись! берегись! Надъ бургосскимъ путемъ“. . . . . —
„Случалось, съ вихремъ и грозою“ . . . . . —
Пиръ Асмодея (сатира). . . . . —
Поле Бородина. „Всю ночь“ 289
Тройка. „Луна привѣтно такъ сіяла“ 290
Гость. „Кларису юноша любилъ“ . . . . . —
Завѣщаніе (изъ Гете). „Есть мѣсто“ 291
„Сижу я въ комнатѣ старинной“ . . . . . —
Къ Дѣвѣ Небесной. „Когда бы встрѣтилъ я въ раю“. . . . . —
Къ И. И . . . „Я не достоинъ, можетъ быть“. 292
„Прекрасны вы, поля въ землѣ моей родной“ . —
Пѣсня. „Пикуйте друзья“. . . . . —
„Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой“ . . —
„Кто въ утро зимнее, когда валитъ“ . . . . . —
„Ты слишкомъ для невинности мила“ 293
Къ другу. „Забудь опять“. . . . . —
„Пора уснуть послѣднимъ сномъ“. . . . . —
Изъ Паткуля. „Напрасна враговъ ядовитая злоба“. . . . . —
Баллада. „Куда такъ проворно, жидовка молодая“ . . . . . —
Гусаръ. „Гусаръ! ты веселъ и безпечень“ . . . 294
Баллада (съ нѣмецкаго). „Изъ воротъ выѣзжаютъ“. . . . . —
„Я жить хочу! Хочу печали“. . . . . —
(Изъ Петербурга). „Примите дивное посланье“. —
Челнокъ. „По произволу дивной власти“ . . . 295
„Для чего я не родился“ . . . . . —
„Что толку жить“ . . . . . —
„Онъ былъ рожденъ для счастья“ 296
„Когда надеждѣ недоступный„ . . . . . —
„На серебряныя шпоры“ . . . . . —
„Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой“ . . —
А. А. Ѳ . . . ву. „О, ты, котораго зовутъ“. . —
„Росписку просишь ты, гусаръ“. 297
На рожденіе сына у А. А. Лопухина. „Ребенка милаго рожденье“. . . . . —
Волшебные звуки. „Есть рѣчи—значенье“ . . . —
Эпиграмма. О. П. Сенковскому (барону Брамбеусу). „Подъ фирмой иностранной иноземецъ“. . . . . —
И. П. Верзилиной. „Надежда Петровна“ . . . 298
Отрывки:
I. „Лилейной рукой по[illegible]“ . .
II. „На буркѣ подъ тѣнью чи[illegible] .
Баллада. „Югельскій баронъ“ . . . . . —

стр.

Французскія и нѣмецкое стихотворенія Лермонтова.

„Quand je te vois sourire“ 298
„Dir folgen meine Thränen“. 299
„Non, si j'en crois mon espérance“. . . . . —
„Je l'attends dans la plaine sombre“. . . . . —

Стихотворенія Лермонтова, извѣстныя только въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта.

„Kleine Betrachtungen“. (Размышленія). . . . 299
„Kleine Einfälle und Ausfälle“. (Случайныя пьесы и замѣтки). 300

стр.

Неизвѣстное стихотвореніе Лермонтова, сообщенное въ французскомъ переводѣ А. Дюма.

La [illegible] 302

Стихотворенія, приписываемыя Лермонтову.

I. „И ты думаешь, буду я хладень и нѣмъ?“ . 302
II. „Клеймо домашняго позора“. 303
III. „Зачѣмъ душа твоя смирна“ . . . . . —
IV. „И на театрѣ, какъ на сценѣ свѣта“. . . . —

Примѣчанія.

Ленокогиз
МАР 43
Р. 150

150
4314/47

М-92